Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 74

РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

XXXIII год. № 74 Нью-Йорк **2003 г.**

CADET'S ROLLCALL

(Library of Congress Card № 79-642319)

Periodical Magazine
Published by the Association of Russian Cadets
graduated outside of Russia, Inc.,
New York, USA

Редакторы журнала

† П. В. Олферьев (1971-1978)

† Н. В. Козякин (1978-1992)

† А. Б. Иордан (1992-2002)

ISBN 0-9741857-0-1

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал

Издатель:

Ответственный редактор:
Игорь Николаевич Андрушкевич

Администратор:
Юрий Иллиодорович Шидловский

Компьютерная верстка:
Юрий Валерьевич Пазельский
E-mail: yp@adegi.com

Обложка:
Юрий Иллиодорович Шидловский

Адрес редакции:
I. N. Andruskiewitsch,
Casilla de Correo 51,
1653 Villa Ballester, Argentina.
E-mail: kadetpismo@hotmail.com

Адрес администрации и экспедиции:
George E. Schidlovsky,
2 Carman Place, Glen Head, NY 11545, USA
Tel: (001) 516-759-1328. Fax: (001) 516-759-0416.
E-mail: geosffa@i-2000.com

Цена номера:
В США и Западной Европе: $ 15,оо долларов США. В странах с низкой валютой (Канада, Южная Америка, Австралия): $ 8,00.

Переводы делать по адресу администратора, в валюте США.

Отпечатано в мае 2003 года в типографии:
Adegi Press - New York

СОДЕРЖАНИЕ

А. Б. ИОРДАН

ТЕМА ГОДА

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УЧЕНИЯ И ТЕОРИИ

ЗАВЕТЫ И ТРАДИЦИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО

АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ ИОРДАН

(28-го февраля 1923 - †21-го августа 2002)

А. Б. ИОРДАН

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

21-го августа 2002 года скоропостижно скончался наш однокашник-кадет, вице-фельдфебель XXI выпуска Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса, Алексей Борисович Иордан.

Нью-Иоркское Кадетское Объединение выражает искреннее соучастие вдове – Марии Александровне, ее детям и внукам и вместе с ними скорбит о преждевременной кончине Алеши.

Наша кадетская семья потеряла в его лице верного товарища, участвовавшего в жизни и во всех начинаниях Объединения. Начавшиеся сдвиги в России привели зарубежных кадет к убеждению,что кадетские корпуса в России смогут сыграть важную роль в воспитании русской молодежи в духе и традициях исторической России, и приложили все свои усилия в этом направлении. Алеша в этой работе был незаменим, он, можно сказать, ею жил.

После кончины в 1992 году Коли Козякина, долголетнего редактора «Кадетской переклички», Алеша сменил его на этом посту и оставался редактором журнала до самой своей кончины. Эта дополнительная нагрузка отняла у него не мало времени, но он стойко с ней справлялся. Теперь его не стало, и подать команду «Сомкнуть ряды!» стало труднее – ряды редеют...

На собрании Нью-Иоркского Объединения, на ответственную должность редактора «Кадетской переклички» был выдвинут и утвержден (с его согласия) Игорь Андрушкевич. Пожелаем ему успеха на этом посту и поблагодарим за поддержку в трудную минуту!

Выражаем также нашу признательность Юрию Шидловскому за его согласие сохранить за собой нелегкую должность администратора журнала.

Сергей Муравьев,
Председатель Объединения
Кадет Российских Кадетских Корпусов в Нью-Йорке.

АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ ИОРДАН

(28-го февраля 1923 - †21-го августа 2002)

Алексей Борисович Иордан родился в Паличе, Югославия, 28 февраля 1923-го года. Отец Алексея Борисовича, Борис Михайлович Иордан, окончил Пажеский Его Императорского Величества Кадетский корпус и два курса Николаевской военной академии, служил офицером Уланского Его Величества полка, участвовал в Первой Мировой войне. После революции примкнул к Белому движению и эвакуировался в Югославию. Борис Михайлович скончался в США (1956) и похоронен на православном кладбище в Магопаке, штат Нью-Йорк.

Мать Алексея Борисовича, Кира Анатольевна Гудим-Левкович, родилась в Киеве и была фрейлиной Императрицы Александры Федоровны. Во время Первой Мировой войны она работала сестрой милосердия на фронте и получила 4 Георгиевские медали за храбрость. Скончалась в 1929 году в Югославии.

У Алексея Борисовича была сестра, Надежда Борисовна, замужем за доктором Георгием Ю. Боткиным, внуком лейб-медика, доктора Евгения Сергеевича Боткина, погибшего в Екатеринбурге с Царской Семьей.

Алексей Борисович окончил Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский корпус в Белой Церкви, в Югославии. Был вице-фельдфебелем XX1-го выпуска (1940-1941 годы). Его имя было занесено на мраморную доску за отличные успехи. Учился в Белградском университете. С начала Второй Мировой войны его отец и Алексей Борисович служили в «Русском Охранном Корпусе» под командованием генерала Михаила Феодоровича Скородумова в Югославии.

Когда Алексей Борисович перебрался в Париж, однажды, идя по мосту, он увидел тонувшую женщину и бросился ее спасать. За это Алексей Борисович получил медаль и стипендию в лучшую экономическую школу (Ecole des Hautes Estudes Commerciales, "H. E. C."). По окончании школы, Алексей Борисович прибыл в США и учился в New York University, где получил степень магистра экономических наук. В 1958 году женился на Марии Александровне Шишковой. С 1956 года до выхода на пенсию он работал в банке.

У Алексея Борисовича и Марии Александровны родилось четверо детей: Николай (1959 год), Михаил (1962 год), Борис (1966 год) и Екатерина (1967 год). Сегодня у них 11 внуков.

Алексей Борисович был 15 лет казначеем Нью-Йоркского Кадетского объединения. После смерти Н. В. Козякина в 1992 году Алексей Борисович возглавил «Кадетскую перекличку» и стал ее редактором.

С первого кадетского съезда в 1967 году Алексей Борисович присутствовал на всех 17-ти съездах и на многих помогал по мере надобности.

В 1996 году на обще-кадетском съезде в Сан-Франциско было проголосовано устроить следующий, 16 съезд, в 1998 году в России. Устройство этого съезда пало на Нью-Йоркское объединение. Должность главного организатора и председателя этого съезда пали на Алексея Борисовича. На подготовку этого исторического съезда он потратил, с помощью друзей-кадет, целый год почти беспрерывной работы. Ездил три раза в Россию на переговоры. В России он работал совместно с нахимовцами, суворовцами, новыми корпусами и многими людьми, которые много постарались помочь зарубежным кадетам исполнить заветную мечту их родителей и дедов: поднять бокал за Россию на Русской земле. Съезд прошел очень удачно и с большим подъемом.

Алексей Борисович был активным членом приходского совета Свято-Серафимовского прихода в Си-Клифе, Нью-Йорк, и Свято-Сергиевского и Свято-Покровского приходов в Глен Кове, Нью-Йорк. Был пять лет казначеем Восточно-Американской епархии. Был ревизором во многих русских зарубежных организациях. Преподавал 22 года в церковно-приходских школах.

Владимирские конкурсы проводились, после революции, первоначально в русских учебных заведениях в Югославии. После переезда в США Алексей Борисович много лет проводил Владимирские конкурсы в церковно-приходских школах. Когда ученики этих школ перестали писать сочинения на русском языке, Алексей Борисович начал эту работу среди Суворовских, Нахимовских, Кадетских корпусов и в скаутских организациях в России. Алексей Борисович получал из России отобранные сочинения. Лучшие печатались в «Кадетской перекличке», и молодые авторы получали призы в России.

Алексей Борисович принял деятельное участие в организации празднования 50-летия Русской Православной Церкви Заграницей в 1970 году. Был казначеем Организационного комитета. По этому случаю была напечатана обширная Памятка в 123 страницы.

Алексей Борисович также участвовал в прославлении Святых Новомучеников и Исповедников Российских (1981 год) и Святого Иоанна Кронштадтского (1964 год).

В 1988 году Алексей Борисович возглавил празднование 1000-летия Крещения Руси в Нью-Йорке. В этой грандиозной исторической, музыкальной, театральной постановке участвовало множество членов различных организаций, русских артистов и хоров из различных городов зарубежья, членов различных церковных юрисдикций и греков. Постановка была записана на видеопленку.

Как только открылась возможность свободного въезда в Россию, Алексей Борисович перебросил все свои силы и энергию на возрождение Кадетских корпусов в России. Он твердо верил в светлое, великое будущее России.

Алексей Борисович был человек православный и верил в заветы Суворова, что «Без Бога не до порога», что без Божьей помощи ничего хорошего не сделаешь.

У Алеши было две страсти. Он безгранично любил свою семью и Россию. И им он посвятил свою жизнь. Но, несмотря на всю глубину своих убеждений, он очень любил жизнь, был веселый, жизнерадостный и общительный человек.

Скончался всеми любимый Алеша безболезненно, дома, 21-го августа 2002 года.

Вся семья и многочисленные друзья провожали его на отпевании и погребении на кладбище «Ново-Дивеево», при Успенском женском монастыре под Нью-Йорком, 23-го августа 2002 года.

Служил епископ Гавриил (Чемодаков). Сослужили несколько священников, дьяконов и прислужников. Среди клира было два священника, два дьякона и регент, его бывшие ученики по приходской школе.

Среди множества цветов гроб был покрыт русским флагом. У гроба стоял караул кадет и сыновей со знаменем Сумского Кадетского корпуса.

Вечная ему память.

Мария Александровна Иордан
Нью-Йорк, 11-го сентября 2002 года.

Генерал-майор А. А. ДРУКАРЕВ

ПАМЯТИ МОЕГО ДРУГА

Так уж распорядилась судьба, что на протяжении всей 10-летней деятельности Алексея Борисовича Иордана в области возрождения кадетских корпусов в России, оказания им всех видов помощи, в том числе и материальной, во всех поездках по корпусам рядом с ним всегда был автор этих строк. Нас связывала общая цель деятельности и настоящая мужская дружба.

Я считаю своим моральным долгом перед памятью Алексея Борисовича Иордана рассказать нынешнему и будущим поколениям воспитанников Российских кадетских корпусов о его предках, о семье, в которой он родился, и о созданной им семье, в которой он воспитывал своих детей. Это поможет читателю понять ту среду, в которой рос маленький Алеша.

Я постараюсь показать основные вехи жизни этого замечательного человека, воспитанного в русском кадетском корпусе и отдавшего много сил и средств делу воспитания мальчиков и юношей многонациональной России в учебных заведениях старого, традиционного для нашей страны типа. Учебных заведений, которые своей более чем двухсотлетней историей доказали высочайшую эффективность русской военной педагогики и принесли огромную пользу Отечеству.

Родители

Отец Алексея, Борис Михайлович Иордан, родился в г. Двинске Витебской губернии. Как выходец из древней русской семьи, сын генерал-лейтенанта артиллерии Русской Армии и действительного статского советника, служившего в Сенате, Борис Михайлович был зачислен в Пажеский Его Императорского Величества кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Окончив корпус, служил в Гвардии, затем учился в Николаевской академии Генерального Штаба. В чине капитана генштаба в рядах гвардейской кавалерийской дивизии он участвовал в Первой мировой войне.

Мама моего старшего друга, Кира Анатольевна, происходила из старинного российского дворянского рода. В 1911 году она была пожалована во фрейлины Императрицы Александры Федоровны. Движимая любовью к Родине, с началом Первой мировой войны

она добровольно едет на фронт, где за спасение раненых с поля боя становится единственной в Русской Армии сестрой милосердия, удостоенной ЧЕТЫРЕХ георгиевских медалей за храбрость.

На фронте судьба свела Киру Анатольевну и Бориса Михайловича – будущих родителей Алексея Иордана. Позднее они поженились и вместе воевали в рядах Добровольческой армии. После Гражданской войны молодая офицерская семья вынуждена была покинуть Родину и уехать в Сербию, где и поселилась в городе Субботица.

Борис Михайлович стал председателем русской колонии в этом городе и старостой организации «Русский сокол». В 1921 году у них родилась дочь Надежда (в будущем – жена доктора Георгия Юрьевича Боткина, внука лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина, зверски убитого в Екатеринбурге вместе с Царской Семьей).

Алексей Борисович Иордан родился в Югославии, в городке Палич, 28 февраля 1923 года. Шестилетний Алеша в 1929 году осиротел – умерла его мама, Кира Анатольевна.

Когда Алеше пришло время идти в школу, Борис Алексеевич, профессиональный военный, офицер Гвардии, без колебаний отдал сына в 1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус (1-й РВКККК), расположенный в небольшом сербском городе Белая Церковь.

Алексей Иордан – кадет

Работая над этой статьей, я руководствовался только документами, рассказами членов семьи Алексея и личными наблюдениями. История оставила мало материалов о пребывании кадета Иордана в корпусе, и посему этот раздел будет очень кратким.

Сам Алексей Борисович не раз говорил, что всем, чего достиг в жизни, он обязан своей семье и ***кадетскому корпусу***. О семье мы уже говорили. Значит, теперь – о корпусе.

1-й Русский кадетский корпус в Сербии как наше национальное военно-учебное заведение закрытого типа заслуживает много хвалебных слов. И прежде всего – за величайшую эффективность в воспитании мальчиков. Вопреки огромным трудностям, вызванным событиями Гражданской войны и пребыванием корпуса на чужбине в тяжелом материальном положении, 1-й

РВКККК вырастил около 1000 добродетельных россиян, многие из которых в будущем заняли видное место в области экономики, науки и искусства зарубежных, к сожалению, стран. В Корпусе всегда господствовали духовные ценности, и на этой основе, а также в результате блестяще организованной работы корпусного персонала кадеты получали высокое нравственное, интеллектуальное и физическое развитие, у них формировались характеры настоящих представителей российского христолюбивого воинства.

Особо важное место, можно сказать, первостепенное, в процессе воспитания кадет принадлежало церкви, и даже весь уклад жизни корпуса покоился на православном календаре. Религиозное воспитание, достигая глубины кадетских сердец, прививало не только любовь к Богу, но и любовь к великой России. (Здесь будет кстати заметить, что из числа воспитанников зарубежных Российских корпусов – Донского, Крымского и 1-го Русского – вышли пять архиереев и много священнослужителей Русской Православной Церкви Заграницей.)

Основные положения системы воспитания были изложены в «ЗАПОВЕДЯХ ТОВАРИЩЕСТВА» и в «ЗАВЕТАХ» директора Корпуса генерала Б. В. Адамовича. Хорошо подготовленные кадры офицеров-воспитателей (в большинстве – бывших царских кадет) и учителей, применение передовых методов воспитания и обучения, четко организованное взаимодействие между системами того и другого, самоотверженность тех, кто в тяжелейшей обстановке сохранили и сами корпуса, и весь уклад их жизнедеятельности – все это создавало ту благоприятную для формирования нравственной личности обстановку, в которой рос и мужал со своими товарищами кадет Алексей Иордан.

Приводимый ниже единственный документ, который удалось разыскать в Центральном военно-историческом архиве его сотруднику В. М. Шабанову, красноречиво свидетельствует о нравственных и деловых качествах кадета Иордана А.Б.

→

Выписка из журнала
365-го заседания Педагогического Комитета
ПЕРВОГО РУССКОГО Великого Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА Кадетского корпуса
7 октября 1940 года.

Председательствует Директор Корпуса Генерал-майор ПОПОВ.
Отсутствует преподаватель Боголюбов.

I.

Директор Корпуса оглашает предписание Г. Заведующего Учебными Заведениями от 30 сентября 1936 г. за № 56116 и «Положение о премии Имени БЛАЖЕННОПОЧИВШЕГО КОРОЛЯ-ВИТЯЗЯ АЛЕКСАНДРА I ОБЪЕДИНИТЕЛЯ».

Комитет приступает к избранию кандидата на означенную премию и останавливается на обсуждении кандидатуры старшего кадета VIII класса вице-унтер-офицера Иордана Алексея.

Оглашается характеристика вице-унтер-офицера Иордана:

«Родился 28 февраля н.с. 1923 года в г. Паличе, около Субботицы.

Вероисповедания православного. Отец – полковник Генерального Штаба Борис Михайлович Иордан, служит в штабе Погисской дивизийской области в Новом Саду. Мать умерла.

Духовное развитие выше возраста. Способности и память очень хорошие. Трудолюбивый, старательный, вдумчивый, начитанный, обладает недурным литературным слогом. В прошлом учебном году удостоен премии за конкурсное сочинение по случаю двадцатилетия существования Корпуса на тему «Наш Корпус».

К прочитанному относится вдумчиво, часто высказывает свое мнение, нередко очень оригинальное. К проходимому курсу отношение сознательное, выделяет то, что, по его мнению, может быть более необходимым в дальнейшем. Вообще ум живой, нешаблонный.

Во все время прохождения курса Корпуса учился с оценкой «врло добро», имея в среднем более 4 баллов. Мог бы учиться еще лучше, но на него как на кадета надежного во всех отношениях возлагались различные обязанности – помощника

воспитателя в младших классах, старшего в классе и, наконец, исполнение обязанностей фельдфебеля роты Его Высочества.

Добросовестное, сознательное исполнение возлагаемых на него обязанностей, естественно, отнимало и отнимает много времени, вследствие чего он не имел возможности полностью развернуть свои способности в учебном деле, хотя всегда относился к нему внимательно.

В моральном отношении юноша также выдающийся. Прямой, правдивый, честный, откровенный, открытый. Даже в мелочах никогда не скажет неправды; неправда у других приводит его в искреннее негодование.

Обладает большой, твердой волей, подчиняет себе товарищескую массу, влияет на нее очень хорошо. Открыто высказывает свои взгляды и убеждения, так же открыто порицает дурное, называя скверные поступки своими именами. Несмотря на это, товарищами очень любим.

Возложенные на него обязанности фельдфебеля роты несет с достоинством, выдержкой и большим тактом.

Получив дома прекрасное воспитание, держит себя безупречно по отношению к старшим и в отношениях с товарищами, проявляя в этом случае необходимый такт.

Как фельдфебель один из лучших фельдфебелей за все время существования Корпуса.

Скромен, несколько застенчив, стыдлив.

К отцу, бабушке и сестре, с которыми проводит жизнь вне Корпуса, очень привязан, проявляет к ним нежную любовь и внимание.

К Корпусу очень привязан, дорожит его репутацией; каждый проступок товарищей, могущий повредить репутации родного Корпуса, вызывает в нем глубокое возмущение. Любовь к Корпусу не показная, а глубоко живущая в его душе и сознании.

Именем русского дорожит, гордится своим православием, считая свою религию национальной, русской.

Будучи серьезным, вдумчивым кадетом, очень любит спорт и подвижные игры, умело сочетает дело и развлечения.

Физически здоровый, крепкий, цветущий; очень большого роста, самый высокий в Корпусе.

Во всех отношениях юноша прекрасный, а в отношении моральных качеств исключительно прекрасный».

Комитет единогласно п о с т а н о в и л:

представить вице-унтер-офицера Иордана Алексея кандидатом на премию Имени ***БЛАЖЕННОПОЧИВШЕГО КОРОЛЯ-ВИТЯЗЯ АЛЕКСАНДРА I ОБЪЕДИНИТЕЛЯ.***

Подлинный подписали: Директор Корпуса Генерал-Майор ПОПОВ.

За секретаря Комитета Вл. Кожин
и все Члены Комитета.

Воспитатели в кадетском корпусе:

Из 38 кадет XXI выпуска, закончивших VIII класс 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса 28 июня 1941 года, именно Алексей Борисович Иордан был единственным, кто был удостоен чина вице-фельдфебеля. Это свидетельствует о том, что уже в то время он был ЛИДЕРОМ, признанным и командованием, и одноклассниками.

Во Франции

После скитаний по послевоенной Европе Алексей оказался в Швейцарии, куда его пригласила Надежда Федоровна Муравьева-Апостол. Оттуда он переезжает во Францию: во-первых, потому, что в Корпусе учил французский язык, а во-вторых – там жила его крестная мать, супруга генерала Драгомирова.

Однажды, идя с работы, Алексей на мосту через р. Сену увидел толпу, наблюдавшую за тонущей женщиной. Алексей, не раздумывая, прыгнул в воду и, несмотря на сопротивление тонувшей (оказалось, из-за несчастной любви), спас ей жизнь. Парижане, узнав, что женщина не знакома с молодым русским, были покорены его благородством, и история попала в газеты. Алексея наградили медалью Карнеги и дали стипендию Высшего экономического училища, что было, можно сказать, «манной небесной» для бедного эмигранта. Училище он успешно окончил за 3 года.

В 1956 году произошло событие, которое определило весь ход его дальнейшей жизни – он познакомился с Машей Шишковой, двоюродной сестрой кадета Русского Версальского кадетского корпуса Андрея Шмемана, которая свое детство тоже провела в Югославии.

В Соединенных Штатах

После 6 лет пребывания во Франции, уже с трехлетним опытом работы банковского служащего, Алексей переезжает в США, где ранее обосновался его отец. Начинается важнейший период его жизни – период возмужания и зрелости. В США не признавались дипломы европейских вузов, и он, работая в банке, поступает учиться в Нью-Йоркский университет, где получает степень магистра экономических наук.

В США Алексей Иордан принимает активное участие в жизни русской общины: в свободное от работы время в течение 22 лет преподает (по субботам) в церковно-приходских школах русский язык, историю, географию, Закон Божий и литературу; является активным членом приходского совета Свято-Серафимовского прихода в Си Клифе и Свято-Сергиевского и Свято-Покровского приходов в Глен Кове. 5 лет он был казначеем Восточно-Американской епархии Русской Православной Церкви Заграницей и – тоже как казначей организационного комитета – принимал деятельное участие в подготовке празднования ее 50-летия. В 1988 году возглавлял в Нью-Йорке подготовку к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Кроме того, до конца дней своих Алексей Борисович пел в церковном хоре. Он был православный человек и глубоко преданный заветам А.В. Суворова русский кадет. Потому-то так часто и повторял: «Без Бога – ни до порога» или «Без Божией помощи ничего путного не сделать».

И, безусловно, самое активное участие Алексей принимает в жизни Объединения кадет Российских кадетских корпусов: в течение 15 лет он – бессменный казначей Нью-Йоркского объединения, его вице-председатель, с 1992 года - главный редактор и издатель журнала «Кадетская перекличка».

Мария Александровна

В 1958 году в США Алексей Иордан сочетался браком с Марией Александровной Шишковой. Она принадлежит старинному дворянскому роду, ее предками были Андрей Тимофеевич Болотов (известный российский писатель, ученый-энциклопедист, естествоиспытатель), Николай Петрович Шишков (участник Отечественной войны 1812 года), Александр Семенович Шишков (адмирал, статс-секретарь Императора Александра I).

Вот что говорил сам Алексей Борисович о своей жене: «Она

воспитана в русском духе, верит в Бога и исключительно добрый человек… Она воспитала четырех детей, все они говорят по-русски, все верующие и все занимают ответственные должности». И почему-то не сказал, что на руках у Марии Александровны в доме, кроме четверых детей, были еще три старых и беспомощных человека – парализованный отец Алексея, ослепшая мачеха и Александр Тихонович Шишков, отец Марии Александровны, за 20 лет до своей кончины разбитый параличом.

Мария Александровна Иордан была и остается великой оптимисткой. «Физически было очень тяжело, – вспоминает она. – Но у нас такая семья: все обычно любят пошутить, и никто ни на что не жалуется. Я думаю, и для детей это было важно: они видели, что жизнь оборачивается разными своими сторонами, что есть и болезни, и страдания. Но если ко всему относиться правильно, это все можно пережить. Трудности забываются, в памяти остается только хорошее. Оглядываясь назад, я не нахожу ничего, что надо бы было заменить…»

Она, блестяще воспитав своих детей, не считает возможным вмешиваться в воспитание внуков: «Это не моя ответственность. Мое дело –сказать, их родительское дело – сделать. Или не сделать. Каждая семья – это свой сплав из характеров родителей. Лучше не вмешиваться»

Эта самоотверженная женщина, несмотря ни на что, нашла силы и время окончить гимназию и университет, заниматься скаутским воспитанием детей русских эмигрантов и помогать мужу в его общественной деятельности. Не будем забывать, что Алексей Борисович 22 года подряд, каждую субботу, безвозмездно, на общественных началах преподавал в церковноприходских школах, и это его подвижничество требовало ее участия. Мария Александровна освоила компьютер, научилась пользоваться электронной почтой, работать в интернете. Она свободно владеет несколькими языками, прекрасно знает историю России, она великолепный собеседник – во всем этом автор имел удовольствие убедиться в ходе многочисленных встреч, бесед, посещении музеев, кадетских корпусов. Теперь становятся понятными и объяснимыми все успехи и достижения Алексея Иордана во всех областях его деятельности – у него, как говорят в России, был очень прочный тыл: ведь почти 45 лет рядом с ним шла по жизни замечательная женщина – Мария Александровна Иордан.

Дети

Старая русская поговорка гласит «Яблоко от яблони недалеко падает». Всей своей жизнью семья Алексея Борисовича и Марии Александровны подтвердила всю истинность этого народного присловья.

У них три сына, дочь и одиннадцать внуков. Старший сын Николай живет в Лондоне, женат на Анне Николаевне, урожденной княжне Урусовой. Они имеют двоих детей: дочь Александру и сына Филиппа. Другой сын – Михаил, живет в Нью-Джерси, в США. Он женат на Екатерине Кирилловне Запорожан. У них тоже двое детей: сын Андрей и дочь Кира. Третий сын, Борис, имеет четверых детей: Марину, Алексея, Петра и Павла. Их ему родила жена Елизавета Алексеевна, в девичестве Терентьева. Семья Бориса уже 10 лет живет в Москве. Самый младший ребенок в семье А. Б. Иордана - дочь Екатерина. Она родила Алеше трех внуков: Анну, Александра и Ксению. Катя замужем за Георгием Шидловским. Они живут в Москве. Все сыновья женаты на женщинах из русских семей, а дочь Катя замужем за сыном кадета русского кадетского корпуса. Все сыновья и их жены, дочь и ее муж – люди православные и прекрасно говорят по-русски.

Иорданы и возрождение кадетских корпусов в России

Все, что написано выше, должно сделать понятной и объяснимой простую и вечную истину – только в здоровой семье, при мудром главе ее и правильно поставленном нравственном воспитании могут вырасти настоящие сыны Отечества, готовые без пафосного шума трудиться на благо его.

Впервые я встретился с Алексеем Борисовичем Иорданом в 1992 году, когда большая группа кадет Зарубежья по соглашению с суворовцами Москвы посетила Россию. Та встреча оставила неизгладимый след в наших душах, в наших взглядах, в наших знаниях истории вообще и истории кадетских корпусов России в частности.

Эта встреча старых кадет, суворовцев и нахимовцев длилась без малого целый месяц. В ежедневном, с утра до позднего вечера общении мы излагали свои взгляды на все стороны истории нашего Отечества и на далеко не простые процессы политической и общественной жизни современной России. Причем, ценность этого общения заключалась в ОТКРОВЕННОСТИ, ЧЕСТНОСТИ

и ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ высказываний, хотя в них было и немало критики. А ведь встречались люди, воспитанные в разных мирах, в странах с различным политическим и государственным устройством. Одни (рожденные на чужбине) были лишены возможности расти и жить на земле своих отцов, другие - в полном объеме, без купюр, изучать историю государства Российского и получать православно-нравственное воспитание. На первый взгляд, нас почти все разъединяло. Но любовь к России была общим чувством, и это обстоятельство стало преобладающим. Раздумья о будущем России отвели все разногласия на второй план, и главным результатом встречи стала реальная разработка посильной для реализации программы возрождения кадетских корпусов в России. Именно эта встреча кадет, суворовцев и нахимовцев в 1992 году стала исторической вехой в развитии у нас целой сети кадетских учебных заведений. На момент встречи в России (1992 г.) было только ДВА кадетских корпуса - ныне, спустя 10 лет, их количество приближается к ПЯТИДЕСЯТИ.

Российские кадеты из-за рубежа поразили нас своими деловыми и человеческими качествами: огромной любовью к России и озабоченностью за ее будущее, доброжелательностью и щедростью души, прекрасным русским языком и глубоким знанием отечественной истории, неброской религиозностью и верностью кадетским традициям, интеллигентностью и молодым, лихим задором, развитым чувством товарищества и готовностью к взаимовыручке. Они все были удивительно добрыми и доверчивыми людьми!

Достаточно привести только один пример. При окончательном подсчете расходов выяснилось, что из той суммы денег, которая была выделена зарубежными кадетами для организации нашей встречи, чуть более десяти тысяч долларов оказалось в остатке.

И наши гости единогласно решили передать эти деньги Московскому Суворовско-Нахимовскому Содружеству без каких-либо условий их использования. Но мы, разумеется, понимали: в душе у них живет большая надежда, что деньги эти будут потрачены с пользой для общего дела. И мы приняли единственно правильное решение: на деньги наших новых друзей в 1993 году был создан 1-й Московский Великого Князя Дмитрия Донского кадетский корпус, который в 2003 году будет отмечать свое 10-летие.

Однако среди всех русских кадет, приехавших к нам из-за

рубежа, была группа особенно активных и деятельных. Чтобы никого не обидеть, назову их в алфавитном порядке: Александр Алферов (Донской Императора Александра III кадетский корпус), Игорь Андрушкевич (1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус), Владимир Бодиско (Крымский кадетский корпус), Георгий Волков (Донской и 1-й Русский кадетские корпуса), Петр Величко, Алексей Ермаков, Владимир Змунчилло, Алексей Иордан, Алексей Истомин, Игорь Козлов, Валентин Мантулин, Вадим Мозговой, Сергей Муравьев (все – 1-го Русского кадетского корпуса), братья, Сергей и Константин, Синькевичи (оба – Крымского кадетского корпуса). К ним нужно причислить и Глеба Сперанского (Крымского и 1-го Русского кадетских корпусов), который, хотя так и не смог побывать в России, тоже успел сделать для возрождения кадетского воспитания у нас очень много. Тогда, в 92-ом, и после, неоднократно приезжая на российскую землю, они не жалели сил, чтобы, пусть даже в малом, помочь корпусам становиться на ноги.

Будет справедливо отметить, что бесспорным лидером в этой группе был Алексей Борисович Йордан. Он приезжал в Россию чаще других (пребывая здесь по 2 – 3 месяца ежегодно) и в ходе каждой поездки посещал 2 – 4 кадетских корпуса. Ясно, что большинство корпусных директоров и офицеров знали его и, откровенно говоря, всегда надеялись на его помощь.

Период с 1992 по 1994 год для А. Б. Иордана был заполнен поездками в Новочеркасск, Воронеж, Новосибирск, Москву, Петербург и Краснодар, где он не просто изучает состояние дел в кадетских корпусах, но и учит их педагогический персонал организовывать повседневную жизнь кадет, учебный и воспитательный процесс. Эта помощь для людей, не имеющих опыта работы в кадетских корпусах, была очень своевременной и неоценимой. Он имел широкий круг знакомств среди деятелей православной церкви, ученых, журналистов, писателей и его отличительной чертой было неукротимое желание всем и немедленно оказать помощь.

С 1994 года начался период активной спонсорской деятельности Алексея Борисовича. Самое главное: возрождение кадетских корпусов в России стало делом не только самого кадета Иордана, но и всей его дружной семьи. Надо сказать, что Алексей не был богатым человеком, но рядом с ним по жизни шли его

дети, которые помогали отцу во всем. Уже в 1995 году младший из сыновей, Борис, начал оказывать материальную помощь большой группе кадетских корпусов на юге и на востоке России.

Человек, безусловно, талантливый и энергичный, Борис Алексеевич быстро поставил свой бизнес в России. Однако огромная любовь и огромное уважение к родителям заставили его посмотреть на свое дело и с другой стороны. Во всем разделяя их воззрения на роль воспитания молодого поколения в будущем страны, младший Иордан подхватил спонсорскую деятельность отца и сразу выдвинулся как главный организатор финансовой основы материальной помощи кадетским корпусам. Вот неполный перечень тех сумм (в американских долларах), которые были выделены им для благого дела:

- дважды по 50 тысяч для пяти корпусов юга России;
- 100 тысяч для создаваемых корпусов Красноярского края;
- 30 тысяч для реставрации главного входа и купола со шпилем исторического здания Санкт-Петербургского Нахимовского военно-морского училища;
- 100 тысяч на восстановление Благовещенской усыпальницы Александро-Невской Лавры и могилы великого русского полководца генералиссимуса Александра Васильевича Суворова в ней;
- 10 тысяч для закупки военно-патриотической литературы и формирования библиотечек для кадетских корпусов.

Были и другие благотворительные акции, но, к сожалению, недоставало опыта их проведения. К тому же число корпусов быстро росло, а системы в работе с ними не существовало. Как технический исполнитель отправки спонсорских средств в кадетские учебные заведения, как непосредственный свидетель ее я могу сказать, что помощь отца и сына Иорданов кадетским корпусам носила на первых порах « несправедливый» и неплановый характер.

Для упорядочения этой помощи в декабре 1999 года Борис Алексеевич Иордан учреждает ФОНД СОДЕЙСТВИЯ КАДЕТСКИМ КОРПУСАМ. В попечительский совет Фонда вошли видные политические и общественные деятели страны и представители кадетских организаций Русского Зарубежья:

1. Иордан Борис Алексеевич, президент, председатель совета, учредитель Фонда;
2. Лебедь Александр Иванович, генерал-лейтенант, губернатор Красноярского края;

3. Яковлев Владимир Анатольевич, губернатор Санкт-Петербурга;

4. Позгалев Вячеслав Евгеньевич, губернатор Вологодской области;

5. Михалков Никита Сергеевич, президент Российского Фонда культуры;

6. Иордан Алексей Борисович, председатель ревизионной комиссии Фонда, издатель и редактор журнала «Кадетская перекличка», вице-председатель Нью-Йоркского объединения кадет Российских кадетских корпусов;

7. Спиваков Владимир Теодорович, президент Международного благотворительного фонда, главный дирижер Российского национального оркестра;

8. Котелкин Александр Иванович, генерал-майор, учредитель фонда «Связь поколений»;

9. Андрушкевич Игорь Николаевич, историк, профессор, председатель Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Аргентине;

10. Бордюг Николай Вольдемарович, директор Сибирского кадетского корпуса;

11. Друкарев Анатолий Александрович, генерал-майор, председатель Московского Суворовско-Нахимовского Содружества.

В качестве сотрудницы в Фонде работает и младшая сестра Бориса Алексеевича – Екатерина Алексеевна.

Создание Фонда позволило привести всю организацию помощи кадетским корпусам Российской Федерации в стройную систему, позволившую ПЛАНИРОВАТЬ размеры помощи, определять формы и сроки ее оказания. По-видимому, вся деятельность Московского объединения суворовцев и нахимовцев по возрождению кадетских корпусов (в Москве их к этому времени стало уже четыре) оценивалась Алексеем Борисовичем Иорданом и его сыном Борисом, учредителем Фонда, достаточно высоко, и в силу этого обстоятельства управляющим директором Фонда стал председатель Московского Суворовско-Нахимовского Содружества.

Фонд начал свою деятельность в декабре 1999 года. Его годовой бюджет равен сумме, которую тратит государство на полное содержание 105 кадет в течение одного года. Фонд является единственной в России благотворительной организацией,

которая ЕЖЕГОДНО оказывает материальную помощь ОДНОВРЕМЕННО 30 – 40 кадетским корпусам Российской Федерации.

Алексей Борисович Иордан постоянно был осведомлен обо всей деятельности Фонда с момента его создания. Любые акции, проводимые Фондом, претворялись в жизнь только после всестороннего изучения и обсуждения с президентом, а чаще всего, из-за огромной его занятости, с Алексеем Борисовичем. Во время своих приездов в Москву, а они имели место 2 – 4 раза ежегодно, он в качестве председателя ревизионной комиссии и члена попечительского совета дотошно проверял всю документацию Фонда (вспомним, что А. Б. Иордан почти всю жизнь проработал аудитором).

Яркую страницу в свою биографию и в историю кадетских объединений вписал Алексей Борисович в 1998 году, лично организовав проведение впервые в России (С.-Петербург и Москва) очередного, XVI Общекадетского съезда: по поручению Нью-Йоркского объединения именно он занимался всеми вопросами, связанными с оформлением виз на въезд в Россию, встречей участников, подготовкой залов к заседаниям, организацией досуга, питания и другими делами, среди которых было неимоверное количество «мелочей». К тому же, А. Б. Иордан руководил съездом как его председатель.

Огромное удовлетворение Алексей Борисович получал от посещения кадетских корпусов, хотя каждое такое посещение – это большая физическая нагрузка, тем более для человека в возрасте, приближающемся к 80-летнему рубежу, и с мучительной болезнью коленных суставов. Он жил общением с кадетами и корпусными педагогами, в этом общении видел смысл своей деятельности. В корпусах этот человек просто преображался: его глаза блестели, он молодел на глазах, становился бодрым, подвижным, веселым и особенно добродушным. Ни в одном кадетском корпусе нет лифтов, однако он осматривал все этажи, а, выступая перед кадетами, офицерами и преподавателями, никогда не позволял себе сидеть. Всем своим внешним видом, манерой одеваться, выступать, вести беседу, строгим соблюдением правил русского языка старый кадет подавал всем пример для подражания.

Посещения корпусов не носили характера неких проверок – большая часть времени уделялась обучению всех категорий корпусного персонала. Делалось это без каких-либо нравоучений

и не «вообще» – учил только тому, что сам хорошо знал и умел. А знал Алексей Борисович много!

Он очень внимательно вникал в нужды корпусов, и я всякий раз после заслушивания директора уже ожидал обычного обращения ко мне: «Дорогой, им надо помочь!» Желание А. Б. всем помогать, его доброта не знали границ. Мы посетили более 20 кадетских корпусов, одну треть из них – дважды. И везде – помощь, помощь и помощь. Как словом, так и делом.

Будучи глубоко верующим человеком, Алексей Борисович всегда ставил перед командованием корпусов вопрос о необходимости религиозного воспитания кадет и в этом был очень принципиален. Он не считал настоящим кадетским корпусом тот, в котором не было священника, где не изучали Закона Божиего или историю Православия.

Понимая, что одни кадетские корпуса проблему воспитания молодежи не решат, А. Б. Иордан распространяет свое благотворное влияние и на другие общеобразовательные учебные заведения в России. В частности, ему принадлежит счастливая идея привлечь к участию во Владимирском конкурсе на лучшее сочинение по отечественной истории не только кадет, но и воспитанников обычных школ, гимназий, Нахимовского и Суворовских училищ. Лучшие работы он публиковал в «Кадетской перекличке», а их авторы получали ценные подарки и грамоты.

Перечень благих дел Алексея Борисовича безграничен. Статья эта касается лишь той части благотворительности, что относится к кадетским корпусам. А были еще акции помощи церкви, приютам для детей и для больных, организациям Русских Юных Разведчиков, гранты для историков и архивистов. Но все это – предмет для рассмотрения уже в других сочинениях и другими авторами. Я же скажу в заключение лишь то, что в корпусах Алексея Борисовича Иордана помнят. А чтобы знали и помнили следующие поколения кадет, создают классы, аудитории его имени, а в музеях – экспозиции о его жизни и деятельности. Даст Бог, дело, которое сделал мой покойный друг, пребудет до скончания века.

ПАМЯТИ А. Б. ИОРДАНА

Дорогие братья-кадеты. Я потерял друга, наставника, старшего брата.

И к вам обращаюсь я в дни скорби. Ушел из жизни Алексей Борисович Иордан. Как солдат, пал он на боевом посту, возглавляя последнее десятилетие журнал «Кадетская перекличка». Это знамя кадетского единства принял он из рук Николая Васильевича Козякина. Задуманный вначале как историко-литературный журнал, по настоянию Николая Васильевича превратился он в **орган политической национально-исторической мысли**. Алексей Борисович, подхватив знамя, продолжил идейную направленность журнала, представляя на его страницах русскую национальную мысль, защищая русскую правду.

Отцы Ваши отстаивали идеи Белого движения. Ваше поколение, получив в кадетских корпусах русское национальное образование, освященное духом Православия, сохраняли и приумножали это духовное наследие в течение более семи десятков лет. Без Вас, без Вашего духовного единства и сплоченности в рядах воинской организации русская эмиграция выглядела бы иначе. И некому было бы донести свечу до России. Духовные ценности и историческую преемственность – то, что называем мы душой нации, - журнал донес как эстафету до родных пределов. «Кадетская перекличка» мыслилась первоначально как перекличка воинов в строю на вечерней поверке. Сегодня она стала перекличкой двух станов нашей общей родины.

И нынешняя задача журнала, как понимал ее Редактор, - быть со своим народом, быть им принятым и понятым. Многонациональной кадетской семьей быть полезными России, попрежнему служить ей, ее возрождению и процветанию.

В далеком теперь 1967 году на 1 съезде зарубежных кадет в Монреале Сводной ротой командовал вице-фельдфебель XXI выпуска Алексей Иордан. Съезд этот важен тем, что впервые собрал воедино «рассеянных, но не расторгнутых».

В 1998 году (сколько лет об этом мечталось!) впервые съезд ОК РКК – шестнадцатый по порядку – состоялся на земле «отчич и дедич». Организатором и Председателем президиума его был Алексей Борисович Иордан. Значение этого съезда непреходяще: он принес и утвердил на родной земле – после долгих лет ожида-

ний и надежд – заветные идеи Ваших отцов. Немеркнущий пламень души Вы донесли до пределов отчизны и зажгли мириады новых светильников. Мечта В. Н. Мантулина о воссоздании русского кадетского корпуса в Америке сменилась общей надеждой на восстановление кадетских корпусов в России. В итоге – сегодня десятки возникших кадетских корпусов, кадетских школ, кадетских классов, тысячи юношей в кадетских погонах. Это будут новые люди – государственники, носители национальной идеи. Это будущие строители новой России. Они залог того, что к прошлому нет возврата, что процесс возрождения России необратим. Громадный труд и заслуга в том всех наших старших братьев-кадет, и Алексея Борисовича в том числе.

Не было года, чтобы, обремененный летами и недугами, он не приезжал в Россию. Посещая кадетские корпуса от Новосибирска – через всю страну до Воронежа, Ростова и Новочеркасска, постоянно стремился Алексей Борисович к общению с молодежью, так как считал, что личные встречи – лучший способ ее воспитания. Именно эти встречи давали ему возможность восстановить прерванную историческую связь времен. Увлекающийся человек, Алексей Борисович отдавался делу всей душою. Видя открытость и доброжелательность старшего товарища, юноши толпой обступали гостя, жадно внимали его словам. Господин Старший кадет выступал перед ними как апостол ВЕРЫ, ДОЛГА, ЧЕСТИ.

Немалый педагогический и организаторский талант проявил Алексей Борисович в патриотическом воспитании молодежи, много лет проводя Владимирский историко-литературный конкурс среди учащихся школ и кадетских корпусов России. Алексей Борисович самоотверженно и бескорыстно служил Родине, «БО БЕ АЛЕКСИЙ МИЛОСТИВ И ЩЕДР И ДАРОВИТ». Многолетнее служение русскому делу имело разнообразные формы.

Это деятельное участие в благотворительной акции помощи суворовцам (1993).

Это серьезный вклад в реставрацию музея А. В. Суворова и Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры, где покоится прах Генералиссимуса российских войск.

Это ремонтные работы в Нахимовском училище и возвращение к новой жизни Мальтийской капеллы и церкви Св. Иоанна Предтечи в б. Е. И. В. Пажеском корпусе.

Наконец, учреждение Фонда содействия возрождающимся кадетским корпусам, который возник тоже не без участия Алексея Борисовича. Проникнутый глубоким беспокойством о судьбе Константиновского дворца в Стрельне и мыслью об увековечении памяти «Отца всех кадет», Алексей Борисович настоятельно говорил об этом в кабинетах больших начальников. Стремление познакомиться с духовной жизнью Петербурга, с его интеллигенцией имело результатом создание Общества ревнителей памяти Великого Князя Константина Константиновича – «Константиновские досуги». Возникшее при внимательном и заинтересованном соучастии Алексея Борисовича, общество почитало его своим Почетным членом-основателем. Неоднократно присутствуя на наших заседаниях, особенно поощрял он привлечение суворовцев и кадет к нашей культурно-просветительной работе. Человек щедрой души, широкой русской натуры – он оставил глубокий, благодарный след в памяти всех членов Общества.

Забота о сохранении культурного наследия России побудила Алексея Борисовича передать в дар на государственное хранение из семейного архива 150 писем последнего лейб-медика доктора Е. С. Боткина и большой комплект документов трех гвардейских полков, а Русскому музею был подарен «Портрет Драгомировой» кисти И. Е. Репина.

В 20-х числах мая 2002 года проходил в северной столице фестиваль «Петербургские кадеты», в котором участвовало семь кадетских корпусов и столько же кадетских классов.

По программе центральным событием праздника явился гала-концерт, устроенный в громадном зале, что на Греческом проспекте. Когда объявили, что среди присутствующих находится представитель зарубежных кадет, Вице-председатель Нью-Йоркского Объединения Алексей Борисович Иордан, - весь зал встал и аплодисментами приветствовал высокого гостя. Освещенный ярким светом юпитеров, стоял он в центре огромного зала, почти заваленный цветами. Зал гремел овациями. Аплодировали суворовцы, нахимовцы, кадеты – военная молодежь, которая хорошо знакома с 12 заповедями Великого Князя Константина Константиновича, которая уже не раз встречалась с господами Старшими кадетами, которая – посещая заседания «Константиновских досугов» - не понаслышке знала о существовании Крымского, Донского, 1-го Русского кадетских

корпусов, короля Александра I, Е. В. Веры Константиновны, князя Олега, Королевы эллинов.

Это чествование было зримым торжеством кадетской идеи. В лице Алексея Борисовича юноши в погонах воздавали почести всем Вам, дорогие мои братья-кадеты. Событие это и есть оправдание Вашей жизни, дела Вашего поколения, что до заката бережно несло Божий огонь. Наследник известных фамилий Половцевых, Гудим-Левковичей, Драгомировых, Олферьевых – Алексей Борисович олицетворял собою ту Россию, которую мы потеряли. Вместе с тем он был воплощением живой с нею связи. С достоинством прошел Алексей Борисович свой жизненный путь как кадет, как сын камер-пажа, как верный сын России. Служение добру и истине, исповедание высоких и благородных идеалов сопровождали его всю жизнь. «С РАДОСТЬЮ СОВЕРШАЛ ОН ПОПРИЩЕ СВОЕ И СЛУЖЕНИЕ». Всей жизнью воплощал он свое кредо: «Служу России. Отвечаю Богу!»

Великий труженик, патриот своего Отечества, Алексей Борисович – крупная личность не только в кадетской среде и кадетской работе, но и общественной жизни нынешней России.

Мы скорбим по благоверном болярине-воине Алексии вместе с однокашниками его, вместе со всей кадетской семьей.

Низкий поклон Его светлой душе. Честь Ему и хвала! Покой Ему вечный и вечная Память!

С дружиной Его верною - милой Марией Александровной, детьми и внуками соболезнуем и печалуемся вместе, безутешные в горе.

Жизнь гаснет. Дух неугасим!
Он не хоронится в могилах,
От павших он идет к живым.

Эржан Юсупов
Санкт-Петербург

Председателю Нью-Йоркского Объединения Российских Кадетских корпусов за рубежом Муравьеву С. А.

Уважаемый Сергей Александрович!

Уважаемые старшие кадеты!

Сегодня пришла печальная весть о кончине Алексея Борисовича Иордана. Смерть вырвала из кадетской семьи еще одного ее члена.

Алексей Борисович внес огромный вклад в дело восстановления Кадетских корпусов в России. Кадеты нашего корпуса воспитывались на его примере. Алексей Борисович с каждым приездом к нам нес воспитанникам корпуса славные заветы русских кадет. Его смерть – большая потеря для всех кадет нашего корпуса и других корпусов, где Алексей Борисович был частым гостем.

От имени командования, воспитателей, преподавателей и кадет Воронежского Великого Князя Михаила Павловича Кадетского корпуса выражаем наше глубокое соболезнование Марии Александровне, семье и всем старшим кадетам.

Светлая память Алексею Борисовичу. Царство ему небесное.

Капитан А. И. Голомедов,
Директор Воронежского Великого Князя Михаила Павловича Кадетского корпуса.
Воронеж.

Родным и близким Алексея Борисовича Иордана Председателю Нью-Йоркского объединения кадет С. Муравьеву Администратору журнала «Кадетская перекличка» Ю. Шидловскому Исполнительному директору ФПКК А. Друкареву

Как гром среди ясного неба, дошла до берегов Баренцева моря печальная весть – не стало Алексея Борисовича Иордана, видного деятеля кадетского движения в мире. От Калининграда до Сахалина, от Мурманска до Северо-Кавказских республик, на

всем пространстве России и СНГ известно имя русского патриота, по воле судьбы ставшего гражданином Америки. Все, кто когда-либо встречался с Алексеем Борисовичем, всегда восторгались его душевностью, стройностью мыслей и поступков, его желанием во что бы то ни стало помочь России в возрождении Кадетских корпусов. Умелый организатор, он блестяще провел в 1998 году первый в России (16 по счету) съезд кадет в Петербурге и Москве. И все последние годы своей жизни он отдал служению родине своих предков. Пожалуй, трудно назвать имя другого эмигранта, кто сделал бы больше для воспитания молодого поколения России, чем отец и сын Иорданы.

Посеянные плевелы добра дадут благородные всходы в лице многотысячной армии молодых, воспитанных, грамотных, культурных кадет.

Ничто не поколеблет наше уважение и благодарность старшему брату – кадету А. Иордану за его благие дела во имя России. С его помощью удалось создать трехтомник «Российские кадеты», в котором отражена жизнь и деятельность Алексея, - и выпускного кадета XX1 выпуска ПРКК, и зрелого мужа.

Будучи редактором «Кадетской переклички», Алексей Борисович, приняв эту эстафету десять лет назад, добился, чтобы журнал оперативно, доступно, правдиво освещал историю России и кадетского движения и доходил до медвежьих уголков России.

Выбыл из строя еще один, кто не отзовется на кадетской перекличке.

Вечная память тебе, Алексей Борисович!

Скорбим о безвременной кончине Кадета с большой буквы. В память об Алексее Борисовиче в сороковой день со дня смерти мы проведем поминальное чтение «Иорданы и становление КК в России».

Валентин Меньшов,
председатель Мурманского суворовско-нахимовского союза «Кадетское братство»
Мурманск, 16 сентября 2002 года, в день, когда дошло печальное известие.

На смерть А. Б. Иордана

Если скажут, до конца не верьте
Алексей Борисович Иордан – жив!
Разве Он подвластен будет смерти,
Корпусам фундамент заложив?!

Его имя кличут на поверке,
21 выпуск – правый фланг.
По старинной, самой правой мерке
Быть кадетом – наивысший ранг.

Но Он скор по-прежнему на сборы
И в дорогах лёгок на подъём,
В "Перекличке" новостей лопатит горы
И в Сибири мокнет под дождём.

Он опять спешит служить добром Отчизне:
Красноярск, Иваново, Нью-Иорк!
Он не прошёл, Он пролетел по жизни
И окормлял не взвод, не роту – целый полк!

Сегодня чёрный бант на корпусных знамёнах
И скорбь, и боль на лицах молодых,
И то не дождь, а слёзы на погонах,
Но Он по-прежнему все нужды слышит их.

И если скажут… до конца не верьте
Алексей Борисович Йордан – жив.
Разве Он подвластен будет смерти,
Всею жизнию России послужив?!

3 сентября 2002 года

Пётр Плонин
Майор кадетских корпусов
Иваново-Вознесенского Графа Б. П. Шереметева
кадетского корпуса.

И. Андрушкевич

К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

«Подле Западной Европы, для общей деятельности с нею, явилась новая Европа, Восточная.»
(С. М. Соловьев. *История России с древнейших времен.* Москва, 1963. Том IX, стр. 320.)

«Большая Европа... выходит за границы Западной.»
(Peter Schreiner, Кёльнский Университет, 2002 г. Из предисловия к книге: *«Silvia Ronchey. Lo Stato bizantino. 2002, Torino.»*)

16-го мая 2003-го года по православному никейскому календарю (29-го мая по реформированному западному), исполняется 300 лет со дня основания Санкт-Петербурга Петром Великим, четвертым царем из династии Романовых. Вскоре, Санкт-Петербург стал пятой столицей Государства Российского. Это историческое событие полно глубокого символического значения, помогающего уяснить смысл предыдущих процессов и являющегося опорной точкой для обозрения в перспективе последующей истории России.

Предыдущие столицы

Как известно, первой столицей России был Новгород, находящийся около ста пятидесяти километров южнее Санкт-Петербурга. В Новгороде в 862 году было основано Русское Государство, когда народ избрал на Вечевой площади первым русским монархом князя Рюрика. Ровно 20 лет спустя, во времена князя Игоря, сына Рюрика, при регенстве князя Олега, столица России была перенесена в Киев. В 945 году, после морской осады русским флотом Константинополя, был подписан коммерческий договор с Византийской Империей, в котором впервые употребляется в официальном международном документе имя **Россия**, по-гречески Ρφσια. В 988 году Россия обращается в христианство, при Святом Владимире, внуке князя Игоря. С этого момента

Киев, вторая столица России, становится также местопребыванием кафедры первоиерарха Русской Церкви, учрежденной как 61-ый митрополичий округ Константинопольского Вселенского Патриархата.

В 12 веке столица России была перенесена в город Владимир, хотя Киев продолжал быть формальной столицей, так что титулы возглавителей Государства Российского начинались формулой «Великий Князь Киевский». После татарского нашествия (1237) Киев был несколько раз разграблен, разрушен и сожжен, вследствие чего он практически стал необитаемым. По этой причине в 1299 году митрополичья кафедра Русской Церкви была перенесена во Владимир. В 1326 году государственная столица России была перенесена в Москву, во времена княжения Великого Князя Киевского и Владимирского Ивана Калиты. Вскоре церковная столица России тоже была перенесена в Москву.

Два века спустя, в 1547 году, Великий Князь Московский Иоанн IV Васильевич, одновременно сохранявший все свои официальные титулы предыдущих столиц, венчается как царь Москвы и всея России. Таким образом, Москва превращается в столицу **русского царства**, подтверждающего свою законную юрисдикцию над всеми территориями, принадлежавшими России до татарского нашествия. Все они должны быть освобождены и возвращены в лоно русского государства.

Это русское царство провозглашает себя одновременно законным наследником Восточной Римской Империи (сегодня называемой на Западе Византийской), павшей под турками за 93 года до этого. Интересно, что такое самоопределение Русского Государства произошло уже через восемнадцать лет после падения Константинополя, когда Иван Третий (на Западе именуемый **Великим**) женился в 1472 году на наследнице Византийского престола Софии Палеолог. Политическо-юридическое значение этого брака было подчеркнуто присвоением Государством Российским последнего римского герба (римского черного орла, в Византии ставшего двухглавым, на золотом щите Константинополя), с добавлением к нему московского герба с изображением святого Георгия, согласно геральдическим правилам. Почти одновременно, Россия освобождается от последних уз татарского ига. Именно с этого момента южные славяне начинают величать русских великих князей «**белыми** царями» (сиречь **свободными**).

Вследствие этого, русский царь, как единственный тогда христианский **самодержавный** (то есть свободный и суверенный) монарх, принимает на себя ответственность быть вселенским покровителем всех православных христиан в мире.

Именно этот вековой процесс, устремленный к освобождению всех русских земель, временно оккупированных мусульманами или западными неправославными христианами, заставляет Петра Великого (1689-1725) сделать последний шаг для реконкисты берегов Варяжского (Балтийского) моря, основывая на его побережье Санкт-Петербург. Одновременно он подтверждает необходимость отвоевания и освобождения берегов Русского моря (Черного). Изначальный геополитический проект России как раз и состоял в том, чтобы быть **«великим путем из варяг в греки»**, как это провозглашают наши летописи с XI века.

Кульминация реконкисты

В 1699 году начинается Великая Северная война России со Швецией, которая будет продолжаться 21 год. В самом ее начале русские отвоевывают обратно северные берега Балтийского моря, которыми они уже владели за 1000 лет до этого. Уже тогда первая столица Руси, построенная на реке Волхов, притоке Ладожского озера, сообщающегося с Балтийским морем рекой Нева, свободно торговала и общалась с северо-западной Европой, а затем даже принимала участие в Ганзейском союзе немецких портовых городов.

Через 250 лет после падения Константинополя, в день праздника Пресвятой и Живоначальной Троицы, в 1703 году совпадавший с датой 16 мая, по православному никейскому календарю, царь Петр Великий основывает новый город при впадении Невы в Балтийское море, ставя его под покровительство Святого Апостола Петра, своего личного небесного покровителя.

(Никейский календарь тогда был действителен не только в России, но также и в Англии и в других протестантских странах. Лишь в римо-католических странах был введен реформированный григорианский календарь. Разница между этими двумя календарями тогда равнялась 11-и дням. Сегодня она достигла 13 дней.)

Глубокому мистическому значению дня основания новой столицы соответствует и строительство первого Троицкого собора

рядом с крепостью, и название главного престола Александро-Невской лавры, и название монастыря, и Троицкая пристань, и Троицкая площадь города Святого Петра. Это мистическое значение явствует также из систематических попыток уничтожения, предания забвению и искажения смысла, вплоть до наших дней, этой символики. Царь также основывает Петропавловскую крепость, на чьей территории он закладывает собор Святых Апостолов Петра и Павла, в котором до сих пор почивают останки императоров Российских. Вскоре столица Государства Российского была перенесена из Москвы в новый город.

Новая столица для новой империи

После победоносного окончания войны со Швецией, Сенат Государства Российского провозгласил в 1721 году царя Петра **Императором Всероссийским**.

На первый взгляд, может показаться несообразностью присвоение этого титула тому, кто уже обладал званием царя, сиречь «кесаря», ибо первый Кесарь (Юлий Цезарь) был уже императором до того, как он получил свои окончательные звания народного трибуна и пожизненного диктатора. В Римской Империи, начиная с Октавиана, племянника и наследника Цезаря, из трех титулов верховной власти титул **кесаря**, или царя, был более почетным, чем титулы **императора** («победителя») и **августа** («прибавителя», от глагола augere, прибавлять, умножать. Semper Augustus при Петре Великом перевели как "приснoприбавитель", то есть "всегда прибавитель". В свою очередь, немцы до сих пор переводят этот титул как "allzeit Mehrer", "всегда увеличитель"). Единственный исторический титул, упоминаемый Христом, это титул кесаря. Во Франкской Империи, начиная с Карла Великого, а затем в Германской и Австрийской империях, с необоснованными претензиями на имперскую легитимность, титул кесаря является наиболее употребляемым. Иван Грозный пользуется этим титулом кесаря (в русском произношении) с момента своего венчания на царство в 1547 году.

Возможно, что добавление императорского титула к титулу русского царя было частично вызвано желанием провозгласить Петра Великого **победителем** в законченной долгой войне. Первоначальное значение этого римского звания было именно

таким, в течение семи веков, вплоть до Октавиана, который его присваивает себе даже как имя собственное, и поэтому употребляет его два раза (как личное имя и как звание) в полном тексте своего титула.

Однако, главная историософская причина принятия этого нового императорского титула вытекает из желания **провозгласить новую конституционную действительность** русского государства, со своей новой столицей в Санкт-Петербурге.

С учреждением новой столицы начинается **новый период истории России**, называемый почти всеми историками «**имперским**». Нетрудно понять смысл этой новой терминологии, если объективно проанализировать происшедшие с тех пор большие исторические перемены. Россия перестает быть государством только лишь всех русских земель, как гласили титулы ее великих князей, царей, митрополитов и патриархов, чтобы превратиться, начиная с Петра Великого, в своеобразный **имперский союз русского государства с рядом других нерусских народов и национальностей**.

Само понятие «империи» подразумевает **многонациональное и многорелигиозное государство**, в котором могут сосуществовать разные виды культурных, общественных и даже политичесих автономий, **под одной общей верховной властью**. (В древнем Римском государстве верховная власть обозначалась термином «империум», в то время как все другие политические власти обозначались выражением «потестас».)

История двухвекового имперского периода России (1721 – 1917) является историей **прогрессивных включений** соседних народов и территорий в эту имперскую юрисдикцию, под **общей верховной властью** русского императора и царя. Это видно с юридической четкостью из самой формулы полного императорского титула, в котором перечисляются титулы отдельных народностей и территорий, соединенных **под персональной унией русского царя**. Некоторые из этих народностей были включены в империю на основании их собственных просьб, и даже на основании завещаний предыдущих законных владетелей. Другие же включением в русскую империю избавлялись от чужеродной зависимости, иногда граничащей с рабством (как в случае прибалтийских территорий).

Некоторые из них обладали большой политической автоно-

мией, как, например, Финляндия, имевшая даже собственный Парламент, или даже собственных монархов, как в случае мусульманского Ханства Нахичеванского.

Такой процесс **прогрессивных включений на равноправных началах** является типичной характеристикой подлинных империй. Моммзен, в своем монументальном труде о Римской Империи, утверждает, что весь многовековой процесс развития римского города (urbs) в империю (orbis) можно охарактеризовать одним словом: **включение**. Этот имперский принцип сохранялся полностью и в Восточной Римской (Византийской) империи. В недавно вышедшем в Италии труде «Византийское государство», особенно подчеркивается, что во время этого **тысячелетнего государственного эксперимента** *«Константинопольское царство было светским государством, управляемым* ***многонациональной, просвещенной и космополитической элитой****, в согласии с римским правом»*. (Silvia Ronchey. Lo Stato bizantino. 2002, Torino. Из предисловия к этой книге взят второй эпиграф, предваряющий данную статью.)

Наоборот, колониальные завоевания, **без равноправного включения** приобретенных и завоеванных территорий (и **без соучастия их элит в имперском управлении**), не ведут к созданию подлинных империй, а всего лишь к «**империализму**», как это было в случае, например, Британской и Французской псевдоимперий.

Однако, такие процессы последовательных включений со временем вызывают **геополитическую необходимость обеспечения прочных границ**. Когда эти границы обеспечены на главном направлении, встает необходимость достижения таких же прочных границ и на противоположной стороне. Когда Рим достиг прочных границ на юге своих владений в Северной Африке, по соседству с пустыней, наступил длинный период поисков не менее прочной границы и на севере, каковая была установлена после долгих войн в виде известного «лимес» по Рейну и Дунаю. Именно такая необходимость **нахождения прочных границ** ставит **пределы** для дальнейших имперских расширений.

В современную эпоху, Соединенные Штаты Северной Америки, возникшие через семьдесят лет после основания Санкт-Петербурга и через девятьсот лет после основания русского государства, как объединение английских колоний в «Новой Англии», **на берегах Атлантического океана**, вскоре начинают

непреодолимое продвижение в обратную сторону, в направлении Тихого океана, сметая на своем пути все чужие владения. После покупки Луизианы у Франции в 1803 году, начинается муссирование пропагандной кампании о необходимости «продвижения на Запад». В 1845 году США аннексируют Техас. Одновременно, публицист Джон Л. О'Салливан провозглашает тезис, что континентальное расширение США является их **«очевидным предназначением»** (“Manifest Destiny”). Вслед за этим, в 1846 году США начинают войну против Мексики, в результате которой они отнимают у Мексики 55 процентов ее территории. Затем, после выхода на Северный Ледовитый океан покупкой Аляски в 1868 году, и после консолидации своей северной границы с англо-французской Канадой, США обращают свой взор на юг, в сторону испанской Кубы, а затем Панамского канала. С войны с Испанией в 1898 году за контроль над Кубой и Филиппинами начинается «имперский» период США.

Одновременно, Россия, утвердившись окончательно на Атлантическом океане основанием Санкт-Петербурга, была принуждена завершить свой путь в обратном направлении, на восток, дабы ступить на побережье Тихого океана так же прочно, как и на побережье Атлантического. Таким образом, основание Владивостока в 1860 году является геополитическим последствием основания Санкт-Петербурга, наподобие того, как завоевание Сан-Франциско Соединенными Штатами за четырнадцать лет до этого нужно понимать как геополитический противовес к обладанию Нью-Йорком.

Противоречия имперского периода

Однако, этот грандиозный процесс имперского становления, в условиях дальнейшей глубокой идейной враждебности Запада (с трудом скрываемой), при одновременной необходимости преодоления последствий многовекового татарского ига и вызванной им изоляции от остального мира, требовали от России **неимоверных усилий** для проведения нужных широких и многообразных реформ. Однако, не все реформы могут быть всегда полностью удачными и без внутренних противоречий.

В рамках широкой программы реформ, начатых Петром Великим, особое место занимают конституционные реформы.

«Собор всея земли», или просто **Земский Собор**, учрежден-

ный в 1550 году, больше не созывается. Также, после смерти патриарха Адриана в 1700 году, больше не выбирается патриарх Русской Церкви. Боярская Дума, учреждение, чьи истоки восходят к временам Святого Владимира, со временем тоже больше не созывается. Вместо нее, 22 февраля 1711 года учреждается **Правительствующий Сенат**. Во главе Русской Церкви, вместо патриарха, в 1718 году учреждается **Святейший Правительствующий Синод**. Как видно, оба эти верховных учреждения, Сенат и Синод, являются «правительствующими». Эта новая конституционная система обозначает, что в отсутствие царя, по какому бы то ни было поводу, никакая власть в России не является полностью ни легитимной, ни законной, без апробации этих двух верховных учреждений.

Таким образом, если даже и считать законным отречение Государя Императора Николая II, то, несмотря на это, все последующие институционные перемены в России не являются полностью легитимными, ибо они были совершены без опроса и апробации этих двух правительствующих органов, также как и без апробации Государственной Думы, учрежденной при Императоре Николае II. Тоже нельзя забывать, что если Боярская Дума и Патриаршество были заменены другими учреждениями во времена Петра Великого, то Земский Собор никогда не был упразднен. Посему его созыв продолжает быть возможным с юридической и конституционной точек зрения.

Однако, такое потенциальное сохранение соборного русского царства под внешней оболочкой империи не снимало противоречий в этих коренных конституционных переменах, происшедших при Петре Великом.

Русская соборная монархия была **хоровой, интегральной и уравновешенной**. Русский царь был своего рода **регентом большого русского хора**, в котором принимали участие так или иначе все русские люди и вообще все подданные. Он управлял этим хором, он указывал, когда начинать и когда заканчивать, он мановением руки заставлял замолчать поющих не в симфонии со всем народным хором, но он не был единственным солистом, ибо пели все, каждый свою партию. Конституционные реформы Петра Великого подмешали к этой славянской по своему происхождению **русской народной монархии** некоторые характеристики чисто западно-европейской **абсолютной** монархии, в которой считалось,

что монарх может делать все сам **единолично**, опираясь для этого не на народные учреждения, а на **бюрократию**. Это выпукло выразил современник Петра Великого, французский король Людовик XIV, своими словами: «**Государство это я**». Такой неуравновешенный строй вскоре вызвал в Западной Европе впадение в другую крайность: **либеральной декоративной монархии** или просто либерализма. В Западной Европе **либерализм был последствием абсолютизма**, по принципу вышибания клина клином. Россия же не имела в своем историческом государственном строе до XVIII века ни одного из этих двух клиньев, а посему и не нуждалась в нейтрализации одного другим.

Кроме того, замена патриаршества синодальной системой нарушила типично православное **симфоническое разграничение между Церковью и государством**, установленное Шестой новеллой святого Юстиниана Великого и соборно подтвержденное вселенской Христианской Церковью, задолго до откола Запада. Такое нарушение **симфонии между Церковью и государством** являлось одновременно и нарушением исторической **макроконституции России**, Византии и вообще всех православных стран.

В этом заключалась трагедия имперского периода: несмотря на все достигнутые блестящие культурные и цивилизационные успехи, Россия не смогла во-время удачно преодолеть эти искусственные и нам ненужные противоречия, проникшие к нам извне.

Окно в Западную Европу

В «Медном всаднике» Пушкин говорит: «Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно». С тех пор, основание Санкт-Петербурга единодушно упоминается в русской литературе как «прорубка окна в Западную Европу». Несмотря на известный редукционизм такого утверждения, под ним несомненно лежит сознание чрезвычайной исторической энергии, с которой был совершен акт основания Санкт-Петербурга, а также и чувство возвращения России в общеевропейскую семью народов и государств.

В течение более чем четырех веков, со времен татарского нашествия в 1237 году, Россия была почти полностью изолирована от Западной Европы и от Византийской Империи (чья столица, Константинополь, была оккупирована Западом от 1204 до 1261

года, а затем была захвачена турками в 1453 году). Также были прерваны связи России с Северной Европой. Нельзя забывать, что Новгород не только принимал участие в Ганзейском союзе, но и вообще был северным **предмостным укреплением** «великого пути» из Северо-Западной Европы в Византию и на Ближний Восток. Агрессии шведов и Тевтонского католического ордена, сразу после татарского нашествия и разрушения Москвы и Киева, не только вызвали продолжительное чувство недоверия России по отношению к Западной Европе, но и повлекли за собой тяжелые геополитические последствия для России. Россия, зародившаяся в своих истоках как геополитический проект в виде **моста, соединяющего бассейны Балтийского и Черного морей**, в результате татарской и западно-европейской агрессий потеряла доступ к обоим бассейнам.

Основание Санкт-Петербурга **восстанавливало северный конец** этой древней русской оси. Одновременно начиналась окончательная реконкиста ее южного конца.. В этом смысле, установление новой столицы являлось возрождением славной роли Новгорода, первой столицы России. Именно поэтому, Святой Александр Невский, Новгородский князь, тоже стал небесным покровителем Санкт-Петербурга, рядом со Святым Апостолом Петром, что было подтверждено перенесением его мощей в новую столицу.

Таким образом, великая идея, лежащая в основе создания Санкт-Петербурга, заключалась в решении **снова открыть** в сторону Запада **северные врата** России, которые раньше были замурованы Западом в трагические моменты русской истории. **Через врата можно входить и выходить** и свободно двигаться в обоих направлениях. Однако, через окно обыкновенно совершаются побеги наружу или же взломы вовнутрь, с подозрительными целями.

Конечно, как это часто бывает с популярными выражениями, эта метафора о прорубленном окне также отражала глубокую действительность, тогда еще не вполне осознанную: европейский Запад, который Россия еще помнила после веков разделения, уже не был таковым к моменту основания Санкт-Петербурга. Откол Западной Церкви от Восточных Церквей, спровоцированный в 1054 году неуместным отлучением папскими легатами Патриарха Константинопольского, не был принят вполне всерьез в течение

первых десятилетий. Однако, разграбление и осквернение Константинополя и его храмов в 1204 году так называемыми «крестоносцами» Запада, а затем попытка такого же разграбления Новгородской Руси в 1240 году, превратили раскол в трагическую действительность. Затем реформы Лютера и других западных реформаторов еще больше удалили идеологически Западную Европу от России, чья культура продолжала быть православной. Таким образом, Западная Европа для нас перестала быть братской, находящейся в одном доме с нами, хотя и в отдельной комнате, отделенной от нас лишь одной дверью. Теперь она занимала отдельный дом, рядом с нашим.

Русский эмигрантский мыслитель Владимир Вейдле, проживавший в Париже, писал, что Петр Великий, основывая Санкт-Петербург, сделал шаг назад, на Запад, в противовес шагу на Восток, сделанному святым Константином Великим за 1400 лет до этого, когда он перенес столицу Римской Империи из Рима в Константинополь. Однако, Санкт-Петербург не лежит на Запад от Константинополя (находящегося на приблизительно 29-ом меридиане), а лежит немного на Восток от него, чуть восточнее 30-го меридиана, как Новгород и Киев. Сам Вейдле обращает внимание на то, что Константинополь, Киев и Новгород лежат почти на одной линии, каковая, по его меткому замечанию, соединяет три Храма Святой Софии этих городов. Санкт-Петербург лежит на продолжении этой линии.

Кроме того, такая интерпретация не учитывает того обстоятельства, что Константин Великий сделал свой шаг на Восток, не отворачиваясь от Запада. Он только лишь внешне выразил уже совершившееся передвижение центра экономической и демографической тяжести Римской Империи на Восток. Намерение же Петра Великого как раз состояло в значительной мере в отворачивании от прошлого России, являющейся частью восточной православной христианской культуры. Кроме того, Константин Великий не произвел никакой конституционной реформы империи вследствие переноса ее столицы. Он только лишь перенес местопребывание Римского Сената и имперского двора с берегов Тибра на берега Босфора. Его мать, Святая Елена, продолжала жить в своем дворце в Риме, где он вместе с ней построил много великолепных храмов, некоторые из каковых существуют и поныне. Петр Великий, наоборот, отменил почти

все предыдущие конституционные учреждения старой столицы и создал взамен их новые.

Еще до Петра в России несомненно укреплялось соборное согласие (консенсус) о неизбежной необходимости реформ. Однако, по отношению к чисто **конституционным** реформам **такого консенсуса не было**. Таким образом, возникла глубокая трещина в русском обществе, каковая полностью не преодолена и до сегодняшнего дня. Коренное противоречие в таком создавшемся положении вытекало из неясного отношения России к Западной Европе, после восстановления долго прерванной с нею связи. Дело в том, что до отчуждения Западной Европы от Православия все ее страны и государства чувствовали себя **частями всей христианской вселенной**. После же раскола они стали себя чувствовать, в первую очередь, **частями Запада**, то есть **одной лишь части** этой вселенной, причем с претензиями на **монопольную исключительность этой части**. До сих пор неясно, чего хочет Россия: только лишь хорошей **связи с Западной Европой** или же просто **стать частью этой Западной Европы**, перестав быть Восточной Европой. Если же Россия захочет стать Западом, ей не избежать необходимости ответа на вопрос: «Каким же хочешь быть Западом, Западом Христа иль антихриста?». (На вопрос известного стихотворения Владимира Соловьева: «Каким ты хочешь быть Востоком, Востоком Ксеркса иль Христа?»,- она уже ответила).

Во всяком случае, через двести лет после прорубки окна в Западную Европу, именно через него были заброшены в Россию подрывные команды Ленина и Троцкого, имевшие среди своих прочих задач также и поручение немецкого генштаба спровоцировать сепаратный мир России с Германией Кайзера и одновременно приняться за **подрыв имперского единства России**. Четырьмя годами позже, через то же окно была насильно изгнана из России элита русской культуры. Сам же город Петра, названный в честь его небесного покровителя, был провозглашен «городом Ленина», **после чего он перестал быть столицей государства**, в символическое ознаменование **конца Русской Империи**. А еще через двадцать лет, тот же генштаб предпринял очередной «поход на Восток», одно острие которого было направлено на город святого Петра, тем временем уже ставший также и городом святого Иоанна Кронштадтского и городом царствовавшего в нем Царя Мученика.

Геополитический хребет глобализации

В последнее время часто делались попытки установить разными способами предварительные ступени современной глобализации. В этом смысле упоминались такие события, как открытие Суэцкого и Панамского каналов и построение континентальных железных дорог с востока на запад в Соединенных Штатах. Другие углублялись дальше в историю, указывая на изобретение печати Гутенбергом в 1455 году, как первый шаг в направлении глобализации. Начиная с этой даты, так же часто упоминаются и другие исторические моменты, как, например, реформа Лютера и публикация «Князя» Маккиавелли, через 60 лет после Гутенберга. Уже ближе к нам упоминаются изобретение телеграфа и фотографии в 1830 году, устроение современной почты и современных банков в 1850 году и, наконец, построение железных дорог около 1880 года.

Интересно, что изобретение печати Гутенбергом произошло через два года после падения Константинополя и Восточно-Римской Империи, каковое событие выявило конец непрерывного существования древнего греко-римского классического мира. Однако, начало новой исторической эры не совпадает точно с окончанием эры предыдущей, но происходит лет на сорок позже, с открытием Нового Мира.

Действительно, решительным историческим шагом в возникновении новой эры явилось включение Америки в западноевропейскую цивилизацию, в ее обоих вариантах: римо-католическом и протестантском. Однако этот исторический шаг Запада на Запад нуждался в соответствующем **противоположном шаге на Восток**, чтобы соединить весь мир в одной **единственной глобальной вселенной**.

Этот великий шаг на Восток сделала возможным Русская Империя после Петра Великого. Действительно, основание Санкт-Петербурга не было только шагом России на Запад, как это может казаться на первый взгляд, ибо Россия духовно никогда не удалялась полностью от Христианского Запада, несмотря на его заблуждения и ереси. Россия всегда помнила, как сказал Достоевский, что все камни в Западной Европе для нас являются священными. Основание Санкт-Петербурга и открытие окна между Россией и Западной Европой Петром Великим на самом деле явилось также

историческим **шагом Западной Европы на Восток**.

Через двести лет после Петра, его преемник, император Николай II, завершил эту акцию, соединив Санкт-Петербург и бассейн Балтийского моря с бассейном Тихого океана путем великой **Транссибирской железной дороги**, построение которой было начато еще при царе Александре III. В то время, как США соединяли железной дорогой свое Атлантическое побережье на востоке со своим Тихоокеанским побережьем на западе, Россия соединяла свое западное Атлантическое побережье со своим восточным побережьем на Тихом океане. Эти два трансконтинентальные соединения и являются **геополитическим хребтом нового глобального мира**. Одновременно, при царе Николае II также было обращено особенное внимание на исследование возможностей установления **Северного морского пути**, тоже завещанного Петром Великим. Как известно, в этом исследовании особенно отличился будущий адмирал А. В. Колчак.

Таким образом, Санкт-Петербургская Россия сто лет тому назад провиденциально соединила Западную Европу с Японией и Кореей, сегодня являющимися важнейшими экономическими полюсами многополюсного глобального мира. Таким образом, **мудрая и дальнозоркая государственная политика русских царей** Александра III и Николая II существенно дополнила первоначальный геополитический проект России: Россия, бывшая во времена своего Новгородско-Киевского периода «**великим водным путем из варяг в греки**», стала в Санкт-Петербургский период также и **великим двойным путем** (морским и трансконтинентальным) **из Западной Европы на Дальний Восток**. Очевидно, что для осуществления такой задачи Россия не должна превращаться ни в часть Западной Европы, ни становиться второй Японией. Однако, Россия может войти в тесный союз с Западной Европой, а также с Японией и с Кореей, **симметрично подобным союзам США с ними**.

Санкт-Петербург: символ культурной глобализации

Самым трансцендентным последствием основания Санкт-Петербурга было открытие возможности создания **одной единственной вселенской цивилизации, с множеством культурных полюсов**, как это было в случае древней Средиземноморской грекоримской цивилизации. Совершенно неправильно считать, что

создание и развитие глобальных геополи-тичеких инфраструктур должно служить, главным образом, для экономической глобализации, сопровождаемой культурной гегемонией самого сильного из ее участников. Экономическая гегемония отнюдь не оправдывает **культурной монополии**.

В древности глобализация средиземноморского мира заключалась не только в территориальных и экономических, но также и в **равноправных культурных включениях**. Такое развитие стало возможным благодаря наличию **готовой модели** для этого, а именно **эллинистической модели**, созданной в результате завоеваний Александра Великого, за три века до Р. Х. Главной характеристикой этой модели была концепция **многополюсной и полифонической цивилизации**, состоящей из разных культур, способной к дальнейшему своему обогащению путем включения новых культур. В начале эта эллинистическая цивилизация образовалась из эллинской культуры и из египетской, сирийско-финикийской и частично персидской культур. Затем, она обогатилась включением римской культуры, главным образом правового характера. С этого момента, она стала греко-римской цивилизацией, затем принявшей Христианство.

Россия является прямой наследницей и хранительницей этой цивилизационной **плюралистической модели**, допускающей свое собственное дальнейшее расширение, теоретически **до самих границ всего человечества**.

В этом заключается подлинная сущность правильно понимаемой глобализации: дело не только в экономической глобализации, а в **культурной**, но отнюдь не унисонной, а **многогласной**. Больше того, такая модель позволяет культурное обогащение даже самого катализатора этих процессов, как это блестяще показал в свое время Рим, никогда не сопротивлявшийся включению новых культурных элементов в свою империю.

Именно в таком понимании этих проблем скрывается глубокий смысл известных слов Достоевского, энигматично им произнесенных во время пушкинских торжеств в Москве: подлинная миссия России заключается в ее «**всечеловечестве**».

Новая связь России с Западной Европой, установленная три века тому назад через Санкт-Петербург, принесла богатые плоды, благодаря ее такому интеграционному подходу ко всем культурам человечества. Это было облегчено ее **собственной коренной**

эллинистической культурой, в которой присутствовали и римские правовые элементы, вошедшие также и в западно-европейский культурный сплав, помимо элементов германских и англо-саксонских.

Новый культурный синтез, достигнутый Россией в ее санкт-петербургский имперский период, внешне выявился символически в архитектуре самого Санкт-Петербурга, главным образом под сильным итальянским влиянием. В Санкт-Петербурге также были достигнуты мировые вершины в других искусствах, как, например, в русском балете, берущем свое начало из Франции. Итальянское оперное искусство, для своего триумфа, нуждалось в 19-ом веке в первоначальном триумфе в Санкт-Петербурге. В Санкт-Петербурге также было положено начало непревзойденному педагогическому опыту воспитания молодежи в кадетских корпусах и в мариинских институтах для девиц. А царскосельский пушкинский Лицей, не сравнимый ни с каким другим учебным заведением во всем тогдашнем мире, был действительным возрождением высшего качества древних афинских лицеев.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что самым существенным последствием такого универсального обогащения русской эллинистической культуры западно-европейскими элементами было развитие русской науки и русского искусства в последние три века. Сегодня невозможно себе представить всемирную культуру без русских вкладов в области литературы, музыки, балета и науки. Без Ломоносова, Лобачевского, Менделеева.

Реакционное засилие марксизма нанесло страшный ущерб этому развитию, но в конечном итоге оно потерпело фиаско, не будучи в состоянии преодолеть русскую культуру и русское мироощущение. Ленин и Сталин пытались герметически перекрыть связи России с остальным миром, в том числе и прорубленное Петром Великим окно в Западную Европу.

Однако, даже и во время этого реакционного периода, русская культура продолжала жить и творить, как в самой стране, так и в Изгнании. В частности, русская эмиграции продолжала обогащать мировую культуру, как в области искусства, так и в области науки и технологии, продолжая таким образом историю санкт-петербургского периода России. Сотни изгнанных русских ученых и артистов, философов, композиторов и писателей, среди них

многие лауреаты разных премий, в том числе Нобелевских, продолжали участвовать в развитии не только русской, но и всемирной цивилизации.

Санкт-Петербургские проекты

Санкт-Петербургский период был весьма богат проектами внутреннего самоустройства России. Великие реформы трех последних Санкт-Петербургских императоров выдвинули Россию **на первое место по демографическому росту и на второе место по экономическому росту в мире**. Земельная и судебная реформы царя Александра II, выработка доктрины внешней политики, развитие промышленности и подготовка денежной реформы при царе Александре III, рабочее законодательство, заселение Сибири и столыпинская земельная реформа при царе Николае II – являются неполным перечнем этих проектов.

В последнее шестидесятилетие Санкт-Петербургского периода также назревали великие **конституционные проекты**, для преодоления накопившихся противоречий, как-то проект созыва **Земского Собора** при Александре II и проект восстановления **Патриаршества** при Николае II. (А следова-тельно и восстановления полной **доброй симфонии** между Русским Государством и Русской Церковью, путем **гармонического разграничения** между ними, как этого требуют старые имперские законы и церковные каноны).

Помимо этих внутренних проектов, Россия в Санкт-Петербургский период никогда не упускала из виду великий проект возрождения мира и благосостояния в Юго-Восточной Европе, а также и восстановления своей тесной связи с этим регионом.

Уже Петр Великий обратил свой взор на бассейн Русского (Черного) моря и на выходы из него, с целью достижения свободы для русских коммерческих и культурных путей тысячелетней давности. (Уже в 935 и 966 годах русские моряки принимали участие в походах в Италию и Сицилию. Когда через девять с лишним веков русский флот, по своей инициативе, возглавил спасательные акции после страшного землетрясения в Мессине, сицилианский народ всюду приветствовал наших моряков возгласами: «Наши братья, наши братья!» Неужели в их коллективном народном подсознании осталось историческое

воспоминание, что Россия, Сицилия и Калабрия были когда-то округами одной и той же Церкви Вселенского Константинопольского Патриархата?)

Затем, император Павел I дал одному из своих сыновей имя Константина, предвидя возможность восстановления Креста Господня на Святой Софии в Царьграде. А царя Николая I тогдашние греки величали «Николаем Великим», возлагая на него надежды в деле возвращения свободной Греции **Константинополя и греческого Малоазитатского побережья, колыбели Европейской цивилизации**.

А уже под самый конец Санкт-Петербургского периода, русская дипломатия добилась формального соглашения Великобритании и ее союзников на возвращение Православию Константинополя. Нежелание исполнить данное обещание и было одной из причин интервенций английского посольства в Санкт-Петербурге в конспиративной подготовке февральского путча. В результате, вскоре после избиения армян в 1916 году, последовала безжалостная этническая чистка турками греческого населения в Малой Азии. (Сегодня Европейский Союз еще не знает, что делать с Турцией, желающей стать «европейской страной» и вступить в этот Союз, но никто и не думает требовать восстановления Креста на Храме Святой Софии, хотя бы во имя пресловутой «религиозной терпимости»).

Одновременно было ловко подстроено создание (до поры, до времени) «Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев» (затем переименованное в Югославию), без предварительного выполнения формальных обещаний **присоединения к Сербии сербских территорий в Боснии и Далмации**. (Император Николай II предупреждал в 1916 году сербского премьера Николая Пашича, что не надо поддаваться такой провокации, как об этом свидетельствует в своих воспоминаниях сербский патриарх Гавриил).

В связи с этим «**византийским проектом**» Санкт-Петербурга, необходимо особенно подчеркнуть, что этот проект зиждился не только на мировоззренческих соображениях, но также и на реальных **геополитических и экономических** интересах. Необходимо не упускать из виду, что все великие современные державы в значительной мере **подспудно** подчиняют свою международную политику подобным **мировоззренческим соображениям**, одновременно требуя от нас отказа от нашего

мировоззрения. Политика Запада как такового по отношению к России, со времен неудавшегося нашествия Тевтонского ордена в 1238 году, всегда подчинялась **религиозной нетерпимости** Запада к России. В этом открыто признался, в начале Крымской войны, архиепископ Парижский Мария-Доминик-Огюст Сибур: «Война, в которую вступает Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная... война религиозная... Все другие основания... в сущности, не более как предлоги, а истинная причина... есть необходимость отогнать ересь Фотия; укротить, сокрушить ее; такова признанная цель этого нового крестового похода и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом». (Алексей Хомяков. Избранные сочинения. Изд. им. Чехова, стр. 275).

Однако, Российская Империя всегда вела политику полной религиозной терпимости по отношению к Западу. Можно отметить три момента такой имперской политики: 1. Когда папа Римский закрыл в 1773 году Орден Иезуитов, иезуиты нашли убежище в России, с разрешения императрицы Екатерины Великой. 2. Император Павел Первый дал убежище в России католическому Мальтийскому ордену, изгнанному Наполеоном с Мальты в 1798 году. 3. На Венском Конгрессе 1815-го года, по инициативе императора Александра Первого, в Венском регламенте дипломатической службы, папским нунциям (послам) была дана категория деканов дипломатического корпуса, в тех странах, где таковые имеются.

В заключение, необходимо подчеркнуть, что сегодня нет никакой возможности построения действительно **многополюсного, справедливого и равноправного** «глобального» мира, без соответствующего активного и равноправного соучастия России.

Тем более, что Россия именно в этом отношении выступает **в симфонии с многими другими странами и регионами**, как, например, в Латинской Америке. После сбрасывания с себя мертвящего коммунистического интернационального идеологического балласта (помимо неимоверных расходов по кормлению интернациональных коммунистических паразитов и дармоедов), возврат России к своей **собственной традиционной** международной политике автоматически вызывает **положительный консенсус** с многими странами и регионами, что не могла не подметить в последнее время и дипломатическая служба

Российской Федерации. Именно такая международная политика России является **типичным Санкт-Петербургским проектом**, окончательно разработанным канцлером Горчаковым во время царствования Александра III.

В этом заключается большой исторический шанс для России, в случае правильного понимания ею своей собственной роли и **превосходства своей собственной коренной модели и своей собственной национальной политики**.

Конечно, для этого она должна полностью вернуться на свой собственный путь, полным преодолением результатов Катастрофы 1917 года, положившей конец ее славному санкт-петербургскому историческому периоду. Больше того, исправляя катастрофические последствия своего Второго ига, она должна остерегаться повторять ошибки, допущенные при преодолении последствий своего Первого ига.

Сегодня она должна учитывать, что Запад, за последнее время, подвергся еще более значительным мутациям, чем во времена Татарского ига. Сегодня Запад не только заканчивает смену своей прежней христианской символики (втягивая и нашу страну в эту новую глобальную космополитическую кабалистическую символику), но и незаметно отказывается от своих коренных исторических идейных столпов: **права и основанной на праве справедливости**. Все эти современные западные тенденции по сути обозначают конец **Европейской Цивилизации**, с превращением ее во что-то совершенно иное.

Для прикрытия такого отступления, сегодня выдвигается **понятие закона**, не обязательно **основанного на объективном праве**, а всего лишь на диктате очередных заправил. Ленин, Сталин и Гитлер тоже издавали законы, но эти законы не основывались на праве! Одна средневековая поговорка на латинском языке говорит, что «Caesar non supra grammaticos» (кесарь не выше грамматиков, то есть даже кесарь не может менять грамматических правил. Немецкий комментарий на эту фразу гласит: «Der Kaiser kann das Unrecht nicht zum Recht machen», **даже кесарь не может превращать неправду в право**.)

Опубликованный в конце прошлого года, принятый Конгрессом США, закон «**о демократии в России**» ставит своей целью «**поддержку** демократии, главенства закона и независимых СМИ в России». Как бы реагировали СМИ США на аналогичное и

симметричное принятие Думой Российской Федерации закона «**о поддержке права в международной политике США**»? Ведь **наша русская вечевая демократия** выдвинула постулат о праве уже почти одиннадцать с половиной веков тому назад, в самый момент основания Русского Государства, обуславливая его «правлением по праву», как фиксирует наша Летопись.

На практике, сегодня в международных отношениях просто применяется голая сила, под улюлюкающий рёв средств массовой пропаганды и агитации, при вот уже вековом игнорировании и замалчивании **другого санкт-петербургского проекта: создания международного трибунала** для решения международных проблем.

Таким образом, сегодня перед Россией снова возникает неизбежная необходимость не только сохранения **своей самобытности** (сиречь свободы) и **своей культуры**, но также и активного соучастия в современном мире, на основании **своих собственных идей и концепций**.

Конкретно, Россия сегодня должна вернуться к продолжению осуществления своих санкт-петербургских проектов, насильно прерванных Катастрофой 1917 года. +

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МАКРОПОЛИТИКА В ИСТОРИОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Несмотря на сегодняшнюю глобальную смуту, не может быть сомнений по отношению к некоторым существенным чертам сегодняшних глобальных процессов, как, например, несомненное ускорение таковых и увеличивающаяся аккумуляция их внутренних противоречий.

Также является очевидной историческая исключительность самой по себе глобализации. Полвека тому назад, тогдашний Патриарх Константинопольский Афиногор заявил, что современная "экуменичность" является второй по счету в истории человечества: первая произошла в греко-римскую эпоху.

Однако, тогдашняя средиземноморская "вселенная" не включала в себя весь мир. Америка была ей неизвестна. Кроме того, этот первый вселенский мир имел близких и далеких соседей, образовывавших "иные" миры, и был в связи с ними. Китай и Индия были весьма далекими "мирами", но Персия была прямым соседом, обеспечивавшим известную "биполярность". Наконец, присутствие варваров вне имперских границ было весьма заметным.

Ни одно из этих обстоятельств не присутствует в современном глобализованном мире: вне его нет ни других миров, ни варваров, ибо все, так или иначе, являются его частями. Очевидно, что в мире еще существуют большие "белые пятна", где нищета и изоляция не позволяют говорить об их включении в "глобализацию". Однако, несмотря на это, даже эти территории находятся в подчинении глобальных властей.

Существенная разница между современной глобализацией и любым предыдущим геополитическим положением состоит в **фундаментальной нетерпимости по отношению к любой форме действительного культурного плюрализма**. В древнюю греко-римскую вселенную стекались все **"отличительные" культуры** древнего мира, под общей крышей Римской империи. Таким образом, Апостол Павел, высокообразованный еврей, обра-

тившийся в христианство, мог заявить: “Я римский гражданин”, без ущерба для своего мировоззрения. Даже внешние верования проникали без затруднений во внутреннюю жизнь империи, как, например, персидский культ Митры, достигший большого влияния в Имперской армии.

Семьдесят лет тому назад, английский историк Арнольд Тойнби, выдающийся член англоамериканского Совета внешних отношений, сформулировал заблаговременно **программу культурной гегемонии северо-атлантической глобализации**, в самом начале своего монументального “Исследования истории”. Указав, что вся история человечества является историей двух десятков цивилизаций, из коих в настоящее время продолжают существовать только пять (западно-европейская, восточно-европейская, исламская, индусская и Дальнего Востока), Тойнби тогда провозгласил: “Запад припер к стенке своих современников и запутал их в сетях своего экономического и политического превосходства, но еще не лишил их своих отличительных культур”.

Через шестьдесят лет, Фрэнсис Фукуяма заявил, что все эти отличительные культуры **уже потеряли свою историческую действительность**, и, посему, “**история уже кончилась**”. Самуэль Хантингтон тогда ответил Фукуяме, что это еще не так и что еще нужно ожидать “конфликтов между цивилизациями”.

Очевидно, что, в этой области **культурной многополярности**, современная глобальная цивилизация нуждается неизбежно в значительных реформах, если она не хочет оказаться в тупике без выхода. Необходимость этих реформ вытекает из ее собственных внутренних противоречий, присущих ей с самого момента ее зарождения. Дело в том, что все большие системы рождаются с некоторыми собственными характерными противоречиями. Пока положительные стороны их программ преобладают и противоречия удерживаются в определенных границах, эти системы развиваются положительно, до тех пор, пока их противоречия не всплывают на поверхность, угрожая их будущему. В данном случае, главное противоречие заключается в **существенной несовместимости программы монокультурной глобализации с многокультурной действительностью реального мира**.

Делались попытки манипулировать этой несовместимостью, с помощью последовательных геополитических махинаций. Так,

вначале, атомизированной раздробленности Ассамблеи Объединенных Наций было противопоставлено преобладание **пентархии** пяти постоянных членов Совета Безопасности. Пентархия была выражением, уже существовавшим на исходе греко-римской вселенной: так называлась система пяти Патриархатов древней христианской Церкви, каждый из которых отражал один реальный культурный полюс тогдашнего мира: Рим, Константинополь, Антиохия, Александрия и Иерусалим. Однако, эта новая искусственная пентархия скоро превратилась в реальную **двухполярность**, прикрытую фикцией "третьего мира". Позже была сделана попытка заменить ее "трехсторонними" схемами.

В последнее время Россия (чья территория оказалась ущербленной в результате коммунистического эксперимента, но чье имя было восстановлено в искаженном виде, после семидесятилетнего навязывания идеологического названия, не связанного ни с ее историей, ни с ее географией) предложила признать существование **многополюсного мира**, с добавлением, что таковой должен быть **справедливым**.

Однако, справедливый многополюсный миропорядок **невозможен без признания всех его реальных полюсов**.

Одним из этих реальных полюсов является **сообщество стран и регионов, имеющих византийские историю, традиции и культуру**. Речь идет не только о культуре Восточной Европы, но вообще о культуре Восточного Средиземноморья, потом распространившейся по Сибири и дошедшей до русских берегов Тихого океана. Этот полюс современного глобализованного мира до сих пор был **более всего дискриминирован**, ибо он является единственным, который доселе лишен всякой региональной организации, аналогичной, например, Арабской Лиге, Мусульманскому Союзу, Организации Американских Государств, Британскому Содружеству, Европейскому Союзу и так далее.

Весьма интересно подчеркнуть, что первая инициатива для исправления этого недостатка зародилась в Калабрии, до XI-го века являвшейся Византийской провинцией № 2, со столицей в Ригии (Reggio). В Калабрии, вплоть до 17 века, служили Литургию Святого Иоанна Златоуста по-гречески. До сегодняшнего дня названия улиц и площадей калабрийского городка Бова Марина указаны по-итальянски и по-гречески. Сегодня в Калабрии снова открыт один греческий православный монастырь

(один из четырехсот, существовавших восемь веков тому назад), и в некоторых ее местах снова служат Литургию Иоанна Златоуста.

Как сообщил в прошлом году известный калабрийский византинолог профессор Джакомо Олива, несколько лет тому назад из Калабрии было сделано предложение создать Византийский Союз, наряду с аналогичными организациями современного глобального мира.

Другой выдающийся калабрийский византинолог, профессор Доменико Минуто, даже изложил следующий проект первоначальной **программы Византийского Союза**, или "**Византийской Лиги**":

> 1. Страны и регионы юго-востока и востока Европы и Средиземноморья, с сильным византийским наследием, имеют право требовать, чтобы их идиосинкразия, отличная от идиосинкразии северо-западной Европы, не дискриминировалась бы, а тоже принималась во внимание.
>
> 2. Главной целью **Византийского Сообщества** должна быть **повсеместная защита византийских культурных памятников**. Например, на берегах Малой Азии, бывших **колыбелью европейской культуры**, с беспрерывным присутствием, в течение трех тысяч лет, греческой культуры и греческого языка, сегодня подготавливается последний этап уничтожения: перестройка разрушенных византийских культурных памятников в гостиницы для туристов - варваров современного потребительского мира. (Кроме того, можно добавить, что, согласно бюллетеню Сербской Православной Церкви в Аргентине, от сентября 2001 года, на территории Косова, сегодня под оккупацией войск НАТО, были разрушены или серьезно повреждены сотни церквей, монастырей и других памятников православно-византийской культуры. Подобные разрушения также произошли и в других местах, как, например, в той части Кипра, которая оказалась незаконно оккупированной Турцией, в Хорватии, в Боснии и Герцеговине и т. д.)
>
> 3. Византийская цивилизация и сегодня еще может предложить различные решения для многих современных жгучих проблем, в том числе и экономических. Примером может служить создание в Византийской Калабрии местных **автономных экономических рынков**, после развала глобального и централизованного рынка Римской Империи.

Кроме неизбежной необходимости этих реформ и **геополитических и макрополитических корректур**, современная глобальная цивилизация, очевидно, нуждается также и в

других реформах, в первую очередь экономических и микро-политических. Общим их знаменателем является необходимость исправить и преодолеть основные **асимметрии** этой глобальной системы, несовместимые с ее будущим.

Общая тенденция экономического развития современного мира не сможет избежать со временем кризиса всей системы, без этих фундаментальных реформ. Например, существующая взаимосвязь между экономическим ростом и экологическим разрушением нашей планеты не сможет бесконечно продолжаться в настоящей форме. Рост экономически слабых стран необходим по нравственным и гуманитарным причинам. Однако, чрезмерный рост богатых и уже сильно развитых стран является нерациональным. Тем паче, рост с помощью лихорадочного производства быстро выбрасываемых продуктов широкого потребления, за счет истощаемых материальных и энергетических запасов нашей планеты и ее экологического и климатического повреждения. Сам по себе количественный (**не качественный**) подсчет производства быстро списываемых товаров, без учета их амортизации, стал основанием для всех экономических планов и программ, без учета качества человеческой жизни, культурного развития и социальной справедливости. Бывший директор Международного валютного фонда, Мишель Камдессю, указал: "**Растущая пропасть между богатыми и бедными** и между самыми цветущими и самыми обездоленными нациями является тягчайшей пыткой нашего времени". А его преемник, Горст Келлер, обвинил богатые промышленные страны в эгоизме. Согласно данным Всемирного Банка, **половина населения мира** (три из шести миллиардов человек) **живут за чертой бедности**, то есть на средний доход **ниже двух долларов в день**.

Дабы частично смягчить эти несправедливости, очевидна необходимость своего рода **конституционной реформы глобализованного мира**, включая всемирные глобальные налоги. Например, **налог на чрезмерную эманацию субстанций, повреждающих атмосферу**, каковая принадлежит всем народам мира, и **налог на чрезмерные расходы по вооружению**, на основании превышений определенного процента ВВП каждой страны. Что касается внутренней политической жизни многих стран, то и в этой области необходимо произвести глубокие реформы, в первую очередь в теоретическом плане. Нельзя даль-

ше игнорировать первоначальные заключения политической науки, как, например, основную классификацию Аристотелем политических режимов, **согласно качественному критерию: служат ли эти режимы всему населению или только самим правителям**. Хосе Ортега-и-Гассет говорит: "Политика - это ясная идея о том, что нужно делать с позиций государства в нации. Ибо настоящая историческая действительность это нация, а не государство... **Государство является лишь инструментом для национальной жизни.**" ("Мирабо") Также нельзя будет больше игнорировать урок Римской Республики, в каковой государственные деятели подготавливались, обучались и продвигались **только в рамках самого государства**, но не в рамках секториальных корпораций. В подлинной республике народные выборы являются **единственным средством для отбора** магистратов и их продвижения по лестнице республиканских должностей, а не только лишь декоративными подтверждениями конспиративно подобранных и выдвинутых кандидатов. Согласно Цицерону, **в республике невозможно сохранить свободу народа без отбора лучших**: "Я даю свободу народу, чтобы **хорошие** имели и осуществляли авторитет". (Законы, 3, 38). Ибо, когда худшим предоставляется возможность узурпировать республиканские должности, это ведет к гибели республики. Кроме того, привычка копировать конституции и политические режимы далеких и чужеродных стран, чтобы насильно подгонять под них собственную социальную действительность, тоже является неразумной.

Все это перечисленное **нагромождение иррациональностей и асимметрий** заставляет думать, что с нашей цивилизацией происходит что-то неладное, тем более, что до сих пор она горделиво хвасталась своей собственной разумностью. +

(Передовица аргентинского журнала "Perspectivas, revista de historiosofía y macropolítica" № 1. Перевод с испанского).

Б. Константинов

МИРОВАЯ АТЛАНТИЧЕСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА

В 2001 году исполнились три шестидесятилетия и одно семидесятилетие, имеющие прямое отношение к построению современного мирового порядка, главным образом покоющегося на мировой гегемонии североатлантического военно-политического блока НАТО, имеющего своей центральной осью США и Англию. Вокруг этой центральной оси, за это время была кропотливо соткана сложная многоцветная паутинообразная сеть, для тотальной гегемонии над всем миром. Создание этой сети было провозглашено уже в 1934 году известным английским историком Арнольдом Тойнби, сотрудником британской разведки, членом британской делегации на Парижских мирных конференциях в 1919 и 1946 годах и руководителем британского Королевского института международных отношений. В начале своего 12-томного “Исследования истории” он пишет:

“Запад припер к стенке современные ему цивилизации и запутал их в сетях своего экономического и политического превосходства, но еще не отнял у них их отличительных культур”.

Значит, те исторические процессы, видимыми вершинами каковых являются эти годовщины, имеют долгую и сложную **историческую подоплеку**.

В июне 2001-го года, когда исполнилось первое из этих трех шестидесятилетий, были совершены три символические петли, для дальнейшего плетения недостающих секторов этой грандиозной мировой сети:

> 1. Президент Джордж Буш, во время своей поездки в Западную Европу и Прибалтику, подтвердил дальнейшее “**устремление на Восток**” НАТО, точно определив прицел этого устремления: “все новые демократии **между Балтийским и Черным морями**”. Как известно, созданное более одиннадцати веков тому назад Русское Государство геополитически являлось “**путем из Варяг в Греки**”, **мостом между Варяжским и Русским морями**. Правда, тогда в Европе, на Западе и Востоке, никаких “демократий” еще и в помине не

было, ибо демократии считались всего лишь "подпорченными республиками", согласно первоначальным точным определениям самих создателей этого выражения. (А до открытия Америки еще не хватало более шести веков).

2. 28 июня, в день сербского православного национального праздника "Видовдан" (день святого Вита), когда православные отмечают "**предпочтение Небесного Царства перед земным**", высказанное в этот день святым князем Лазарем, было провозглашено "первое действие **глобального правосудия, экзекутором** какового является **НАТО**". (Имелась в виду выдача Слободана Милошевича Гаагскому суду ООН, наперекор решению Конституционного суда Югославии и против воли президента Югославии Коштуницы, определившего эту выдачу "незаконной и неконституционной". Как видно, Коштуница еще не понял, что "глобальное правосудие" стоит выше законов и конституций.)

3. Почти одновременно, Папа Римский заявил во Львове, что (Западная) Европа должна дальше продвигаться на Восток, а сама Украина должна стать важным звеном в этой "**Европе до Урала**". К сожалению, он не уточнил, будет ли в таком случае Россия сокращена на территорию от Украины до Урала, и в таком виде включена в (Западную) Европу, или она будет оттеснена за Урал? Интересно, что Папа в данном случае лишь повторяет давнишние формулы своего соплеменника Збигнева Бжезинского, уже в 1963 году выдвинувшего их в испанском философском журнале "Ревиста дель Оксиденте". Что же касается роли отчуждаемой от России ее окраины Украины, для ее использования в агрессии против остальной России, то в этом вопросе Папа следует доктрине иезуита Поссевина, сформулированной еще во времена царя Иоанна Грозного.

ТРИ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

В 2001 году исполнилось 60 лет со дня нападения Германии на СССР, 22 июня 1941 года. В этом же году также исполнилось 60 лет со дня нападении Японии на США, 7 декабря 1941 года. В результате этих двух событий, Вторая Мировая война превратилась из европейской в **планетарную** войну. Сегодня, через шестьдесят лет после этих событий, их современные результаты не совсем понятны на первый взгляд: побежденные в этой войне страны-агрессоры сегодня занимают второе и третье место во всемирной экономике (и аналогичные места по уровню жизни своих обитателей) и являются важными союзниками своих бывших врагов, в то время, как одно из государств - победителей

уже больше не существует, а его расколотые части занимают сотые (или еще худшие) места в списке стран мира по экономическому благосостоянию.

Однако, именно в недрах этой первой в истории человечества действительно всемирной войны зародился современный новый глобальный мировой порядок, в рамках каковою сегодня и проявляются выше отмеченные парадоксальные позиции стран участниц этой войны. Но этот новый мировой порядок не вытекает исключительно из этих двух событий. Между ними произошло еще одно исторически важное событие, чье шестидесятилетие тоже исполнилось в 2001 году: в августе 1941 года состоялась в море перед Террановой так называемая **атлантическая встреча** Винстона Черчилля, главы правительства воюющей Великобритании, и Франклина Рузвельта, президента тогда еще нейтральных США. На этой встрече была выработана **Атлантическая хартия**, являющаяся своего рода макроконституцией нового мирового порядка. Сразу после окончания этой встречи, Винстон Черчилль заявил 24 августа 1941 года по радио: "Эта встреча была **символичной**, **навсегда** запечатлевшей на страницах истории **единство англоязычных наций** и их решение **взять в свои руки управление и судьбу всех трудящихся масс на всех континентах.**" Предварительно, за 10 лет до этого, 31 декабря 1931 года, было создано "**Британское содружество наций**".

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЛАНЫ

Конечно, такие гигантские исторические процессы не происходят самотеком, а являются результатом **сложных долгосрочных политических планов**.

Несмотря на их конспиративность, такие планы иногда частично приоткрываются. Например, ровно сто лет тому назад, судья США Спир (Speer) заявил в июне 1901 года, что через сто лет Россия и США будут бороться за первенство в мире. Тогда (то есть **сегодня**) развяжется страшная борьба между "деспотизмом, олицетворяемым Россией", и "свободой и цивилизацией, символически представляемых США". Остальные нации будут лишь "пигмеями, дробящимися на части". Посему, рекомендовал сто лет тому назад этот судья США, необходимо **единство англосаксонской расы**. Любая попытка ослабить это единство будет преступной и враждебной по отношению к самой

цивилизации. Интересно, что Винстон Черчилль, в своих мемуарах, немного приоткрывает занавес над некоторыми методами таких политических сооружений. Он пишет, что Англия всегда старалась добиться **политического равновесия** в Европе, для чего ей приходилось **постоянно менять своих союзников**. Лорд Дизраэли сказал по этому поводу: "У Англии нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а только постоянные интересы". Англия никогда не допускала в Европе гегемонии никакого другого государства. Когда же на историческом горизонте появлялись претенденты на такую гегемонию, Англия пыталась **сколотить коалицию из всех других стран против такой потенциальной гегемонии**. По мере необходимости, она сама вступала в союз с такой коалицией для того, чтобы перевесить силы очередного противника. Черчилль описывает такой переломный пункт в английской политике накануне Второй Мировой войны:

"Это были все консерваторы. Настроение было возбужденное. Всё сводилось к одному: Мы должны привлечь Россию. На меня произвела сильное впечатление эта сила настроений Тори, показывавшая, до какой степени они отбросили все соображения о классовых, партийных или идеологических настроениях".

Такая попытка перед началом Второй Мировой войны в 1939 году не удалась, ибо Гитлер и Сталин тогда успели договориться раньше.

Двумя главными направлениями такой политики создания "**нового равновесия**" во время самой войны было вовлечение в нее СССР и США. Сегодня невозможно восстановить даже в общих чертах историю этих глубоко законспирированных сложных акций. Однако, общеизвестны усилия Черчилля предупредить Сталина о готовящемся нападении Третьего Рейха на СССР, а также и недоверие Сталина к подобным информациям, принимаемых им за провокацию. Независимо от того, как развивались тогда приготовления Сталина к включению в нужный момент СССР в "империалистическую войну", несомненно, что со стороны Англии тогда было предпринято все возможное для как можно более скорого открытия **второго фронта** против Германии.

Однако, лидеры Великобритании не могли не знать идеологической доктрины Гитлера по этому вопросу, недвусмысленно

выраженной в его “Майн Кампф”-е: Германия не может и не должна вести войны на два фронта.

Поэтому в провокационные планы для вовлечения СССР в войну входила, в первую очередь, ликвидация гитлеровского проекта “Морской лев” - высадки десанта на Британские острова. Ликвидация этого плана началась с эвакуации британской армии из Дюнкерка. Если бы эта армия попала в немецкий плен, что логически следовало ожидать, исходя из создавшегося тогда военного положения, то немецкая высадка в Англии была бы неизбежной, конечно, если бы до этого сама Англия не пошла бы на какой-нибудь договор с Германией. Возможно, что для этого произошла бы перемена правительства в Англии, как на это намекают некоторые авторы. Значит, исходным пунктом для всех этих стремлений к расширению войны была необходимость не допустить плена британской армии под Дюнкерком.

Сегодня многие думают, что такие действия в рамках жесткой тоталитарной диктатуры Гитлера были невозможны, из-за ее идеологической и организационной монолитности. Однако, именно в таких неестественных монолитных структурах часто происходят самые невероятные провокации. Кроме того, исторический анализ не может исходить из предположений “а приори”, а должен следовать заключениям “а постериори”. В данном случае, заключение простое и ясное: Герингу удалось уговорить Гитлера отдать приказ молниеносно наступающим немецким танковым соединениям остановиться перед Дюнкерком, давая таким образом возможность Англии эвакуировать 338.000 человек. Вскоре после этого, немецкие планы для высадки в Англии были отменены. Начались приготовления к нападению на СССР.

Всем известна идиотская расовая теория Гитлера, считавшего, что англичане тоже принадлежат к “высшей германской расе”. Однако, ни эта идеология Гитлера, ни известное бахвальство Геринга, что, мол, “Люфтваффе сама справится с английской армией”, не объясняют полностью этого **приказа наступающей немецкой армии стать на месте**.

Напрашивается вопрос: кто же был провокатором за спиной хвастуна Геринга? Подобный же вопрос напрашивается и при анализе последующей “восточной политики” Германии на занятых территориях СССР: кто был провокатором за спиной Розенберга и его Восточного министерства, проповедующего превращение

русских "унтерменшей" в "удобрение для Великой Германии"?

Закулисная сторона вовлечения США во Вторую Мировую войну еще более строго законспирирована. Черчилль в своих мемуарах подробно описывает свою переписку с Рузвельтом в начале этой войны. Из нее со всей очевидностью следует несомненная общность идеологической почвы обоих корреспондентов. Однако, чтобы помочь Англии победить Германию, Рузвельт понимал, что в конечном итоге **США придется открыто включиться в эту войну**. Для чего ему было необходимо предварительно добиться в третий раз победы на президентских выборах в 1940 году в США. Но, для такой победы нужно было обещать избирателям, что **США не вступят в европейскую войну**. Обе цели взаимно исключались, но преодоление таких несовместимостей и является одной из задач современной политики.

Очевидно, что наилучшим выходом являлось нападение на США, ибо в таком случае несовместимость между желанием войти в войну и собственными обещаниями о невхождении в нее автоматически бы устранялась. Практически единственной возможной альтернативой для такого нападения была Япония. Но сама Япония тогда стояла перед выбором: нападения на СССР либо на США.

Против нападения на СССР было два аргумента:

1. Японцам очень трудно воевать в климате Сибири, что японскому генеральному штабу стало ясно после пребывания японских военных частей в Приамурье в начале 20-ых годов.
2. Неудачное для японцев сражение с советской армией под Халхин Голом в конце 1930-ых годов.

В пользу же нападения на СССР говорил факт первоначальных крупных поражений советской армии в течение первых месяцев после 22 июня 1941 года. К началу зимы немецкие войска подходили к Москве и к Санкт-Петербургу, а в немецком плену оказалось несколько миллионов советских военнопленных.

Один современный документальный фильм, недавно показанный на экранах западного телевидения, прямо говорит о том, что если бы Япония напала в декабре 1941 года на СССР, а не на США, то, по всей вероятности, коммунистический режим в России не устоял бы, ибо в таком случае было бы невозможно перебросить дальневосточные войска на немецкий фронт. Одновременно,

говорится в этом фильме, США не имели бы предлога для вхождения в эту войну.

Интересно, что известные данные о деятельности немецкого коммунистического шпиона Зорге в Японии тоже указывают на некий дуализм в этой сложной провокационной игре: Сталин отказывался верить донесениям Зорге о нападении Германии на СССР 22-го июня 1941 года, но поверил его донесениям о нападении Японии на США в начале декабря этого года, вследствие чего он и дал приказ о переброске сибирских частей для спасения Москвы. Перекрытие США и Голландскими колониями на Дальнем Востоке поставок нефтяных продуктов Японии обыкновенно рассматривается как попытка "убедить японцев отказаться от агрессии в южном направлении". Однако, вряд ли эта нефтянная провокация могла преследовать цель натравить Японию сперва на СССР. Она скорее обозначала, что Японию толкали направить свою агрессию в обратном направлении, на юго-восток. Ведь на русском Дальнем Востоке нет нефти, без которой современная война невозможна, что японцы не могли не знать. Да и сами США никак не могли быть заинтересованы в том, чтобы Япония открыла второй фронт против СССР, на руку Гитлеру. Во всяком случае, в выше указанном документальном фильме прямо говорится, что если бы Япония напала на СССР, а не на США, то сегодняшний мировой порядок был бы совершенно иным.

Чтобы закончить этот краткий обзор тогдашних стратегических альтернатив, нельзя не отметить упорные указания на то, что Рузвельт все-таки что-то знал о готовящемся нападении на Перл-Харбор. Даже иногда высказываются предположения, что он мог приказать заблаговременно отвести оттуда авиаматки США. Если это действительно так, то почему же он тогда оставил в Перл-Харборе весь остальной флот? Неужели для того, чтобы наступившая затем катастрофа вызвала психологический шок, необходимый для оправдания нарушения предвыборных обещаний?

ЯДРО МНОГОСЛОЙНОЙ СИСТЕМЫ

Зародыш возникшего в результате этой войны нового мирового порядка был заложен за несколько месяцев до нападения Японии на США. В начале августа 1941 года состоялась

секретная встреча Черчилля и Рузвельта в море, на бортах военных кораблей США и Англии перед Террановой. **14 Августа 1941** года была обнародована так называемая **Атлантическая Хартия**, состоящая из восьми пунктов. Как сказано во введении к этим пунктам, США и Объединенное Королевство "находят подходящим опубликовать некоторые **общие принципы**, лежащие в основании **надежд на лучшее будущее мира**". В этих пунктах выражается отказ от территориальных претензий этих двух стран и вообще от **перемен территориальных границ, без свободно выраженного согласия соответствующих народов**. В заключении, в восьмом пункте говорится о стремлении принять все нужные меры, чтобы **облегчить непосильную тяжесть вооружений,** которую должны сносить **"народы, любящие мир**".

Конечно, эти 8 пунктов были только лишь видимой частью достигнутых соглашений. О том, что были и другие, открыто признался Черчилль в своей речи через 10 дней, 24 августа 1941 года, назвав эти соглашения **символическими** и указав на достигнутое единство англоязычных наций и на их "**решение взять на себя направление и судьбу всех трудящихся масс на всех континентах**".

В данном случае, эпитет "символическое соглашение" также обозначал **завуалированность намерений**, ибо и границы воевавших государств после этого часто менялись без какого бы то ни было согласия их народов (как это было в случае территории СССР, т. е. территории бывшей Всероссийской Империи, и Югославии), а вместо разоружения мы до сих пор видим не только стремление к самому ухищренному вооружению, но и вообще широкую продажу оружия во все уголки мира. Между прочим, фарисейский характер провозглашаемых намерений этой встречи символически выразился тогда в пении моряками на военных кораблях старой рыцарской песни "**Христианские рыцари**", в честь Рузвельта и Черчилля. Сегодня уже никто, ни в США, ни в Англии, даже не попытался бы спеть песню, провозглашающую такое "христианское рыцарство".

Основным реальным стержнем этой Атлантической Хартии было заключение "**специальных отношений**" между Англией и США для **гегемонии во всем мире**. Именно это соглашение стало **центральным ядром** всей последующей **сложной и многослойной** сети разных международных содружеств, пактов и союзов. Но

в центре этой паутиновой сети и сегодня продолжают находиться только эти две нации. Сегодня она приняла форму глубоко законспирированной организации Echelon, занимающейся всемирным сателлитным шпионажем всех телекоммуникаций во всем мире, с базами в США, Англии, Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

Вскоре после атлантической встречи состоялись встречи с участием Сталина, а затем, в августе и сентябре 1944 года, и представителей Китая. На этой последней встрече вблизи Вашингтона было решено создание Объединенных Наций вместо Лиги Наций. Наконец, в феврале 1945 года состоялась Ялтинская конференция, во время которой было принято решение о включении Франции в число стран, которые должны оккупировать и администрировать побежденную Германию. Таким образом, к первоначальному ядру 1941 года сначала был присоединен СССР, затем Китай и, наконец, Франция. Так окончательно укомплектовалась "**великая пятерка**", для возглавления Объединенных Наций. Однако эта "**пентархия**" не была однородной, а всего лишь "символической". Символичность относилась и к самому термину "демократия", каковой одинаково прилагали к себе **все** члены той пентархии. Посему, вскоре после конца войны, уже в 1949 году, учреждается Организация Североатлантического договора, в английском сокращении "**НАТО**", состоящая из США, Канады и западно-европейских стран, то есть из стран, лежащих по обе стороны Атлантического океана. Публично и официально объявленные цели этого пакта сводились в две группы: 1. Создать союз государств, прилегающих к Атлантическому океану. 2. Объединить их для защиты от стран так называемого "Коминформа", созданного в декабре 1948 года, вскоре после коммунистического переворота в Праге (в феврале 1948) и блокады Берлина (в июне 1948). Конечно, тогдашний всеобщий страх перед интернациональным коммунизмом, вскоре захватившим в свои руки Китай (за исключением острова Формозы, затем переименованного в Тайвань), оправдывал создание такого могущественного военного блока, даже при наличии недавно созданной, с целью "сохранения мира во всем мире", ООН. Но именно этот страх перед коммунизмом тогда не позволил разглядеть хотя бы неясные контуры других, **более отдаленных, целей**, при создании такой колоссальной геополитической структуры.

Даже когда через четыре года, в 1952 году, в НАТО вступили Греция и Турция, которые уже никак нельзя отнести к "атлантическим странам", никто на это не обратил чрезмерного внимания. (До этого, из 12 первоначальных стран, 10 лежали на берегах Атлантического океана. Лишь Италия и Люксембург были исключениями, хотя Люксембург входил в "Бенелюкс", вместе с Бельгией и Голландией). Также, мало кто обратил особое внимание на тот факт, что включение Китая в коммунистический блок в том же году, когда было создано НАТО, произошло не без соучастия США. Сегодня, задним числом, нельзя полностью исключить предположение, что и советский и китайский коммунизм были тогда использованы как пугало, для **подспудного создания совершенно новых мировых структур**, под покровом "борьбы с коммунизмом". Да и сам коммунизм в своих истоках в России, а затем и в Югославии, систематически и **планомерно создавал псевдоюридические оправдания для сегодняшних акций НАТО**, диктуя новые искусственные внутренние границы, "автономии" и расчленения и провозглашая новые, никогда до того не существовавшие, народы. (Например, "мусульманский народ" в Боснии). Когда же пал коммунизм в России, а вместе с ним самоликвидировался и весь "Варшавский пакт", бывший военно-политическим воплощением "Коминформа", для борьбы с которым и было официально создано НАТО, вполне естественно было ожидать и скорое сворачивание самого НАТО. Однако, как раз в этот момент (вернее чуть раньше), впервые выявились подлинные цели НАТО, до того скрывавшиеся.

Именно эта организация и является **логическим и органическим продолжением и развитием** того первого Атлантического договора, достигнутого в августе 1941 года. Повидимому, она с самого начала и была задумана в качестве **главного инструмента** для провозглашенного в 1941 году намерения "**взять в свои руки судьбу всех континентов**".

Однако, первоначально это было невозможно открыто признать, ни в Уставе НАТО, ни в его общей пропаганде. Этому мешали Ялтинские соглашения, поделившие мир на две большие сферы. (Вернее, на три, ибо не вошедшие в этот раздел страны оказались в так называемом "третьем мире"). Причем этот раздел был проведен немилосердно по живому телу нескольких стран: Германии, Кореи и Вьетнама (а затем и Китая).

По-видимому, эти ялтинские соглашения были все-таки довольно прочными, вплоть до их ликвидации на Мальтийской встрече Горбачева и Буша, на основании, может быть, каких-то еще истории не известных договоренностей. Это видно из соблюдения установленных водоразделов даже в таких случаях, как война в Корее и восстания в Венгрии и Чехословакии. Первым нарушением было включение Кубы в советский блок, хотя она несомненно лежала в сфере США. Но в данном случае, вероятно, было достигнуто какое-то дополнительное соглашение между Кеннеди и Хрущевым. Затем отдача Южного Вьетнама была несомненным поражением, в конечном итоге добровольно признанным. Симметрично-зеркальным случаем была Афганская война.

Но во всех этих региональных конфликтах НАТО еще находилось как бы под ялтинским колпаком. **Первым**, предварительным **прорывом** была **Мальвинская война**, каковая несомненно лежала вне первоначальной территории, подлежащей юрисдикции НАТО, согласно его уставу. Но это еще было до Мальты. После коллапса коммунизма и последующей ликвидации Варшавского пакта, казалось бы, отпали предлоги для существования НАТО. Однако вместо того, чтобы сокращаться, а затем и самоупраздняться, НАТО стало расширяться на Восток, удаляясь от берегов Атлантического океана. Таким образом, само по себе выявилось, что подлинные цели НАТО в действительности существенно превосходили цели, провозглашенные в его уставе.

Однако, изменение этого устава явилось бы очевидным признанием изначальной фальши, а посему и было принято решение произвести нужные изменения в политическом статусе НАТО с помощью создания совершенно новых прецедентов, для утверждения его будущей роли в новом мировом порядке. Для создания такого прецедента было решено произвести военную агрессию НАТО против Югославии, одной из стран - учредительниц Объединенных наций. Она преследовала одновременно несколько целей:

1. Изменить де-факто доктрину НАТО, в том смысле, что он имеет право односторонне вмешиваться во внутренние дела других государств, не являющихся ее членами и не находящихся на его территории.

2. Де-факто свести на нет установки Объединенных наций и Хельсинкских соглашений о ненарушимости территориальных границ суверенных государств.

3. Наглядно продемонстрировать программу будущих действий НАТО в рамках нового мирового порядка.

4. Создать юридический прецедент для ликвидации основной установки всех доселе существовавших **европейских цивилизаций**: принципа объективной и одинаковой для всех **справедливости** и необходимого **правосудия** прежде любого наказания. Достижение этих целей должно было положить **конец европейской цивилизации**, основанной на греко-римском и христианском наследии, и заменить ее новой (североатлантической?) цивилизацией.

Очевидно, что эта попытка в какой-то мере не удалась. Поэтому делаются судорожные усилия хотя бы создать прецедент для оправдания нового "правосудия", но уже основанного не на **правде**, а на мести и дискриминации. В связи с этим нельзя не обратить внимание на ее несомненный **дискриминационный антиправославный** и расистский (антиславянский) характер. По-видимому, к началу 3-го тысячелетия наступила очередь ликвидации остатков еще выживших "отличительных культур".

Будущее атлантической гегемонии и будет состоять из таких акций и сопротивлений против них. Если таковые сопротивления вообще будут возможны.

("Кадетское письмо" № 28).

И. Андрушкевич

СПРАВЕДЛИВЫЙ МНОГОПОЛЮСНЫЙ МИРОПОРЯДОК

Глубокие перемены в международном положении в мире после 11 сентября 2001 года несомненно назревали задолго до этой даты. Прошлое всегда чревато настоящим, а настоящее будущим, хотя современники в основном этого и не замечают. Вернее, своевременно не распознают и не расшифровывают всех признаков назревающих событий, которые так или иначе всегда проявляются.

В связи с этим, сегодня можно отметить два интересных вопроса, тесно связанных с современным положением в мире, которые были затронуты на 17-ом Кадетском Съезде в Канаде.

Как известно, на этот Съезд прибыл министр иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванов, который выступил с обстоятельным докладом о современном международном положении. После доклада И. С. Иванов ответил на ряд вопросов кадет. В частности, были затронуты: структура современного миропорядка и положение на Косове (где, под протекторатом НАТО, албанскими террористами было уничтожено или сильно повреждено более тысячи православных церквей, монастырей и памятников мировой культуры). Министр отметил, что он на состоявшемся перед Кадетским Съездом Общем собрании Организации Объединенных Наций, как и на других дипломатических встречах, неоднократно указывал на несомненное существование колоссальной террористической организации, распространяющейся от Косова до Филиппин, с центром в Афганистане. К сожалению, тогда иностранные международные дипломаты не обращали должного внимания на эти предупреждения, каковые сегодня подтверждаются, хотя многие еще и не решаются сделать необходимых логических заключений по этому комплексу вопросов, особенно когда это касается таких “табу”, как Чечня, Косово и Босния.

Тогда же И. С. Иванов особенно настаивал на необходимости установления “**равноправного многополюсного миропорядка**”. Затем, в диалоге, этот миропорядок был уточнен как “**справедливый**”. Конечно, тогда, в очень короткое время, предназначенное

для этого выступления, невозможно было уточнить более подробно структуру такого "**справедливого многополюсного миропорядка**", долженствующего прийти на смену не только прежнему т. н. "**двухполюсному миру**", но также и сегодняшнему "новому мировому порядку", **с одним единственным полюсом**.

Последовавшее затем неожиданное развитие международного положения ясно показало, что эти "полюса" (в множественном числе) в мире действительно существуют, причем с несомненной религиозной окраской. Конечно, нельзя слишком схематически упрощать такие сложные явления. В "Кадетском письме" уже давно отмечались некоторые геополитические теории североамериканских мыслителей, как например Фрэнсиса Фукуямы, о якобы уже наступившем конце истории, и Самуэля Хантингтона, утверждавшего, что конец истории еще не наступил, ибо еще предстоят большие столкновения между сегодняшними культурами или цивилизациями. (Недавно Хантингтон написал, что сегодня он бы предпочитал взять обратно эту свою теорию, ибо она может многих вводить в заблуждение, что мусульманские экстремисты являются легитимными представителями **всего** мусульманского мира).

Однако, если сегодня все вынуждены согласиться с несомненным наличием и других "полюсов", кроме самого большого современного полюса "**Северо-Атлантической цивилизации**", то до сих пор отсутствует ясность не только о количестве таких полюсов, но и об их контурах.

Сегодня несомненно, что решительное влияние на дальнейший ход истории, наряду с Атлантической цивилизацией, продолжает оказывать также и **мусульманский мир**, хотя в нем тоже несомненно имеются свои разделения. Но, если говорить о **многополюсном миропорядке**, то очевидно, что эта многополюсность никак **не исчерпывается** только лишь **двумя** вышеназванными полюсами. Кроме того, такая редукция многополюсности до двухполюсности, помимо ее несоответствия с реальной действительностью, была бы также весьма дискриминационной по отношению ко всем остальным полюсам, а значит, несправедливой. Так что, вместо "**справедливого многополюсного миропорядка**", опять бы утверждался "несправедливый двухполюсный миропорядок", только в ином составе, чем прежде.

Переходя к самому корню всей этой проблематики, нужно ясно и отчетливо сказать, что **справедливый многополюсный миропорядок абсолютно невозможен без признания реального наличия в мире православного полюса**. Автор этих строк в свое время предложил оформить этот православный полюс под условным названием "**Православно-Византийского союза**". Об этом уже писалось в "Кадетском письме", а также было конкретно отмечено после выступления министра иностранных дел РФ на 17-ом Кадетском Съезде.

Среди прочих возражений против этого предложения было высказано мнение, что не следует создавать еще одну лишнюю группировку в мире, а надо стремиться к нивелировке всех государств и стран в рамках ООН. Этот аргумент можно было бы принять во внимание только лишь в том случае, если бы все остальные существующие геополитические группировки самораспустились. Однако, этого не только не происходит, но некоторые из таких старых группировок даже пытаются энергично продвигаться на геополитические и экономические пространства других регионов мира.

Кроме того, само по себе название "**Византийский союз**" или "**Византийская лига**" вызывает часто реплику: "Византийских следов сегодня в мире уже больше нет". Однако, все культурные люди в мире знают, что это не так. Притом, не только в культур- ной области. В прошлом десятилетии мир был свидетелем многих инициатив для **политического объединения** разных **православных славянских** современных государств. Особенно такие тенденции стали сильно проявляться в результате анти-правос-лавной агрессии в Косове. В данном случае, чрезвычайно важно отметить, что такие тенденции по сути не имели ничего общего с так называемым "славянофильством" 19-го века, а на самом деле были **православно-византийскими тенденциями**, ибо **православные славяне принадлежат к византийской культуре**. Славянофильство же было своего рода **расовой идеологией**, стремившейся к объединению славян, главным образом по расовому признаку, а не по признакам религиозным, культурным или государственно-политическим. Например, идея славянофильства находила поддержку среди чешской протестантской интеллигенции. А написанный чехом славянский гимн "Гей славяне" даже стал государственным гимном **коммунистической** Югославии.

Конечно, в православно-византийский мир входят не только лишь одни православные славяне, но также и другие страны и области. В первую очередь греки, а затем и румыны. (Последние говорят на романском языке и считают себя потомками римских поселенцев). Именно эти две страны проявили и проявляют несомненную политическую солидарность с жертвами анти-византийской дискриминации на Косове. Но и в ряде неправославных стран имеются весьма важные области, исторически тесно связанные с византийской культурой, хотя некоторые из них сегодня уже престали быть православными.

В 2000 году я прочел в Буэнос Айресе доклад на испанском языке "Византия в Италии", в котором я подробно описал процессы вытравливания византийской культуры и византийской государственности на территории Италии, после откола Римской церкви от Православия в 1054 году. Это вытравливание первоначально проводилось, главным образом, с помощью двух геополитических инструментов: франкских и норманских военных агрессий. Эти агрессии были вызваны не только религиозным расколом, но также и трагическим **отходом папства от принципа симфонического разделения между государством и Церковью**. Стремление папства к светской власти, помимо власти церковной, как уже раньше неоднократно указывалось в "Кадетском письме", было блестяще описано Ф. М. Достоевским в его "Легенде о Великом инквизиторе" и горько оплакано Данте Алигиери в его "Божественной комедии".

Этот исторический **каинов яд** продолжает действовать и поныне. Также сегодня продолжают существовать в иных формах все те же "франки" (Германия, Франция и вообще Европейский Союз) и все те же "норманны" (Англия и США). Больше того, все они сегодня объединились в одну общую организацию, под названием НАТО, тесным союзником каковой уже давно стал негласно и **сам папа**, как об этом многократно свидетельствовали многие компетентные авторы. Да и сегодняшний конфликт Запада с мусульманским миром был уже предвосхищен тогда же, сразу после раскола, развязкой так называемых "Крестовых походов", четвертый из каковых и подорвал само существование Византийской Империи, разграблением и осквернением Константинополя в 1204 году. А через тридцать лет другой, местный "крестовый" поход попытался то же самое проделать и с

православной Россией, нападением на ее первую столицу Новгород. (Необходимо отметить, что в свое время Византия, а затем и Россия, сумели достичь известного “статус кво” с мусульманским миром).

Однако, несмотря на все эти махинации и агрессии, византийская культура продолжала не только существовать, но и дальше блестяще развиваться. Тот же Ф. М. Достоевский является одним из ее гениальных представителей. (Современные иерархи Сербской Православной Церкви неоднократно величают Ф. М. Достоевского в своих посланиях “великим пророком”.) В свое время, эта культура даже смогла дать толчок западноевропейскому так называемому “Возрождению”, хотя это возрождение было сразу же искажено мутациями в направлении языческого, а не христианского возрождения. Этот толчок тогда пришел в северную Италию из соседней византийской провинции Калабрия. До середины 11 -го века, Калабрия была одной из 31 -ой провинций Византийской Империи. Это была провинция (тема) номер 2, со столицей в Ригионе (сегодня Реджио Калабрия, напротив Мессины, недалеко от легендарных Сциллы и Харибды). В Ригионе была основана апостолом Павлом первая христианская община на европейском материке, во время его путешествия из Святой Земли в Рим. (До этого им была основана христианская община в Сиракузах, в Сицилии). Провинцией номер 1 была Ломбардия, на противоположной, адриатической, стороне итальянского “сапога”, со столицей в Бари. Тогда в Калабрии процветала православная византийская культура. Она даже считалась второй “Святой горой”: на ее территории находилось около **400 православных монастырей**. Некоторые из них занимались изданием рукописных книг на греческом языке.

После моего доклада о “Византии в Италии” были продемонстрированы цветные слайды византийских зодчества, фресок и мозаики в Равенне, бывшей столице западной Римской Империи, а затем и византийского экзархата в Италии. Тогда же мне было высказано пожелание развить эту тему, а также описать более подробно византийское наследие на юге Италии, в Калабрии.

Милостью Божией, вскоре после этого мне представилась возможность поездки в Европу, в которую было включено также и восьмидневное посещение Калабрии, в начале октября 2001 года.

Прибыв в столицу Калабрии - Реджио Калабрия, мне сразу же

удалось связаться с местными византинологами. Первый из них, профессор Джиакомо Олива, меня сразу же поразил. Когда я ему рассказал о моем предложении создания Византийского союза (или Византийской лиги), он мне ответил, что подобное предложение **было уже сделано** представителями калабрийской интеллигенции несколько лет тому назад. Тогда Европейскому Союзу было предложено создать в его рамках Византийский сектор, состоящий из Греции, Румынии, Калабрии и России. Профессор Олива сказал, что это предложение тогда не было принято, под предлогом того, что Россия не входит в Европейский Союз. Румыния же не представляет затруднений, ибо она уже является кандидатом для вступления в Европейский Союз. А России еще, мол, далеко до этого. Конечно, такая отговорка абсолютно несостоятельна и необоснованна, ибо в Европейский Союз, например, с самого начала входит Англия, каковая одновременно является учредительницей и членом бывшего "Британского содружества народов", сегодня просто "Содружества народов", другие члены которого не состоят в Европейском Союзе. Да и Франция тесно связана с некоторыми своими бывшими колониями в Африке, которые также не входят в Европейский Союз.

Профессор Олива считает, что усилия для создания "Византийской Лиги" нужно непременно продолжать. Он меня также просил дальше говорить и писать об этом. Вообще, он считает, что Россия в этих процессах должна играть особенную роль. Дальше он рассказал, как греческо-византийское население Калабрии более пяти веков защищало греческое богослужение в своих монастырях и храмах. После признания папой в 1061 году норманской инвазии Калабрии, эта провинция оказалась под папской церковной юрисдикцией. Но лишь в 17-ом веке ей удалось окончательно ликвидировать греческое богослужение в Калабрии, и заменить повсюду литургию Святого Иоанна Златоуста римской мессой. Сегодня греческая литургия в Калабрии снова разрешена, но от 400 монастырей не осталось ни одного. (Униатская Вассилианская конгрегация была введена в 1579 году, но сегодня униаты тоже исчезли, как мавр, сделавший свое дело).

Однако, несмотря на все это, волей Божией в Калабрии сегодня снова начали служить литургию Святого Иоанна Златоуста. На месте разрушенного монастыря Святого Иоанна

Феристиса, в местечке Бивонджи, в 1994 году был снова восстановлен православный греческий монастырь, в составе греческой Итальянской Митрополии, в юрисдикции Константинопольского Патриархата. “А в горном местечке Джераче служит русский эмигрант, отец Димитрий Макаров, родившийся в 1921 году в Шанхае”, - говорит профессор Олива. В свою очередь, профессор Доменико Минуто, член калабрийского Комитета византийских исследований, дает своего рода первоначальную программу Византийской лиги:

> 1. Страны и области, не принадлежащие к традициям северо-западной Европы, и в первую очередь страны юго-востока Европы, ведущие свои культурные традиции от византийской культуры, должны требовать и настаивать, чтобы **их специфическое мировоззрение тоже принималось во внимание** в рамках сегодняшней “глобализации”. Ведь такая “глобализация” не будет подлинной, если в ней будут монопольно господствовать только лишь воззрения народов северо-западной Европы. (Я спрашиваю профессора, понимает ли он под северо-западной Европой франко-норманские структуры, продолжающие существовать и по сей день. Профессор отвечает, что да, конечно, например, сегодняшние европейские структуры в основном являются франко-норманскими).
>
> 2. Самой важной целью византийского содружества должна быть **повсеместная защита памятников византийской культуры от современного варварства**. Например, на эгейском побережье Малой Азии около трех тысячелетий процветала эллинская культура. Фактически там зародились не только философия и наука как таковые, но и сама европейская цивилизация. Там и сегодня продолжают стоять разрушенные и разрушаемые памятники христианской византийской культуры. После этнической чистки греческого населения в начале 20-х годов прошлого века, с попустительства Англии (и ленинского РСФСР), и после варварских разрушений, совершенных младотурками, сегодня наступает, утверждает професор Минуто, **следующий этап осквернения: превращение разрушенных православных святынь в туристические притоны** для времяпрепровождения современных варваров - туристов. В очень многих местах византийского мира происходили и происходят и дальше подобные варварские разрушения и осквернения (Кипр, Хорватия и Босния, Косово, Западная Украина). Мы не смеем молчать по этому поводу, но **должны оставлять для истории свидетельства нашего протеста**.

3. **Византийская культура и сегодня может дать много хороших и положительных ответов на разные современные проблемы**, в том числе и в области экономики. Об этом необходимо иногда напоминать. Например, древняя Римская Империя тоже была своего рода экономически "глобализированным" миром. Все жизненные соки этого мира шли в одном направлении: в сторону Рима. Из Африканских провинций и из Египта направлялась пшеница, из Калабрии - вина, оливковое масло и керамическая посуда для них. Когда этот "глобализованный" рынок рухнул, то в Калабрии, уже во времена Византийской Империи, крах этого глобализованного рынка не обернулся крахом рынка вообще, ибо **на месте одного-единственного глобального рынка возникло множество местных рынков**. В данном случае невозможно в одной статье передать всего содержания этих и других разговоров в Калабрии на данную тему. Также невозможно описать в данный момент и все разговоры, наблюдения и впечатления во время моего объезда всей Калабрии на автомобиле.

В заключение можно лишь отметить, что в маленьком приморском городке Бова Марина, в центре южного побережья Калабрийского полуострова, до сих пор все названия улиц и площадей обозначены не только на итальянском, но также и на греческом языке. По этому поводу, сопровождавший меня гид пояснил: "Это последнее географическое убежище **Византии** в Калабрии, после тысячелетнего уничтожения".

Однако, это лишь **видимое последнее убежище**. Кроме видимой действительности, в сегодняшнем мире, утверждает профессор Минуто, есть очень много реальных действительностей, которые скрыты от общего внимания, ибо сегодняшний несправедливый миропорядок все еще пытается не допустить их проявления, кристаллизации и формального признания.

Пока этого признания реального многообразия не произойдет, в мире не будет справедливого многополюсного порядка.+

("Кадетское письмо" № 29).

ОСНОВЫ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ
(ВСТУПЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ ДЛЯ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ)

1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

В древней Греции, 2500 лет тому назад, впервые зародились политические и общественные науки. Первыми создателями этих наук являются Платон и Аристотель. Они были авторами нескольких фундаментальных трудов в этой области.

Аристотель в своей **"Политике"** дает определение человека как "общественного животного". Но сразу после этого он добавляет, что некоторые виды животных тоже живут общественной жизнью, как, например, пчелы и муравьи. Разница между общественной жизнью человека и общественной жизнью животных заключается в том, говорит Аристотель, **что человек обладает свободой выбора**. Он в обществе может вести себя плохо или хорошо, и вообще он может поступать плохо или хорошо, в то время как поведение животных в обществе более предетерминировано, предопределено. "**Только человек обладает чувством добра и зла**, справедливого и несправедливого". (Аристотель. Политика. 1,1, 1253).

Таким образом, если человек является существом, нуждающимся в общественной жизни, для которого неестественно жить в одиночестве или только в семейном кругу, то эта **свободная** общественная жизнь человека не регулируется только лишь инстинктом и генетическим наследием. Должна быть какая-то **добавочная регулирующая сила** в рамках человеческого общества.

2. НРАВЫ И ЭТИКА

Эту общественную регулирующую силу, от которой зависит само благополучное существование общества, Аристотель называет греческим словом **"этос"**, что можно перевести на русский язык словом "**нравы**". Сумма этих нравов есть "**нравственность**", по-гречески "**этика**". Римляне "нравы" назы-

вали латинским словом “**морес**”, от которого происходит “**мораль**”. Значит, для того, чтобы понять суть человеческого общества и его функционирования, необходимо в первую очередь учитывать нравы этого общества.

Поэтому, Аристотель перед тем, как написать свой труд “Политика”, пишет “**Этику**”, ибо без этики нельзя понять общественной и политической жизни. Общественные нравы являются своего рода **осадком коллективного опыта каждого общества**. Каждое общество, чья жизнь превышает длительность жизни отдельных его членов, накапливает этот опыт в конкретных условиях своего бытия. Таким образом, этот общественный опыт выходит за рамки жизни отдельного человека. Конечно, этот накапливаемый обществом опыт постоянно развивается, или эволюционирует, в ту или иную сторону. Но, за исключением катастрофических моментов, такая эволюция нравов, с точки зрения отдельного человека, происходит очень медленно. Другими словами, человек рождается, живет и умирает в рамках более или менее однородной системы нравов, за исключением революционных, или катастрофических, периодов. (Латинское слово “революция” соответствует греческому слову “**катастрофа**”. Это последнее слово более точно и более объективно определяет сущность революционных, сиречь катастрофических, последствий таких грубых нарушений общественной эволюции.)

Часть таких накопленных обществом нравов постепенно “сгущается” **в предварительную форму права**. Это то, что по-русски называется “**обыденным правом**”, и что Аристотель называет “аграфа номи”, то есть “**неписаные законы**”. Аристотель говорит, что такие неписаные законы важнее писаных, не только потому что неписаные законы существуют раньше писаных, но и потому что писаные законы в основном вытекают из неписаных. По-русски писаные законы мы называем **положительным правом**, в отличие от обыденного права. Одной из функций общества является установление права. Где общество, там право (Ubi societas, ibi jus) .

3. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО

Однако, если углубить дальше этот анализ общества, его сути и его функционирования, то мы с самого начала наталкиваемся на два важных обстоятельства.

Во-первых, человеческие нравы сами по себе несомненно связаны с религиозными верованиями, господствующими в данном обществе. Значит, необходимо исследовать соотношение между религиозными верованиями и нравами человеческих обществ.

Во-вторых, исходя из того факта, что из нравов вытекает так или иначе положительное право, мы должны также исследовать в этой связи роль "естественного права".

Естественное право - это как бы своего рода **общий знаменатель** всех частных обыденных прав, то есть естественное право - это та часть всех общественных нравов и всех общественных неписаных законов, которая присуща всем обществам. Например, заповедь "Не убий" присуща всем человеческим обществам. Значит, она имеет характер, **выходящий за рамки отдельного общества**, то есть, другими словами, она имеет **трансцедентальный характер**. Древние юристы говорили, что такое право является **естественным**, ибо оно лежит **в самой природе человека**.

Наш великий писатель Ф. М. Достоевский пишет: "При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей **мистических**". ("Дневник писателя", 1880 год). Значит, Достоевский считает, что **нравственные идеи неразрывно связаны с идеями мистическими или религиозными**.

Действительно, если мы проследим историю всех нам известных обществ, то мы будем вынуждены установить, что **фундаментом всех человеческих обществ были религиозные верования** и тесно с ними соприкасающиеся общественные нравы, из которых выкристаллизировалось потом общественое право. Особенно это видно в те моменты, когда эволюция отдельного общества подводит его к принятию государственных форм.

Все исторически известные государства всегда зарождались под сильным влиянием религиозных факторов. В истории человечества мы видим две большие группы государств:

1. **Государства с большой территорией**, как, например, Древний Египет и древние государства Месопотамии (Ассирия, Вавилон).

2. В своих истоках **территориально малые государства**, как, например, Ветхий Израиль, древнегреческие государства и первоначальное Римское государство.

Все государства этих обеих групп были в значительной мере, хотя и по-разному, **религиозными государствами**. Причем религиозные элементы в этих государствах не только оказывали сильное влияние на их общественную жизнь, но также оказывали и определяющее влияние на характер и форму самого государства и его политических учреждений. Это есть несомненный и неоспоримый исторический факт, с каковым не могут не считаться общественные и политические науки.

Причем, в некоторых случаях, именно этими религиозными факторами объяснялся характер и самих нравов, и связанного с ними юридического права. Например, в Древнем Израиле все право выводилось исключительно из религиозного законодательства, каковое, в свою очередь, имело своим происхождением Божественное Откровение, данное Израилю и всему Человечеству через пророка Моисея на горе Синай, в виде Десяти Заповедей.

В свою очередь, мы видим, что абсолютно во всех государствах верховная государственная власть изначально всегда была нерасторжимо связана с исполнением религиозных священнодействий, в первую очередь с жертвоприношением. Так, основатель древнего Израильского государства, пророк Моисей, был одновременно Первосвященником и Вождем народа. Лишь под конец сорокалетнего странствования по пустыне и уже ввиду Обетованной Земли, Моисей разделяет свои функции, передавая Первосвященство своему брату Аарону. Это и было историческое начало братской **симфонии** (созвучия) между политической властью и церковной властью.

Когда в Древних Афинах первоначальная монархия эволюционирует в аристократический, а затем и народный "полис", должность "василевса" (царя) все же сохраняется, с добавлением к этому титулу слова "священный". Единственной функцией этого "священного царя", по-гречески "иерос василевс", были жертвоприношения, от имени всего города. То же самое произошло чуть позже и в Римском Полисе (Римской Республике), где после исчезновения должности царя (rex) создается должность "священного царя" ("rex scarorum").

4. ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО?

Первоначальным видом человеческого общества является семья. Когда семья увеличивается, она со временем превращается в род (клан). Несколько или много родственных родов могут

образовать племя, а несколько племен, объединяясь, образуют народ. Все эти общественные организации внутренне связаны, главным образом, общим происхождением от одного **общего родоначальника**. Конечно, кроме родственных, генетических связей, такие общества объединены также общностью языка, нравов, верований и обыденного права. Кроме того, важным фактором в их жизни является территориальная близость. Значит, члены этих обществ имеют между собой не только близкие или отдаленные родственные связи, но также являются близкими или дальными **соседями**.

5. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Однако, для образования государственных организаций одних общественных связей недостаточно. Из всех сыгравших большую роль в истории народов только лишь **Ветхозаветный Израиль** создал государственноподобную организацию, опираясь почти исключительно на родовые и племенные отношения, вначале без территориальной связи. Это было вначале патриархальное государство, к тому же в течение первых 40 лет своего существования не имевшее своей территории, а блуждавшее по пустыне. Однако целью этого блуждания было как раз приобретение своей собственной "обетованной земли". Когда еврейский народ дошел до этой своей "обетованной земли", то она сразу же была распределена между 12 коленами, или племенами, израильского народа. Вначале государственная жизнь этого народа вращалась вокруг религиозного руководства (Судьи, Пророки) и племенных вождей отдельных колен. Но с установлением монархии в 11 веке до Р. Х. (царь Саул, а затем царь Давид), со столицей в Иерусалиме, это государство приняло форму нормального государства, в котором **территориальный элемент важнее родового и племенного**.

Другие два древних государства на Ближнем Востоке, образовавшиеся гораздо раньше Израильского, были созданы под влиянием, главным образом, **геополитических условий. Древний Египет** был государством, главной целью которого было обеспечить земледельческую культуру на колоссальном протяжении долины вокруг Нила. Так как Нил ежегодно выходит из своих берегов и широко разливается, а затем снова возвращается в свое русло, оставляя на наводняемых полях широкие

пласты плодотворного ила, то ежегодно приходилось перераспределять земельные участки после таких наводнений. Никакие вехи или межи не сохранялись после наводнений, и поэтому было невозможно закрепление земельных участков за их собственниками. Только лишь **сильная центральная власть** с непререкаемым религиозным и политическим авторитетом могла обеспечить быстрое распределение территорий после наводнений, чтобы можно было во-время совершить необходимые посевы, и одновременно организовать **правильное распределение воды по каналам для орошения**.

В **Месопотамии** (Асирия, Вавилония), между реками Тигром и Евфратом, было необходимо создать и поддерживать сложную сеть мелиорационных каналов, для орошения пустынной земли. Это тоже требовало сильной централизованной власти на больших территориях.

Кроме того, можно добавить, что такой государственный строй в Египте и в Месопотамии вызывал необходимость развития астрономических и землемерных наук и техник.

6. ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Первые государственные образования в Европе имели место в Греции, а затем в Италии. Греческие племена прибыли с севера на территорию сегодняшней Греции приблизительно в 19 веке до Р. Х. В 16 или 15 веке они завоевали остров Крит, на котором существовала высокоразвитая мореходная культура народа, по-видимому происходившего из Малой Азии. Эта культура была под сильным влиянием **финикийской** и **египетской** культур, но она имела собственные своеобразные черты. Она не строила ни городов, ни крепостей. Вся жизнь вращалась вокруг больших двухэтажных дворцов с колоссальным количеством комнат, в большинстве своем предназначенных для хранения земледельческих и других продуктов. Греки называли такое государство "**таласократией**", то есть "морской властью". Оборона этого государства осуществлялась его флотом на море, а **дворцы были административными и хозяйственными центрами и складами**. Эта культура называется **критской**, а на западе ее также называют **миносской**, по имени царя Миноса, имевшего свой дворец в Кносоce, который назывался Лабиринтом.

Вначале общественная структура этого критского государства

была перенесена греками на Греческий полуостров. По-видимому, эта первая греческая культура, которую называют **микенской**, по ее столице Микены, просуществовала вплоть до войны с Троей, приблизительно в 12 веке до Р. Х. В это время она рухнула под наплывом с севера нового греческого племени дорийцев. В результате, перенятая с Крита общественная организация вокруг бюрократических центров и складов полностью исчезла и снова возымела верх прежняя родовая организация греческих племен. Однако, влияние финикийской цивилизации (сегодняшние Ливан и Сирия) не прекратилось.

Приблизительно около 1000-го года до Р. Х. происходит **образование Афинского государства**. С этого образования **начинается европейская цивилизация** и **новый тип государств**, сильно отличающийся от больших восточных государств.

Во-первых, эти европейские государства были очень **маленькими государствами**, по сравнению с восточными. Во-вторых, они образовались не на открытой территории больших речных долин, а на **маленьких пространствах**, сжатых между горными хребтами и морем.

Главной причиной начала государственного сожительства родственных родов и племен на определенной территории в Греции было желание жить **более цивилизованной жизнью** (а не необходимость землемерческих и мелиорационных работ, как это было на Ближнем Востоке), при **сохранении свободы в рамках** государства, как это было до этого в рамках отдельных родов.

В мирное время такая жизнь требовала решения всех спорных вопросов в обществе путем **третейского, а затем княжеского суда**, а во время войны требовало наличия **постоянного военного руководства** (вождя, воеводы).

Греческая легенда о создании Афинского государства приблизительно за 1000 лет до Р.Х. говорит о **согласии совместно жить нескольких деревень**. Они это согласие назвали "синекией" ("со" + "дом"), и считали его священным.

Интересно, что приблизительно в то же самое время греки приспособили для своего употребления финикийский алфавит (каковой, в свою очередь, развился из позднейших форм упрощенных египетских иероглифов). Финикийский алфавит не имел гласных, а только согласные. Однако, по своему характеру греки любили ясность в произношении, а также **ясность в смысле**

каждого отдельного слова, что при алфавите без гласных невозможно, ибо многие слова можно читать по-разному. (Из греческого алфавита развились все остальные главные алфавиты: сначала этрусский, затем латинский, и, наконец, наша кириллица, созданная святыми Кириллом и Мефодием в год основания русского государства, в 862 году.)

В то же самое время, в Афинах афинским царем и героем Тесеем был провозглашен начальный **коренной принцип Европейской цивилизации: сожительство должно основываться на справедливости, а не на мести.**

Римляне основали свой город в 753 году до Р. Х. подобным же образом: объединением трех племен под руководством общего царя Ромула. (Царь по-латыни - "рекс", а по-гречески - "василевс").

Интересно, что образование Русского Государства в 862 году произошло точно таким же образом: **объединением восточнославянских племен** вокруг Новгорода, на Вечевой площади которого собравшийся народ "**реша сам в себе**" призвать князя "**дабы правил нами по праву**". Значит **у наших предков уже было свое собственное право**. Кроме того, у них уже существовали некоторые догосударственные структуры, как, например, **вечевые сходки** и начальники города (посадники и тысяцкие).

Двумя первоначальными функциями этой княжеской власти было **возглавление военной рати** на случай войны, а в мирное время **беспристрастный суд**, на основании имевшегося у славян их **обыденного права**. Таким образом, совершенно неважно, кем был в действительности первый призванный князь. Важно то, что было создано **государство по территориальному признаку** со столицей сначала в Новгороде, при одновременном учреждении **наследственной княжеской** арбитражной и надплеменной судебной власти, а на случай войны княжеского надплеменного воеводства.

При малолетнем сыне Рюрика Игоре столица древнего Русского Государства была перенесена на юг, в Киев. Регентом княжества в это время был князь Олег. Уже при князе Игоре **впервые упоминается в международных документах в 945 году имя нового государства: "Росия".** Так в договоре Русского Государства с Византийской империей была названа наша "Русь".

Вскоре, в 988 году, при внуке князя Игоря, князе Владимире,

произошло **Крещение Руси**. Русь приняла Христианство из Константинополя, где также находилась столица Византийской Империи. Русская Церковь стала 61-ым митрополичьим округом Константинопольской Православной Церкви. Русская церковь возглавлялась Митрополитом, до 1300 года в Киеве, а затем во Владимире, а еще позже в Москве Патриархом. Крещение Руси стало **началом великой русской культуры**, а также укреплением и оформлением **исконной русской государственной идеологии**.

Коренные отличительные признаки этой **русской идеологии**, в хронологическом порядке, образуют следующее определение:

Русское государство должно быть **народным, правовым, соборным, монархическим и православным**. +

(“Град Китеж, ведомости Организации Российских Юных Разведчиков в Южной Америке”. № 5. Август 2002 года.)

И.Н.Андрушкевич

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ПОДЛИННО ЛЕГИТИМНОЙ ВЛАСТИ

(ТЕОРИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ИСПАНСКОГО ФИЛОСОФА ОРТЕГА-И-ГАССЕТ)

Легитимность в истории

Термин и понятие «легитимность» римского происхождения, как и большинство политических и юридических выражений на современных языках. Посему это понятие невозможно толковать без учета его первоначального смысла, который оно имело в Римском Государстве. Вообще, толкование понятия легитимности выходит далеко за рамки политической науки. Оно тесно связано с социологией и, конечно, требует глубокого знания и понимания истории, которая является экспериментальной лабораторией политики. Одним из глубочайших толкователей римской истории является испанский философ Хозэ Ортега-и-Гассет (1883–1955).

Теория политической легитимности Хосэ Ортеги-и-Гассета изложена в его труде на историческую тему – *«Одна интерпретация мировой истории»*. Однако эта теория основывается и на социологической системе философа, представленной главным образом в работах «Человек и люди» и «Идеи и верования».

Книга «Одна интерпретация мировой истории» впервые была издана посмертно в 1960 г. в Мадриде и представляет собой 12 лекций, посвященных критике монументального труда английского историка и эллиниста Арнольда Тойнби «Исследование истории», прочитанных в 1948–1949 гг. в Мадриде. Центральной темой этих лекций является «*анализ жизни, превращенной в нелегитимность*, двумя гигантскими примерами каковой стали времена упадка Римской Республики и времена, которые мы сами приветствуем»[1] .

Ортега особенно подчеркивает, что, согласно гипотезе Тойнби, субъектами истории являются цивилизации, или «большие общества», каковых за всю историю человечества было всего около двух десятков. (Из них продолжают существовать, согласно Тойнби, всего лишь пять: западноевропейская, восточноевропейская, исламская, индийская и дальневосточная.) Справедливости ради следует отметить, что подобная теория впервые была выдвинута крупным русским мыслителем Н.Я. Данилевским, хотя я думаю, что Ортега этого не знал.

Разделяя такую точку зрения, он возражает Тойнби в связи с его гипотезой о жизненных циклах отдельных цивилизаций и их «отцовско-сыновней» преемственности. Ученый оспаривает этот детерминистический подход к жизненному циклу цивилизаций, ранее высказанный и Шпенглером. Философу чуждо само понимание *предопределенного чередования разных исторических «формаций»*, ставшее модным под идеологическим засилием исторического материализма.

Ортега утверждает, что строгий научный анализ применим к истории только одного государства: Римского, поскольку это единственное крупное государство, *начало и конец* которого нам хорошо известны. Научный анализ исторических процессов возможен лишь при условии «осцилирующего» созерцания всего исторического процесса, от начала до конца. Наш глаз наблюдателя, говорит Ортега, должен скользить по всему историческому периоду изучаемого явления, постоянно и многократно возвращаясь туда и обратно. Иллюстрируя эту свою теорию, Ортега анализирует историю Римского Государства. Своего рода побочным продуктом анализа и является теория Ортеги о политической легитимности, подкрепленная его собственной социологической доктриной.

Эта блестящая теория, соединившая историю, социологию и политику, демонстрирует проникновение в психологию римского менталитета, что особенно важно для точного, научного определения ряда *римских политических терминов*, которыми продолжает пользоваться и современная цивилизация. Среди них не последнее место занимает легитимность.

Коллапсы вызваны потерей легитимности

Ортега вслед за Тойнби утверждает, что нации или народы являются лишь частями «больших обществ», или цивилизаций. Человеческая история – следствие проявления и взаимодействия этих цивилизаций.

Для того, чтобы определить каждую из цивилизаций, необходимо уточнить ее протяженность во времени и пространстве. Тойнби и Ортега начинают этот анализ с западноевропейской цивилизации, конец которой еще не известен, ибо она пока не кончилась. Однако известно начало – конец греко-римской цивилизации, которому предшествовал период великолепия Римской Империи, Тойнби называет ее *«универсальным государством»*. Ортега подчеркивает большое значение, придаваемое Тойнби такому «универсальному государству», *прототипом и образцом* какового «для Тойнби и для кого угодно» является именно Римская Империя. Это и есть центральная тема труда Тойнби, говорит Ортега, и посему на нее надо обратить особое внимание.

Наибольший интерес в этой связи представляет вопрос, почему эта цивилизация (и вообще всякая цивилизация) приходит в *упадок* и в конечном итоге гибнет. Тойнби считает, что главной причиной упадка и последующей гибели является *«раскол в душе»* той или иной цивилизации. Однако Ортега заявляет, что следует рассматривать «эту или схожую действительность в свете идеи *нелегитимности*», ибо нелегитимность в конечном счете ведет к упадку. Таким образом, суть истории постигается с помощью понятий «легитимность» – «нелегитимность». Исходя из этого, Ортега и предлагает свою собственную теорию легитимности, которая одновременно является его *теорией общества*.

Зарождение общественных структур

Ортега считает, что зарождение общественно-государственных образований у всех примитивных народов начинается с выдвижения лидеров, ведущих за собой всех членов формирующегося общества. Вожди способны создать и *предложить проект или программу общих действий,* особенно в моменты надвигающихся опасностей. Они в состоянии *приготовить* (по-испански ***preparar***, по-латыни ***preparare***) всё необходимое для того, чтобы данная акция была удачной. Такой «*приготовитель*», «*направитель*» или «*управитель*» (в том смысле, что он может справиться с делом) на архаической латыни назывался imparator или imperator. Ортега отмечает, что самый древний из поэтов Рима Ennius употребляет слово induperator, которое уже в его время считалось очень архаичным. На близком к латыни языке племени осков такой лидер назывался embratur[2].

Так в обществе появляются *временные лидеры.* Они являются вождями первых недолговечных государственных образований до тех пор, пока не исчезает опасность или не кончается сражение. С этого момента начинается общество как таковое, ибо масса людей, до того бывшая аморфной, получает *новую структуру*, состоящую из предводителя и его последователей.

Ортега считает, что от слова «*следовать*» (по-латыни sequi, sequor) происходит слово socius, *последователь* или *спутник*, а от него, в свою очередь, выражение societas – *общество*[3] . От этого же корня происходят слова экзекуция, consequens (последовательно), exequias (буквально «следование за гробом»), секундант, и т. д. Значит, происходящее от этого же корня слово «социализм» никак не может выражать идею «*равенства*» в обществе, ибо оно обозначает, наоборот, *иерархическое неравенство.*

На начальном этапе слово «император» еще не является титулом, оно всего лишь «нарицание», а посему не выражает никакой легитимности.

После первого этапа наступает второй, когда в образующемся обществе формируется и *«созревает сложное, но одновременно определенное представление о жизни и мире».* Ортега исходит из того, что первоначально у римского народа, *«как и у всех народов всех времен, такое мировоззрение может быть только*

***религиозным**. Отдельный индивидуум или группа индивидуумов могут жить, имея не религиозное представление о мире, но народ как таковой не может иметь иных идей о мире, кроме религиозных»*[4] .

С развитием религиозного мировоззрения возникает необходимость в постоянных и определенных *обрядах.* Однако обряды, касающиеся общественной жизни, не могут быть исполняемы любым членом общества, а лишь теми, кто в течение долгого времени заслужил всеобщее признание. То есть в обществе имеется консенсус по поводу того, что только эти люди обладают нужными предпосылками для исполнения религиозных обрядов от имени всего общества. Именно таким образом, говорит Ортега, появляется в обществе первая постоянная власть, вернее, *первый постоянный авторитет* и первая постоянная государственная функция в виде управляющего «священнодействиями» (по-латыни sacrificium), которые вскоре становятся, главным образом, жертвоприношениями. Такой *священный управляющий* (по-латыни rex sacrorum) выступает первой легитимной властью в обществе. Еще не существует никакого разделения властей, и этот управляющий является не только первосвященником. Он одновременно исполняет по мере возможности и все другие государственные функции: вождь войска, законодатель и верховный судья. Он обладает полнотой власти, имеет, подчеркивает Ортега, imperium legitimum – *легитимное управление* [5].

Значит, первая легитимная власть в государстве является постоянной, ее не может исполнять любой, а только тот, кто имеет на это неоспоримое *предварительное право*.

Таким образом, rex (этот титул, мне кажется, было бы лучше переводить термином «*князь*», родственным германским «king» и «Koenig», а не словом «царь», как это принято в русской литературе) уже не спонтанно возникший временный вождь государства, каковым до этого был временный император, а *постоянный легитимный правитель.* Он не *временный управляющий*, а постоянный правитель, обладающий *полнотой легитимной власти*, как говорит Салустий. И он, конечно, подчеркивает Ортега, является «*царем милостью Божией*»: *«Первоначальная легитимность, прототипная, единственная компактная и насыщенная, всегда принадлежала у всех народов царю по милости Божией. В чистом виде другой нет»* [6].

С возникновением такой легитимной власти временная, авантюрная и преходящая фигура императора как бы исчезает, но само слово сохраняется и потом присваивается в Риме всем победоносным генералам. Так, даже нелегитимные титулы могут быть частично сохранены под покровом легитимности. Титул снова всплывет, когда легитимность в государстве исчезнет, а необходимость в сильной власти возрастет. Это будет император Римской Империи – от Юлия Цезаря до Константина Великого.

Государственные учреждения в рамках легитимности

Третий этап Римского Государства имеет исключительный характер как раз в связи с проблемами легитимности, считает Ортега. Дело в том, что через два с половиной века после установления первым царем Рима Ромулом монархической легитимности разразился глубокий политический кризис: назрела необходимость прекратить существование монархии, но при условии сохранения легитимности.

Отступая немного в сторону от этих рассуждений Ортеги, необходимо отметить, что римляне называли свое государство *республикой* в течение всех трех этапов его существования: царского периода от 753 до 510 г. до Р.Х., консульского периода от 510 до 30 г. до Р.Х. и имперского периода, после этой последней даты. Цицерон, на которого так любит ссылаться Ортега, пишет: *«Когда в нашей Республике были цари»*[7]. Сам термин «республика» обозначает «государство» в смысле «общее дело». Лишь под влиянием революционной антимонархической пропаганды во Франции это старое римское слово было взято «на вооружение» и ему был придан антимонархический и даже агностический смысл, что являлось абсолютным искажением истины.

Ортега подчеркивает, что в основании Римской Республики, несомненно, присутствовали сильные религиозные и политические этрусские элементы. Само имя «Рим» этрусского происхождения. Однако население Рима было латинским. После Ромула римляне призывают себе в цари иностранца, сабинянина Нуму Помпилия. Тит Ливий пишет, что это призвание было сделано на основании того, что «Нума Помпилий был величайшим знатоком всего божественного и человеческого права».

Как говорит известный историк Рима Моммзен, город возник в результате *соединения нескольких племен, живших в нескольких*

соседних деревнях. Момзен этот процесс называет «синекией», т.е. «*сожительством*» (от греческих слов «син» и «экос», «со» и «дома»). Такое же происхождение имел и Афинский полис, где «Синекия» даже считалась богиней. Так вот Ортега предполагает, что в этом объединительном процессе нескольких латинских деревень в новый город Рим этруски играли роль катализатора. Он даже допускает возможность, что первый царь Рима Ромул был как бы «поставлен» этрусками, независимо от того, был он этруском или нет. Однако, несомненно, что не только народ Рима, но и его коренная «аристократия» были латинянами. Возможно даже, что эти латинские племена раньше имели своих племенных князей, как это было и у нас на Руси до призвания общего князя Рюрика. Ортега подчеркивает, что римляне никогда не отрицали исключительного вклада этрусков в их религиозную и государственную организацию, особенно в области обрядов и церемоний.

При первых царях Рима римская аристократия и римский народ не чувствовали чужестранного засилия, ибо, по-видимому, такового и не было. Лишь последние три царя были этрусскими чужеземцами: Тарквиний Старший, Сервий Тулий и Тарквиний Гордый. Сервий Тулий больше всех, после Ромула, привнес в организацию Римского Государства характерные римские учреждения: организация *выборов по центуриям*, учреждение *призывных классов* в армию по признаку имущественного ценза, когда впервые и появился термин «пролетарии», и т. д. Тит Ливий, отмечая, что Сервий Тулий царствовал 44 года, называет его правление «законной и справедливой царской властью». Это правление было прервано цареубийством, после которого воцарился Луций Тарквиний, прозванный Гордым. Помимо того, что он был причастен к убийству своего предшественника, который был его тестем, он начал свое царствование с другого проявления несправедливости: не позволил похоронить своего предшественника.

Тарквиний Гордый царствовал 25 лет и был изгнан из Рима за то, что его сын Секст Тарквиний обесчестил Лукрецию, жену видного римлянина Тарквиния Коллатина. Как пишет Тит Ливий: «*На собрании по центуриям префект города в согласии с записками Сервия Тулия провел выборы консулов. Избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин*». Эти два консула впервые приняли на себя царскую власть в Риме вдвоем, сроком на один год.

Ортега подчеркивает, что римляне не предполагали менять самой сути своего государства и не собирались полностью отказываться от монархии. Они лишь хотели навсегда избавиться от возможности, что их царем может стать не просто чужеземец, а несправедливый и гордый чужеземец. Можно к этому добавить, что если чувство легитимности и было неразрывно связано с монархическим устройством государства, оно одновременно в не меньшей степени было связано с чувством *справедливости*. (В начале Афинского полиса, приблизительно 3000 лет тому назад, афинский царь и герой Тесей впервые провозглашает *принцип справедливости* вместо мести, с тех пор являющийся основным принципом общеевропейской цивилизации.) Перед римлянами тогда, в 510 г. до Р.Х., встала дилемма: как преодолеть противоречие, проявившееся в царствование седьмого римского царя Тарквиния Гордого.

Римляне не были теоретиками в области политики, они теории вообще не любили, но обладали большой политической мудростью и исключительным *чувством правосознания*. Это и помогло им найти выход из создавшегося положения: заменить одного пожизненно выбранного монарха *двумя монархами*, выбранными *сроком на один год*. Вводились два ограничения: сокращение пожизненного срока до годового и создание двойной высшей власти (состоящей из двух лиц с абсолютно равными правами, каждый из которых имел право принимать единоличные решения и одновременно накладывать вето на решения своего соправителя).

Тут встает один очень трудный вопрос: *как же сохранить и спасти не только общую государственную легитимность, но и правопреемство власти как таковой при такой радикальной реформе высшей власти*.

Во-первых, нужно иметь в виду, что римская монархия не была полностью *наследственной династической* монархией, хотя стремление к этому заметно во все время царского периода. Сама природа монархической власти династична, но в Риме династичность никогда не была достигнута полностью. Причем ее не существовало даже в третий, императорский период, за редкими и не долго длящимися исключениями. Более того, и в последующую эпоху Византийской империи, когда Константинопольские императоры провозглашают себя наследниками одновременно Римских императоров и Ветхозаветных царей (это отметил

император Федор Ласкарис в своей коронационной речи в 1208 г.), династичность является труднодостижимым идеалом. Она появилась позже, в Третьем Риме, в Русском Православном Царстве. Именно отсутствие строгой династичности и явилось одним из существенных условий сохранения легитимности при переходе от царской власти к консульской. Ведь если выборы одного царя народом, с последующими утверждениями авгуров и Сената, были легитимными, то таковыми же были и выборы двух консулов, с помощью такой же процедуры.

Однако нужно иметь в виду другое важное обстоятельство, а именно – высшая власть в Риме *не всегда была одновременно и Верховной властью.* Наш великий ученый Лев Тихомиров, написав книгу «Монархическая государственность», внес большой вклад в политическую науку, разделив государственную власть на власть верховную и управительные власти. Тихомиров доказывает, что в Риме, как в царский, так и в консульский периоды, верховной властью обладал *римский народ*, ибо только он имел *право помилования.* Цари, а затем консулы являлись лишь высшей управительной властью, исполняя верховную власть только во времена войны. Таким образом, исходя из этой теории, очевидно, что при государственной реформе в Риме, условно относимой к 510 г. до Р.Х., суть верховной власти не реформировалась, была изменена только высшая *управительная власть.* Значит, эта реформа не коснулась пласта легитимности на уровне верховной власти.

(К сожалению, Ортега не мог быть знаком с трудами Тихомирова, уничтоженными в процессе Русской Катастрофы. «Монархическая государственность» к 1923 г. сохранилась лишь в одном экземпляре в библиотеке Британского музея, где ее удалось найти после четырехлетних поисков группе русской эмигрантской молодежи. Эта книга тогда была переиздана малым тиражом, а затем снова переиздана в Буэнос Айресе в 1968 г., благодаря чему она не погибла для России.)

Условия легитимности

Ортега подчеркивает, что *«монархическая легитимность – первородна, образцова и прототипна. Поэтому она единственная является первоначальной, и в скрытом виде она продолжает существовать под всеми другими формами... Я утверждаю, что когда в каком-нибудь народе Греции, Италии*

или Европы была полная и чистая легитимность, это всегда была монархия, хотим ли мы этого или нет»[8].

Вслед за первоначальной полной легитимностью в Рим приходит легитимность другого типа, которую Ортега называет *несовершенной*, или «демократической», хотя «само это слово сильно пострадало после Ялтинского соглашения в 1944 г.»[9].

Демократическая легитимность, основанная на выборе главы государства народом, согласно Ортеге, неумолимо требует последующего подтверждения на деле, на основании результатов правления, т. е. подтверждения своей *эффективности*.

Таким образом, эта вторичная, неполная легитимность требует двойного оправдания: в момент выбора первоначального консенсуса, который является субъективным, хотя и коллективным волеизъявлением большинства, и последующего объективного оправдания власти результатами ее деятельности.

Однако конкретный случай смены в Риме царской власти на консульскую, так основательно разбираемый Ортегой, является, как сказано, исключительным явлением, ибо эта смена была частичной.

Ортега утверждает, что первоначальная легитимность в Риме принадлежала не только царю, но *одновременно и Сенату*. Здесь мы подходим к другому вопросу, связанному с вопросом легитимности. Это вопрос *авторитарности*. Первоначальный смысл этого понятия сегодня не только существенно искажен, но и забыт.

Согласно Ортеге, понятия легитимность и авторитарность неразрывно связаны. В своем эссе «О Римской Империи» философ обращает внимание на утверждение Цицерона о том, что фундаментом Римского Государства являются две первоначальные институции, учрежденные самим Ромулом: *авгуры и Сенат*. Причем Ортега подчеркивает, что Цицерон ставит авгуров на первое место, перед Сенатом. Цицерон даже намекает на общий корень этих двух слов, утверждая, что «в государстве основной и самый важный правопорядок опирается на авторитет авгуров». («Maximum autem et praestantissimum in re publica ius est augurum cum auctoritate coniunctum». De legibus, 2, 31). В чем же заключалась конституционная исключительность этих двух учреждений Рима? В том, что и авгуры, и Сенат обладали «авторитетом отцов», «auctoritas patrum». В данном случае важно

понять, что авторитет является не властью, а скорее *предохранительным тормозом* для этой власти. На любое решение верховной или исполнительной властей авгуры и Сенат имели право накладывать вето, если они считали, что такое решение может повредить умножению блага государства и его народа.

Слово «аугуриум» обозначало *«рост, преумножение, предприятие»*. Оно происходит от корня «auge», от него же – слова авгуры, авторитет и август. На одной гравюре императора Петра Великого, сделанной в 1703 г. Шхонбеком, в надписи титул Август переводится словом «приснаприбавитель»: «Петр Первый император, *приснаприбавитель*, царь и самодержец Всероссийский». А титул императоров Священной Римской Империи германской нации немцы переводят как «Римской империи всегда *увеличитель*». (Romani imperii semper Augustus = des Romischen Reiches allzeit Mehrer.)

Немецкий ученый Арнольд А. Т. Эрхардт считает, что термин «аукторитас» «настолько сложен, что еще не разъяснен филологами. Авторитет не является чем-то самодостаточным, это средство для чего-то большего». В свою очередь, немецкий философ Карл Ясперс дает следующие определения: «Ауктор – это тот, кто утверждает и поощряет нечто; аукторитас – это сила, служащая для того, чтобы производить, поддерживать и увеличивать». Однако это отнюдь не физическая сила и даже не «мирской авторитет», ибо *«всякий мирской авторитет неизбежно кончается потерей данного ему доверия, ибо претензия авторитета, не обладающего трансцендентностью, ведет к послушанию без трансцендентности»*[10]. Более того, К.Ясперс утверждает, что *«свобода не имеет содержания без авторитета, которому она подчиняется. Авторитет не является подлинным, если он не пробуждает свободу. Свобода существует только вместе с авторитетом. Авторитет и свобода могут спастись в нашу эпоху только при условии допущения веры»*[11].

Короче и яснее это сказал 2000 лет тому назад Цицерон. Чтобы в государстве обеспечить согласие, ***«власть должна находиться у народа, а авторитет у Сената***. *(«Potestas in populo, auctoritas in senatu sit.») «Я даю свободу народу для того, чтобы достойные имели и осуществляли авторитет». Чтобы «свобода существовала на деле, а не на словах, она должна*

быть доверена славнейшим учреждениям, должна уступать авторитету первейших» (Законы, III, 28, 38, 25). Ортега утверждает: «Слово религия имело для римлян строгий смысл. Слово «augurium» обозначало только рост, приумножение, предприятие. От него происходят auctoritas, augustus. Понятия верований и государства взаимно переплетаются».

В наши дни этот смысл сохранен в слове «*инаугурация*», с помощью которого выражается претензия на легитимность новых властей при их вступлении в должность, хотя при этом не соблюдаются все условия авторитарности.

Таким образом, чтобы обеспечить в государстве подлинную легитимность, даже без формальной монархической власти, необходимо наличие нескольких элементов.

Во-первых, нужны два минимальных условия, без которых невозможна даже неполная легитимность: действительное предварительное народное согласие (консенсус) и последующая эффективность самой власти, подтверждаемая результатами ее действий. Затем, необходимо политическое правопреемство путем *сохранения изначальных монархических учреждений*, даже после формального конца монархии. Так в Риме и было, ибо до самого конца Римского Государства в нем продолжал существовать Сенат, авгуры оставались до преображения Римской Империи в христианскую, когда авторитет языческих авгуров был заменен *симфонией* с христианской Церковью.

И еще, как мы уже видели, первоначальный акт смены монархической власти на консульскую произошел не только с помощью прежней процедуры выбора и утверждения нового монарха, но и под возглавлением префекта Рима, бывшего заместителем и первым помощником царей.

Кроме этих формальных политических условий, необходимо обратить особое внимание на абсолютную необходимость сохранения авторитета за «*хорошими*». Это и есть требование *аристократии* в лучшем смысле слова.

Аристократическим элементом в Римском Государстве был Сенат. Места в Сенате принадлежали представителям лучших семейств *основателей* («отцов») Рима, наподобие того, как это было у нас в Боярской Думе. Когда традиционные аристократические семьи в Риме прекратили свое существование, в Сенат стали выбирать и плебеев, то есть членов простонародья, но в

принципе всегда только лучших из них. Значит, легитимность демократических выборов достигается полностью лишь тогда, когда эти выборы ведут к отбору лучших. Это формально выражалось и в самом названии кандидатов на должность сенатора: слово *кандидат* происходит от слова «кандидо», что означает белый, чистый, непорочный.

Интересно, что уже Платон и Аристотель считали монархическую власть наилучшей, но трудно осуществимой. Однако, если невозможно достичь такой наилучшей власти «*одного наилучшего*», они считали, что всегда можно достичь власти «*нескольких лучших*», то есть аристократии. Эти две власти являются легитимными *правильными политическими режимами*, «орфас политияс». Есть еще третий правильный политический режим, называемый Аристотелем «полития». Цицерон переводит это слово как «республика». Аристотель говорит, что это такой режим, в котором *большинство имеет право принимать решения*, но одновременно *меньшинство обладает правом утверждать или не утверждать* эти решения: «В республиках... немногие обладают авторитетом отвергать, но не утверждать, ибо в таком случае предложение всегда предлагается на решение большинства»[12].

Именно так и было в Римской Республике в консульский период, причем это меньшинство, обладающее правом утверждать или не утверждать решения, принятые народом (то есть правом на авторитарное вето), было отбираемо самим народом. *Выборы были инструментом для отбора.* Именно это и делало их легитимными.

Легитимность покоится на фундаменте общих верований

Ортега-и-Гассет считает, что политический консенсус всегда основывается на «общем полном веровании в определенное представление о жизни и мире»[13].

«Кто-то легитимен – царь, Сенат, консул, – когда его исполнение власти основано на компактном веровании всего народа в то, что он действительно является тем, кто имеет право исполнять ее... Поэтому, когда это общее полное верование раскалывается, ослабляется или рассеивается, вместе с ним раскалывается и легитимность»[14]. *«За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения,*

немедленно следует распад легитимности публичной власти»[15]. *«Тогда нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе»*[16].

Значит, перемена титулов и сроков носителей верховной власти в Риме в 510 г. до Р. Х. не повлекла за собой кризиса легитимности по той простой причине, что не было никакого кризиса в народных верованиях и *не произошло никакой перемены в отношениях верховной власти к этим верованиям.*

Более того, эта перемена верховной власти не повлекла за собой упразднения легитимного источника авторитарности, ибо авторитарность с самого начала вытекала одновременно из *трех источников: царя, авгуров и Сената.* Когда царь был лишен всех политических и военных прерогатив, сохранив лишь религиозные, он уже не мог быть источником авторитарности. В свою очередь, его наследники – два консула – не обладали «авторитетом отцов». Однако другие два источника этого авторитета – авгуры и Сенат – не только продолжали беспрепятственно существовать, но их роль в новых условиях консульского периода стала более значимой.

Кроме того, из всех трех первичных обладателей авторитета в Риме именно Сенат обладал им в наиболее совершенной форме. По этому поводу Ортега пишет:

«Для римлянина времен (консульской) республики Сенат является учреждением, олицетворяющим наиболее полную и почитаемую легитимность, то, что они называли «авторитетом отцов» (auctoritas patrum). Основанием для этого было их чувство, что Сенат является учреждением, в котором в скрытой форме сохраняется монархия, без ее недостатков… Кроме того, он состоял, в своем самом славном и почитаемом ядре, из древних царских семейств, отцов или вождей родов или кланов. Сенат также был и продолжал быть «милостью Божией». Поэтому, когда Цицерон восстанавливает легенду об истоках Рима, в разгар эпохи трагической нелегитимности, он говорит, что римляне обязаны Ромулу учреждением или созданием ***двух самых важных*** *институций в публичной жизни Рима:* ***предзнаменований и Сената****. Другими словами, римский народ верил в трансцендентное, почти сверхчеловеческое право Сената осуществлять свой авторитет. Я говорю, что народ римский верил, а не тот или этот индивидуум*

*верил. Это было **коллективное верование**, общий консенсунс, действовавший полностью в общественном организме»*[17].

Таким образом, правопреемство римской консульской республики от римской монархии было полным и совершенным, ибо оно осуществлялось одновременно по нескольким параллельным каналам: сохранялись все прежние должности и учреждения, сохранялось прежнее право и ничуть не повреждались общие религиозные и нравственные верования народа. Причем, Ортега неоднократно отмечает, что все эти каналы были соединены между собой, так что можно сказать, что текущее по ним правопреемство держалось всегда на одной высоте. Как пример тому, можно указать на толкование Ортегой особого значения *права* для римлян.

Философ считает, что исключительный характер римского права отнюдь не зависит от самого содержания его норм и законов, что конкретное содержание римского права зависело, в первую очередь, от чисто прагматического согласия в обществе по отдельным спорным вопросам. Раз достигнутое согласие принималось безоговорочно всеми. Кроме того, Ортега отмечает, что содержание этого права, достигаемое путем политического согласия, менялось очень медленно. Римляне, утверждает Ортега, не только не любили, но просто не переносили «инфляции законов». Законы менялись главным образом путем добавления новых, старые в принципе всегда сохранялись. Со времени составления «Двенадцати таблиц» децемвирами в 451 г. до Р. Х. и до 529 г. после Р. Х., когда был составлен «Кодекс» императора Юстиниана Великого, теоретически все римские законы продолжали быть действительными.

Отличительной характеристикой римского права было *специфическое отношение римского народа к самому праву.* Римский народ *верил в абсолютный приоритет права в обществе.* И если, согласно древнему выражению, «где общество, там и право», то «там, где право, там и общество, а там, где нет права, там нет и общества». Таким образом, правопреемство права и верований переплетались между собой.

Здесь необходимо добавить еще одну характеристику римского политического строя, которую Ортега довольно часто и всесторонне описывает и отмечает, но никогда конкретно не называет. Не называет по той простой причине, что ни в древнем

латинском языке, ни в современных европейских языках такого выражения нет. Однако этот термин существует и употребляется в славянских языках, особенно в русском и в сербско-хорватском. Это – ***соборность***. (Правда, на Западе употребляется термин греческого происхождения, более или менее соответствующий нашему термину «соборность», а именно «*кафоличность*», в котором греческая «фита» на Западе произносится как «т». Это слово происходит от греческих слов «кат-олон», «в согласии со всеми», но его смысл на Западе сильно искажен.)

Говоря о «*коллективном консенсусе*», Ортега подразумевает именно эту *политическую соборность*, так же как когда он описывает совместное *политическое делание* римского народа и римского Сената и вообще всех римских учреждений. Само официальное имя Римского Государства выражало такое согласие, подчеркивает Ортега: S. P. Q. R. (Senatus Populusque Romanus), «Сенат и Народ Римский».

Мне кажется, что Ортега вплотную подходит к термину «соборность», когда утверждает, что первоначальным названием римских курий было «*ко-вир-ия*» (собрание, «со-мужие»?)

Значит, в Риме легитимность зависела не только от правопреемства учреждений, титулов и законов, но также и от *сохранения изначальной авторитарности и соборности в государстве.*

Коренной смысл легитимности

В заключение можно предложить синтез всех этих условий легитимности и правопремства, пользуясь для этого Аристотелевскими определениями *государства* (полиса) и его *политического строя* (политон политияс). Аристотель говорит, что «если изменяется и делается иным политический строй (полития), то по необходимости государство (полис) тоже перестанет быть прежним»[18].

Согласно Аристотелю, политический строй, или *конституция* (неважно, писаная или неписаная), является *самым важным элементом государства.* Действительно, это тот элемент, который *фиксирует соотношение между остальными элементами государства*, между властью, территорией, населением и верованиями этого населения.

В Римском Государстве в течение его более чем двухтысяче-

летнего существования (753 до Р. Х. – 1453 после Р. Х.) случалось много кризисов и крупных перемен, но никогда не были существенно нарушены правопреемство и легитимность. Не были нарушены, ибо никогда радикально не менялось конституционное соотношение между властью и народом и его *верованиями.* Верховная власть и политические власти этого государства в конечном итоге *всегда сообразовывались с народными верованиями.*

Даже преображение Римской империи из языческой в христианскую, в период между царями Константином Великим и Феодосием Великим, было вызвано переменой религиозных верований римского общества. Но в самих *отношениях между властью и верованиями народа* радикальных сдвигов практически никогда не было. Даже если в этих отношениях наступал длительный кризис, как, например, во времена иконоборческой ереси византийских императоров, политическая стабилизация государства наступала после преодоления этих кризисов в отношениях между властью и народными верованиями.

В конечном счете, именно в этом последнем пласте общественной действительности и кроется коренной смысл политических правопреемства и легитимности.

---

1. Ortega y Gasset J.Una interpretacion de la historia universal. Madrid, 1960. 360 р. Перевод с испанского автора.
2. Ibid. P.156.
3. Ibid. P.157, 188.
4. Ibid. P. 158.
5. Ibid.P. 161.
6. Ibid.
7. Ciceron M. T. De legibus. 3, 4.
8. Ibid. P.167.
9. Ibid. P.168.
10. Jaspers K. Libertad y autoridad// Diogenes. Buenos Aires, 1952. № 1.
11. Ibid.
12. Аристотель. Политика. 1299 а.
13. Ortega y Gasset J. Op.cit. P. 190.
14. Ibid. P.174.
15. Ibid. P. 226.
16. Ibid. P.228.
17. Ibid. P.170–171.
18. Аристотель. Политика. 1268 в.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ НАИМЕНОВАНИЯ "РУССКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС"

"Русские кадетские корпуса поставляли русскому государству кадры молодежи, хорошо подготовленной религиозно, морально, интеллектуально и физически, для жертвенного служения Родине. Кадетские корпуса были **военными общежитиями**, с военной дисциплиной, в которых был **военный дух**. Вместе с тем, кадетские корпуса давали хорошее **общее среднее семилетнее образование**, чтобы их питомцы могли потом служить государству и народу **на любом поприще**. Религия вообще и Православие в частности занимали исключительно важное место в этой педагогической системе. **Закон Божий стоял на первом месте**. В согласии с завещанием Суворова, все наше национально-патриотическое воспитание основывалось, в конечном итоге, на Христианских Заповедях, как их проповедует Православная Церковь, на любви к Отечеству, на уважении к родителям и старшим, на высокой нравственности и на **высочайшем понятии чести**. Ничего лучшего придумать нельзя, а посему и выдумывать ничего иного не надо. **Буэнос Айрес, декабрь 1995г**."

Граф Алексей Александрович Коновницын

Председатель Комиссии Кадетского Объединения в Аргентине для определения предпосылок для наименования "Русский Кадетский Корпус". (Кадет Пажеского Его Императорского Величества Корпуса, правнук героя Великой Отечественной войны 1812 года).

ТРАДИЦИИ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА

(Доклад И. Андрушкевича на курсах "Выстрел", под Москвой, 3 сентября 1992 г.)

Слово "традиция" взято из латыни. Оно образовано от латинского сложного глагола tradire, передавать (dire - давать, tra - пере). Традиция - это **передача заветов предков по неразрывной цепи**, как на эстафетном беге. Любая традиция имеет **отправную точку**, из которой она исходит. Затем она развивается, обогаща-

ется или беднеет, прекращается или останавливается.

Так как это слово латинского происхождения, то можно взять для иллюстрации пример того же Рима. Римляне были очень традиционным народом. Вряд ли в истории человечества можно найти более консервативный в этом отношении народ. Они свои основные традиции выводили из самих зачатков Римского государства. Об этом говорит Цицерон в своих произведениях. Он утверждает, что основные римские государственные традиции идут с основания Рима, когда Ромул создал два первых учреждения Рима: авгуров и Сенат. Социологически, традиция - это не только то, что передается, но это также определенная **социальная сила**, социальный фактор, **цементирующий общество на протяжении поколений**. В западном мире некоторые философы посвящали специальные работы этой теме. Например, испанский философ Гаррагори (Paulino Garragori) ученик философа Ортега-и-Гассет (1883 -1955).

Ортега-и-Гассет говорит, что **общество зиждится на нравах**. Социологически, нравы - это сумма обычаев, в рамках которых мы рождаемся. Мы рождаемся в рамках своего языка, песен, фольклора, обычаев и привычек, в рамках определенного **быта**. Эти обычаи, плюс верования (но не только религиозные верования, а вообще коллективные верования) составляют сердцевину любого народа и любого государства. Ортега подчеркивает, что **счастлив тот народ, который сохраняет свои собственные верования и свои собственные нравы**. Кроме верований и нравов есть еще разные **домыслы**, но человек в них не верит, потому что сам их и создает.

В свою очередь, Гаррагори говорит, что традиции - это нечто среднее между верованиями, с которыми мы рождаемся, и домыслами, которые мы сами себе создаем. Традиции являются как бы связующим звеном между этими двумя общественными факторами. Традиции нашего русского офицерства начинаются, как и в Риме, с самого начала нашего государства. Первым шагом для учреждения нашего государства была вечевая сходка в Новгороде, на которой ее участники, как говорит летописец, “сами по себе реша” призвать общего князя для всех восточнославянских племен. Значит, это было народное суверенное волеизъявление. (Славяне до этого имели своих местных князей, по племенам и родам. Это было племенное и родовое устройство,

но еще не государственный строй.) Так у нас впервые появляется надродовой и надплеменной народно-государственный строй. Всем известна фраза: "**Поищем себе князя**". Но не все обращают внимание на вторую часть этой фразы, хотя она является учредительной отправной точкой наших традиций: "**Дабы правил нами по праву**". Нас часто поучают, что мы должны брать примеры из каких-то тридевятых земель, чтобы создавать, якобы впервые, правовое государство. У нас государство и было создано с первого момента с этим идеалом. Наше государство было создано для того, чтобы нами правили по праву. Это и есть **наша первая отправная традиция**.

Когда наше первое государство переносит свою столицу из Новгорода в мать городов русских - Киев, когда распространяется этот надплеменной союз на все восточно-славянские племена, значит, не только на кривичей и новгородских славян, но и на полян, на древлян и на всех других, и когда начинается становление нашего Российского государства, то тут впервые появляются первые зачатки того, что мы можем назвать офицерством. Интересно, что оно появляется в том же Новгороде. Есть даже известный новгородский род, к которому принадлежали Свенельд, воевода князей Игоря и Святослава, Остромир, воевода и посадник новгородский, Вышата и Ян Вышатич, воеводы киевские.

Эти первые наши дружинники и их начальники, старшая дружина, служили не только своему князю, но **всей стране**. Тот же Ян Вышатич рассказывал, а летописец это записал, что он и его отец и его дед служили и в Новгороде, и в Киеве, и на Русском море, и на Азовском море, служили там, куда их посылал князь, то есть государственная власть. Служили они не князю, а руководству страны. Они служили всей русской земле. Значит, уже тогда возникала **традиция единства нашей страны** и **традиция службы** этому единству. Правнук первого нашего князя Рюрика, Святой Владимир, положил фундамент нашей государственности. Он заложил основы того, что сейчас называется конституцией. Конституция - это **строй**, структура, установление, устав. В этой государственной структуре он отводит особое место воинству. Согласно летописцу, Святой Владимир заявил, что он ничего не будет делать без совета с Церковью и без совета со старшей дружиной. В первую очередь, Владимир Святой начал составлять, вместе с Церковью и со старшей дружиной, "**уставы**

земли". Старшая дружина - это было военное начальство, дружинники, которые уже вышли из молодого возраста, которые управляли военным делом и были политическими советниками князя. Из этой старшей дружины со временем развилась **Боярская Дума** ("бояре" = воины). Святой Владимир решил, и летописец записал, что никаких великих государственных дел он не будет делать без совета этого военного начальства, которое выкристаллизовалось в процессе военной службы.

Об этом говорили и российские послы в Польше во время Смутного времени. На них нажимали, чтобы они подписали то, что они не хотели подписывать (это посольство возглавлял будущий Патриарх Филарет, отец первого царя из рода Романовых), и их даже морили голодом. Но Филарет отвечал: "Это бесполезно, я решить ничего не могу, я не имею на это полномочий. И даже царь не мог бы ничего решить сам, потому что **все великие государственные дела в России должны решаться соборно**, вместе с Боярской Думой и Священным Собором, с церковными руководителями".

Таким образом, наши военные традиции с самого начала состояли в том, что военные должны служить всей земле и быть советниками высшей власти для более успешной защиты нашей Родины.

При этом я хочу отметить еще одно очень важное обстоятельство, которое сильно влияло на наши традиции, а именно характер нашего государства. Наш великий мыслитель 19-го века, Алексей Хомяков, говорил, что все государства в истории человечества учреждались разными путями, но все эти **методы учреждения государств можно свести к трем группам**.

Первая - это завоевание. Вот, например, в Англии есть Палата Лордов, потомков норманских завоевателей. Там, в XI веке (через двести лет после основания Русского государства) высадились норманы, завоевали страну и отняли землю у прежнего саксонско-кельтского населения, и стали "хлебодателями" (лордами, от слова "глафорд" на древнеанглийском языке). Завоеватели стали **хлебодателями чужого хлеба**. Это первый тип аристократии и военного сословия, состоящего из **потомков завоевателей**, защищающих свои привилегии, завоеванные их предками. "Общества Запада лежат на беззаконной основе завоевания". (А. С. Хомяков).

Другой тип государства - это **новосозданные государства**, возникшие в процессе колонизации, как, например, в Америке. Какая-то территория завоевывается и заселяется новыми колонизаторами, которые со временем, в процессе этой колонизации, учреждают в своей среде новый строй. Из такого нового учреждения нового строя в учредительном собрании рождаются **писаные конституции**, как пишутся статуты, когда основывается новая коммерческая фирма. Назначаются люди для охраны границ и порядка. Эти охранники находятся в полном подчинении у политической власти, но в ней не участвуют. При этом, зачастую уничтожаются и искореняются остатки прежнего коренного населения, и тогда начинается "новая демократическая жизнь".

Третий вид государств - говорит Хомяков - это **органические государства**, которые не были учреждены путем завоевания и не были наново созданы в процессе колонизации. Он приводит два крупных примера в истории: **Рим и Россия**. Он говорит, что **наше военное сословие никогда себя не чувствовало завоевателями в своей стране** или потомками завоевателей. Его целью было служить этой стране и ее народу. Таким образом, **русский офицерский корпус был продуктом народной селекции**, о чем нам и говорит наша летопись.

В древней Руси были четко очерченные сословия: хлеборобы, купцы, князья, клир, и военные, ратные люди. В эти ратные люди мог поступить любой: и хлебороб, и купец, и нищий, и даже изгой. Изгой - это был человек, которого его сообщество почему-то изгнало из своей среды, и ему не давали никакого обеспечения, никакой помощи. И вот даже изгой мог поступить в дружину князя, если он физически и умственно был к этому годен. Князь его выбирал (селекционировал), если он подходил для этой роли. Затем, из общей дружины отбиралась Старшая Дружина. Про нее пишет наша Летопись: "Бе бо Володимер любя дружину, и с ними **думая о строи землене** и о ратех и о уставе землене".

Таким образом, наша российская военная традиция с самого начала требует селекции. И одновременно требует, чтобы военный класс, военное сословие не чувствовало себя привилегированным сословием, с какими-то правами, которые происходят от какого-то завоевания или от какого-то действительного или мнимого превосходства. Превосходство заключается в самой **селекции** и в последующей **жертвенной службе**.

Я не могу делать подробный обзор нашей истории, но хочу остановиться на одном большом воине и одновременно князе - Владимире Мономахе. К сожалению, он мало известен. Константин Мономах, греческий император, был дедом нашего Владимира Мономаха. Он выдал свою дочь за отца Владимира Мономаха и дал ей в приданое "шапку и бармы Мономаха", затем ставшие частью русских царских регалий.

Владимир Мономах оставил завещание своим детям. Это поучение воина - русским воинам. Оно и нам сегодня могло бы пригодиться, ибо принципы остались те же. Он говорит своим детям: "Когда вы будете в походе командовать войском, то никогда не спите, а если заснете, то не спите без оружия, потому что беда появляется очень легко, враг не спит - не спите и вы. Вместо того, чтобы спать, проверяйте начальников войска, проверяют ли они караульных. Все дело в охране, в разведке, в бдительности. Будьте бдительны. И **всегда молитесь**." В этом поучении Владимир Мономах дает своим сыновьям множество практических советов, которые можно и сегодня применить. Но при этом он дает также и ряд моральных, нравственных поучений. Он говорит: "Вы носите оружие, но не обижайте безоружных, вам не для этого дано оружие. Особенно не обижайте вдовиц, нищих, бедных, помогайте им."

Дальнейшие вехи наших военных традиций связаны с личностью Святого Александра Невского. Когда наша страна была разграблена и разрушена татарами, Западная Европа попыталась нам всадить нож в спину. Почему Александр Невский святой? Потому что он **спас русский народ от самоубийства**. Он ясно увидел, что перед нами есть две опасности: **самоубийство физическое**, в случае продолжения борьбы с татарами, и **самоубийство духовное, если пойти в культурное и интеллектуальное рабство Западу**, что еще хуже. Александр Невский показал нам правильный путь. "**Не в силе Бог, а в правде**" - это был его девиз, и это был девиз Кадетского Корпуса, где я учился. Когда правда на нашей стороне, если даже сил у врага и больше, мы должны выстоять, и силы найдутся. В Библии сказано: "В обилии Правды - великая сила". Святой Александр Невский был очень милостивым. Если враг, попав к нему в плен, обещал, больше не воевать с ним, он его миловал. Но в Летописи указано, что Святой Великий князь Александр Невский отпускал на волю

пленников, лишь "перевешав всех изменников".

Дальше мы должны вспомнить Святого Дмитрия Донского. Он тоже выполнил свой долг, по благословению Церкви, заразив своим примером всех других.

Ближе к нашему времени - генералиссимус и победоносец А. В. Суворов. Вы называете себя суворовцами. Но мы тоже являемся суворовцами, потому что мы его любим не меньше, чем вы. В своем Завещании всем русским воинам, Суворов нам заповедует:

"Чудо-богатыри. Покой, опора, слава отечества. С нами Бог. Молись Богу - от Него победа. Пресвятая Богородица, спаси нас. Святителю отче Николае, моли Бога о нас. Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай. Всякое дело начинать с благословением Божиим. До издыхания будь верен Государю и Отечеству. Избегать роскоши, праздности и корыстолюбия. Искать славу через истину и добродетель. Дух укрепляй в вере отеческой православной. Безверное войско учить - что перегорелое железо точить. Что дерево без корня - то почитание ко власти земной без почитания ко власти Божией. Воздай честь небу, а потом земле. Люби истинную славу, отличай честолюбие благородное от надменности и гордости. Научись заранее прощать ошибки других, но никогда не прощай себе своих. Победи себя - будешь непобедим. Не презирай никогда неприятеля, каков бы он ни был. Военные добродетели суть: храбрость для солдата, неустрашимость для офицера, мужество для полководца. Все они должны быть управляемы порядком, дисциплиною, неусыпностью, прозорливостью. Зри в части - семью, в начальнике - отца, в товарищах - братьев. Нога ногу укрепляет, рука руку усиляет. Солдат и в мирное время - на войне. Смотри на дело в целом - верный взгляд военный. Два воинских искусства: первое - глазомер, второе - быстрота. Умей пользоваться местностью. Набеги отбивать по обыкновению наступательно. Кто напуган - тот наполовину погиб. Воюют не числом, а умением. Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию. Стреляй редко, да метко. Пуля дура, а штык молодец. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знают. Широкий шаг ведет к победе. Работать быстро, скоро, по-русски. Штыки - быстрота, внезапность. Неприятель нас не чает.

Атакуй, с чем Бог послал. Конница, начинай: руби, коли, гони, отрезывай, не упускай. Ура. Чудеса творят братцы. Не употреблять команды "стой". Это не на учении, а в сражении. Атака - руби, коли, ура, барабан, музыка. Преследуй денно и нощно, доколе истреблен не будет неприятель. Недорубленный лес опять вырастает. Казаки везде пролезут, их быстрота завершит победу. Неприятель сдался -пощада. К пленному быть милосерду - солдат не разбойник. Грех напрасно убивать, они такие же люди. Поражать неприятеля человеколюбием. Бог нас водит, он нам генерал. Вот вам, братцы, воинское учение. Господа офицеры, какой восторг. Здравствуйте, братцы, чудо-богатыри. Любезнейшие друзья мои, старые товарищи, здравствуйте. Помилуй Бог, мы -русские. Восстановим по-прежнему веру в Бога милостивого. Очистим беззаконие. Везде фронт. Равнение по передним. От начальников не отставать. Неприятель от вас дрожит. Вы -русские. Во языцех оружию российскому вековечная слава. Слава, слава, слава."

В этом Завещании Суворова сконденсированы лучшие традиции русского офицерства. Во всем этом мы видим красную нить. В наших традициях всегда говорится о доблести, о долге, о чести. Еще в "Слове о полку Игореве" наш певец поет, и воины вместе с ним, что "князю слава, а нам честь". Князю - это государству. Вот в чем смысл воинского служения: Слава - государству, чтобы самим себе стяжать честь.

Что такое честь? Средневековые французские рыцари имели четверостишие: "Моя любовь принадлежит Богу, моя жизнь принадлежит королю, мое сердце принадлежит моей даме, но моя честь принадлежит только мне". Здесь очень ясно выражена мысль: **честь - это абсолютная категория**. Она не зависит от того, что сегодня называют условиями. Нет ни условности, ни относительности в этом понятии, оно абсолютно, оно сливается с абсолютным "я" каждого отдельного человека. Оно не подчиняется другим категориям, потому что оно же и направляет все другие категории в правильном направлении. "Итак, кто будет чист от сего, тот будет **сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело**". (2 Тимофею, 2, 21).

Между прочим, один из самых крупных ученых по истории древней Греции, Вернер Иегер, написал большое исследование о

характере древнегреческой культуры, которое на Западе употребляется во многих университетах, как один из главных трудов на эту тему. Он утверждает, что вся культура Греции, с ее литературой, с ее философией, **зародилась под влиянием понятия чести** первых греческих воинов, тех, которые завоевывали этот полуостров. Идеалы чести, которые были воспеты в Элладе, отразились не только на её мифологии, но и на её позднейшей литературе, на философии, на медицине и вообще на всей культуре Греции. Если бы не было этих понятий чести и доблести у первых греков, то мы вообще не имели бы этой эллинской культуры.

Вопрос чести - это вопрос очень важный и с точки зрения общекультурной. Не может быть никакой культуры в обществе без того, чтобы **во главе этого общества стояли люди чести**. Между прочим, об этом очень много говорилось и в другой исторический период, во времена Маккиавелли, когда заговорили, что цель оправдывает средства, что важен лишь успех, и так далее. Но, в это же время, некоторые писатели и художники рассуждали о том, что такое добродетель. Они даже разработали, по тогдашней моде, теорию, что количество добродетели в человечестве всегда одинаково, в любой момент. Вся разница между разными периодами, говорили они, в том, где эта добродетель находится. Если люди с честью находятся наверху - тогда все счастливы. Если же людей с честью загоняют вниз, а наверх пролезают люди без чести - вот тогда всем становится плохо. Эпоха познается, хорошая она или плохая, по тому, наверху ли или внизу находятся добродетельные, честные люди.

Между прочим, за последние годы в философии и истории появилась новая проблема: человеческие права, о которых стали говорить и писать довольно много. Пять лет тому назад я присутствовал на международном философском конгрессе в Аргентине, где была комиссия, посвященная этой теме. На чем основываются человеческие права? Откуда они исходят? Председатель комиссии заявил: "Мы знаем, где соблюдаются человеческие права, где нет, но мы не знаем, как они появились, откуда они происходят". Я тогда ответил:

"Человеческие права происходят от самого человека и его понятия чести. Они всегда были в истории, эти человеческие права. В Риме монархический строй был свергнут в 510 году не

только потому, что Тарквиний Гордый, последний царь, был иностранцем, чужеродцем, но потому, что его сыновья обесчестили римскую женщину, и она наложила на себя руки, и тогда военная молодежь Рима восстала и решила: мы всё терпели от этого человека - несправедливость, унижения, ненужные войны, но **бесчестья мы не можем терпеть**, потому что оно затрагивает наше самое насущное право - право на человеческое достоинство, на человеческую честь."

Первое право - это право на жизнь, его имеют и животные, но у человека, кроме права на жизнь, есть другое неотъемлемое право - **право на собственную честь**.

В "**12-и Заповедях Товарищества**" Великого Князя Константина Константиновича определена квинтэссенция традиций русского офицерства:

"Долг дружбы преклоняется перед долгом товарищества. Долг товарищества преклоняется перед долгом службы. Честь непреклонна, бесчестное во имя товарищества остаётся бесчестным." (Заповеди 4, 5 и 6).

Итак, **исторические традиции русского офицерства увенчаны традициями чести**. Они являются тем объективным историческим стержнем, который должен устоять и в эти тяжелые времена. Когда все становится относительным, должен быть какой-то не относительный якорь. Волны, по которым плывет корабль, относительны, ибо они то поднимают, то опускают корабль, но у корабля есть свой руль, свои паруса, свой якорь и свой компас. И мы тоже должны обладать объективными средствами для нашего спасения. Этими спасительными средствами являются наши традиции, они не относительны, они не условны, они исторически конкретны и абсолютны. Они являются корнями, которыми мы связываем себя с нашей родной исторической почвой. Без этих корней мы не сможем устоять, ибо без них мы не можем крепко стоять на этой нашей почве.+

(«Кадетское письмо № 33».)

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

М. М. Борель

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ

Что обозначает это название, о ком оно говорит, как и в силу каких обстоятельств оно зародилось? Ответ на эти вопросы мы дадим читателю в этом очерке, а вкратце поясним, что так была названа уже за рубежом - в эмиграции - организация, созданная для объединения всех русских воинов, потерявших свое Отечество и оказавшихся рассеянными по разным странам мира, после окончания Гражданской войны, в которой эти воины принимали активное участие. Да, именно объединить всех воинов, боровшихся в годы Гражданской войны с оружием в руках против захвативших в России незаконным образом власть большевиков-интернационалистов.

Похожей организацией и фактическим предтечей Русского Обще-Воинского Союза был "**Союз офицеров Армии и Флота**", созданный в мае 1917 года, в законных институционных рамках Вооруженных Сил России (Российских Императорских Армии и Флота). В моей статье "Белое движение и белая идея", в "Кадетском письме" № 14, от апреля 1998 года, я писал:

"В дополнение к редакционной статье "Восьмидесятилетие начала сопротивления чужеродному игу", опубликованной в № 13 "Кадетского письма" (а затем перепечатанной в "Православной Руси" № 1, от января 1998 года), считаю необходимым сделать два уточнения.

1. Кроме перечисленных в указанной статье нескольких дат, которые можно условно считать датами начала Белого Движения, нужно иметь в виду еще одну дату. А именно, дату создания "Союза офицеров Армии и Флота". Причем, создание этого Союза было осуществлено в законных институционных рамках Вооруженных Сил России, как легитимный акт самозащиты против проводившейся тогда первой попытки ликвидации Русской Армии и Русского Флота.

В середине мая 1917 года в Ставке Верховного Главно-

командующего в Могилеве состоялся "**Съезд офицеров Армии и Флота**", чья организация была поручена верховным главнокомандующим генералом М. В. Алексеевым полковнику генерального штаба Василию Михайловичу Пронину (сын которого проживает в городе Сан Пауло, в Бразилии). Непосредственной целью Съезда было оказать отпор "Приказу № 1", изданному незадолго до этого Временным правительством, приказу, составленному военным министром Гучковым, при содействии других темных личностей, конспиративно работавших на гибель Единой, Великой и Неделимой России.

Явной целью Приказа № 1 было разложить и ослабить Российскую Императорскую Армию, полностью подрывая авторитет офицера и командира (вплоть до того, что солдаты могли решать, атаковать врага или нет), что безусловно, в первую очередь, делалось в тот момент исключительно в пользу немцев, с целью облегчить их критическое военное положение на всех фронтах войны. Кроме того, нам не следует забывать, что на **конец весны 1917** года было назначено **генеральное наступление** всех союзных армий, что, конечно, было известно немцам, учитывавшим также печальное состояние своих изнуренных войск. Нет сомнений, что Приказ № 1 предвосхищает последующие более энергичные действия коммунистов в этом же направлении. (Такое совпадение целей Временного правительства и коммунистов подтверждает, что и те, и другие были лишь инструментами одной и той же антирусской политики).

На этом Съезде офицеров Армии и Флота и был создан "Союз офицеров Армии и Флота", который вскоре стали называть "Алексеевской организацией". В момент его создания были произнесены вдохновляющие патриотические речи генералами Алексеевым и Деникиным. Именно эта организация с начала ноября 1917 года, то есть через полгода, легла в основу зарождающейся в Новочеркасске Белой Добровольческой Армии.

2. "Союз офицеров Армии и Флота" был предтечей "Русского Обще-Воинского Союза" (РОВС-а), созданного приказом генерала Врангеля уже после эвакуации Русской Армии из России. Цель была одна и та же: спасти Русскую Армию от окончательной гибели, дабы предотвратить гибель самой России. Только рамки нового Союза расширялись: РОВС уже не был союзом одних лишь офицеров, а союзом всех русских воинов, как Русской

Императорской Армии, так и Белых Добровольческих Армий. В таком названии Союза заключается его юридически точное определение: это **общий союз русских воинов**."

РОВС был основан уже в эмиграции приказом генерала П. Н. Врангеля № 35, от 1 сентября 1924 года. В этом приказе значится следующее:

"Приказываю: 1. Образовать Русский Обще-Воинский Союз... 2. Включить в РОВС все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии."

Через десять дней генерал Врангель уточнил этот приказ секретным предписанием номер 678, от 11 сентября 1924 года:

"Образование РОВС-а подготавливает возможность принять Русской Армии новую форму бытия... Дать возможность Армии продолжить свое существование... в виде воинского союза... Никаких других целей образование Русского Обще-Воинского Союза не преследует."

(Эти документы воспроизведены в книге "Политическая история русской эмиграции ", Москва, 1999 год, 776 страниц.)

Таким образом, самим основателем РОВС-а было с самого же начала ясно и недвусмысленно указано, что **РОВС является объединением чинов** (офицеров, унтер-офицеров и солдат) **Русской Армии**. Так официально называлась, по приказу генерала Врангеля, Русская Белая Добровольческая Армия в последний период Гражданской войны.

Значит, в принципе, членами РОВС-а не могли быть люди, не боровшиеся в рядах Императорской и Белых Армий. В самом юридическом акте создания РОВС-а были указаны его границы и пределы его существования: в него могли входить исключительно определенные лица, принявшие участие в определенных исторических событиях, и его существование с самого начала было ограничено физическим существованием этих лиц.

Аналогии таким ограниченным воинским объединениям имеются и в других странах. Например, в Аргентине в конце 19 века было основано "Объединение участников аргентинско-парагвайской войны ". Когда последние из этих участников умерли, это Объединение перестало существовать. Однако, на смену ему было основано "Объединение потомков участников аргентинско-парагвайской войны", которое существует до сих пор. Также существуют иногда и общества ревнителей памяти тех или

иных исторических групп людей и событий, уже отошедших в историю.

Если кто-нибудь сегодня в России действительно хочет идейно продолжить дело Русских Белых воинов, то он это может сделать в рамках новых объединений, в чьих названиях и уставах будет недвусмысленно выражена идейная и нравственная преемственность от Белой Армии и от РОВС-а. Но никто не имеет права претендовать искажать главную идею РОВС-а, заключающуюся в том, что **РОВС не политическая партия**, а всего лишь союз русских Белых воинов, боровшихся против Красной Армии в годы Гражданской войны.

Процесс создания РОВС-а в эмиграции описан в "Военном справочнике", вышедшем в Париже под названием "Армия и флот", под редакцией В. В. Орехова и Евгения Тарусскаго, следующим образом:

"После Крымской эвакуации 1920 года Русская Армия, как известно, была распределена по лагерям в районе проливов у Константинополя. Главное Командование Русской Армии, ясно сознавая невозможность, по многим причинам, долговременного пребывания Армии в лагерях, стало и со своей стороны принимать меры к вывозу ее из лагерей.

В результате усилий Главнокомандующего, в течение 1921 года Армия постепенно была распределена по братским странам Балканского полуострова. Небольшая часть была отправлена мелкими группами и в Чехословакию...

Еще при нахождении Штаба Главнокомандующего в Константинополе, генералом Врангелем были приняты меры к тому, чтобы создать из воинских чинов, не состоящих в войсковых частях Русской Армии, особые военные организации. Это являлось желательным выполнить для того, чтобы бывшие военнослужащие не отходили бы от военной среды, обращаясь или в простых беженцев, или же в членов партийных и политических организаций...

Вместе с этим необходимо было сблизить разные образованные союзы с Русской Армией, положение которой стало особенно прочно после того, как, ставши на трудовое положение, она не требовала значительных расходов на поддержание своей организации и, сохранив свою независимость, не была связана с эмигрантскими партиями.

Это привело генерала Врангеля к изданию приказа № 82 от 8-го сентября 1923 года. Этим приказом офицерские союзы и общества зачислялись в состав Армии и передавались под руководство военных представителей и военных агентов Главного Командования в разных странах. Кроме того, этим же приказом воспрещалось чинам Армии, а, следовательно, и членам воинских союзов, быть одновременно и членами партийных и политических организаций. Этот приказ впоследствии имел большое значение, так как только благодаря ему, при непрекращающихся напорах на Армию и на воинские союзы со стороны партийных организаций, единство военной среды было обеспечено от раскола...

Все это было принято во внимание генералом Врангелем, в результате чего 1-го сентября 1924 года последовало его распоряжение об образовании Русского Обще-Воинского Союза, организация которого была произведена в учете упомянутых выше данных... Во главе Р. О. В. Союза, по его положению, стал Главнокомандующий Русской Армией, и с этого времени Армия стала Р. О. В. Союзом. А в декабре месяце 1924 года Великий Князь Николай Николаевич принял на себя, через Главнокомандующего, Верховное возглавление Русского Зарубежного Воинства. В апреле 1928 года Р. О. В. Союз постиг тяжелый удар. С кончиной Генерала Врангеля он лишился своего Вождя, который был и душой Армии, и тем столпом, о который разбивались усилия к нарушению единства военной среды...

Менее чем через год после кончины Генерала Врангеля, Р. О. В. С. и национальная эмиграция потеряли и своего Верховного Вождя, Великого Князя Николая Николаевича. Это было вторым сильным ударом, особенно болезненным потому, что в эмиграции не оказалось уже такого авторитета, который мог бы заместить Великого Князя в роли Национального Вождя. Но если для национальной эмиграции замещение такого Вождя стало неосуществимым, то в отношении РОВС-а замещение высшего руководства не встречало затруднений, уже по одному тому, что перед самой своей кончиной Великий Князь Николай Николаевич, при своем последнем свидании с генералом Кутеповым, возложил на него выполнение тех функций, которые до того времени выполнял сам Великий Князь.

Поэтому тотчас после кончины Великого Князя, основываясь на военном принципе преемственности власти и на последнем

распоряжении Его Императорского Высочества, Генерал Кутепов вступил в высшее управление Р. О. В. С.-а, приняв на себя исполнение тех обязанностей, которые до сих пор выполнял Верховный Главнокомандующий...

Еще во время возглавления Р. О. В. С.-а генералом Врангелем, в 1926 году, с одобрения Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича, было отдано циркулярное распоряжение о приеме молодых людей в войсковые части и полковые Объединения, в качестве кандидатов. В 1929 году Генерал Кутепов, учитывая начинающийся прилив молодежи в ряды Р. О. В. С., подтвердил Приказом распоряжение Генерала Врангеля, а 5 июня 1930 года было составлено и введено в действие следующее особое "Положение о приеме в воинские организации Р. О. В. Союза молодых людей, ранее в войсках не служивших":

> "1. Целью приема молодых людей в состав Р. О. В. С. является: а) усиление Союза в боевом отношении и б) предоставление молодым людям возможности, вступлением в ряды Русского Зарубежного Воинства, приобрести его моральные качества: верность долгу, верность своей чести и готовность положить свою жизнь за благо Отечества, а также и подготовиться, насколько это возможно на чужбине, к несению обязанностей сперва унтер-офицера, а затем, при известных условиях, и офицера. Молодые люди принимаются в воинские организации - рядовыми, причем все должны удовлетворять следующие условия: а) быть не моложе 16 и не старше 30 лет и физически годными для несения строевой службы, б) не быть опороченными по суду и в) не состоять под судом и следствием.
>
> 2. Молодые люди, по принятии их в воинские организации, именуются: а) окончившие полный курс кадетских корпусов - юнкерами, б) окончившие курс высшей или средней школы или получившие образование, соответствующее не менее 6 классам средней школы, - вольноопределяющимися и в) все остальные - охотниками.
>
> 3. По принятии в состав воинской организации, юнкера, вольноопределяющиеся и охотники должны подчиняться всем правилам, установленным для чинов данной организации: обязательные членские взносы и пр.
>
> 4. При принятии в состав воинской организации, молодые люди должны дать обязательство о сдаче, в сроки, по усмотрению начальника данной организации, особых экзаменов на унтер-

офицера, а получившие общее образование не ниже шести классов среднего учебного заведения - и на первый офицерский чин.

5. Руководства и программы для подготовки к экзаменам на унтер-офицера и на первый офицерский чин составляются и издаются распоряжением Председателя РОВС.

6. Экзаменационная комиссия для производства испытаний на унтер-офицера и первый офицерский чин назначается приказами Начальников Отделов Р. О. В. Союза.

7. Юнкера, вольноопределяющиеся и охотники рядового звания, по выдержании ими установленного экзамена на унтер-офицера и по удостоверению ближайшего начальства, производятся в унтер-офицеры приказами командиров частей и председателей полковых и других объединений, воинских обществ и союзов.

8. Результаты экзаменационных испытаний унтер-офицеров из юнкеров и вольноопределяющихся на первый офицерский чин, вместе с аттестациями командиров частей и председателей полковых и других объединений и воинских союзов и обществ, представляются по команде Председателю Р. О. В. С. Унтер-офицерам из юнкеров и вольноопределяющихся, выдержавшим офицерский экзамен и получившим соответствующую аттестацию, Приказами Председателя Р. О. В. С. даются все права офицеров.

9. Об учреждении в центрах сосредоточения русской военной молодежи Военно-Училищных и Унтер-Офицерских Курсов - объявляется в Приказах Начальников Отделов Р. О. В. С. Генерал-лейтенант Стогов."

Таким образом, "прием молодых людей в войсковые части и полковые Объединения, в качестве кандидатов" дозволялся лишь с определенной целью и при определенных условиях: 1. Возраст от 16 до 30 лет; 2. Молодые люди принимаются - рядовыми. Если они кончили Кадетские Корпуса, они именовались юнкерами, окончившие средние и высшие школы - вольноопределяющимися, а все остальные - охотниками. 3. Они должны были сдать экзамены, сначала на унтер-офицеров, а затем на офицеров. 4. Им воспрещалось, как и всем членами РОВС-а, "быть одновременно и членами партийных и политических организаций". Именно это последнее условие и явилось одной из главных причин возникновения со временем параллельных РОВС-у и практически сыновних организаций (по крайне мере, в своих истоках) чисто политического характера. Например, Ю. А. Герцог, бывший одним

из основателей и первых идеологов Национального Союза Русской Молодёжи (затем, после ряда переименований, превратившегося в Н.Т.С.), именно так и объясняет возникновение этой политической организации. Также и организации русских разведчиков в Белой Эмиграции считали себя наследниками и преемниками РОВС-а, но их руководители не входили в РОВС, если они не были императорскими или белыми воинами.

В результате, РОВС остался практически закрытой чисто военной организацией. В Югославии и в Аргентине в РОВС-е состояли исключительно чины Русской Императорской Армии и Русских Белых Армий.

После смерти последнего председателя РОВС-а в Аргентине, поручика Н. Н. Добровольского, в 1987 году, в РОВС-е в Аргентине осталось несколько человек, но все они именовались рядовыми, в том числе и Георгиевский Кавалер Сергей Александрович Якимович, кадет Крымского Корпуса, Председатель Аргентинского Кадетского Объединения и Майор Югославянской Королевской Армии, скончавшийся в 1991 году.

Члены РОВС-а титуловались чинами Императорской и Белых Армий или чинами, полученными в строгом согласии с пунктами 7, 8 и 9 "Положения о приеме в воинские организации РОВС-а молодых людей". Например, В. В. Гранитов окончил Офицерские Курсы РОВС-а и сдал соответствующие экзамены в Белграде, перед началом Второй Мировой войны, и был тогда произведен Председателем РОВС-а генералом Архангельским в офицеры, по предложению начальника Курсов генерала Головина. После этого больше не было возможности таких производств, ибо не было курсов, а затем уже и не было имевших на это право генералов, так как, по русским военным традициям, только генералы могут производить в офицеры. Поэтому в РОВС-е в Аргентине не оставалось лица (члена РОВС-а), которого, согласно Уставу, можно было бы назначить председателем этой организации, а когда приблизительно семь лет тому назад скончался последний белый воин в Аргентине, РОВС прекратил свое существование в этой стране. Член Кадетского Объединения Н. К. Дубина и председатель Союза Святого Александра Невского (Союза чинов Русского Корпуса на Балканах) Д. В. Домрачеев были представителями Председателя РОВС-а, но членами РОВС-а себя не считали, ибо не были воинами ни Русской Царской Армии, ни

Русских Белых Армий.

Возможно, что такой категорический абсолютный запрет всякой политической деятельности членам РОВС-а был также и причиной отказа 12-го Кадетского Съезда, состоявшегося в 1990 году в Сан-Франциско, принять предложение тогдашнего председателя РОВС-а, члена Кадетского Объединения в Сан-Франциско и участника этого Съезда, поручика В. В. Гранитова, всем кадетам вступить "ин корпоре" в РОВС. Это предложение рассматривалось Комиссией Съезда, под председательством Н. В. Козякина, в которой принимал участие и сегодняшний председатель Кадетского Объединения в Аргентине. Кадетский Съезд тогда единодушно утвердил предложенную комиссией позицию: кадеты могут в индивидуальном порядке, по личному усмотрению каждого кадета, в любой момент беспрепятственно вступать в ряды РОВС-а, в согласии с предписаниями выше цитированного "Положения". В результате, 5-ый пункт Резолюции Х1-то Съезда гласит: "Продолжать сотрудничество с Русским Обще-Воинским Союзом, приветствуя вхождение кадет в его ряды". А уже 6-й Кадетский Съезд, состоявшийся в 1978 году в Париже, постановил: "Крепить связь с существующими еще союзами воинов Императорской и Добровольческих Армий, для тесного сотрудничества и для прямого приятия их идеологии, задач и деятельности". (Решения 6-го Съезда. "Кадетская Перекличка" №21,стр. 22).

В рамках такого принципиального сотрудничества, в середине 90-ых годов некоторыми кадетами были сделаны конкретные предложения Председателю РОВС-а поручику В. В. Гранитову официально назначить себе письменным приказом заместителя. Однако, это им никогда не было сделано, что многими было истолковано, как выражение его воли, чтобы с его смертью РОВС прекратил свое существование. Лишь на своем смертном одре, согласно утверждению одной ухаживавшей за ним дамы, он кивком головы согласился на кандидатуру Владимира Николаевича Буткова, члена Нью-Иоркского Кадетского Объединения, уже тогда тяжело больного.

В свою очередь, В. Н. Бутков (скончавшийся через девять месяцев) назначил своим преемником кадета 18-го выпуска Первого Русского Кадетского Корпуса, члена Вашингтонского Кадетского Объединения, подпоручика Югославянской Королев-

ской Армии, Владимира Александровича Вишневского, который перед своей смертью дал устный приказ о закрытии РОВС-а. Этот приказ затем был оформлен письменным Распоряжением многолетнего секретаря Правления РОВС-а подпоручика Д. Г. Браунса, от 31 октября 2000 года. Согласно этому Распоряжению, "Датой официального закрытия Русского Обще-Воинского Союза будет считаться Димитриевская суббота 4-го ноября 2000 года." Одновременно в Распоряжении выражается просьба Объединениям Кадет Российских Кадетских Корпусов "принять на себя хранение реликвий и архивов РОВС-а".

Если у кого-либо из уважаемых читателей возникнут вопросы, неясности и сомнения по поводу прочитанного, то прошу не стесняясь обращатья ко мне для разъяснений и ознакомления с соответствующими документами, подтверждающими упомянутые постановления и приказы.

К сожалению, приходится повторять некоторые многим известные подробности, так как многочисленными злопыхателями и провокаторами, ради искажения истины, написано не мало лжи и клеветы, которые дают неосведомленному читателю превратное представление об исторических событиях, связанных с основанием и руководством РОВС-а. Но Бог Правду видит.

Буэнос Айрес, декабрь 2001 г.

Мой адрес:

Miguel Borel
Marengo 445
1653 Villa Ballester - Argentina

Михаил Михайлович Борель - внук генерала М. В. Алексеева. (Прим. Редакции).

ПИСЬМА К ДЕТЯМ
НОВОМУЧЕНИКА ЛЕЙБ-МЕДИКА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА

«Штандарт, 17 июля 1908 года.

Золотой мой, милый Юраша,

Письмо Ваше, как я уже писал Мамуле, пришло ко мне в Петергоф, и я спешу Вам на него ответить, так как на этот раз мы не будем долго плавать. Правда, я не знаю, когда к Вам попаду, так как предстоит празднование именин Императрицы Марии Федоровны и разные другие церемонии, на которых мне придется быть, но тогда уж (с будущей недели) будем переписываться через Петергоф. Спасибо тебе, мой хороший, за твою ласку. Кроме того, что она мне дорога, как ласка сынишки, которого я так люблю, она мне нужна, как солнце; я вяну без нее и грущу. Ты совершенно прав, что славные детки, с которыми я здесь живу, меня очень утешают. Как только мы снова вступили на «Штандарт», Анастасия Николаевна меня спросила: «А Вы опять будете играть в булль?» - «Непременно», - говорю. «А Вы не можете жить без булля?» - «Нет», - отвечаю я. – «Я и в Петергофе брал кольцо от салфетки и бросал на квадраты паркета», - продолжаю я шутить. «Вам булль помогает жить?» - тогда спросила Анастасия Николаевна. Премилая она девочка! Брат ее обворожителен, как всегда. Вчера я поцеловал его в шейку сзади, а он улыбается и говорит: «Какую Вы гадость поцеловали», - и показывает на свою шейку – белую и нежную. Вчера Дрентельн видит, что он идет со своим деревянным ружьем, и спрашивает: «Вы на какой пост идете?» - «К денежному ящику». «А я на Великий Пост», - шутит Дрентельн. «А я на Петровку», - отвечает Алексей Николаевич. На судах, которые часто переговариваются между собой флагами, есть один – красный с белым кружком, который означает «ясно вижу». Вот играет раз Деревенько с Алексеем Николаевичем и прячется от него за дверью, а тот увидал его и кричит: «Ясно вижу».

От президента Фалльера они получили три громадных ящика:

один для Алексея Николаевича заполнен железной дорогой с рельсами, вагонами, станцией во всех подробностях и проч. Другой для старших сестер полон всяких разнообразных игр. Третий для маленьких содержит в себе чудные куклы, ходящие и говорящие, с массой для них нарядных платьев. А я получил от президента маленькую коробочку с Орденом Почетного Легиона (офицерский крест), который во Франции действительно дает большой почет и потому раздается туго, но нам они роздали очень широко.

Ну, дорогой мой, долг платежом красен; за твои добрые сведения настрочил я тебе не мало, пора уж и кончать.

Крепко, крепко и нежно целую тебя, Мамулю, Танюрочку и братьев. Как здоровье Мамули? Берегите ее, мои хорошие, кормите, ласкайте и старайтесь ничем не огорчать. Помни, что чем добросовестнее и старательнее ты будешь учиться, тем меньше ей будет хлопот, забот и трудов в этом важном департаменте ее обширного министерства. Драгоценная она у нас и ненаглядная, нигде и никогда я больше таких не видал; мы все должны беречь и холить ее, как один человек, кто как может.

Твой папуля.»

«6 сентября 1908 года.

... Не удивляюсь, что Маковский был очарован Государем, - это действительно чарующий человек. Как он тронул меня третьего дня, например! После обеда, часов около девяти с половиной вечера, обыкновенно я спешу к себе в каюту, чтобы пописать или почитать до чая, и стараюсь вернуться в столовую 15 или 20 минут двенадцатого, так, чтобы застать всех перед самым окончанием игры в бильярд. Это не настоящий большой бильярд, а маленькая доска, которая устанавливается совершенно горизонтально по ватерпасу; по ней четыре игрока катают маленький шарик с помощью маленьких палочек тоже с шариком на конце. Теперь постоянно по вечерам идет игра на двух столиках – на одном с Государем, на другом с Императрицей. Когда обе игры кончаются, Ее Величество прощается и уходит к себе вниз, а Государь садится пить чай. Вот я и стараюсь всегда прийти до этого момента. Так я и пришел третьего дня в самом тревожном состоянии вследствие отсутствия известий о Вас, и потираю холодные руки, которые только что вымыл. Государь подходит ко мне и так ласково говорит: «Что это у Вас, Е. С., зазябший какой

вид?», - и обеими руками берет мои холодные руки. Ну разве не трогательно это чутье и эта милая, должен сказать, ласка?

Ну пора, к сожалению, кончать, а то не поспеет письмо на пароход.

Целую тебя, мой ненаглядный, мой хороший, крепко, крепко, как мы с тобой это умеем. Расцелуй также, мой хороший, и золотую мамулю и драгоценных Танюру с братьями.

Твой папулян.»

«20 июля 1909 года.

Золотой мой, драгоценный, ласковый Юраша,

Ты себе представить не можешь, как порадовал ты меня своим письмом! Если бы не ты, мой хороший, я бы еще неизвестно сколько времени был без всяких вестей от Вас. Конечно, я успокаивал себя утешительным изречением: «Pas de nouvelles – bonnes nouvelles», - которое во время таких путешествий особенно справедливо, ибо города, намеченные для нашего посещения, известны, и если бы, не дай Бог, у Вас было бы что-то неладно, то мамуля наверняка догадалась бы, куда телеграфировать. Но все же насколько успокоительнее всяких рассуждений прямое слово, написанное знакомыми, родными буковками, да еще такое милое, ласковое слово, как твое! Крепко, крепко целую тебя за твое славное, трогательное письмо. Отвечаю тебе утром, по нашему времени в 11 часов, а у Вас уже час дня, в виду берегов Англии, к которой мы подходим медленным шагом, так как должны прийти только в 12 часов дня. Так странно – заснуть во Франции и проснуться в Англии! Положим, я просыпался в 6 часов утра, когда мы уходили из Шербурга и нам салютовали, просыпался и позже, когда нас покидали на полпути конвоировавшие нас французские суда и кричали «ура», но я мог свободно и проспать эти моменты, и тогда переход был бы такой резкий и странный.

Я должен был прервать письмо, чтобы одеться и идти встречать Короля. Встретили, затем перешли на его великолепную яхту «Victoria and Albert», отлично позавтракали у него и затем на ней же три раза прошли вдоль Английского Флота. Ты представь, мой дорогой, 150 судов, из них 16 броненосцев! Нет, это трудно себе представить – это нужно видеть! Что за зрелище, что за подавляющее зрелище! При этом представь себе наш флот! Представь себе, что, вспоминая, мне даже не жалко нашего

погибшего флота. Я не видал его, но думаю, что это были калоши в сравнении с современными гигантами; уж лучше ничего не иметь, чем одну бутафорию. Теперь мы потеряли флот в честном бою и нас жалеют, а если бы он был таким, каким его описывают, над нами бы смеялись. Мы отстали не сейчас вследствие гибели нашего флота, а когда-то раньше, много раньше. Но здесь еще даже не половина Английского Флота, еще столько же, и даже больше таких же судов и броненосцев рассеяно у них по всему миру. Мне нравятся англичане; большей частью это все умные, деловые и симпатичные лица.

Пишу Вам все время, но не знаю, доходят ли до Вас мои письма; около Киля послал письмо мамуле, из Киля – Мимочке, вчера из Шербурга – опять мамуле, отсюда, значит из Спидгеда, пойдет тебе. Ты меня страшно тронул своими милыми строками о Танюше. Она именно такая, какой ты ее описываешь, особенная. Это большая для меня радость и счастье, что Вы так любите друг друга; дай Бог, чтобы это и всегда так было. Гораздо легче тогда живется на белом свете. Особенно нужна Ваша дружба и любовь Танюше – женщине так часто нужна мужская помощь! Ты так тепло описал, мой золотой, мою летнюю жизнь среди Вас, что мне даже взгрустнулось, но я стараюсь никогда не думать о том, чего я лишен в жизни, а с вечной благодарностью останавливаюсь на том, что она мне дала и дает. Такой уж мне Бог дал счастливый характер и по нему и посылает мне жизнь.

Ваш лазарет делает чудеса, и Ваши врачебные способности дают мне мысль, что Вы отлично сумеете воспитать и здоровые растения. Поэтому предлагаю Вам с Мимулей следующую комбинацию: я ассигную Вам 25 рублей на садоводство, а Вы распорядитесь этой суммой так, как найдете для себя приятнее и целесообразнее. Выпишите себе прейскуранты от Регеля (Петербургское садоводство), Вагнера (из Риги), или заграничной фирмы, или какой-нибудь другой еще, по совету Екатерины Никитишны или тети Леночки, а затем выпишите то, что захотите, посоветовавшись, конечно, с мамочкой, а если хотите доставить удовольствие Танюше и Глебушке, то и о их желаниях спросите. Из всего этого выберите то, что Вам наиболее интересно и скорее бы всего хотелось осуществить. Вот, например, Вам хотелось пустить по Вашему Робинзоновскому домику дикий виноград – и великолепно; рассчитайте, сколько нужно будет для этого кустов,

и почитайте в прейскуранте, как его нужно содержать зимой. Такое нежное растение лучше, пожалуй, выписать из Петербурга или из Риги, где это растение уже успело привыкнуть к климату (Вагнером я был очень доволен). Могу еще очень порекомендовать хорошее вьющееся растение, которое великолепно шло у нас в Мустамяках и дает чудные благоухающие цветы: «caprifolium» (chivre – fenille). Если Вы заинтересуетесь, кроме того, выводкой роз, тогда лучше их выписать из-за границы. Тут Ек. Ник. Вам даст добрый совет. Наконец, Вы захотите, может быть, завести какие-нибудь хорошие ягоды – валяйте! Наверное, Вы найдете нужным кое-где еще посадить деревья для защиты от соседей – и отлично сделаете. Выбирайте тогда, сговорившись с мамочкой, какие хотите сорта и сажайте, с ее, конечно, разрешения, там, где хотите. Если для тех или других Ваших планов Вам нужен будет парник, то на него я ассигную еще отдельно, сколько понадобится, - спросите только мамулю, где она позволит его ставить. Очень подходящим местом мне представляется свободное пространство около дяди Мишиного забора позади наших фруктовых деревьев и верхнего колодца. Не надо только ставить парник слишком близко к колодцу, особенно если культивируемые растения потребуют поливки навозом. Во всяком случае, лучше так рассчитать положение парника, чтобы вода из него не стекала в колодец. Если Танюша и Глебушка тоже заинтересуются посадками, то скажи им, мой родной, что на их желания я ассигную еще 15 рублей. Попроси от меня мамулю выдать Вам все эти деньги, когда они Вам будут нужны, и я верну ей этот долг по своем возвращении. Момент этот, кажется, скоро последует вслед за получением тобой моего письма, но надеюсь, что оно все-таки придет до меня. Во всяком случае, мне уже неоткуда будет писать Вам.

Сегодня опять пришла к нам Петергофская почта. Я получил всякие письма, даже адресованные в Царское Село, как видишь на прилагаемой открытке, которую прошу передать Глебушке, но от своей родной семьи – ни одного. Не знаю, что и думать, - теряются ли мамочкины письма или она больна. Тревожно, грустно и обидно. Если бы не ты, мой ненаглядный, я бы думал, что Вы просто вычеркнули меня из своей жизни и забыли. Поэтому еще и еще раз благодарю тебя, дорогой мой, хороший, за твое милое письмо. Поцелуй от меня мамулю и расцелуй братьев и сестру. Если тетя Рока приехала, поцелуй и ее от меня, пожалуйста.

Тебя же, мой золотой, целую сам так крепко и нежно, как только умею.

Да хранит Вас Господь!

Весь твой папуля.»

«Балтийский Порт, 22 июня 1910 года.

Милый мой, золотой, драгоценный Юраша,

Крепко, крепко целую тебя, мой ненаглядный, за оба твои письма; второе я получил сегодня, как раз, когда собрался отвечать на первое. Не могу скрыть от Вас, что я ждал писем от Вас обоих старших с большим нетерпением, так как страшно недоставало непосредственного общения с Вами, но я нарочно не хотел напоминать Вам об этом, чтобы Ваши письма не вышли вынужденными и чтобы, с другой стороны, не мешать Вам проводить время так, как Вам приятно. Благодаря письмам мамули, Танюрочки и Глебушки, я и представлял себе Вашу жизнь именно так, как Вы с Мимулей ее описываете, и издали радовался за Вас. Теперь же, получив от тебя, моего золотого, одно письмо, потом так скоро – до моего ответа – и второе, я ужасно обрадовался и так чувствую на себе твою такую дорогую мне нежную ласку; на меня так повеяло ароматным теплом из твоей милой, доброй души! Некоторые характеры в письме всегда больше сказываются, покажут жемчужины из более глубоких раковин своего сердца, чем в устной речи, и это громадного значения и ценности положительная сторона таких невольных разлук, в каких мне приходится с Вами теперь проводить каждое лето. Можно жить иногда с человеком годами под одной крышей, при условии, разумеется, рабочей, деятельной жизни, и остаться ему почти чуждым или, по крайней мере, очень мало знать его, если не было случая или возможности поболтать, что называется, по душе. Или же наоборот, путем обмена двумя-тремя задушевными письмами, сблизиться с человеком, поняв его и проникшись им, так, что до конца жизни устанавливаются самые тесные душевные отношения.

Мне очень дорого было также и интересно узнать твое заключительное мнение об Анне Карениной; оно совершенно совпадает с моим. По существу она даже совсем хороший человек, но по слабости человеческой согрешила раз, а «кто Богу не грешен, Царю - не виноват?» За это она заплатила жестокой

ценой. Как же ее не пожалеть?! Но не в узком смысле слова подразумеваю я здесь грех. Скверен он и гадок, что и говорить, но и после него, - а еще лучше до него, - могла она опомниться, прогнать от себя Вронского, как это сделала Татьяна с Онегиным, и вспомнить о долге своем перед мужем и сыном. Вступая в брак, человек, конечно, надеется на счастье, если он любит того, с кем сочетается, или, по крайней мере, на улучшение своей жизни, если он сочетается не любя, как это было с Анной. Это право человека, соединяющего свою жизнь с жизнью другого, искать лучшего, но каждое право налагает и обязанности. Разумеется, никто не в состоянии даже приблизительно взвесить вперед, что у него будет больше – прав или обязанностей. Если другая сторона будет в первом его обсчитывать, т.е. не исполнять своих обязательств, то этот человек вправе домогаться своих прав и даже требовать их соблюдения, а если ему в них все-таки отказывают, то и настаивать на уничтожении договора, как не честно выполняемого. Если же счастья или даже улучшения жизни не получается не по вине той или другой стороны, а просто потому, что обе стороны, или одна из них, ошиблись в своих надеждах или расчетах, как и было, насколько мне помнится, у Карениных, то людям остается только смириться, остается только нести принятые на себя обязанности, если нельзя расторгнуть договора полюбовно. Конечно, последнее довольно просто среди порядочных людей, когда их только двое, и до крайности сложно, когда уже их стало больше, т.е. когда появились дети. Это уже третья заинтересованная сторона, и тогда стремление разорвать договор, так близко ее касающийся, без ее согласия (а какое значение имеет согласие малолетних?) равносильно уже посягательству на их права, т.е. несоблюдению самых первых и священных обязательств, принятых на себя при вступлении в брак, - обязательств относительно невинных и беззащитных малых сих. Вот в несоблюдении этого священного долга, в стремлении в ущерб ему к личному счастью, однажды не удавшемуся, я и вижу главный грех Анны Карениной, за который она заплатила так дорого, - не жизнью, это самое пустое, - а теми муками, которыми она настрадалась с Вронским и которые довели ее до самоубийства. Как ни тяжело было бы ей исполнить свой долг относительно мужа и сына, при сложившихся с первым из них отношениях, это было бы все-таки легче, чем то, что пережила она в погоне за эгоистичным

счастьем. Заслуга ее перед этими, по ее же воле связанными с ней людьми, а особенно перед Богом, была бы громадна. Это был бы подвиг самоотвержения. Но подвига может требовать только Бог, и Он же посылает тогда человеку силы совершить его. Люди же, которые сами не в состоянии дать кому-нибудь сил для совершения подвига, требовать его не могут. Поэтому, преклоняясь перед теми, кто все-таки совершает подвиг, они обязаны быть снисходительными к тем, у которых сил на них не хватает, и не могут не пожалеть тех, которые искупают свою слабость тяжкими страданиями. Так было с Анной Карениной, и потому я и говорю, что она была все-таки хорошей и что ее бесконечно жаль. Жаль, конечно, и ее несчастного мужа, даже Вронского, но больше всех их я жалею ни в чем не повинного сына Карениных: он от всей этой комбинации только потерял.

Ну целую тебя, мой голубочек, мой золотой, крепко, крепко, крепко.

Весь твой папуля.

P. S. Напиши мне, мой родной, при случае, ясно ли я изложил свои мысли по поводу Анны К. Расцелуй ненаглядную мамулю, Танюшу (спасибо ей, золотненькой, за письмо – такое милое!) и братьев. Тете К. и Н. К-чу кланяюсь.»

«Фридберг, 15-28 сентября 1910 года.

Мой милый, хороший, добрый Юраша,

Ты не можешь себе представить, мой золотой, как мне радостно, что я могу наконец засесть за более длинное письмо тебе и таким образом побольше поговорить с тобой, а через тебя и с остальными моими детками ненаглядными, которые так хорошо, так мило, так ласково и весело смотрят на меня из Мамулиной рамки! Хотя я не кончу сегодня письма, я знаю, потому что уже 11 1/2 часов вечера, но хотя бы начну. Все равно при здешнем образе жизни в один присест мне никогда не удается написать хотя бы сколько-нибудь обстоятельное письмо. Начинаю с тебя, моего дорогого, потому что от тебя последнего имел я письмо. Вообще я Вам так благодарен, что Вы не оставляете меня письмами и не забываете меня, а ты особенно балуешь меня ими, мой хороший. Как часто в течение дня думаешь: вот бы им это показать, вот бы об этом рассказать, а теперь, начав писать, хочется болтать о всяком вздоре, как после долгой разлуки,

перескакивая с одной мелочи на другую и главным образом радуясь, что можешь опять поболтать. Вспоминаю Вас, например, каждый раз, когда подымаюсь по лестнице старого замка (на двери его стоит 1604 год), а это бывает, по крайней мере, один раз в день, когда мы после ужина идем играть в карты или во что-нибудь другое. Первое время я на этих лестницах постоянно спотыкался и чуть не падал, досадуя на свою разгильдяйность и косолапость, но затем мне старушка «грани», здешняя княгиня Голицына, т.е. Обергофмейстерина, к которой все относятся с огромной заботливостью и уважением (Великий Герцог, по старой памяти, говорит ей «ты», потому что вырос на ее глазах, а мы все целуем ей руку), объяснила мне, что ступени на лестницах неровные, оттого нога, привыкшая к ровным ступеням, и спотыкается. Уже теперь я всегда думаю об этом, и меня не сковырнешь. На башенных часах пробило 12! Если бы ты слышал этот бой, гулкий и низкий, как звон церковного колокола! Точно он прямо сквозь сотни лет пробивается из средних веков. Потом вспоминаю тебя каждый раз, когда смотрюсь в зеркало, чтобы завязать или поправить галстук. Здесь удивительно милые для нас с тобой зеркала – в них отражаешься гораздо более тоненьким. Впрочем, у немцев и в глазах что-то утончающее вставлено, потому что мне один из них сказал по поводу толщины: «Ach! Sie haben sich noch so schlank erhalten». Это я-то, с «колобком»! Да и фотографы такие же. Посмотри, родной, карточки, которые я только что послал Мамуле, где мы гуляем втроем с Государем и Ал. Ал., особенно там, где мы так хорошо в ногу идем, что они все у нас вышли параллельными, а моя левая нога даже слилась с ногой Дрентельна, будто она в полтора раза длиннее правой; ведь и тут я как-то совсем приличных размеров вышел, будто и «колобка» нет. На днях мы сделали в том же составе первую пешеходную прогулку по Фридбергу, по городу. Там, право, кажется, Государя не меньше восьми раз сняли четыре фотографа; один и тот же раз снимает, потом забежит вперед в другую улицу (как посчастливилось ему догадаться, куда пойдет Его Величество?), глядишь – и еще раз чикнул! Между этими четырьмя фотографами оказался и наш Ган, который шел грустный с своим «животом», как неудачный охотник с пустым ягдташем, и вдруг…Государь! Сейчас побежал вперед и снял. Через несколько времени, заметив, что Ган все идет сзади, Его Величество

остановился и сказал ему: «Ну уж снимите нас для альбома», - т.е. это такая доброта, такая бесконечная доброта – наш Царь, что я тебе и сказать не могу, мой золотой. Ну, например, эти наши утренние прогулки. Мне положительно кажется, что он предпочитал бы делать их вдвоем с Дрентельном, что я не только гораздо менее интересен, чем Дрентельн, но иногда, может быть, даже мешаю завязаться между ними более интересному разговору, но Государь знает, как я наслаждаюсь и дорожу ими, и всегда берет меня с собой, а если я почему-то не свободен (должен быть позван к Ее Величеству), то он непременно перед обедом выразит мне сочувствие по этому поводу и всегда так удивительно сердечно и просто. Господи! Да я разве мог рассчитывать на такое счастье, чтобы каждое утро гулять с Государем?! Да я каждую прогулку считаю за особый праздник, а не то, что думаю, будто у меня что отняли, когда я не попадаю на нее. Между тем, и Царь, и Царица заботятся, чтобы я непременно попал. Ее Величество меня пораньше принимает и торопит на прогулку или, если не может принять меня до нее, посылает гулять и принимает меня потом по возвращении, а Государь видимо поджидает иногда – раз даже подъехал на автомобиле за мной к нашему домику. Подумай, мой дорогой, какой он добрый!.. Если бы только он мог знать, как я это чувствую!.. Все это пишу тебе, золотой мой, конечно, только для Вас, для семьи; никому другому я бы не сказал этого, потому что меня бы не поняли, или приняли бы за хвастовство – так и Вы не рассказывайте, а я от умиления это наболтал, от полноты души. И пишу я это уже 3 октября по-здешнему, значит 16 сентября. Вот как по времени не мог добраться до твоего письма, которого в первый прием написал лишь две страницы. Потом были всякие деловые письма, опять, между прочим, дяде Мише – целый фолиант по поводу памятника дедушки, так как он прислал мне (тоже порядочно давно) вырезку из какой-то газеты, где какой-то Илья Гинцбург очень глупо и неверно критиковал постановку памятника в Академии. Я также писал Мамуле, делал кое-какие покупки и т.д. Между прочим, купил и послал Вам четыре куклы и теперь очень интересуюсь, как Вы их поделите. На сегодня должен опять остановиться, так как уже 12 часов ночи.

4-го октября. Радуюсь, что Вы уже втянулись в гимназическую работу и она Вас, вероятно, уже не так тяготит, как первое время после лета. Этот переход всегда труден, но что

это в сравнении со всей последующей жизнью, когда сменяющиеся времена года приносят только новые обязанности и новые заботы! Как вспоминаешь тогда все учебное время – время беззаботное с усиленным, правда иногда и очень скучным, трудом зимой, но зато и с полной свободой летом! Счастливы те, которые выберут себе специальность по вкусу, тогда и самый тяжелый труд им будет радостен, но какое множество людей работает исключительно из-за куска хлеба, проклиная лямку, которую они тянут, и утешаясь только какой-нибудь сторонней, приятной для них работой или отвлекаясь каким-нибудь одуряющим времяпрепровождением, вроде кутежей или карт. Несчастные! Для них закатилось лето навсегда, и они всю жизнь обречены оставаться в положении школьников, обязанных изучать ненавистные им предметы и лишенных вакаций.

Часто с большим чувством утешения вспоминаю Вас, моих ненаглядных, при виде Ваших сверстников из здешних княжеских фамилий. Вот маленький князь (...) - Филипп – сын брата Великой Герцогини, тот самый мальчик, который вышел за кофе из группы, снятой во время прогулки в Мюнценберг, милый, хороший мальчик, трогательный брат своих трех сестер, единственный сын «владетельного» князя, достиг пятнадцатилетнего возраста, причастился и был отдан в школу ближайшего города на постоянное житье и теперь возвращается домой только по праздникам. Милый десятилетний мальчик, Дик, принц Баттенбергский, племянник Ее Величества, о котором я столько писал, отдан в какую-то частную школу в Англии, где он живет постоянно, приезжая к семье только на вакационное время. До сих пор он даже плакал, расставаясь с семьей, но в нынешнем году перенес это уже стоически, заявив, что он «much too old to cry». Эта английская система воспитывать мальчиков вне семьи ведет, между прочим, к тому, что, женившись, англичанин не столько вводит нового члена в свою семью, сколько сам входит в семью своей жены. Так, по крайней мере, я объясняю себе этот странный обычай, о котором я здесь узнал. Не легче и условия учения немецких мальчиков, учащихся приходящими. Сегодня, например, уезжает в Киль младший сын Принца Генриха, брата Императора, и Принцессы Ирины Прусских (она сестра нашей Царицы), после неполных двух недель вакаций. Это осенние; столько же бывает у них свободы на Рождество, на Пасху и в начале лета.

С большим интересом читаю Ваши письма, мои золотые, между прочим, и про акт и про авиацию. Это обычай – на торжественных актах читать какую-нибудь ученую речь, к самому торжеству прямого отношения не имеющую, но директор стал передо мной, как живой, и я так и слышу его резкий голос, внезапно возвышающийся до крика. Очень порадовался я, что Вы испробовали – и, кажется, не без успеха – новую игру (в темноте). Вот еще одна, и презабавная: все садятся в круг, а один с завязанными глазами, с помощью двух деревянных кухонных ложек, определяет, на кого он наткнулся. Он трогает туловище, руки, голову, лицо и т.д. и, зная, кто играет, но не зная, кто где сидит (его для этого предварительно несколько раз поворачивают), он должен догадаться по ощущениям, которые получает через ложки, где голова, есть ли борода, усы, много ли волос, и так постепенно узнать человека. Конечно, всякие при этом делают глупости: садятся спиной к середине, закрывают чем-нибудь лицо...»

«Волчий Сад, 25 октября – 7 ноября 1910 года.

Мой золотой, драгоценный Юраша,

Крепко целую тебя, мой ангелочек, что не оставляешь меня письмами. Карты для пасьянса с большой охотой уже купил тебе, а относительно карточек для Остроумова боюсь, нет ли недоразумения; ведь я Вам послал их целую гибель, были также и дубликаты. Я просил из всей этой массы уделить, что найдете возможным, Остроумову. Быть может, мамуля забыла это передать Вам; на этот случай я купил еще кое-какие, но должен сказать, что во Франкфурте, насколько я мог этим заняться, открыток с китами мне почти не удалось найти. Здесь они все заняты видами, а не людьми; кое-что я все-таки достал, но типы опять-таки только Гессенские, вроде тех, что я присылал Вам, вероятно, благодаря тому, что только в Гессене, и то лишь в части его, еще носят старинные национальные костюмы, ради которых и снимают еще людей. Я бы купил для Остроумова повторение того, что уже посылал, но, как я уже сказал, здесь я еще таких не видел. Во всяком случае, тебе будет чем исполнить свое обещание.

Очень мне жаль бедного твоего Воейкова! Писать мне об этом неудобно, но при первой же встрече с И. Л. Граве я заинтересуюсь этим мальчиком – это иногда помогает. А что Мишин Филиппович? Попал ли он в какую-нибудь санаторию и как его здоровье?

Какой славный Mr. Voinot (так он пишется по-французски?), что принял в нем такое участие! А что Ю. М. Жохов еще преподает у Вас в гимназии или уже ушел? Он мне писал (по делу, конечно) из Петербурга. Бедный Коля Соболевский потерял отца. Ты не пропустил этого и написал ему по поводу этого горя? Если будешь ему писать, то, кроме обычного поклона от меня, напиши ему, что, прочитав в газетах о кончине его отца, очень думал о нем и горячо ему соболезную. Не говоря уже о тяжести сердечной потери, трудно молодым людям начинать самостоятельную жизнь без отца. Я уже был врачом – правда только что окончив Академию – когда скончался Ваш дедушка, притом в исключительно благоприятных условиях, благодаря ему же, конечно, и то так часто, часто чувствовал отсутствие его, не только как отца, которого обожал, но и как опытного, доброго, старшего друга, который мог бы в иных случаях наставить меня, поруководить мною и посоветовать. Тем более сочувствую я и стараюсь быть полезным молодым людям, которые оказываются в таком же или худшем положении и еще раньше теряют руководителя и заступника. Один из таких горемычных, между прочим, мой Леонид Рочаст. До аттестата зрелости, слава Богу, его удалось довести, но потом осенью он держал экзамены в Морское Инженерное Училище и с треском провалился, что меня очень, конечно, огорчило. Он сам был страшно сконфужен и поступил пока в Университет, но будущей осенью хочет повторить атаку на Училище. Это для него крайне важно, так как там он бы жил на всем готовом и ничего не платил, а по выходе сразу стал бы получать жалованье как морской инженер или механик на каком-нибудь пароходе.

Знаешь, дорогой мой, как забавно – здесь в Гессене я нашел и купил старинный русский складень, образок эмалевый, какой мне давно хотелось иметь, да я не находил у моих антикваров. В середине Св. Николай Чудотворец, а по бокам – Божья Матерь с Младенцем Иисусом (Казанская, Владимирская). Это старая, хорошо сохранившаяся копия очень старинного образа, и мне очень нравится. Случилось это так: Великая Герцогиня приготовляет базар, чтобы собрать денег для чахоточных. Приготовляет она его так же великолепно, как все делает; вещей доставлено бездна, не мало и жертвенных. Среди последних целый маленький отдел прелестных наших кустарных изделий; между ними вдруг

вижу две коробочки старинной русской эмали. Одну из них открывает Великая Герцогиня – и вдруг вижу складень! Сколько стоит? 22м.70 пф. Разумеется, я тотчас же и купил, так как предварительная продажа уже началась. Радость это мне доставило двойную: и приобретение самого складня, и извлечение его из неподходящего места с возвращением на родину. Он уже стоит у меня на ночном столике и теперь всегда будет при мне. Надо будет только его освятить (по совету С. И. Тютчевой). Как-нибудь я дам его тебе, когда ты пойдешь служить в церковь, и гимназический батюшка его освятит.

Целую Вас всех четверых, моих драгоценных, ненаглядных, хороших, золотых без конца, без конца.

Весь Ваш папуля.»

«Севастополь, 16 сентября 1911 года.

Милые мои, золотые, ненаглядные, драгоценные,

Пишу Вам еще лежа, но завтра Ив. Ив. Обещает мне разрешить пройти к Ее Величеству, и по состоянию моего колена это действительно вполне возможно; боли почти нет, и при исследовании воспаление совершенно стихло и никакими осложнениями я больше не рискую, даже, по-моему, если бы я стал ходить по-настоящему, хотя бы по трапам. Я не буду делать этого, пока мне Ив. Ив. не разрешит, лишь бы иметь возможность исполнять свои обязанности и избавить Ее Величество от лишней ходьбы – ежедневного посещения моей каюты для исследования. Много эта болезнь мне дала радости и счастья нам с детками, так что поистине можно сказать: «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло». Все были так добры к нашим маленьким, что я просто растроган. Государь подал им руку. Императрица поцеловала их стриженые головки, а о Великих Княжнах они сами Вам напишут. Бесподобно было свидание Алексея Николаевича с Глебом. Сперва он и Тане, и Глебу говорил «Вы», но скоро перешел на «ты». Одним из первых вопросов к Глебу был: «Как называется это отверстие?» - «Не знаю», - смущенно ответил Глеб. «А ты знаешь?» - обратился А. Н. к Тане. «Знаю, полупортик». Дальше опять вопрос Глебу: «Чей это костыль?» - «Папулин», - тихо отвечает Глеб. «Чей?» - удивленный вопрос. «Папулин», - повторяет окончательно смущенный Глеб. Тогда я объяснил, что значит это странное слово, но А. Н.

несколько раз потом, среди другого разговора, повторял свой вопрос, заинтересованный забавным ответом и, вероятно, смущением Глеба, но тот уже отвечал смело.

Сегодня очаровательный А. Н. опять заходил ко мне и опять спрашивал про костыль. Ответ: «Мой», - мало заинтересовал его, он снова спросил, и я уже отвечал: «Папулин». Вчера, когда я днем лежал одиноко и грустил об уехавших детках, вдруг в обычное время пришла развлекать меня Анастасия Николаевна и захотела все сделать для меня, что делали мои детки, например, дать вымыть руки. Пришла и Мария Николаевна, и мы с ней сыграли в «о н т », а сейчас забегала Ольга Николаевна – право точно ангел залетел. Добрая Татьяна Николаевна навещает меня каждый день. Вообще меня все страшно балуют и, за исключением двух-трех менее близких офицеров, меня все постоянно навещают, кто чаще, кто пореже, кто по несколько раз в день.

Требуют письмо. Пишите, золотые. Маленькие очень довольны Симеизом.

Целую Вас без конца, ненаглядные.

Весь Ваш папа.!»

«Ливадия, 28 сентября 1911 года.

Мои милые, золотые, ненаглядные мальчики, спасибо Вам, мои драгоценные, что Вы балуете меня своими письмами. Вы не можете себе представить, какое это для меня успокоение и утешение! И знаете, дорогие, что мне еще ужасно дорого: Вы пишете мне теперь довольно часто, особенно для таких занятых людей, как мои золотые «умельники», а начинаете письма почти всегда с того, что Вы мне что-то давно не писали. Это показывает, что Вам приятно со мной покалякать, хоть через бумажку, родные Вы мои.

Радуюсь, что теперь Вы уже имели письма от маленьких, по крайней мере от Танюши, которая постоянно жалеет о Вашем отсутствии, когда видит что-нибудь особенно хорошее. Последние дни были для меня большим счастьем и принесли мне много радости: в субботу я перевез наших маленьких в Ялту, поместил в небольшой, но уютной и чистой комнате гостиницы «Джалита» с балкончиком на очень симпатичный и красивый внутренний сад. Я сделал это, чтобы дать им возможность побывать на базаре Ее Величества без особого утомления и вместе с тем посмотреть

Ялту и ее ближайшие окрестности. Мне же это дало великое наслаждение видеть их каждый день и проводить с ними по несколько часов. Про базар, который удался блестяще (дал около 40.000 рублей чистого дохода) и был необыкновенным праздником для всех жителей Крыма, имевших счастье видеть Их Величества и Великих Княжон совсем близко и получать вещи прямо из рук Ее Величества (настроение было самое восторженное и умиленное!), дети напишут Вам сами, вероятно, подробно, а также опишут, я надеюсь, поездки в Массандру, в Никитский сад (ботанический), где мы даже снимались под пальмами и бананами (постараюсь прислать Вам одну из этих групп) и на Эриклик. Прибавлю только, что по дороге в Ялту я завозил их еще в Кореиз к Юсуповым, которые страшно любезно пригласили их у них поселиться, чтобы они имели о нем представление прежде, чем решать вопрос, куда им переселиться. Все эти осмотры привели их к моему убеждению, что, хотя Кореиз и несколько дальше Ялты, но жить в нем несравненно лучше, чем в этом грязном городишке по пансионам, тем более, что в Кореиз я могу все-таки каждый день приезжать на лошадях. Так мы и порешили, и, если дети будут здоровы, они во вторник, 4 октября, уже переедут к Юсуповым. Поэтому отныне их адрес уже следующий: Крым, Кореиз, Дача Княгини Юсуповой (или Ливадия, доктору Боткину, для передачи). Сегодня князь мне показывал их будущее помещение. Это целая квартирка из двух великолепных и одной маленькой комнат со всеми удобствами и с чудным большим балконом на море. Прогулки в самом Кореизе бесконечные и продолжаются непрерывно почти до самого Симеиза. Таким образом, наши золотненькие в состоянии будут целый день проводить на воздухе, если только позволят погода и здоровье. К сожалению, и по той и по другой части произошли маленькие недочеты: вчера, после страшно душного дня, разразился сильный дождь с таким ветром, что большие кипарисы так и валялись направо и налево, как хворостинки. После этого сегодня на горах выпал снег и стало очень свежо. Вместе с тем, и Танюша, и Глебушка немного простудились. Глеба я увез из Симеиза с 37,1 температурой и с насморком, но в Ялте у него температура уже не поднималась и с насморком стало лучше, а Танюша, подзараженная, вероятно, Глебом, при переходе со страшно душного базара на лестницу в самом легком платье, подпростудилась и вчера стала

кашлять, немного задыхаться, а температура была 37,4. Сегодня она была уже 36,8, кашель стал мелкий и редкий и астмы не было, почему я и решил их перевезти.

Поздравляю Вас, мои ненаглядные, с покупкой новой лошади. Страшно утешен, что у Вас есть такая радость в жизни, как верховая езда. Вашим усердным, усиленным и добросовестным учением Вы заслуживаете полезного и приятного отдыха. Верховая езда – благородный спорт. Не будьте только слишком большие рискунчики, мои дорогие. А как зовут Вашу новую ласковую лошадку? Эта Юрашина ведь, а Риск – Мимулин, я так понимаю? Мимулинка, мой ненаглядный, если трудно будет тебе справляться с приготовлением уроков и случится не приготовить домашнего, то, в случае недовольства учителя, скажи ему, что я тебе это разрешил. А я верю, что, если ты не приготовил урока, то не из-за какого-нибудь удовольствия или развлечения, а по невозможности. Только умоляю Вас, берегите свой сон и ложитесь вовремя. Бесконечно люблю и так же целую Вас, мои ангелочки. Господь с Вами!

Весь Ваш папа.

P. S. Тетю Катю очень, очень благодарю за длинное письмо и открытки, тоже тетю Веру и тетю Машу.»

«Спала, 29 октября 1912 года, 6ч. 30м. утра.

Золотой мой, золотой, ненаглядный Мимулечка,

Не пугайся часа, выставленного на письме: это я сижу на дежурстве у нашего бесценного Больного… Поговариваем уже о переезде, но я поверю, что увижу Вас, только когда собственными руками обниму и собственными устами поцелую. Боже! Боже! Как мне этого хочется!!… Но перед нами еще такая серьезная всероссийская, отечественная забота: здоровье Наследника и Его переезд, что о своих личных делах и не смеешь и не хочешь даже думать. Но зато какое утешение для меня переноситься мыслью в Вашу жизнь, и как я тебе благодарен, мой драгоценнейший, за твои милые, интересные письма! У Вас легко оставляют без отпуска, и я вижу, что это совершенно неизбежно, так как целую массу подробностей только практически и можно изучить. К счастью, тебе совсем не скучно оставаться в Корпусе, и я действительно так счастлив, что тебе в нем хорошо!… Ненаглядный мой, да благословит тебя Бог и в будущем на

избранном тобою пути служения ему!… Золотой мой, если петербургские фотографы по воскресеньям не работают, чего прежде за ними не водилось, то Ганч в Царском наверное снимает и по воскресеньям. Хоть и долго это будет, но все же будет. Свою карточку, снятую Г. П – чем, посылаю теперь тебе и Юрашечке.

Мой золотой, мой драгоценный, добрый, хороший Юраша!

Как я рад, что у Вас восстановились нормальные отношения с Б. Ник, спасибо тебе, моя радость, что ты это так устроил; я тебе так, так благодарен за это! Тетя Катя пишет, что ты страшно вырос; как это хорошо!… Отчего, собственно, Мика скучает в Лицее? Ведь Кама не скучает, и С. Воейков и Озеров тоже довольны, не правда ли?

Танюрочка, моя радость, моя птичка, моя голубенькая, нежная, нежная, милая дочурка!

Спасибо тебе за твои ласковые, хорошие письма! Я так люблю, когда ты садишься поболтать со мной, просто так, даже не зная, о чем писать! Золотце мое, каждая буковка твоя мне так дорога!… А как вышло твое синее платье с белым? Меня страшно интересует, довольна ли ты им? А довольна ли ты прачкой и как обстоит дело с электрическим утюгом? Голубка моя, когда будешь писать тете Мари, скажи ей, пожалуйста, что и ее, и дядю Сашу, и Марианночку страшно крепко целую, но что писать совершенно не могу: еще слишком много хлопот около Больного, а на ночных дежурствах не всегда бываешь так бодр, как сегодня. Тетю Веру крепко целую за ее неистощимый запас книг; это все читаные или новые?

Родной мой, милый, славный Глебушарий, мой золотой абрикосик!

Как мне грустно, что ты все прихварываешь!… Уж ради того, чтобы тебя поправить, надо мне скорее возвращаться, да ничего не поделаешь: нашему драгоценному Алексею Николаевичу я пока еще нужнее. Сейчас он проснулся, к нему пришла Мар. Ив. (сегодня ночью при нем была Ал. Ал. Теглева), и он вынимает из-под подушки ей подарки по случаю дня ее Ангела! А узнав от меня, что тетя Настя именинница, шепотом стал говорить Марии Николаевне и Анастасии Николаевне, чтобы они меня поздравили… Душечка мой! Когда тебе очень тяжко, что меня все нет, ты только подумай, что это мы для него должны потерпеть, и сейчас легче станет. Так я все время справляюсь… Посылаю тебе,

мое золотце, фотографию 20-концевого оленя, убитого Государем, и кончаю, а то уедет фельдъегерь. Даже перечитать некогда.

Простите... Целую Вас, мои ангелы, без конца, безумно, как люблю. Да хранит Вас Господь!

Весь Ваш папа.

Письмо В. Н. прошу мальчиков передать.»

«26 марта 1914 года.

Ах детки, детки, детки, мои милые, милые, ненаглядные, дорогие, золотые, неоцененные детки! Чем больше живешь с Вами, чем больше переживаешь с Вами и радостей, и забот, и огорчений (но именно с Вами и за Вас, а не из-за Вас), тем больше сживаешься с Вами и тем труднее от Вас отрываться. Вчера, когда я молился за Вас и за нашу драгоценную Царскую Семью, чувствуя Вас еще так близко, так страшно захотелось хоть еще по одному разику Вас крепко, крепко поцеловать – так хотелось, так хотелось, что и сказать не могу. Ангелы Вы мои! Да хранит Вас Бог, да благословит Он Вас и да будет Он всегда с Вами, как и я всегда с Вами, всегда около Вас, где бы я ни был. Чувствуйте это, мои ненаглядные, и не забывайте этого. И это уже навсегда! И в этой, и в другой жизни я уже не могу оторваться от Вас. Душа, которая так спаялась с Вашими чистыми душами, так привыкла звучать с ними в одном тоне, всегда будет, и освобожденная от земного футляра, звучать в том же тоне и должна в Ваших душах находить отзвук.

Пользуюсь остановками, чтобы писать Вам, так как на ходу приходится скорее рисовать, чем писать, и притом так медленно, так несоответственно моим чувствам, что буйной душеньке моей невмоготу. А под окном гуляет ненаглядный Алексей Николаевич со своим прелестным, верным Шортом. Погода свежая и серая – всего 6 градусов (в Пахомове, Тульской губернии), и небо заволокло тучами. Сегодня Алексей Николаевич обходил вагоны с корзиночкой маленьких дутых яиц, которые он продавал в пользу бедных детей по поручению Великой Княгини Елизаветы Федоровны, севшей к нам в поезд в Москве. Когда я увидел, что в корзиночке у него все больше трехрублевки, я поспешил положить 10 рублей и тем самым заставил и других гг из свиты раскошелиться. За каких-нибудь полчаса у Алексея Николаевича было уже свыше 150 рублей. Я смело мог позволить себе этот расход, так как вчера вечером в «Auction Bridge»

выиграл с графа Бенкендорфа (1р), генерала Комарова (8р) и князя Багратиона (14р) – всего 23 рубля! 92 points по 25 копеек – небывалое явление! Спасибо Бонзочке, драгоценному, что вовремя выучил меня «Окшену»!

После Пахомова я вытянул ноги и хотел почитать, но тотчас же задремал, даже заснул, проснувшись ровно в полдвенадцатого, час, когда мы должны были остановиться в Скуратове на восемь минут, где я хотел продолжать свое письмо. Через пять минут мы и остановились. Гляжу в окно – мелкий, сухой снег; градусник показывает всего лишь 1 градус. Вот что значит ехать на Юг! Мы уже скоро в Орловской губернии. Вернулись генералы с прогулки и слышу единодушные восклицания на разные голоса: «Ах, как гадко!», «Ужасно гадко!». Кстати о Юге: Танюша, милая, кажется поняла, будто и вторая сопка взорвалась, а это была вторая телеграмма – все о первой, близ Феодосии.

Вкладываю Вам книжечку, которую Алексей Николаевич раздавал при яичках. Загляните в нее, золотые, сколько там делается хорошего для несчастных, бесприютных детей. Сегодня после завтрака я носил Алексею Николаевичу показывать свою замечательную пепельницу, сделанную из осколка его лампы. Он был очень доволен и очень хвалил, но, так как я застал его за обычным дневным отдыхом (это было уже после прогулки в Пахомове), когда г-н Жильяр ему что-то интересное рассказывал, я, заметив, что он хочет продолжать слушать, поспешил уйти. Когда я в дверях раскланивался, этот ненаглядный мальчик, очаровательно улыбаясь, мне сказал: «Au revoir. Monsieur, je vous aime detout mon petit Coeur». Это ли не очарование? Я в восторге ему ответил: «Vous Ptes adorable!».

Боже мой! Неужели и у Вас такая погода?! Ради Бога, Танюрочка, ненагляднейшая, сообразуйся с ней и в дурные дни не ходи в гимназию. Лучше теперь пропускать, чем во время экзаменов. Будьте здоровы, мои драгоценные, и благополучны. Да благословит Вас Бог, как я Вас благословляю. Целую Вас, мои драгоценные, мои любимые, целую, целую, целую и люблю без конца.

Весь Ваш папа.

Поддерживайте и берегите друг друга, мои золотые, и помните, что каждые трое из Вас должны четвертому заменять меня. Господь с Вами, мои ненаглядные.»

«Ливадия, 5 апреля 1914 года.

Христос Воскрес!

Мой ненаглядный, мой хороший. Целую еще и еще.

Дорогой мой, ненаглядный, хороший Юрашечка, хочу особо поблагодарить тебя за твой подробный отчет о консультации. Я так и вижу, читая твое интересное письмо, милейшего Велимирского, который не может отделаться от своего давнего недостатка рассуждать с другим врачом о больном при нем же или при его родных. Это все равно что показывать публике или печатать свой черновик со всеми помарками и летучими заметками. Результат бывает всегда один и тот же – он дискредитирует собственную статью, которую в этом черновике готовил к печати, и зарождает к себе недоверие. Твой случай совершенно ясен и допускает только два решения: или легкая желчная колика, для которой не хватает более сильных болей, или этот самый дуаденит, который врачи предположили, но для которого желтуха была слишком коротка. И слава Богу! Я очень счастлив, что у тебя все так скоро прошло, и считаю, что теперь ты можешь уже все кушать, перейдя, однако, к всеядению с некоторой постепенностью, а не навалившись сразу на все после своего строгого поста, не ударившись, словом, в объядение. Серьезного ни в том, ни в другом заболевании ничего нет, но ответственность за больного в отсутствие отца, да еще отца – врача, всегда ложится на лечащих эскулапов особым гнетом, почему лица их делаются мрачнее, чем нужно, а сюртуки чернее обыкновенного. Бывает и у меня, конечно, черновая работа, и в душу закрадыва-ются постоянно излишние страхи, но я считаю, что и то и другое должно оставаться в душе врача, что в этом уж его судьба – переваривать все это в себе самом, не делясь своей тяготой с больным и его окружающими и не вовлекая их, неподготовленных, в свою черную работу.

Итак, ты теперь здоров, мой ненаглядный, и я очень этим счастлив. Теперь будьте только дальше здоровы и налегайте на Ваши науки, что есть силы. Пройти нужно много, а времени мало. Приходится считать каждую минуту. Зато приятно подумать, что, когда ты получишь это письмо, уже четверть нашей разлуки будет у нас за плечами – почти что так. Еще значит, еще три раза столько, и, Бог даст, мы снова будем вместе. Такой короткий срок можно отработать и с большим напряжением.

Эту неделю я, кроме двух выездов к тете Мари и одной с ней прогулки, никуда не показывался (Ах нет! Еще один раз, на другой же день приезда, ездил по делу к здешнему профессору Федорову и в тот же день был у Шереметьева), даже в Ливадии хожу только в церковь и к завтраку, да в свитский дом к обеду. Вместе с тем я все-таки все время был занят, так как церковные службы берут много времени (Двенадцать Евангелий, вечерня с выносом Плащаницы, сегодня обедня - почти все по два часа), а днем у меня бывали посещения: раз тетя Мари с Верой Зилотти, раз В. А. Лопухин, да два раза Сережа Сиротинин, который здесь без родителей и нуждался в ком-нибудь, заступающем их место. Даже медицинских обязанностей мне никаких, в добрый час сказать, все время исполнять не приходилось, так как пока у нас все слава Богу. Урывками почитывал «Иисуса Христа» протоиерея Высоцкого, поэму в четырех частях (в двух довольно толстых книгах), которые почта переслала мне, а я перешлю Вам, уже прочитав. Стихи не Пушкинские, что и говорить, напоминающие скорее русского раешника, масса почти детских наивностей в изложении, но последовательность событий подобрана хорошо, и, как простое изложение чистой души, читается не без удовольствия.

Долгие службы, благодаря дивному служению о. Александра, простаиваются легко, производят сильное впечатление и надолго создают особое настроение. В четверг мы все приобщались, и я не мог удержать слезы умиления, когда Царь и Царица клали земные поклоны, кланялись нам многогрешным, и вся Царская Семья приобщалась. «Плач Богородицы», прочитанный о. Александром перед Плащаницей, в его передаче поразил меня своей красотой и поэзией, я будто никогда в жизни не слыхал его. Похороны Христа здесь меня снова потрясли, как два года назад. Создается настроение, при котором Светлое Христово Воскресение действительно почувствуешь Праздником Праздников.

Сегодня тетя Настя должна Вам привезти от меня граммофон. Лучше ли он или хуже того, которым угощали Вас Георгиевские - я не знаю, скажу только, что когда я выбирал Вам пластинки, я наслаждался, как в концерте. Обращаю Ваше особое внимание на дивный дуэт тенора с баритоном, обращенный к Распятию. Этим и хорош граммофон, что ты можешь услышать, что любишь, и притом в отличном исполнении. К сожалению только, пластинки хороших певцов очень дорогие, почему я и мог Вам купить их лишь

так мало. Теперь Вы можете сами ходить к Ю. Т. Циммерману (Морская 34) и, выбирая пластинки по вкусу, слушать сколько и какие желаете, они там это очень любят. Тетя Настя, вероятно, рассказывала Вам, как она время от времени ходит туда за пластинкой в 1 рубль, а выслушивает за эту сумму целый концерт. Так она и застукала меня в магазине. Я убедился, что прелесть или отвратность граммофона зависит не только от его качества (наш безусловно хороший), но еще больше от выбора пластинок. Очень буду рад, если он Вам доставит хоть некоторое удовольствие.

Танюрочку ненаглядную благодарю за ее добрые весточки и Глебушку сладчайшего за его подробные ежедневные письма, - очень, очень, очень их благодарю, а Вас всех четырех, моих драгоценных, золотых, любимых, бесконечно целую и люблю. Господь с Вами!

Весь Ваш папа.

P. S. Представь себе, Николаша Орлов поехал к своему больному дяде в Париж и там заболел свинкой! А что ты скажешь про своего товарища Киреева? Хороший ли он или нет?

А попробовал ли ты надеть пояс, мой золотой? Ведь левая почка то все-таки несомненно подвижна, и спина у тебя побаливает от верховой езды. Если он тебе покажется слишком неудобным, можешь не носить его постоянно, но для верховой езды очень советую его надевать. Если он впору, то с ним много легче будет.

Сегодня у нас посерело и посвежело - утром у меня на балконе было 10 градусов, а теперь в пять часов дня немногим больше 9 градусов. Не имея солнца, я еще ежедневно топлю.»

«Ливадия, 30 апреля 1914 года.

Юрашечка мой ненаглядный, мой дорогой, хороший мой,

Хочется попытаться продолжить тебе свое вчерашнее письмо, но, чтобы не забыть, попрошу тебя, если я этого не сделал, очень, очень, очень поблагодарить от меня добрейшую графиню Александру Илларионовну за то, что она 19-го числа все справлялась о нашем милом Бонзочке и телеграфировала тебе в Лицей. Это ужасно чутко, добро и очень меня тронуло. Она не мало тебе этим помогла (я постоянно вспоминаю об этом). А как сдает экзамены Николай? Еще, чтобы не забыть; поблагодари Глебушку за его длинное, трехдневное письмо. Только что я написал Мимуле, что Глебушка примолк, как получил его письмо;

точно так же, только что я стал тревожиться, что Бонзочку морят голодом, как Эльза Хр. написала, что он кушал щучьи котлетки. Нилов бы торжествовал, да и мне эти совпадения очень нравятся.

Ну теперь к «развратным» людям. В этом вопросе есть основная несправедливость, уже вкоренившаяся в нас из поколения в поколение; разные мерки к мужчинам и женщинам. Что мы себе прощаем, того не позволяем женщинам. Скажем, например, внебрачная половая жизнь; вот венчаются два хороших человека – она непременно невинна, а он слишком часто, к сожалению, нет, и далеко не всегда считает себя от этого плохим, тогда как не невинную девушку ни за что бы не взял себе в жены. До некоторой степени это понятно и объясняется физиологическим отличием полов; активная, мужская роль может исполняться без малейшего участия души и может поэтому совершенно не загрязнить ее, - женская же, пассивная, без душевной подкладки бывает реже и всегда несколько обидная, в таких условиях прямо оскорбительна. Поэтому не невинный мужчина действительно чище не невинной девушки, за некоторыми, впрочем, исключениями.

Продолжение потом, а сейчас целую Вас, моих чистых, ненаглядных, драгоценных, без конца. Да хранит Вас Бог.

Весь Ваш, бесконечно Ваш,

Любящий вас папа.»

«Ливадия, 5 мая 1914 года.

Мой милый, хороший, дорогой, золотой Юрашечка,

Спасибо, спасибо тебе, мой драгоценный, за твою любовь и ласку. Ты так понял мое душевное состояние, так проникся им, что глубоко, глубоко тронул меня. Ты действительно сумел приласкать меня своим письмом, я будто ощутил твои поцелуи. Ты прав, ненаглядный мой, разлука с Вами, всегда тяжелая, за время Мимулиной болезни была едва выносимой. Не быть с Вами и около нашего драгоценного раненого, не ходить за ним, не помочь ни Вам, ни ему – было пыткой. И сейчас сердце мое болью сжимается при мысли, что мне не суждено, по всей видимости, повидать его до его возвращения к занятиям и отъезда в лагерь. Конечно, это было бы дорогое удовольствие съездить отсюда дня на два в Царское, но я знаю, что Вы бы мне разрешили его. Опять повторяю: «Претерпевший до конца…»

Не скрою от тебя, мое золотце, как я ничего от Вас не скрываю, что инцидент с французским экзаменом меня все-таки огорчил, хотя я искренне радуюсь, что тебя не так это огорчило, ибо тебе нужна бодрость духа до последнего экзамена и вера в свои силы, в возможность выполнить то, что ты себе наметил, т.е. то, что должен. Эта бодрость и эта вера должны поддержать в тебе энергию, необходимую для той напряженной работы, которая требуется в экзаменационное время. В сущности оно так хорошо сравнительно с целым годом, что на него можно не жалеть сил. Обычная трудовая жизнь требует такого же напряжения не в течение двух-трех месяцев, а в течение десяти-одиннадцати, если и не всех двенадцати месяцев в году. Невольно вспоминается мне пианист Орлов, о котором я писал вчера Мимуле; какое напряжение сил должен был он развить, чтобы в течение гимназического курса, даже в седьмом классе, окончить еще консерваторию! Поэтому мне и кажется всегда, что необходимо в году заниматься, хотя это у Вас и не принято; это не может не облегчить экзаменационного времени. Не нужно ли нам будет в будущем году извлечь опять моего тезку «Le Fideau»? Хотя я совершенно удовлетворяюсь, разумеется, как уже писал тебе, переводной отметкой и совершенно понимаю, что «счастливый несчастный случай» с Бонзочкой не мог не отразиться на твоих занятиях, так что я даже поздравляю тебя с тем, как ты еще справлялся. Немножко обидна неудача именно с французским языком, которым ты владеешь, который особых трудностей все-таки не представляет и на который столько было потрачено. Боюсь, что такой экзамен может сыграть в руку гг Рождественским и испортить тебе репутацию. Но и это все, в конце концов, пустяки и преодолимо.

Больше всего на меня подействовал факт, практического значения для тебя совершенно не имеющий, это твой отказ отвечать на репетиции. Правда, судить о нем отсюда, не имея подробностей, очень трудно. Быть может, не ты один, а все вместе или целой группой решили не отвечать, быть может, ты должен был отказаться. Согласен, в репетиции после экзамена, который к тому же ее поглощает, очень трудно найти какой-нибудь здравый смысл, но раз она была назначена начальством, то не был ли отказ от нее своего рода обструкцией, и тогда – зачем она? Или может быть, хотя отметка за нее уже не считалась, выгоднее было

совсем не отвечать, чем ответить плохо? Ты видишь, мой золотой, что я просто остановился в некотором недоумении перед фактом, с которым я в своей экзаменационной практике не встречался, так что ты и прими это просто как вопрос, а отнюдь не упрек с моей стороны, мой дорогой. И вообще прости меня, что я так долго остановился на экзаменах, которыми ты и без того сыт по горло, мой бедненький.

Радуюсь, что тебе все-таки удается иногда от них отвлекаться и что ты побывал в моем милом собрании Четвертого Стрелкового полка. Правда, как там уютно и как мило?! А если представить себе эти симпатичнейшие комнаты полными таких прелестных людей, как их радушные хозяева, то ты легко поймешь, как меня в них иногда тянет. Ты знаешь, бильярд, на котором ты играл, во время больших ежемесячных обедов бывает сплошь уставлен закусками. Ты представляешь себе эту силу? Заметил ли ты знаменитую бабу-ягу над камином, под дланью которой так хорошо болтать с друзьями при свете камелька?!

Представляю себе, что мы с тобой присели там на низеньком диванчике, и продолжаю беседу о «развратных» и «разнузданных» людях. Надо прежде всего сговориться относительно того, кого называть этим именем. Прошлый раз я успел тебе только указать на основную разницу в оценке тождественных актов, произведенных женщиной или мужчиной. Но и эта оценка бывает совершенно различна у разных людей и даже в разных странах. В практичной Америке, например, девицам предоставлена большая свобода действий; они могут навещать мужчин, ходить, куда хотят, хоть в рестораны, - и это их не компрометирует. Зато к замужним женщинам относятся очень строго, так что Горькому пришлось уехать оттуда, так как гостиницы его не принимали с его невенчанной женой; на это посмотрели как на надругательство над браком. И, разумеется, этот взгляд гораздо правильнее нашего, который во всем стесняет девушку и все позволяет и прощает замужней женщине. В Германии в рабочем классе каждая девушка старается попасть на содержание, по крайней мере, в больших городах, а каждый молодой человек считает своей обязанностью иметь такую. Родители говорят своим дочерям: «Наслаждайся жизнью и любовью, а замуж ты всегда успеешь выйти». И они действительно наслаждаются и любят хорошей, первой любовью, а потом выходят замуж, как на службу, и являются даже

желанными невестами, так как успели скопить себе небольшие экономии. Но, разумеется, они «любят» людей обеспеченных, людей общества, а выходят замуж за равных себе. В Японии идут еще дальше; там чем больше у девицы детей, тем более она желанная невеста, ибо семья есть сила, а дети будущие работники (конечно, мальчики предпочитаются). А у нас девица с ребенком называется развратной. Конечно, это далеко не всегда так; сколько между ними обманутых, сколько жертв даже не своего, а мужского темперамента! А все-таки редко, что такую не осудят, а замуж никто не возьмет. Рядом с этим мужчина, по деятельности имевший возможность наплодить целый полк, у нас называется молодцом и может быть милейшим человеком. В сущности, и те, и другие разнузданы, хотя и те, и другие могут быть милейшими людьми. Нам, мужчинам, некоторым оправданием, кроме общепринятого взгляда, являющегося большим соблазном, может еще служить атавизм, т.е. унаследованная от предков ненормально повышенная потребность. Но ведь и девушки могут быть в отца, и им может быть «целомудренность», как пишет моя корреспондентка, «давно вредна». Между тем мужчина, в силу перечисленных причин, может себя безнаказанно лечить, а девушка – нет. Вот почему я и пожалел свою разнузданную психопатку. Чтобы человечество улучшилось в этом отношении, в котором оно ниже животных, пользующихся своими способностя-ми исключительно для продолжения своего рода, как и было предназначено природой, каждый человек дол- жен над собой работать и стараться подчинить свою плоть себе, а не быть у нее в рабстве (как это слишком часто случается), и работа его никогда не пропадет даром; он не только убережет свое тело и свою душу, но и передаст свои завоевания по наследству де-тям своим. Тем уже работа будет облегчена и, если они будут ее продолжать, они своим детям передадут еще больше сил над плотью, и так постепенно человечество будет очищаться и сове-ршенствоваться. Не надо забывать, что все, что отвоевано у плоти, прилагается духу, и таким путем человек становится выше, духовнее, действительно приближается к образу и подобию Божию.

Вот, мое золотце, какое сегодня Бонзочке будет развлечение, ведь Вы же обмениваетесь письмами, не правда ли, если в них нет личных секретов? Впрочем, нынешнее письмо к тебе не для маленьких пока. Со временем, если ты сохранишь его, а я не

сохранюсь, чтобы повторить то же Глебушке, ему будет, может быть, интересно прочесть его.

А пока расцелуй их от меня покрепче, мой золотой, как ты умеешь, и приласкай за меня наших драгоценных маленьких. Вас же с Бонзочкой целую сам, как только могу, долго, горячо, крепко и нежно, как люблю Вас всех, моих ненаглядных, моих хороших, моих совсем особенных. Да благословит и хранит Вас Бог.

Весь Ваш папа.

P. S. У нас дождь и холод!

Сейчас получил телеграмму от Федорова: «Вчера видел твоего сына, все отлично». Как я счастлив! Поблагодари очень Э. Хр. за ее открытки; она всегда скажет какую-нибудь интересную подробность, а иногда ее открытка бывает единственной вестью.»

«Царское Село, 16 ноября 1916 года.

Драгоценный мой, ненаглядный, золотой мой Юрашечка,

Сегодня получил твое письмо по поводу моей первой телеграммы об Игнатьеве и лишний раз поразился, до какой степени наши души, т.е. твоя и моя, в некоторых отношениях – по-моему, в огромном большинстве их – сродны, просто даже тождественны. Все то, что ты пишешь о своих ощущениях, соображениях и колебаниях по поводу решения, которое ты принял, весь анализ своих чувств и велений разума – все это, изложенное у тебя так удивительно объективно и ясно, подробно и вместе с тем сжато, - не только совпадает с тем, что я бы, как мне представляется, чувствовал и думал на твоем месте, но совершенно тождественно с тем, что я сейчас переживаю и за себя, и за тебя, мой любимый, драгоценный друг мой. У меня также была мысль, не руководит ли мной в выборе решения соображение о твоей безопасности. Но из того, что я уже писал тебе, ты видишь, что я совсем его отбросил, даже по одному тому, что и предстоящее тебе путешествие считаю далеко не безопасным. И тут и на фронте ты, как, разумеется, и все мы, всецело в руках Божьих, и если Ему угодно сохранить тебя, то Он одинаково чудодейственно выведет тебя и из той, и из другой опасности; и в той, и в другой спасение зависит исключительно от Бога, так как ни в том, ни в другом случае человек сам ничего не может предпринять для своего спасения. Это-то и отличает их от всех где

человек, спасения своего ради, может избежать того или другого, не сделать одного, или наоборот сделать другое. Хотя, повторяю, результат всех его мероприятий остается все равно в Божьих руках, но сам-то он не беспомощен, не зависит так от случая, которого нельзя ни предвидеть, ни предотвратить, как в обеих твоих перспективах. Поэтому я вполне понимаю страх, который за последнее время охватил мама именно за Ваше путешествие. Особенно нездоровье Нелли усилило его, и она стала говорить о том, что ей не следует пускаться в путь, имея такую болезнь почек. Я же стараюсь успокоить Наталью Феодоровну, доказывая, что это не болезнь, а инцидент, составляющий такую незначительную величину в сравнении с важностью и серьезностью основного вопроса – ехать ли на фронт или к Игнатьеву, - что он ни в коем случае не должен влиять на его решение. А ты был совершенно прав, мой ненаглядный, и в диагнозе, и в лечении этого инцидента бедной Нелли, который является характерной и, слава Богу, еще не очень сильной почечной коликой, вызываемой прохождением почечного песка. Кроме болей, она всегда дает и частые позывы на маленькие дела, и то жжение при этом, о котором ты писал, и большую нервность, даже и тогда, когда жжение пройдет или до него вовсе не дойдет. Я так уверен, что это колика, что прилагаю при сем (рецепт для равновесия вложен в Танюшино письмо) даже рецепт микстуры на случай, если бы, не дай Бог, боли у Нелли повторились; тогда ее нужно было бы принимать три раза в день по одной столовой ложке (утром, днем и вечером, вне еды) в полустакане той самой Ижевской воды, которую ты так правильно назначил. Не прав ли был, утверждая, что из тебя вышел бы прекрасный врач?! Мама в восторге от тебя и совершенно права. Она сама такая удивительно хорошая и так добра, что мы все сообща обсуждаем Ваши письма и Ваши события. Она хочет, чтобы по возвращении Нелли ее, как можно скорее, посмотрел какой-нибудь хороший специалист, акушер-гинеколог. Я рекомендую Рутковского, если Вы ничего не будете иметь против, или, если он еще будет нездоров, Парышева. Если потребуется непременно специалист с профессорским клеймом, то из более молодых есть Попов, а постарше – Редлих, который приезжал ко мне после моего тифа вместе с Рейнем, - наконец, сам Отт. Когда приедете, тогда сами и решите, и любой из них с удовольствием приедет без промедления, так что запасаться

сейчас чьим-либо согласием надобности, конечно, нет.

Сегодня я послал тебе вторую телеграмму, касающуюся твоей командировки, внушенную моей вчерашней дружеской беседой со Скалоном. Она должна прийти раньше моего последнего письма к тебе с известием о его запрещении тебе прикомандировываться, так что оно уже не должно волновать тебя. Телеграмма эта гласит приблизительно следующее: « Теперь командир окончательно согласен, приказания получишь из Ставки, куда тебя вызовут для дальнейших распоряжений. Форме не ходатайствуй, подробности напишу. Крепко целуем». Теперь следуют подробности, которые Скалон настойчиво просил меня тебе изложить, чтобы ты никак не подумал, что у него или в полку есть что-то против тебя. Он напротив относится к тебе с прежним добрым расположением, никак не хотел мешать твоей командировке и вполне понимает, что при твоем здоровье тебе невозможно служить в полку, где в конце концов, хоть в батальоне, но строем заниматься пришлось бы. Дело, оказывается, в том, что офицерами твоего полка было постановлено, чтобы во время войны никто из них ни при каком штабе и нигде в прикомандировании не состоял, чтобы офицеры, носящие Вашу форму, были только в полку или в отделении его – в батальоне. Поэтому и Митю Зиновьева он взял от Безобразова. Вот почему и требование, предъявленное к тебе, о снятии формы, не есть что-либо лично направленное против тебя, - и Скалон очень настаивал на этом, - а лишь выполнение постановления суда г.г. офицеров. По-видимому, ему показалось, что я через Ставку произвожу на него давление именно в том направлении, чтобы ты сохранил форму. Хотя он говорил со мной вполне откровенно, в этих подозрениях он мне не признался, и я только догадываюсь о них, но давление со стороны Ставки он почувствовал потому, что оттуда о тебе были три телеграммы: первая с вопросом о согласии полка, на что он ответил положительно, но с условием снятия формы; вторая ему же: «Будет ли командирован поручик Боткин?». По собственному его признанию, она «накалила» его, и он ответил: «Нет, не согласен». Этот-то ответ, сообщенный мне графом перед отъездом, так и смутил меня, о чем я тебе подробно писал. Быть может, между первой и второй телеграммами была еще одна, почти наверное так, потому что на какую-то он ответил, что ты в запасном батальоне и в настоящее время в

Евпатории в отпуску по болезни, и наконец была третья (или, значит, четвертая) уже начальнику дивизии, тоже с вопросом о согласии на твое прикомандирование к Ставке. Начальник дивизии (это не Тома?) посоветовался со Скалоном и ответил так же, как тот на первую телеграмму, т.е. согласием с условием снятия формы, другими словами – выхода из полка. Естественно, что у Скалона могло составиться представление, что кто-то в Ставке напоминает и пристает, и еще более естественно, что он заподозрил в этом меня (очевидно, он думал, что я сам в Ставке; а кто-то там торопит); так как согласие свое он дал с самого начала, то, очевидно, он заподозрил, что я хочу «и невинность соблюсти, и капитал приобрести», т.е. прикомандировать тебя к Ставке и сохранить в полку вопреки его постановлению. Всему указание на это и в том, что он о таком маловажном событии, как командировка поручика Боткина, говорил с Дрентельном, а тот рассказал Вете, подчеркнув, что ты в таком случае должен будешь выйти из полка, и в том, что в разговоре со мной, начатом им как бы в несколько боевом, т.е. готовом на бой настроении, он с самого начала – раньше, чем я успел просить о сохранении формы, остановился именно на этом вопросе, рассказывал то, что я уже изложил тебе, и дал понять, что, уходя из полка без просьбы о сохранении формы, ты сохраняешь хорошие отношения с полком, а, пытаясь сохранить и полк, и командировку, ты бы их испортил, так как шел бы против постановления полка, ничего при этом не добившись, «так как Государь считается с традициями полков, и его ходатайство (т.е. твое ходатайство) направил бы к нему же», к командиру полка. Видишь, какое у них, т.е. у Скалона, офицеров и, по всей вероятности, у Дрентельна, составилось представление о моих «происках»! «Да что Вы, Михаил Николаевич, - ответил я ему, - неужели Вы думаете, что сын мой стал бы ходатайствовать о сохранении формы полка непосредственно перед Его Величеством? Ведь, разумеется, он бы с этим ходатайством к Вам бы обратился, а если он сделает это, то потому, что я, со слов графа Игнатьева, писал ему, что условие о снятии формы, как граф Игнатьев выразился, трафаретное и что просьба о сохранении ее будет, по всей вероятности, уважена. Теперь же я, уважая полковые традиции вообще, а тем более такого близкого и дорогого мне полка, и в частности даже вполне понимая и ценя желание его, чтобы форма его во время войны не пестрела в

штабах, не только напишу сыну, чтобы он не ходатайствовал о сохранении ее, но даже прошу Вас, если письмо или телеграмма к нему об этом опоздают и его ходатайство успеет прийти к Вам, разорвите его и считайте, как будто Вы его и не получали, так как это я его по неведению своему подтолкнул на это и знаю, что сын мой ни за что не желал бы поступить как-нибудь против желания полка». Говорил я все это, разумеется, совершенно искренно и с глубоким убеждением, притом – нарочно это подчеркиваю – раньше, чем Скалон сказал мне, что, настаивая на сохранении формы при командировке, ты бы испортил свои отношения с полком, - так что не под угрозой, да и слова его не носили характера угрозы. Михаил Николаевич обещал мне так и поступить с твоим прошением, если бы оно пришло к нему, как с не существовавшим, и, видимо, удовлетворенный таким единодушным с ним – притом очевидно против ожидания – отношением к главному вопросу, он стал так особенно настойчиво и, скажу, сердечно доказывать и убеждать меня, что в снятии формы при таких обстоятельствах нет решительно ничего обидного, что она вообще не всеми же бывшими офицерами сохраняется (в качестве примера он упомянул о Вейссе, который получит полк и тоже переменит форму); главное сохранить хорошие отношения с полком, которые при тебе и остаются. Он рассказывал, как Веретенников хотел устроиться во французскую армию и тоже должен был выйти из полка, и т.д., и т.д. Между прочим, мы с тобой повторили, но совершенно невольно, ошибку Веретенникова, которую он назвал «некорректным поступком». Веретенников начал хлопотать о переводе, не спросив предварительно его. Запрос о тебе из Ставки тоже, говорит Михаил Николаевич, упал на него «как снег на голову». Тогда я подробно рассказал ему, как было дело, как неожиданно оно зародилось накануне твоего отъезда, за день до моего отъезда и за несколько дней только до отъезда Игнатьева в Ставку, как быстро все это загорелось, требовало срочного принципиального ответа, как под влиянием твоей инвалидности я уговаривал тебя принять предложение графа, считая его посланным свыше, и как ты был лишен всякой физической возможности не только лично или письменно, даже по телеграфу, спросить его мнения или совета, и что нам не пришло в голову и после оповестить его, так как мы до такой степени сами не верили, что из всех этих неожиданных,

спешных переговоров что-нибудь выйдет, готовые считать все это просто случайным «вагонным разговором». «Если бы Вы были здесь, - сказал я Михаилу Николаевичу, - я бы, разумеется, сам к Вам поехал за советом, так как, повторяю, сам не знаю, что для моего сына лучше. Знаю только одно, что на первых же месяцах войны он так подорвал свое здоровье, что для военной службы он больше не годится». Скалон все терпеливо выслушал, признал, что у нас действительно не было возможности его спросить, что нисколько не сердится на тебя за это и вообще мелочным самолюбием не страдает, наконец, что он считает правильным принять эту командировку ввиду твоей болезненности и невозможности служить в строю. Под конец я спросил его, чего же можно ожидать из всей этой истории с твоей командировкой, что я до сих пор ничего не предпринимал и думаю и дальше ничего не предпринимать. Скалон сказал, что, по его мнению, тебя перечислят по гвардейской пехоте и затем вызовут, вероятно, в Ставку. Потом, подумав, прибавил: «Даже наверняка так и будет», - как будто он решил даже этому поспособствовать, устранив, может быть, бывшие противоречия. Мы дружески простились с ним, расцеловались. Дома я вспомнил свой разговор с Воейковым, бывший дня за два перед тем (он приезжал в Царское), когда он вдруг спросил меня: «Ну что же, сын Ваш едет в И.?» Я рассказал ему, в каком положении было дело перед отъездом Игнатьева и после отъезда Скалона, несмотря на предварительное согласие. «Он злой, - сказал Воейков.- Ну молодой человек сделал ошибку, не предупредил его; но нельзя же портить ему за это – выходить из полка из-за такой командировки». Я вспомнил это и счел долгом объяснить ему, что это не так, почему и тотчас написал ему о своем разговоре со Скалоном, объяснив, почему тебе придется выйти из полка и каким образом были получены противоречивые телеграммы, прося его при случае и другим объяснить, в чем дело, а если он случайно узнает, в каком положении твое дело, то известить меня.

Вот, родной мой, пока вся наша с тобой эпопея. Снова надо ждать, как Богу угодно будет все повернуть и устроить. Пока не заказываю тебе полушубка, но и не заказал еще погон гвардейской пехоты. Мы ничего не предпринимали, Он сам позаботился о нас, и, если это к благу твоему, Бог и доведет все до конца. А не выйдет из этого ничего – значит, так и лучше. Он хранит тебя,

моего золотого, ненаглядного мальчика, и да хранит Он Вас и впредь, мои драгоценные детки, и да благословит Вас, моих любимых.

А я целую Вас, моих хороших, бесконечно дорогих, и люблю крепко, крепко, крепко.

Весь Ваш папуля.

Вчера мама показывала мне письма Нелли и удивилась, что я в первый раз видел ее почерк, что она ни разу не написала мне. Милая моя Нелли, не смущайся, если мама что-нибудь тебе напишет об этом, и не принуждай себя писать мне. Ведь Юраша пишет мне и за Вас и от Вас обоих. Я так это чувствую, понимаю и принимаю, а ты береги себя, моя родная, и не принуждай себя. Знаю, что если Юрочке когда-нибудь некогда будет писать мне, ты будешь писать за него. Ведь правда, дорогая?»

«Ц.С.,16 апреля 1917 года.

...Между 9 1/2 и 10 ч. я пью кофе, продолжительность которого зависит от того, пью ли я его один или в обществе; затем я делаю свой обход больных, тоже разной продолжительности, и иногда успеваю утром пописать, а иногда и нет, если есть, например, обедня, как сегодня, или кто-нибудь к нам зайдет из товарищей по заключению, или мы пройдем с кн. Долгоруковым пробовать пищу прислуги. К словам «к нам» следует прибавить: «Или к кому-нибудь из нас», - подразумевая под «нами» медико-педагогический триумвират: Mr. Gilliard, Вл. Н. Деревенко и меня. Отсутствие у меня собственной комнаты с водворением меня в кабинете Mr. Gilliard заставляет меня приспособляться к его образу жизни.

...Среди дня, между 3 и 4, я опять навещаю стационарных больных, чтобы справиться с дневной температурой и, если нужно, предпринять те или другие мероприятия. Между 4 и 5 ч. я часто приглашаюсь на какую-нибудь игру с Ал. Н-чем, преимущественно, если он в постели, сопровождаемую чаепитием. В 5 часов иногда в шестом, я бегу вниз, в дежурную комнату, заказать по телефону лекарства, которых ежедневно накапливается несколько, иногда до 20 и больше. В 6 часов мы уже обедаем с Ал. Н., и после обеда я усаживаюсь в свое кресло (писать неудобно и не приходится) и углубляюсь в газеты.

...С сегодняшнего числа (я продолжаю 17-го) во всем укладе

нашей жизни произошла существенная перемена. Т.к. Ал. Н. снова, слава Богу, на ногах, и ему нужно учиться, а преподавателям вход к нам закрыт, то мы все распределили его предметы между собой, кто во что горазд. Мне достался русский язык в размере четырех часов в неделю.»

«Тобольск, 24 декабря 1917 года.

Думаю, что этот листик не отяготит письма, а мне хочется в Сочельник написать тебе хоть несколько строк, мой драгоценнейший друг, мой ненаглядненький, мой милый, дорогой мальчик. Сегодня вечером я был на елке в доме № 1, где все женские руки семьи приготовили всем по несколько подарков и все вместе, своею бодростью и приветливостью, сумели всем окружающим устроить настоящий праздник… Деткам я ничего не мог сделать праздничного, но все же и им достались подарки и угощения, которыми побаловали меня к празднику некоторые добрые мои пациенты-тоболяки. Все любуюсь твоими ломбрикенами, мой золотой, особенно вторым: они пришпилены как раз против моего кресла, на противоположной стороне, и над этажеркой с книгами, к которой тем чаще приходится подходить, что рядом висят мои кителя. Скоро, кажется, они отойдут в историю, т.к., когда стрелкам будет приказано снять погоны и они это выполнят, я, по всей вероятности, окончательно перейду на штатское платье, что очень советую тебе сделать безотлагательно. Вряд ли тебя теперь будут удерживать на службе, т.к. теперь офицеров равняют с солдатами и даже не избранных в ротные, батальонные и другие командиры прямо разжаловывают в солдаты, то, естественно, теперь должны к офицерам применять правила, существующие для солдат, а по ним, как ты помнишь, ты уже давно подлежишь чистой отставке. Очень рассчитываю, что так и будет решено в марте, а до того ведь действия комиссий приостановлены. Сегодня имел задушевную беседу с Глебушкой, спросив его, не считает ли он за мной какого преступления, что так ко мне относится, и просил его откровенно мне сказать, в чем он меня обвиняет, т.к., хотя я (...), но все-таки, может быть, в состоянии буду дать ему удовлетворительные объяснения. Он сказал мне, что я ошибаюсь, будто он меня не любит, но что просто у него вид такой от мрачности настроения, которым все страдают. На что я ему заметил, что именно потому, что все одинаково страдают, все

стараются друг друга поддерживать, стали добрее и снисходительнее друг к другу. С тех пор Глебушка со мной опять ужасно мил и нежен. Вопрос мой был не дипломатический, а от искренно встревоженной обиженной души, и ответ Глебушки меня вполне успокоил. Спите Вы покойно, мои ненаглядные, драгоценные, да хранит и благословит Вас Бог, а я целую и ласкаю Вас бесконечно, как люблю.

Ваш папа.

Целую тебя и люблю, мой ангел-утешитель, целую и люблю.»

«Тобольск, 2/15 мая 1918 года.

…Со вчерашнего дня погода резко повернула у нас на тепло, кусок неба, видный из моего, еще не замазанного известкой, окна, - ровного серо-голубого цвета, указывающего на безоблачность, но от всех ласк природы нам не много суждено видеть, т.к. нам разрешен лишь один час в день прогулки в один или в два приема…

…Сегодня я обновляю свою почтовую бумагу, которую мне вчера любезно доставили, и пишу своим новым пером и своими чернилами, которые обновил уже вчера в письме к деткам. Все это очень кстати поспело, т.к., завладевая чужим пером и чернильницей, я постоянно кому-нибудь мешал ими пользоваться, а бумагу, серенькую, уложенную мне Танюшей, я уже давно извел и писал на кусках писчей; извел и все маленькие серенькие конвертики, кроме одного.

… Ну вот и погуляли ровно час. Погода оказалась очень приятной – лучше, чем можно было предполагать за замазанными стеклами. Мне нравится это нововведение: я не вижу больше перед собой деревянную стену, а сижу, как в благоустроенной зимней квартире; знаешь, когда мебель в чехлах, как и у нас сейчас, - а окна белые. Правда, света, разумеется, значительно меньше, и он получается таким рассеянным, что слабым глазам больно, но ведь дело идет к лету, которое бывает здесь, может быть, очень солнечным, а мы, петроградцы, солнцем не избалованы.»

М.А. Гершельман

200-ЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ ПАЖЕСКОГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУСА

Подчеркиваю слово – основания, т.к. существовал он лишь до 1917 года.

Как вступление, вот несколько заветов Мальтийских рыцарей, которые перешли к пажам, как руководство для верной службы Родине.

Ты будешь верен Церкви.
Ты будешь верным сыном своей Родины.
Ты никогда не изменишь своему слову.
Ты не отступишь перед врагом.
Ты будешь тверд как сталь и благороден как золото.

Кстати, последний завет символизируют выпускные кольца пажей – в золото вложенный стальной обруч с обозначением числа выпускников, а внутри кольца, как на обручальных – фамилия владельца, день и год производства. Это же было символом звеньев одной цепи, спаивающей всех пажей в единую семью. Даже в эмиграции они в каждой стране неизменно собирались в день своего праздника: 12/25 декабря.

(Позволю себе маленькое отступление. Мой отец в последние месяцы своей жизни беспокоился, как он, будучи полным уже инвалидом, без двух ног, сможет приветствовать пажей в день любимого праздника. Вдова его друга успокаивала его: «А мы все соберемся около Вашей постели...» Отец скончался утром 25 декабря, и днем все собрались около его постели на первую панихиду. Это было 25 лет тому назад, т.е. в 175 годовщину Корпуса.)

Теперь я поделюсь вкратце этапами образования Корпуса.

Звание пажей было учреждено в России Императором Петром I-ым, который в 1711 году образовал, по образцу германских дворов, придворные чины.

Некоторое упорядочение в организации пажей было произведено в царствование Императрицы Елизаветы Петровны в 1742 году. Близость ко двору требовала большей образованности и воспитанности пажей, что Государыня и пыталась добиться учреждением придворной школы; в 1759 году она повелела соста-

вить инструкцию, по которой их должны были обучать разным наукам, в ней было сказано: «Всему тому, что необходимо для честного дворянина дабы пажи в пристойном разуме и благородных поступках наивяще преуспевали и от того учтивыми, приятными и во всем совершенными себя показать могли, как христианский закон и честная их природа повелевает». Все это очень важно для придворной службы.

В 1795 году в Корпусе вводится общий для всех училищ порядок.

Эта придворная школа уже в первый период своего существования дала государству ряд выдающихся деятелей на разных поприщах. И в числе первых Георгиевских кавалеров имеется тоже ряд имен бывших пажей.

Понемногу подготавлялась реформа Пажеского Корпуса, превращенного вскоре в Военно-Учебное Заведение. Новое положение о Корпусе было Высочайше утверждено Государем в 1802 году.

Занятная подробность:

Учебной частью всегда ведал инспектор классов, каким в то время являлся щвейцарец, вывезенный в Россию Генералиссимусом Суворовым для воспитания своего сына.

Наконец, в 1810 году Корпусу было дано здание бывшего дворца графа Воронцова на Садовой улице, которое существует по сей день.

Ранее дворец был куплен Императрицей Екатериной II в казну, а когда Император Павел I стал Гроссмейстером Мальтийского Ордена, он пожаловал его Капитулу Ордена и приказал построить мальтийскую католическую церковь, таким образом, на территории Корпуса оказалось два храма: православ-ный и католический.

В период между 1808-ым и 1830-ым годами через Пажеский Корпус прошли юноши, заслужившие впоследствии своей службой Родине добрую память, например: А.А. Кавелин – воспитатель Императора Александра II, граф В.Ф. Адлерберг – друг и сподвижник Императора Николая I, поэт Е.А. Баратынский, Я.И. Ростовцев, имя которого тесно связано с реформой 1861 года Царя Освободителя, и многие другие.

В течение последующих 10-ти лет образование и воспитание пажей было поставлено так высоко, что его директор имел право

напутствовать своих питомцев, произведенных в офицеры, словами: «Не забывайте, что имена ваши принадлежат Пажескому Корпусу и что каждый паж будет краснеть за вас и гордиться вами. Пусть все воспитанники Корпуса, коему вы обязаны вашим образованием, по прошествии многих лет с чувством благодарной гордости могли бы повторять, вспоминая вас – и он был пажом».

В 1885 году был основан в Корпусе его «Исторический Музей». В нем было собрано не только то, что касалось истории Корпуса за все время его существования, но и сосредоточен громадный материал для оценки жизни и деятельности пажей по выходе их из Корпуса.

Наконец настал 100-летний юбилей Корпуса как Военно-Учебного Заведения. 12/25 декабря, в день памяти Святителя Спиридона Тримифунтского, Пажеский Корпус в составе трех своих рот и исторического взвода выстроился развернутым фронтом против царской ложи в Михайловском манеже. Левее пажей стали офицеры и штатские чины корпуса, носившие форму, а за ними бывшие пажи по страшинству выпусков с 1837 по 1902 год включительно.

Войдя ровно в 12 часов в манеж, Государь принял рапорт директора Корпуса и в сопровождении блестящей свиты прошел перед строем пажей, здороваясь и поздравляя с Праздником и Юбилеем.

По окончании обхода Вел. Кн. Константин Константинович громким голосом прочел пожалованную Корпусу Высочайшую грамоту. Затем директор Корпуса прочел грамоту о пожаловании Корпусу знамени, после чего последовала команда «на молитву – каски, шапки, фуражки долой», и знаменщик, старший камер-паж, при 2-х офицерах ассистентах, вынес знамя к аналою, где оно было освящено священником.

После богослужения начался церемониальный марш, а затем исторический взвод в формах и при оружии, соответствующем годам царствований, продемонстрировал маршировку и приемы тех времен.

После парада Государь, подойдя к фронту бывших пажей, сказал: «Благодарю вас, господа, за службу Мне и моим Предшественникам, за вашу бескорыстную преданность, которую многие из вас запечатлели своей кровью, за ваше честное служение Престолу и Родине! Я твердо уверен, что эти заветы, переданные из поколения в поколение, всегда будут живы среди

пажей! Желаю вам здравия на многие годы!»

Затем обратился к пажам со словами:

«В сегодншний день Я доказал Пажескому, Имени Моего, Корпусу, насколько велико Мое к нему благоволение, пожаловав ему знамя, наградив строевую его роту и всех находящихся ныне в списках Корпуса пажей моим вензелевым изображением на погонах, и зачислив Брата и Моих Дядей в списки Корпуса.

Я уверен, что по примеру прежних поколений пажей, многие представители коих присутствуют тут, вы все с той же доблестью, столь же честно и верно будете служить вашему Государю и дорогой нам Родине – России! До свидания, господа!»

«Счастливо оставаться, Ваше Императорское Величество!» и громовое «ура» было ответом на слова Монарха.

Остановясь у выхода из манежа, Государь обернулся и еще раз сказал: «Еще раз благодарю за отличный парад».

За парадным обедом в Зимнем Дворце Государь, подняв свой бокал, произнес:

«От имени Государынь Императриц и Своего пью за здоровье дорогих моих гостей – всех бывших и нынешних пажей, прежде и теперь служащих в Корпусе – за ваше здоровье, господа – Ура!»

В ответ зачисленный в список Корпуса, старейший член Царской семьи, Вел. Кн. Михаил Николаевич, провозгласил тост от имени всех пажей за драгоценное здравие Царя.

14 декабря в 3 часа в здании Корпуса состоялся торжественный акт в Высочайшем присутствии, а вечером в Мариинском театре – юбилейное представление, также в Высочайшем присутствии, в коем участвовали корифеи русской Императорской сцены Драмы, Оперы и Балета.

«Наверное, не думалось тогда никому, что через 15 лет Пажеский Корпус, как таковой, перестанет существовать и что исполняющийся в 1952 году его 150-летний юбилей нам, пажам, придется праздновать вдали от России, вне стен родного Корпуса!» – писал Ив. Мих. Дараган.

Хочется еще прибавить, как ошибочно и часто голословно считалось, что Пажеский Корпус был заведением узко привилегированным. Однако зачисление в него производилось не по происхождению; пажами могли быть лишь сыновья и внуки генералов, какого бы сословия они ни были, но засвидетельствовавшие преданность Родине своей службой.

А. Азовский

ВОРОНЦОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Словно вечность я в Питере не был,
На Садовой стою, наконец,
Где колоннами в серое небо
Устремлен Воронцовский дворец.

Навощенные доски паркета
Помнят пажеских шпор перезвон,
Государей российских портреты,
Шпаги, каски, придворный поклон.

Белый крестик в петлицу мундира
Врос навеки – как крест в палисандр.
Здесь учились Гурко и Брусилов,
Югославский король Александр.

Балу – час, а вся жизнь для похода,
Севера иль пустынь миражи,
И в атаках гвардейского взвода
Погибали не дрогнув пажи.

Спят в могилах, объяты покоем,
На чужбине – судьба не нова!
Позабыла Россия героев
В тишине Сен-Женевьев дю Буа.

В Благовещенском храме мальчишки
Средь старушек смиренно стоят.
Кителя да короткая стрижка
Выделяет из штатских ребят.

Да, пока что не воины – дети.
Взгляд скользит меж икон этажей,
Хочет мост перекинуть в столетьях
От суворовцев до пажей.

Словно вечность я в Питере не был…

(Ноябрь 2001 года).

А. фон Лампе

ГЕНЕРАЛ ВРАНГЕЛЬ
(Попытка характеристики)

Через десять лет после поразившей нас всех тогда безвременной кончины генерала Врангеля мне удалось выпустить сборник статей, посвященных его памяти, под исчерпывающим для каждого из нас заголовком "Врангель". (Полное название: "Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П. Н. Врангель. К десятилетию его кончины 12/25 апреля 1938 г."). Основываясь на моей служебной близости к почившему Главнокомандующему и получив по его доверию в конце его жизни поручение издать и отчасти отредактировать его "Записки", я счел себя вправе взять на себя задачу издать сборник, на отдельных выдержках из которого я теперь, после четверти века, хочу остановиться подробнее.

Мне удалось тогда привлечь к участию в сборнике ряд лиц, почему-либо ему близких. В основу сборника я положил статьи самого генерала П. Н. Врангеля, посвященные им самим его участию в Русско-Японской войне, которые я получил от матери генерала. Те, кого я просил помочь мне предоставлением своих статей для сборника, отозвались на мой призыв очень охотно. Но не скрою, что был один случай, который я не могу забыть, несмотря на прошедшие годы, - одно из лиц, к которым я обратился, прося их сотрудничества, обещав мне таковое, потом от этого уклонилось, без всякого объяснения причин. Лицо авторитетное по своей жизни и работе и в военном, и в литературном мире.

Сборник мой вышел в неудачное время, то есть почти накануне Европейской войны 1939 года. Вышел в Германии. Распространился сначала только среди подписчиков. Потом запас его погиб в Берлине во время войны. Так что волею судьбы он широкого распространения не получил, а его участники (не знаю только судьбы представителя эстонских Врангелей - барона М. Врангеля) все ушли уже в мир иной, сказав все, что они могли сказать... Я пытаюсь теперь остановиться на их трудах, сознавая, что и мой час недалек...

В моем введении к сборнику я тогда писал: "Мне пришлось

быть последним, с кем говорил генерал Врангель, оставляя Константинополь (перед возвращением в Крым), и он, сильно взволнованный происходящим, говорил со мною совершенно откровенно. Он шел не на праздник власти, как это думали многие, он ясно сознавал трудность и почти безнадежность задачи, которую судьба возлагала на его плечи, он понимал, что идет на тяжелый труд, на подвиг, и, тем не менее, он опять подчинился долгу и, заявив Военному совету: "Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения", - принял на себя тот крест, который и привел его к преждевременной могиле.

В некоторых кругах принято говорить, что П. Н. Врангель был честолюбив... Да, это совершенно верно, и это качество, столь нужное каждому военному, совершенно необходимо для Вождя; он был славолюбив, но он был и честолюбив в самом лучшем значении этого понятия, потому что он любил не почести, а самую честь... И он понимал значение этого слова, так как, заявив в своем первом же приказе, уже как Главнокомандующий: "Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения", - он исполнил свое обещание и, не добившись победы, спас честь армии и России!

Я писал также, что "трудно, если не невозможно, дать оценку и характеристику генерала П. Н. Врангеля". Мне кажется, что нелегко это сделать и теперь. Но думаю, что если я внимательно разберу статьи моих достойных сотрудников по составлению "Сборника статей", я все же в мере доступного подойду теперь в настоящей моей статье к этой оценке!

Описывая бой под Каушеном 6/19 августа 1914 года, командир полка, в котором тогда служил молодой штабс-ротмистр Врангель, генерал Б. Е. Гартман пишет, что во время боя:

"Врангель не находил себе места от нетерпения. Вести о потерях, об убитых товарищах доходили до него и лишь усиливали его протест против того, что ему приходится оставаться в тылу, когда его товарищи дерутся. И наконец он не вытерпел. К этому времени к начальнику 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генералу Казнакову подъехал с наблюдательного пункта 1-ой Его Величества батареи поручик Гершельман и доложил, что орудия противника в тяжелом положении и что, если помочь спешенным частям свежими силами, то орудия можно будет захватить. Услыхав это, Врангель стал буквально умолять разрешить ему атаковать..."

Давно известны подробности конной атаки эскадрона Врангеля на германскую батарею и успех этой атаки. Генерал Гартман заканчивает свое описание словами:

"Врангель потерял лошадь, тоже пешком добежал до орудий... Врангель в своем порыве вскочил на орудие и уже оттуда распоряжался дальнейшими действиями, покуда ему не подвели другую лошадь."

"Для Врангеля, - пишет генерал Гартман, - Каушен был его Тулоном..."

В своей статье "Военная деятельность П. Н. Врангеля" генерал Б. А. Штейфон пишет так:

"Нет нужды задерживаться на дальнейших служебных этапах П. Н. во время Великой войны. Характерно только то, что он продолжает оставаться в строю и командует лишь строевыми частями."

"В результате, в лице Врангеля выявился весьма крупный кавалерийский начальник. Обстоятельство, которое необходимо подчеркнуть, ибо в дальнейшем оно всегда оказывало сильное воздействие на военные замыслы генерала Врангеля..."

Генерал Б. А. Штейфон, наш известный военный мыслитель, в своей оценке генерала Врангеля говорит почти то же, что я сказал в моем предисловии:

"Многие считали П. Н. честолюбивым, однако подобное упрощенное определение едва ли соответствовало действительности. Скорее он был славолюбив, т. е. обладал той чертой характера, какая, по мнению Суворова, является добродетелью для военачальника. Добродетелью потому, что побуждает на ратные подвиги."

Переходя дальше к оценке деятельности генерала Врангеля уже после революции, после его прибытия в Добровольческую армию, под командование генерала Деникина, генерал Штейфон дает характерные черты боевой работы генерала Врангеля в славной операции последнего под Царицыном:

"После семнадцатидневной операции войска Врангеля овладели 17 июня Царицыном. Необходимо при этом отметить тот удивительно смелый план, какой применил Врангель для непосредственного овладения городом: он совершенно обнажил свой фронт на двадцать с лишком верст, сосредоточил три четверти своих сил на правом фланге и столь внушительным кулаком

нанес удар вверх по Волге. Это была внешне азартная, но в действительности совершенно обдуманная ставка на психологию врага. И большевицкая карта была бита... В Манычских боях, а затем в Царицынской операции проявились весьма ярко две главных черты характера Врангеля: неудержимый порыв и изумительная настойчивость. Сочетанием таких крайностей и характеризуется большое военное дарование.

Изучая жизнь и деятельность П. Н. Врангеля, невольно приходишь к заключению, что по своим последствиям, тогда еще незримым, овладение Царицыном явилось для П. Н. Врангеля событием чрезвычайно важным, а в известном смысле и роковым. Царицынская победа создала его имени большую популярность в войсках. В то же время, на него обратила внимание и им заинтересовалась иностранная дипломатия в лице представителей Англии и Франции. Вместе с тем, взятие Царицына послужило как бы причиной к обострению отношений между генералом Деникиным и генералом Врангелем, что в свою очередь оказало большое влияние на последующие события."

Отмечает Б. А. Штейфон также, конечно, и вопрос вступления генерала Врангеля в командование в Крыму:

«Мы знаем теперь, какой казалась безнадежной политическая и военная обстановка Крыма в те дни, когда, повинуясь только долгу, П. Н. принял на себя тяжкий крест Правителя и Главнокомандующего. Каким пламенным духом надо было обладать, какую несокрушимую волю надо было тогда иметь, чтобы не только вернуть себе лично веру в возможность продолжения борьбы, но увлечь этой верой и свои войска! Что-то былинное, нечеловеческое проявлялось тогда в духовном образе Врангеля... »

Наделенный всей полнотой власти, П. Н. в должности Главнокомандующего ведет чрезвычайно красочные бои за выходы из Крыма и за дальнейшее уширение оперативного плацдарма. Характерной особенностью этих боев являлось гармоничное сочетание порывов кавалерийского сердца Врангеля с точным, хладнокровным расчетом одаренного полководца.

В Крыму Врангель сделал все, что было в его возможностях, и, конечно, не его вина в том, что соотношение сил и средств оказалось несоизмеримым.

Рассматривая деятельность генерала Врангеля как Главнокомандующего невозможно не остановиться на вопросе об эвакуации

Крыма, ибо эта операция, по своей сущности чрезвычайно сложная и трудная, проявила во всей полноте административные дарования П. Н.”

Ближайший сотрудник генерала Врангеля - его начальник штаба и под Царицыном, и в Крыму, в сильной степени разделяющий заслуги самого генерала Врангеля в подготовке и проведении беспримерной эвакуации 150.000 русских людей из Крыма, - генерал Шатилов - говорит в своей статье уже о деятельности своего Друга - Начальника в эмиграции и его стремлении сохранить армию и в изгнании. Он упоминает также о Русском Обще-Воинском Союзе и значении последнего в мерах, принятых генералом Врангелем, для создания возможной прочности существования небывалого союза:

“...Не зная, как еще сложится международная обстановка, и отдавая себе полный отчет, что зарубежная армия, как военная и политическая сила, останется ценной только в условиях сохранения своего воинского уклада жизни и своей дисциплины, - он, за все время своего возглавления армии, а потом и созданного им Русского Обще-Воинского Союза, не допускал чинов их участвовать в партийно-политической жизни эмиграции. Между тем, сама по себе армия и РОВС представляли собою наиболее ценную за рубежом политическую силу.”

Интересно отметить в статье генерала Шатилова, как ставил генерал Врангель, непосредственно после эвакуации Крыма, церковный вопрос, который и сейчас тревожит верную России часть русской эмиграции:

«Захвативший эмиграцию церковный раскол, как известно, принял крайне острые формы. Большинство ее разделилось на два лагеря. При этом целые организации примкнули к той или другой стороне. Врангель, после происшедшего раскола, занял для РОВС-а нейтральную позицию, предоставив совести каждого следовать за тем или иным пастырем, и воспретил по этому вопросу в организациях РОВС-а какую бы то ни было пропаганду. Эта его позиция защитила РОВС от тех острых форм столкновений, которые имели место в эмигрантской среде.»

Вот вкратце та общая обстановка, в которой Врангелю приходилось выполнять свою историческую роль, как руководителю зарубежной армии, стремившемуся сохранить ее единство и верность Белым вождям, среди которых он занимает достойное

место. Помимо искусного управления войсками в период Гражданской войны и смело проведенной им в Крыму социальной и административной деятельности, он явился создателем законченного политического миросозерцания национальной части русской эмиграции...

Исключительные личные дарования Врангеля были основанием того положения в эмиграции, которое было занято армией, РОВС-ом и им самим. Он имел все необходимые данные для военного и политического вождя.

Ясный и светлый ум, величие духа, дар провидения, глубокое понимание всех явлений общественной и политической жизни, умение влиять на массы и полное понимание души и сердца своих соратников создали ему обаяние и популярность и среди руководителей эмиграции, и особенно в ее рядовой среде."

Я с особенным вниманием отмечаю эту оценку, данную генералу П. Н. Врангелю генералом Шатиловым, который знал его, вероятно, и ближе и лучше всех его сотрудников и во время Гражданской войны, и в дни пребывания в эмиграции!

В подтверждение этой оценки личности генерала Врангеля я приведу ниже высказывание одного из участников выпущенного мною в свет сборника "Врангель", который тогда почитался самым определенным представителем "молодежи". В. Варнек пишет:

"Давно это было... Мы были молоды и восторженны... Таковы мы были и на "Ак - Денизе", когда по дороге в Болгарию, в Царьграде, чуть не с рассвета ждали приезда своего Врангеля, когда несколько тысяч человек, от трюма и до мачт, слились в одном безумном и бесконечном "ура", как только Врангель показался на синей глади Босфора, пока "приставал", поднимался и обходил весь пароход - непрерывное "ура" тех, кто его видел и не видел... Мы кричали, мы смеялись, мы лили слезы от радости видеть своего вождя - потому ли только, что мы были молоды и восторженны? Но отчего же были слезы на глазах у тех двух старых полковников, что стояли на палубе рядом со мною и так же, как и другие, дико и несуразно "вопили" "Ура", всполошившее весь Босфор?..

И будто что-то оторвалось от сердца, когда высокая фигура, стоя на катере, сгибалась в поясном поклоне, с обнаженной головой, долго-долго, пока не исчез и самый катер..."

Наиболее полно высказался в сборнике профессор Иван

Александрович Ильин, лично познакомившийся с генералом Врангелем уже в эмиграции и своей проникновенной натурой более многих постигший качества Вождя, которыми так блистал почивший! Говоря от себя, как от задержавшегося в СССР и чудом оказавшегося в эмиграции, как от русского человека, знавшего Белых и их Вождей только через сетку большевицкой отрицательной пропаганды их - И. А. пишет:

"Нам гордо было сознавать, что в годы национального крушения и развала русские люди сумели выделить из своей среды такого человека, признать его, принять его, возвести его и добровольно подчиниться ему; мы гордились им, при приближении к которому приходили в восхищение и англичане, и французы, и немцы, и правые, и социалисты, - ибо мы знали, что в его лице ведет и побеждает **русская честь и русское качество**; мы знали, что в кровавой борьбе и в государственном правлении, на родине и за границей - в его лице Россия была на высоте, на высоте своей исконной доблести, организуемости, самоотвержения и бесстрашного напора на свою черную судьбу...

Мы видели в нем огромный заряд воли, эту изумительную способность к выбору и решению, одинокому выбору, одинокому решению, способность спокойно принимать на себя ответственность и нести ее в самых трудных и сложных жизненных положениях. Он всегда и прежде всего решал сам: всегда выслушивал чужие советы и соображения, но решал один и принимал всю ответственность на себя. Он стоял сам и шел сам. Он не терпел возле себя, как это делают слабовольные люди, безответственных шептунов, безличных советников, общественно-политических "влиятелей". Именно поэтому и только поэтому он импонировал другим и мог вести других за собою.

Отсюда эта изумительная сила его характера, его определенность, его граненость, его сверкающий чекан, - его умение жить не состоянием, а **действиями**; его искусство властно импонировать другим людям, и волевым, и безвольным, и русским, и иностранцам; его обычай не сторониться от опасности и врагов, а идти им навстречу; его умение не покоряться судьбе, а искать власти над нею и лепить ее; его нрав - не перелагать бремя на других, а брать его на свои плечи; его дар - двигаться по линии наибольшего сопротивления..."

Оценивая так ярко нашего Главнокомандующего, нашего

Вождя, профессор Иван Александрович Ильин, сам порывистый и стремительный, сам себе задает вопрос, ответа на который ждал каждый, кто так или иначе соприкасался с генералом Врангелем: "Чего же мы ждали от него?"

И сам на него в своей статье отвечает:

"Мы ждали от него авторитетного указания, что делать для спасения России, и непосредственного водительства по путям этой борьбы.

Мы ждали того, что он, с его чувством личной и национальной чести, с его умением говорить от лица русской исторической силы и русского государственного достоинства; с его огромным политическим тактом и личным бесстрашием; с его замечательным сочетанием необходимой тактической гибкости, ширины и подлинной идейной принципиальности, - сумеет найти и создать тот национально-силовой выход, при котором завершится наше позорное и унизительное лихолетье и Россия восстанет из своего провала.

Этого ждали мы от него. А он хотел от нас одного: верности нашей родине, нашей волевой идее; и согласно тому, служения ей до конца; служения не партийного, но патриотического и национального, блюдущего честь, но не преследующего личного честолюбия..."

Свои слова, сказанные от всей души и от всего сердца, И. А. Ильин горестно заключает:

"И вот Господь отозвал и мы его потеряли... Но именно эта потеря, этот внезапный и безвременный уход - раскрыл многим глаза. Подобно тому, как утрата нашей родины заставила нас ощутить со всею глубиною и остротою - что мы в России имели и что мы с ней потеряли и в чем состоит священная сущность России, так утрата Врангеля как бы возвращает нашу мысль и наше чувство к тому, что составляет самую суть белого движения и белой идеи!.."

Не могу судить, насколько я, частично разобрав статьи, помещенные мною в сборнике "Врангель", обрисовал сейчас исключительную личность нашего покойного Главнокомандующего! Этих выдержек можно было сделать много больше, но говорили бы они все об одном и том же - об исключительности генерала Врангеля и о том непоправимом ударе, который нанесла судьба Белому делу, отозвав его от жизни в то время, когда ему еще не исполнилось пятидесяти лет. Прекращая приведение этих

выдержек из статей сотрудников сборника, я, однако, хочу мою статью закончить не ими. Я хочу привести, для возможно полной и исчерпывающей обрисовки личности и характера генерала Врангеля, его же два приказа, которыми он сам начал и закончил самый главный период своей многообразной жизни, - те два приказа, один из которых он смело отдал в первый же день своего вступления в командование Русской (как он ее сам и переименовал из "Вооруженных сил Юга России") армии. Переименовал сразу, что необходимо отметить, так как это было не простой формальностью, но знаменовало собою программу решительных реформ.

Эти два распоряжения я и привожу ниже:

1. **Обращение к русским людям, опубликованное в апреле месяце 1920 года в Крыму:**

"Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные святыни ея.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междуусобной брани.

За то, чтобы крестьяне. приобретая в собственность обрабатываемую ими землю, занялись мирным трудом.

За то, чтобы русский народ сам выбрал себе ХОЗЯИНА.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель."

2. **Смелый и честный приказ, отданный генералом Врангелем - в дни оставления армией Крыма:**

"Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ея крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ея эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие пути наши полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как и всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель.

Севастополь, 29 октября 1920 года."

Так просты и кратки были слова Вождя, которым доверилось сто пятьдесят тысяч русских людей, заполнивших до отказа суда Русского флота - через несколько времени появившейся в водах Босфора Русской Армады!

Николай Туроверов

УХОДИЛИ МЫ ИЗ КРЫМА...

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы, все время мимо,
В своего стрелял коня.

А он плыл, изнемогая,
За высокою волной,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.

Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою...
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.

Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомню навсегда.

Р. Полчанинов

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В САРАЕВЕ

Первая группа кадет, учеников военных средних школ, прибыла в Сараево 4 июня 1920 года и была размещена в казармах короля Петра I. Одной из первых забот кадет и служащих корпуса, который приказом главнокомандующего русской армией генерала П. Н. Врангеля от 1 октября 1920 года был назван Русским кадетским корпусом в Королевстве С. Х. С., было создание корпусной домовой церкви. Иконостас и всё до подсвечников было сделано их руками, а образа для иконостаса были написаны преподавателем рисования, художником, капитаном Г. Л. Реммертом и ротным командиром полковником Н. В. Волковым.

Подсвечники были деревянные, обвитые белым полотном и перетянутые малиновыми лентами посередине. Сверху были металлические круги с кольцами для свечей. Запрестольная икона – образ Нерукотворного Спаса, которая висела в рамке под стеклом, - была знаменем Симбирского кадетского корпуса. Необходимые священные сосуды и книги были получены по благословению митрополита Дабро-Босанскаго Петра (Зимонича) во временное пользование из местной сербской церкви. Когда 3 февраля 1925 года в Сараево прибыли кадеты Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов, сведенных в Китае в один Шанхайский кадетский корпус, церковная ризница пополнилась Напрестольным Евангелием Сибирского кадетского корпуса (1825 года) и другими ценными и старинными предметами.

Помещалась церковь в зале на третьем этаже. Первая всенощная была отслужена 26 марта 1921 года в новоустроенной церкви, освященной во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. Настоятелем был законоучитель, протоиерей Сергий Троицкий (умер в 1934 году), ктитором – подполковник Николай Петрович Кадьян, а церковным старостой – подполковник Ю. Н. Енько-Даровский. Первый год, пока не была сооружена своя церковь, кадет водили строем в сербский собор.

Так как церковь одновременно была и залом, то иконостас разбирался и уносился в специальное помещение, а престол отгораживался специальной раздвижной оградой.

5 сентября 1929 года корпус покинул Сараево, и русские люди

остались без русской церкви. В городе, помимо сербского собора, была еще старая сербская церковь (XII века) святых архангелов Михаила и Гавриила, около базара Баш-чаршия, и, кажется, еще одна была в пригороде – Новое Сараево. Русским было куда пойти помолиться, но русским были непривычны старинные сербские церковные песнопения. Также и некоторые русские церковные обычаи отличались от сербских.

В отличие от православных сербов, мы, русские, после всенощной в Великий четверг шли домой с горящими свечами, вызывая недоумение у жителей города любого вероисповедания. Светлую Заутреню служили не утром, как было принято у сербов, а в полночь. Так как церковь у нас была домовая, то мы ходили крестным ходом трижды вокруг квартала, тоже удивляя редких ночных прохожих.

Русские были бы рады, если бы нашелся русский священник, и можно было бы создать свой русский православный приход. К нашей великой радости, в Сараево вскоре, кажется, в 1930 году, был назначен в городскую больницу русский протоиерей Алексий (Федотович) Крыжко (1885-1976), о чем вскоре стало известно русским сараевцам. Началась подготовка к созданию русского прихода.

Когда была корпусная церковь, то там был свой кадетский хор, а тут нам надо было подумать о создании своего русского церковного хора. Кто-то указал батюшке на Ксению Петровну Камат. Она собрала хор из молодежи, в который вошли Сережа Апоков, Билетова, Надя Григорьева, Ветров, Еля Жеребкова, Кобзев, Володя Кудрявцев, Миша Макаров, Лидия Петровна Масино (умерла в 1983 году, 86 лет) и другие. Поначалу русские богослужения с участием русского хора совершались иногда в старой сербской церкви, а иногда в соборе. Сербы сразу оценили и русские церковные песнопения, и хористов. Даже после того, как был основан в Сараеве русский приход, с домовой церковью, сербы приглашали иногда русский хор в собор на богослужения. В те дни, конечно, в русской церкви богослужений не было.

Прислужниками были сперва только Боря (Борис Борисович, 1917-1962) Мартино и я, а в начале 1931 года стал прислужником и Слава (Святослав Владимирович, 1916-1946) Пелипец. Мы тогда были старшими среди мальчиков. Затем стали прислуживать Жорж Богатырев (родился в 1922 году) и Юра Григорьев, а в

конце 1930-х годов – Петя Соколов и его брат.

Как мне помнится, уже в 1932 году русский приход снял помещение бывшей мастерской на улице Деспича, дом № 6. Мне кажется, что отец Алексей от жалования отказался, и капитан Чеглоков написал иконы для иконостаса и еще одну, которая висела на восточной стене церкви, на ней было изображено крещение Руси святым Владимиром (по Васнецову). Было много разговоров из-за того, что иконописец одному человеку в толпе придал черты лица нашего настоятеля отца Алексея. Одни это осуждали, другие, наоборот, считали, что отец Алексей это вполне заслужил, и что в этом нет ничего плохого.

По данным переписи 1931 года, в Сараеве проживало 616 русских, но в приходе состояло не более ста семей, а на богослужениях бывало обычно 60-70 человек. Еще помню, что в молитве «Спаси, Господи, люди Твоя» упоминалось «Христолюбивое воинство наше…»

1 сентября 1933 года в 7 часов 30 минут вечера святейший патриарх Сербский Варнава при посещении Сараева посетил маленькую русскую домовую церковь. В ответ на приветствие отца Алексея патриарх сказал, что он «не мог не прийти в маленький русский храм, чтобы помолиться вместе с его прихожанами об их несчастной истерзанной Родине». Патриарх пробыл в русской церкви около часа, чтобы в 9 часов присутствовать на духовном концерте. В концерте приняли участие хор сербского певческого общества «Слога» (согласие) и русский церковный хор под управлением отца Алексея...

КРЫМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Мое пребывание в пятом классе корпуса пришлось на переломный возраст, когда мальчик становится юношей, - «вьюношей», по выражению, отпущенному в мой адрес моей несостоявшейся тещей Глафирой Николаевной Длусской – супругой институтского доктора Л. С. Длусского. В этом возрасте мальчик, сам того не сознавая, терпит травмы, начинает плохо учиться, склонен к дерзким поступкам, неповиновению и т. д.

Это, видимо, произошло и у меня. Я никогда не отличался прилежностью, а тут стал учиться совсем плохо. Меня, конечно, подтягивали репетиторы, которых нанимала заботливая мать, тратя деньги на ленивого сынка. Если бы не репетиторы, то я бы остался на второй год по математике. Увы, на второй год я все же остался, но не из-за математики и вообще даже не из-за неуспеваемости.

У меня в классе в то время был кадет Дурноусов, отъявленный хулиган. Ну, не уличный хулиган, а повеса местного, так сказать, значения. На уроках он был неспокойным, уроки отвечал нарочно невпопад и как попало, с теми преподавателями, с которыми можно было позволить себе вольности, он позволял таковые «на всю катушку». Курил, попивал тайком и удирал в город «в самодрал». В кадетской среде он являлся в эти годы некоторым исключением: большинство уже было «приведено в порядок», хулиганские поступки сведены на минимум, дисциплина восстановлена на 90%.

Возможно, что именно от него я перенял привычку курить. Еще в Киеве, помню, сидя в тени каштана, я и мои друзья растирали сухие каштановые листья, крутили цигарки и пытались курить. Ничего из такого куренья не получалось, потому что каштановые листья оказывались невероятно противными, раздражавшими небо и губы, а уж если вдохнуть хоть немного каштанового дыма... Те, кто это делал, валялись потом минут десять по земле, заходясь в истошном кашле.

Но сербские папиросы, в частности самая дешевая в то время «Сава», была хоть и скверная, но значительно лучше каштана. С нее я и начал свою карьеру курильщика, которая потом так

прицепилась ко мне, что оставить эту отвратительную привычку мне удалось лишь 44 года спустя, в возрасте 57 лет.

Оба брата Дурноусовы, Владимир и Леонид, учившийся в младшем классе, были переведены в Донской корпус в 1929-м году, и я больше о них ничего не слышал, о чем, правду сказать, особенно не жалею. Лично мне они не причинили никакого вреда, но при посредстве их, главным образом старшего, Владимира, я остался на второй год.

Целью всей жизни Володи было изводить преподавателей. В этом он достиг такого искусства и совершенства, что приводил в замешательство педагогов, а товарищи, часто против собственного желания, восхищались его находчивостью и изворотливостью, что, разумеется, подвигало его на новые деяния.

Среди нескольких преподавателей, бывших, так сказать, «изводоподверженными», на первом месте числился «Самовар». Преподаватель физики, бывший надворный советник Николай Яковлевич Писаревский, мужчина лет сорока, одним своим видом вызывал учеников на проделки. Свое прозвище «Самовар» он заслужил на все сто процентов. Полный, с красным лицом, пухлыми ручками и небольшим животиком, медлительный и спокойный, он являл собой почти комическую фигуру. Ему бы не физику преподавать, а создать себе блестящую карьеру в кинофильмах с Патом и Паташоном, знаменитыми французскими комиками «великого немого». Но он преподавал физику.

Его супруга, с которой он изредка прогуливался по аллее, была ему подстать: такая же полная и медлительная как муж, она обычно вела за ручку Коленьку, их сына, которому тогда было не больше пяти-шести лет. Был случай, когда на аллее семья поравнялась с группой кадет, возвращавшихся с прогулки. В этот момент сын Коля издал довольно сильный «неприличный звук». Папаша заулыбался и, обернувшись к сыну, ласково вымолвил: «А Коля – пук!».

Сие краткое восклицание было услышано кадетами. Многие до сих пор не знают, откуда у Писаревского, помимо «Самовара», появилось второе прозвище: «Коля-пук». Теперь секрет открыт.

Часто на уроках физики «Самовару» задавали всякие дурацкие вопросы, изощряясь в запутанности изложения, чтобы «Самовар» не мог сразу разобрать, «научный» это вопрос или подвох. Потому что, стремясь избежать подвохов, он стал строго тре-

бовать, чтобы на уроках ему задавали только «научные» вопросы.

Но как истинный педагог, «Самовар» не мог запретить кадетам вообще задавать вопросы, а скорее приветствовал их, как проявление любознательности. Самым избитым «научным» вопросом был такой: Летчик летит на аэроплане (тогда еще не говорили «самолет») со скоростью 200 километров в час. Модель аэроплана «Блерио 18». Дистанция полета 500 километров. Как фамилия летчика?

В таких случаях, если сразу нельзя было сообразить, что это подвох, Писаревский говорил: «Садитесь, я подумаю». Иногда же, подумав, заявлял: «Остроумие – суррогат ума». В вежливой форме это означало, что ты, брат, дурак.

Не помню уж по какому случаю, а вернее всего без случая, класс решил устроить Писаревскому «бенефис». Заранее распределили роли. Три или четыре пары должны были изображать всадников на конях, усевшись на спины товарищей. Другие выстроиться почетным караулом. Третьи изображать оркестр и играть встречный марш на гребешках.

В класс входит Писаревский. «Конный эскорт», гарцуя, подлетает к нему, и дежурный кадет, которым оказался Володя Дурноусов, с всадником на спине, которым оказался я, рапортует: «Господин преподаватель! В пятом классе первом отделении кадет по списку тридцать два. В отпуску отпускные, в лазарете больные, налицо все остальные!» И, повернувшись к классу, крикнул: «Ура!» К этому времени, чувствуя, что уже пора закрывать представление, «всадники» соскочили со своих «коней» и растворились за партами, но Дурноусов продолжал прыгать около «Самовара», приговаривая: «Ура! Ура! Ура!» Я изо всех сил пытался слезть с его спины, но он крепко держал мои ноги.

«Я вас заметил, Дурноусов! – сказал «Самовар». – И вас, Синькевич, я тоже заметил. И вас, Елчанинов…» Кажется, это были все, кого он «заметил». Освободившись, наконец, от Дурноусова и проклиная его упорство, я уселся на свое место.

В том году Государственная Комиссия, «Державка» на кадетском жаргоне, выпустила сообщение, по которому все второгодники обязаны вносить «школярину», то есть плату за «правоучение» - термин, родившийся в те годы и принятый в обиходе. Я получил переэкзаменовку по физике и, конечно, ее не выдержал. Надо повторить курс, оставшись на второй год. Но

физику в пятом классе отменили! Стало ясно, что Педагогический совет, желая, с одной стороны, проучить хулигана (это меня!), а с другой – заполнить «квоту» на получение платы от второгодников, воспользовался случаем, тем более, что мама считалась «богатой» и пусть, мол, платит за своего недоросля…

Вот почему я остался на второй год в пятом классе. На этот раз, не в пример повторению первого класса, которого я почти не заметил, это событие нанесло мне травму, которую я не мог забыть всю жизнь. И только в самые последние годы я понял, что прежде всего во всех своих бедах надо винить себя самого. Прежде я винил «Самовара», Педагогический совет, Дурноусова, «Державку»… Никто из них, разумеется, ни при чем. Вспоминая не раз слова матери о том, что «выгоднее» обвинить самого себя, чем других, потому что себе прощаешь легче, а другим простить труднее, я хоть и помнил эти слова, но не применял к себе. Теперь применил. Лучше поздно, чем никогда.

Но расстаться с одноклассниками, с товарищами, с друзьями было очень тяжело. Долгое время я ходил чуть не на каждой переменке в шестой класс, чтобы повидаться со своими прежними друзьями, чтобы не отходить от них, чтобы дать им почувствовать, что я тут, с ними, хоть и в другом классе, и даже в другой роте… Прошло несколько месяцев, пока я, наконец, успокоился, перестал бегать в первую роту, проглотил свой позор и унижение и обратил взоры на одноклассников, с которыми меня столкнула судьба. Все они, за редким исключением, оказались такими же хорошими, славными, какими были и мои «потерянные» одноклассники. Больше всего я переживал разрыв со своим другом Шуркой Шереметовым. С ним я дружил больше, чем с другими братьями, и он отвечал мне взаимностью. Теперь «злой рок» разделил нас так, что дружба, хоть и оставалась в сердце, на практике исчезла. Мы редко встречались, а при встрече получалось, что нам не о чем говорить.

Шура учился и вел себя примерно и, перейдя в восьмой класс, стал вице-унтер-офицером. Я искренне порадовался за него. За несколько месяцев до окончания корпуса у него произошел приступ гнойного аппендицита. В то время не существовало скорого транспорта, а в Белой Церкви не было ни хирурга, ни операционной палаты. Его посадили в поезд и отправили в русский госпиталь в г. Панчево. По дороге он скончался.

Весь корпус хоронил товарища. А я хоронил друга своих юных лет. Для меня это была огромная потеря, несмотря на некоторое отчуждение последних лет.

Володя Соболевский, трагически погибший в Белграде в 1995 г. под колесами грузовика, произвел громадную работу для приведения в порядок кадетского кладбища в Белой Церкви. Из некоторых могил пришлось извлечь останки, чтобы захоронить под кадетским памятником, поставленным общими усилиями кадет, спроектированным кадетом-крымцем инженером Карповым и Соболевским. Среди останков были и останки Шуры Шереметова. Соболевский снял с него кадетский пояс с бляхой, отлично сохранившийся, и передал мне для передачи брату Николаю, а позже – в наш музей в Сан-Франциско. Это было сделано.

«Прощай, Крымский корпус!»

В пятом классе у меня уже не было репетитора. Я начинал «браться за ум» и учиться лучше, чем до тех пор, хотя алгебра продолжала оставаться некоторым камнем преткновения.

Началось лето 1929-го года. По городу поползли тревожные слухи о возможном закрытии корпуса. Никто не хотел этому верить, потому что закрытие означало затруднения для учащихся, а для персонала – страшную трагедию потери места. Но слухи оказались верными.

Лето я провел как обычно: рыбная ловля, легкий флирт со знакомыми девушками, купанье в Нере, кино... Когда пришло время возвращаться в корпус, это уже был не любимый Крымский, а другой, Первый Русский Великого князя Константина Константиновича. И директор был другой, генерал-лейтенант Борис Викторович Адамович. Некоторые воспитатели и преподаватели тоже оказались новыми. Пришлось познакомиться с полковником Азарьевым, командиром Первой роты, с воспитателем полк. Филимоновым, полк. Прибыловичем, полк. Андрузским, ставшим офицером-воспитателем моего 6-го класса 1 отделения, и многими другими.

Настали иные порядки. В корпусе чувствовалось наступление новой эры. Генерал Адамович, видимо, полностью воспринял политику, о которой говорится в докладе проф. Динича: не удерживать в корпусе кадет, не желающих или не могущих

учиться и вести себя как следует. Исключения из корпуса стали ежедневной угрозой, хотя я не помню, кого именно и когда исключили. А в старших ротах возник сильнейший взаимный антагонизм, подобно тому, какой в первые годы существования Крымского корпуса появился между полтавцами и владикавказцами. Здесь же неприязнь возникла между «пришельцами» сараевцами и крымцами, оставшимися в своем здании, но попавшими в «чужой» корпус.

Немалую роль сыграло отношение нового директора. Он явно предпочитал своих офицеров на воспитательских должностях тем крымским, которых он просто не знал. В пристрастии его трудно упрекнуть, но оно существовало, и сыграло свою отрицательную роль: все крымцы, начиная с младших кадет и кончая пожилыми полковниками, почувствовали себя обиженными, обойденными, без вины виноватыми… В то время как в Крымском корпусе возникали довольно серьезные столкновения, переходившие в жестокие драки с применением дубинок и, хоть изредка, даже ножей, здесь наши драки, тоже возникшие раза два, не были столь суровыми и кончались без увечий или особых травм. Помню, как во время «первой драки» весной 1930 г. в дверях спальни столкнулись два силача: Костя Егупов Крымского корпуса и «Васька» Новиков – «сараевец». У Новикова было другое имя, которого я не помню, а прозвище – «Васька». Я не мог почему-то найти его имени ни в одной памятке.

Надавав друг другу тумаков, они вдруг обнялись и расцеловались! На этом драка и закончилась. Я лично, да и другие крымцы позже сдружились с «сараевцами», а моим лучшим другом оказался «сараевец» Ростислав Савицкий, за ним Толя Соколов и другие. У этого Новикова я «жал стойку» на его вытянутой руке, оперев одну руку на его плечо, а другую на локоть. На известном снимке, где наша восьмерка гимнастов 11 и 12 выпуска стоит по ранжиру в стойке на брусьях, он виден первым, вторым был Володя Русанов, за ним Тищенко Саша 10 вып., Джурич, Жолткевич и Леушин 11 вып. И наша четверка 12 вып: Новиков и Русанов впереди, Синькевич (предпоследний) и Лычев (последний).

Рядом с моей кроватью, стоявшей у окна, находилась кровать «сараевца» Толи Соколова, с которым мы быстро подружились. До сих пор вспоминаю Толю с хорошим чувством. Не знаю, что с

ним сталось. Но тогда мы дружили настолько, что когда начались приготовления к первому столкновению между двумя сторонами, мы с Толей условились друг друга не бить, если дело дойдет до всеобщей потасовки, а дубинки, которые мы вместе готовили и спрятали под матрацы, решили держать в руках, но «в дело» не пускать.

Несмотря на все, драма потери своего любимого корпуса, большинства своих воспитателей, преподавателей и самого директора корпуса оказалась чрезвычайно травматической. Все крымцы ощущали потерю своих товарищей, переведенных в Донской корпус, а оставшиеся чувствовали на себе тяжелую руку директора Адамовича. Непонятно, откуда у Адамовича возникла такая неприязнь к Крымскому корпусу? Возможно, что у него было какое-то переживание в жизни, какой-то случай, повлиявший на его взгляды. Мы этого не знаем. Неприязнь сквозила в каждом случае, при каждом столкновении или недоразумении. Совершенно не считаясь с присутствующими кадетами, генерал «разносил» офицеров как «своего» корпуса, так, особенно, и Крымского, как провинившихся шалунов. Про кадет и говорить нечего. Чувствуя такое несправедливое отношение, кадеты-крымцы не раз ходили в кабинет к директору, пытаясь объясниться, доказать свою «лояльность», требуя взамен ровного, непредвзятого отношения. Странно было наблюдать эти «визиты» к Адамовичу, напоминавшие какую-то «демократию в действии», а не военное учебное заведение. Адамович, разумеется, ни в чем не уступал, но одно лишь существование таких «торгов» чрезвычайно умаляло его авторитет в глазах крымцев. Вместе с тем нельзя было не заметить наличие «любимчиков», к которым он особо благоволил и выделял из общей массы. Это были исключительно «свои», «сараевцы».

Адамовичем был одобрен и жетон корпуса, принятый еще во время нахождения корпуса в Сараево, где в центре значка помещались погоны тех корпусов, из которых он был составлен в 1920-м году. Это Одесский, Киевский и Полоцкий корпуса с добавлением отдельных кадет других корпусов. На жетоне, таким образом, красовались три погончика этих корпусов. По слиянии Русского и Крымского, никто не подумал о создании нового жетона для нового корпуса. Вместо этого был принят старый жетон, не имевший к крымцам никакого отношения, равно как и

все традиции и счет выпусков. Таким образом, даже память о Крымском корпусе оказалась стерта, перестала существовать. Некоторые крымцы плакали.

Вместе с тем, генерал Адамович являл собой внушительную фигуру. Всегда при сабле с георгиевским темляком, безукоризненно одетый в свой защитный мундир с орденами, с неизменными шпорами на ботинках со штиблетами, или крагами, он повсюду шагал, излучая авторитет и внушая уважение. Никогда не ходил в город пешком, а заказывал извозчика. Обычно брал с собой кого-нибудь из кадет в качестве «адъютанта». Это были визиты к начальнице Института Н. В. Духониной или к городскому голове. Мы не могли не заметить, с каким почтением Адамовича встречали в учреждениях и как те же извозчики «ломали шапки» перед ним.

По прошествии пары лет, когда наиболее ретивые крымцы, окончив курс, покинули корпус, атмосфера разрядилась, и все вздохнули свободнее: никому не нравилась эта напряженная обстановка. Даже сам Адамович как будто стал более приветливым и доступным. Тогда же был приобретен великолепный граммофон марки «His Masters Voice», с пластинками Шаляпина, Собинова, хора Жарова и других знаменитостей русской оперы, театра и пения. Граммофоном заведовали два кадета, мой одноклассник Вишневский и еще кто-то. По вечерам мы довольно часто собирались в большом зале и слушали концерты. Тогда же начались хоровые состязания между классами. Гимнастику преподавал полковник П. Барышев вместо уволенного преподавателя Крымского корпуса полковника Колосовского. Сын Барышева Борис был вице-фельдфебелем и учился в моем классе. Мы его искренне жалели, так как нелегко было ему слушать наши «отзывы» о его папаше, редко бывавшие благоприятными. Папа был человеком строгих правил. На все просьбы у него был стандартный ответ: «Кадеты – нет!». За это качество мы прозвали его «дубом». Оно же отчасти стоило ему жизни. По рассказам, при занятии Белой Церкви титовскими бандитами он был расстрелян, отказавшись отдать ключи от кадетского музея, которым заведовал. Тогда пострадали многие офицеры и преподаватели корпуса, уклонившиеся от эвакуации, вероятно, понадеявшись на благоразумие и снисхождение новых властей. Ужасы, которые многим пришлось пережить перед расстрелом или

заключением в лагерь, описаны в «Седьмой кадетской памятке», стр.428, выпущенной в Нью-Йорке в 1997 г.

«Жизнь – Родине, честь – никому»

Это был один из многих девизов, написанных на стенах корпуса. С самых ранних лет воспитатели объясняли кадетам, что все мы тут находимся временно, что народ прогонит безбожную кровавую власть, поднявшую руку на самого помазанника Божия, и мы вернемся в Россию. Такие преподаватели, как П. Савченко, полковник Цареградский, директор генерал Римский-Корсаков, а за ним генерал Промтов и многие другие, пользовались каждым случаем напомнить кадетам девиз, завещанный генералом Врангелем кадетам, прибывшим из Крыма в дружественную Сербию: «Здесь, на чужбине, каждый из нас должен помнить, что он представляет собой нашу Родину, и высоко держать русскую честь». Они читали доклады, не пропуская ни одного важного дня, чтобы лишний раз подчеркнуть ответственность, которую мы несем на себе, и нашу преданность и любовь к утерянной Родине.

Особенно трогательным был Новый год, когда весь Крымский корпус выстраивался с оркестром накануне праздника в коридоре первой роты. Ровно в полночь к строю выходил директор корпуса, поздравлял кадет с новым годом и предлагал вспомнить Россию. В ответ на это оркестр исполнял русский гимн «Боже, царя храни». Это был единственный раз в году, когда в корпусе исполнялся русский национальный гимн. У многих кадет, застывших в строю, по щекам текли слезы…

Не меньше, чем воспитанию патриотических чувств и любви к Родине, уделялось внимание и духовному воспитанию. Хотя на уроках Закона Божия кадеты не всегда вели себя благочестиво, все же, стоя в церкви или прислуживая в алтаре, они приучались к самосозерцанию, углублению в себя, размышлению. Особенно ярко это чувствовалось в дни Великого поста, когда кадеты говели, каждая рота в отведенные для нее дни. Говение заключалось в постной пище, отсутствии всяких легкомысленных развлечений, не говоря про музыку, танцы и тому подобное, и подготовке к исповеди. Корпусной батюшка пояснял в классе значение и смысл исповеди и великого таинства причастия. Огромное большинство кадет всякого возраста относились к ритуалу набожно и с уважением. Все мы верили просто, не задаваясь вопросами, не подвергая

сомнению или критике отдельные моменты церковной службы. Позже, уже будучи отцом семейства, мне пришлось прочитать критику Льва Толстого церковных обрядов («Христианство и Церковь». Избранные мысли Л. Н. Толстого по вопросам веры, религии, Бога, христианства, Церкви. А. И. Чернов, Нью-Йорк, 1960). Я поразился его наивным рассуждениям и скудоумным выводам. Видимо, на всякого мудреца довольно простоты. Иными словами, даже очень умные люди иногда делают или говорят глупости. Описывая ритуал Евхаристии, или приготовления священником тела и крови Христовой для принятия верующими, писатель возмущается: «Священник, помахав платочком над чашей с вином и кусочками просфорки, говорит, что это тело и кровь Бога». («...если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить в вино, то в кусочки эти входит Бог...»), и в другом месте: «...превращаются в тело и кровь Бога». Никогда и нигде Церковь не пользуется словом «превращает», а говорит «претворяет», что не одно и то же. Освящая при помощи «ритуала» просфору и вино, священник молится о том, чтобы Господь как бы вошел в них, незримо претворив хлеб и вино в Тело и Кровь Христову. Ритуал, процедура создавались отцами Церкви постепенно, по мере того, как нарождалась потребность. Всякий ритуал имеет свое глубокое значение, а нужен он потому, что не каждый человек в состоянии привести себя в молитвенное настроение, отрешиться от земных забот без посредства ритуала. Каждый жест священника имеет какое-то значение, передает символику данного действия и потому имеет определенный смысл.

Здесь церковь приходит верующим на помощь. Я до сих пор не могу забыть тех чудных, светлых минут, когда после исповеди мы ходили по коридору как «ангелочки», стараясь не согрешить «словом или делом» до следующего дня, когда состоится принятие Св. Таин. Толстой, вероятно, никогда не переживал этих прекрасных минут, оставляющих светлую память в душе на долгое время... Что касается «роскошных одеяний», которые также осуждает Толстой, то они тоже появились в церкви постепенно, когда прекратились гонения на христиан, а миряне и духовенство пришли к заключению, что перед лицом Божиим необходимо предстоять в лучших одеждах, убрав их дорогими украшениями, веря, что «Богу необходимо отдать все лучшее».

Вот почему иконы, утварь в наших храмах делались из серебра или золота, вот почему святые иконы украшались драгоценными камнями, равно как и ризы духовенства в праздничные дни. Неужели Толстому это не было понятно? Неужели он считал все это ненужной мишурой? Почему даже статуи древних идолов украшались драгоценностями? Ведь это то же желание отдать божеству самое драгоценное. Но в то время как язычники делали это в надежде получить от идола какую-то выгоду, христиане в большинстве приносили подарки храму для спасения души, не рассчитывая на сиюминутное благодеяние, хотя иные, конечно, прибегали с верой в избавление от земных тягот.

Помимо возвышенного чувства внутренней чистоты, которое испытывает искренний исповедующийся, вся атмосфера церкви, предметы, иконы, одеяния духовенства и, особенно, ни с чем не сравнимое русское православное церковное пение способствуют созданию чувства близости к Великому Неведомому, Которое владеет твоей душой и всем миром. Толстой, вероятно, никогда не испытывал этого чувства, иначе он не мог бы говорить о ненужности всего, что нас встречает при входе в храм и что в нем происходит. Если следовать толстовской логике, надо посчитать творцов непревзойденной русской церковной музыки оболтусами или обманщиками, тратившими свой талант и время на ненужное создание звуков, чтобы задурить головы легковерных людей. Сюда надо отнести не только Шарля Гуно и Франца Шуберта, написавших каждый свою гениальную Ave Maria, но и наших церковных композиторов, начиная с Александра Гречанинова, Александра Кастальского, Павла Чеснокова, протоиерея Турчанинова и завершая Сергеем Рахманиновым с его «Всенощным бдением». А «Мадонна» Рафаэля, а «Тайная вечеря» Да Винчи, а «Пиета» Микельанджело…

Кстати, говоря о «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи, необходимо отметить, что в его передаче этого события имеется немало погрешностей. Во-первых, он посадил всех присутствующих за стол, но в то время люди еще не научились сидеть за столом, они «возлежали». Возможно, что Да Винчи вынужден был усадить их за стол, иначе не смог бы разместить всех на полотне. Другой погрешностью является расположение апостолов сидящими «лицом к публике», оставив незанятой всю переднюю часть стола. Создается впечатление, будто они позировали

художнику, ведь иначе ему пришлось бы изображать лишь их спины или неестественно вывернуть шеи, чтобы показать хоть часть лица. Но это так, замечание в целях исторической истины. Вообще же шедевр остается шедевром.

Обманщики, по Толстому, и все духовенство, начиная с наших древних святителей и мучеников за Христа и кончая такими столпами Православия, как св. о. Иоанн Кронштадтский, епископ Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник и множество других. Большевики в своем безумии с восторгом приняли идеи Толстого, применив их на практике по-своему, предав множество представителей духовенства на смерть и муки.

Конечно, можно рассуждать и спорить о преимуществах и недостатках церковного искусства, зодчества и церковных обрядов до седьмого пота. Однако люди с древнейших времен стремились к познанию высших сил, а с появлением буддизма, конфуцианства, а позже христианства, магометанства и других великих религий эти стремления приобрели определенную форму. Почему же умнейшие люди всех веков верили в необходимость ритуала, вкладывали в него глубокий смысл, таланты, труд, а вот Толстой решил, что все это глупости и обман! Непостижимо!

Каждому человеку ближе всего его семья, его родители, братья, сестры и прочая родня. Расширяя понятие – приходишь к своей школе, своей организации, клубу, учреждению; в военной семье – к своему полку, а кадеты – к своему корпусу. В нас воспитывали именно это чувство любви к корпусу, к русской армии, к России, к ее славным воинам, писателям, поэтам, художникам и композиторам. А на первом месте – к русским государям, веками собиравшим землю русскую в одну великую и могучую державу. Патриотическими лозунгами и девизами были украшены все стены наших помещений. Весь день, едва открыв утром глаза и лишь сомкнув их на ночь, мы находились под влиянием этих призывов, запомнившихся навсегда. Знаменитое стихотворение К. Р. «Наш полк» все кадеты без зазубривания знали наизусть, как «Отче Наш», а другое его стихотворение, «Кадету» («Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая...»), записывали на первой странице своих альбомов или дневников. Каждый, перечитывая его в сотый раз, чувствовал, что оно относится к нему лично, что оно написано для всех, но и для каждого в отдельности.

Так постепенно, но неуклонно вырабатывалась в кадетских

душах любовь к Родине, для некоторых из них уже становившейся далекой и неосязаемой, но именно поэтому бесконечно близкой в сердце и дорогой, заветной мечтой. Каждый из наших славных офицеров-воспитателей внес свою долю труда, любви и отеческой ласки в дело воспитания кадет. Не за деньги и не за выгоду отдавали они нам все свое время как на службе, так и вне ее. Они делали это, будучи связаны с нами одной судьбой, одним горем лишения Родины, в надежде внушить нам ту же преданность Отечеству, ту же любовь к матери-России, которая заставила их не бросить нас на произвол судьбы, а пойти с нами в изгнание, в неизвестное будущее, на тяжкую беженскую долю.

И в этом они преуспели! Все кадеты по гроб жизни несут в своих сердцах чувство глубочайшей благодарности, любви и уважения к этим лучшим представителям российского воинства, передавшим всем нам те идеалы, которыми они сами жили и за которые готовы были отдать жизни, если понадобится. Кадеты приняли эти идеалы и доказали свою верность им, каждый по мере своих сил и возможностей. Одни погибли на полях сражений, другие воспитывали своих детей в любви к России, но все входили в Объединение для взаимной связи, для помощи оказавшимся в беде товарищам, а в последнее время – при первой возможности – для передачи этих же идеалов подрастающему поколению в России.

За всю историю существования кадетских корпусов за рубежом, а позже за время существования кадетских объединений, ни один кадет не запятнал свое имя каким-либо бесчестным поступком.

Из кадетских рядов вышли три виднейших архиерея Русской Православной Церкви за рубежом, равно как и священники, регенты церковных и светских хоров, церковные старосты и общественные деятели. Воистину, мы можем гордиться своим наследием!

Не менее достойно проявили себя кадеты и на светском поприще. Трудно даже начать перечислять поименно кадет, ставших не только инженерами, профессорами и даже учеными, но просто достигших жизненных успехов и сделавшихся ценными членами своих общин, объединений, союзов и церковных приходов. Среди покойных ныне кадет все же хочется отметить писателя Михаила Каратеева, художника Сергея Латышева-Байкалова, балетмейстеров и танцовщиков Михаила Панаева и Анатолия Жуковского, архитектора Валентина Глинина, инженера

Николая Козякина, доктора инженера Владимира Бодиско, профессора Павла Пагануцци и других.

Просмотрев написанное, прихожу к заключению, что труд превращается в классическое русское «Детство, Отрочество, Юность», хотя я такой целью не задавался. Весь замысел моего труда – рассказать своим детям и внукам о той части моей жизни, которая им совершенно неизвестна, а заодно, поделившись своими мыслями, рассказать о тех событиях, интересных людях и удивительных случаях, происшедших на моем жизненном пути. Если рассказ примет форму приключенческого романа, тем лучше. Это сделает его привлекательным для чтения, тем более, что жизнь всякого человека есть своего рода приключение, надо лишь достаточно толково изложить пережитое, чтобы оно стало интересным не только для пишущего, но и для читающего. Если мне это удастся – буду счастлив и с увлечением примусь за перевод на английский. Надеюсь, что успею…

А. Боголюбов

ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТА СЕМНАДЦАТОГО ВЫПУСКА

«Вспомним, братцы, старину…
Семилетнюю войну!»
(*Из солдатской песни*).

Вспомним, братцы – одноклассники, дни, проведенные вместе, в стенах родного корпуса… Начнем с сентября 1929 года.

Теплая, сухая осень в Белой Церкви. На третьем этаже, по фасаду справа, помещения 3-ей роты – первоклассники 17-го выпуска и третьеклассники 15-го (Старицкий, Цибульский, Гняздовский и другие). Второго класса нет.

Рядом с окнами спальни первого класса здание пехотного полка. Из наших окон вид на большой плац, на котором проходит часть жизни сербского солдата.

Из Сараево подвозят корпусной инвентарь, но кровати еще не прибыли, и на полу лежат рядами матрасы, набитые соломой, подушки, простыни, одеяла.

Наши «дядьки» - восьмиклассники Саша Слезкин и Толя Поляков в отдельной комнатке, насколько помню, с кроватями.

Мы – новички в коротких штанах, рубашках и матросках – чувствуем себя неуверенно, особенно в присутствии уже одетых в кадетскую форму Петьки Маслова, Юрки Ламзаки и других, приехавших вместе с Первым Русским корпусом из Сараево.

Они уже набрались словечек и выражений кадетского жаргона (зверь, шесть, алты, мыловар, дрейфить) и других похлеще и козыряют перед нами своими знаниями. Мы впитываем, как губки, эти первые и столь необходимые атрибуты «настоящего кадета».

В цейхгаузе царит вахмистр Вербицкий, с седеющими усами и с кавалерийской фуражкой на затылке.

Обмундирование неприятно пахнет чем-то вроде керосина, топорщится на детском теле и слегка натирает шею. Но мы молчим и с интересом смотрим на свое отражение в ротном зеркале, в коридоре. Новые предметы и слова: брюки, а не штанишки, рубахи навыпуск, а не матроски, портянки, а не носки, сапоги, а не ботинки, бляхи, фуражки, шинели, вакса, а не сапожная мазь, умывалка, сортир и так далее. Всего сразу не освоишь, и новички сбиваются на «шпацкие» выражения, вызывая насмешки «старожил», которые уже две недели носят форму.

Уроков еще нет, так как и парты запоздали.

Дядьки строят нас по ранжиру и знакомят с основами корпусного обихода. Настоящих строевых занятий пока еще нет, но мы кое-как маршируем, вслед за лихим третьим классом, вниз по лестнице в столовую. На заднем плацу (не на заднем дворе!) знакомимся с новыми для многих из нас играми – чиж, свайка, городки и лапта. Для тех, кто забыл основы игры в городки, напомню, что из квадрата, начерченного на земле, выбиваются короткими деревянными палками пять деревянных «чушек» - коротких круглых деревяшек. Было несколько расположений «чушек» в квадрате. Из них я помню: письмо (лежачее или стоячее), забор (лежачий или стоячий) и «бабушку в окошке». Надеюсь, что все помнят, как играть в чижа и в свайку, и что лапта имеет много общего с американским бейсболом.

В умывалке знакомишься с «писсуаром», со «стульчаками» за перегородкой, из которых дует холодный ветер, и с бетонным корытом с кранами холодной воды, у которых неудобно и неприятно мыться.

После домашней тишины и уюта засыпать в спальне 1-го класса очень трудно. Особенно тем, кто в первый раз в общежитии!

Мне было легче, так как я провел уже один год в Белой Церкви, в пансионе генеральши Бобиевой (вдовы героя Белой борьбы), на улице напротив огороженного забором футбольного поля. Это было еще во время Крымского корпуса, куда я стремился поступить и где выдержал вступительные экзамены в июне 1929 года.

Моим первым законоучителем в пансионе был молодой, красивый священник (монах), отец Иоанн Шаховской. В Сан-Франциско, во время кадетского съезда 1990 года, я посетил его могилу – могилу архиепископа санфранцисского Иоанна. (Мы думаем, что Алеша ошибается, что он был на могиле архиепископа санфранцисского и шанхайского Иоанна (Максимовича), а не Шаховского. Редакция).

Но и мне, с опытом общежития, было нелегко засыпать. Несмотря на окрики дядек и потушенный свет, возня на матрасах и разговоры не прекращались, вспыхивали драки подушками, Котька Курицкий и Петька Маслов состязались в хождении на руках между матрасами, Левка Богачев готовился «ставить гусара» уснувшему новичку (Левка, насколько помню, был второгодником). Только появление дежурного воспитателя восстанавливало относительный порядок, и сорок возбужденных мальчишек постепенно засыпали на соломенных матрасах.

Ясно запомнился мне день, когда на задний плац привезли телегу свежей соломы. Нам было приказано перебить матрасы новой соломой. Сначала начали таскать матрасы по лестнице с третьего этажа на плац. Это было скучно и неудобно. И вот кто-то догадался и выбросил свой матрас через окно коридора. Всем это очень понравилось, и сразу стало весело и интересно. Матрасы летели вниз. «Берегись, матрас летит», - кричали сверху. Не помню, как долго веселье продолжалось, но свой матрас я сбросить успел.

Серб Буська Гргурович поступил в первый класс из своей родной Зеницы, не зная русского языка. Не помню, приехал ли он вместе с корпусом из Сараево и встретил нас, приехавших прямо в Белую Церковь, во всем великолепии кадетской формы или, так же, как и мы, робко появился в «шпацком» виде в третьей роте. Как бы там ни было, он очень скоро стал набираться русских

(кадетских) слов и выражений.

Однажды утром он оказался в строю без пояса. На вопрос дежурного воспитателя: «Гргурович, где твой пояс?» - Буська, после некоторого раздумья, громко ответил: «Господин полковник, мой пояс пошел к черту!» Этим было сказано все! Пояс или кто-то запрятал, или Буська его затерял!

Вспоминаю нашего первого воспитателя, полковника Генерального штаба, конноартиллериста Евгения Леонидовича Ивановского. Благообразный, подтянутый, образованный, в меру строгий, он, наряду с военным духом российской армии, дал нам основы порядка и трудолюбия.

Он пел с нами, и я по сей день помню старинную песню конной артиллерии, которую мы распевали в кавалерийском темпе, на три четверти, в отличие от маршевого темпа пехоты (на две четверти):

Есть много войска у царя,
Стрелки, уланы, егеря,
Но краше конных батарей
Не сыщешь войска у царей. (2 раза)

Ермолов, Саблин и Хрулев –
Вот стая доблестных орлов.
Мы, ваши внуки и сыны,
Храним заветы старины.

У нас заветы таковы:
Мы не жалеем головы,
В атаку водим передки
И гоним банником полки.

Мы не боимся грозных сеч,
Тотчас команда «На картечь!»
Патрона три лишь беглых дать –
И враг бежит позорно вспять.

Песня, как и полагается военной песне, бравая, «самохвальная» и, как бы сказал наш преподаватель русского языка Миляшкевич, «с гиперболой». По определению того же Миляшкевича, в литературе гипербола – это «преувеличение или

преуменьшение предмета, понятия или действия сверх естественных границ». Полковник Ивановский дожил до глубокой старости и всю жизнь работал на деле воспитания и образования русской молодежи заграницей. Последние годы он был инспектором русской гимназии в Сан-Франциско. Похоронен он на русском участке Сербского кладбища. Я был на его могиле и поблагодарил его от первоклассников 1929 года за то, что он помог нам остаться русскими все эти долгие годы.

Пока писал, вспомнил еще одну старинную военную песню, которую мы выучили от полковника Ивановского.

«Жизни тот один достоин,
Кто на смерть всегда готов».
Православный русский воин
Не считая бьет врагов.

Что французы, англичане,
Что турецкий глупый строй,
Выходите, басурмане,
Вызываем вас на бой.

Чувство мужества нам сродно,
Не страшна нам смерть в боях.
Богу храбрые угодны,
Им награда в небесах.

За царя и за Россию
Мы готовы умирать.
За царя и за Россию
Будем вас на штык сажать!

Все было ясно и просто в старых солдатских головах!

Вот я сел писать для нашей памятки 17 выпуска, и на меня нахлынули воспоминания. Мог бы писать и писать о днях, проведенных в корпусе. Но вижу, что надо сжать формат, а то наш составитель, Ванька Соболевский, не сможет уложиться в объем памятки. Буду напоминать отдельные эпизоды, стараясь писать «телеграфным» стилем.

“In der Kurze, liegt die Würze”, - говорят немцы. В применении

к разговорной речи и печатному слову это воспринималось как «в краткости – сила». Jamer Watt говорил, что самая трудная вещь в жизни – это простота. Итак, попробуем.

1. Вспоминаю однорукого капитана Лаврова, любившего приукрасить свои военные были. Капитан в смертельной опасности… «И вот я взял в одну руку саблю, в другую жену, влез на дерево и окопался.» (Из кадетских рассказов).

2. Новичку приказали постричься. Третьеклассник предлагает помочь. Простригает широкую полосу через всю голову и говорит: «Подожди здесь, пока я пойду до ветра.» Бедняга ходит с простриженной головой, пока кто-нибудь не сжалится.

3. В пятом классе с нами учился великовозрастный, громадного роста черногорец Мичикукич, ленивый и глуповатый. Сидел он на последней парте с таким же великовозрастным, но хитрым и умным приходящим кадетом Р. Клисичем. Вот несколько происшествий:

Урок древней истории. Мичикукича преподаватель спрашивает, какие были последние слова Цезаря перед смертью. Он не знает. Оборачивается к классу и грозным шепотом: «Подсказывай!» «И ты, Брут», - раздается ответный шепот. Мичикукич громко и уверенно отвечает, что последние слова Цезаря были: «И ты тут!»

Урок немецкого языка. Мичикукич готику читать не умел. Клисич писал ему немецкие слова русскими буквами, когда надо было читать в классе. Письменная работа. Клисич не пришел. Мичикукич сидит перед чистым листом бумаги. Ротмистр Кожин спрашивает, в чем дело. Мичикукич отвечает, что потерял ручку. Кожин предлагает свою, на что Мичикукич отвечает: «Господин преподаватель, я могу писать только своей ручкой!»

Урок русского языка. Задано написать сочинение. Клисич пишет, а Мичикукич слово в слово списывает. Однако допускает одну ошибку. Там, где Клисич написал «девушка», Мичикукич пишет «дедушка».

4. Николай Яковлевич Писаревский, преподаватель физики в корпусе и в институте, был почти «квадратного» телосложения. Его прозвище было «Коля Пук» и «Самовар» (его жена, тоже толстая, «Самовариха», а упитанный сын – «Самоваренок» или «Чайник»). Кадет Фучуджи встает и задает вопрос: «Что будет, если к горячему самовару приложить мокрый палец?» Коля Пук

говорит: «Садитесь, Фучуджи, я подумаю». Через некоторое время: «Встаньте, Фучуджи, я уже подумал. Самовар закипит и поставит Вам единицу. Садитесь!»

5. На уроке физики мы любили спрашивать: «Николай Яковлевич, Вы сегодня будете показывать фокусы?», - на что Коля Пук серьезно отвечал: «На уроках физики демонстрируют опыты, а фокусы показывают в цирке».

6. Пятый урок (после обеда) – история Югославии. Преподает хорват Любибратич. На первой парте сидят Гргурович и Левчук, который сначала дремлет, потом засыпает и начинает храпеть. Гргурович будит Левчука толчком локтя. Любибратич, обращаясь к смущенному Левчуку: «На моем уроке можешь спать, но храпеть я не позволяю».

7. Любибратич рассказывает в классе, как он пробовал изучать русский язык, начиная с распространенного слова «хорошо»: «Ищу в словаре и не нахожу. Обращаюсь к коллеге, который мне объясняет, что это слово произносится «харашо», но пишется «хорошо». С тех пор я решил, что этот язык не для меня».

8. Урок русского языка. Преподает Миляшкевич, довольно грузный человек, невысокого роста, со слегка одутловатым лицом и умными черными глазами с хитрецой. Написать о нем можно очень много и грустного, и забавного, и хорошего. Здесь припомню, как мы читали наизусть басни Крылова, скажем, «Демьянову уху». Вызывает одновременно четырех кадет. Первый будет автором, второй Демьяном, третий Фокой, ну а четвертый женой Демьяна. Жена становится у преподавательского столика, со сложенными на груди руками. Когда Демьян, по тексту басни, говорит: «Да кланяйся, жена!», жена послушно кланяется и получает отметку наряду со всеми. Обычно Миляшкевич ставил всем четырем одну и туже отметку – что-то вроде «среднего арифметического».

9. Шурка Генералов с детства хорошо рисовал. Писал он масляными красками прекрасные пейзажи Венесуэлы. В то время ему особенно удавались пальмы, обезьяны и чернокожие. На скучных уроках кто-нибудь шепнет Шурке: «Рисуй стрипы». Шурка очень охотно соглашался и ловко и быстро создавал картинку за картинкой, которые передавались по классу. Урок становился более веселым, а шуркина тетрадка делалась все тоньше и тоньше.

10. Спальня пятого класса после потушки света. На кровати, на коленях, лицом к иконке, прикрепленной к цигелю, молится перед сном кадет. Закончив молитву, он поворачивается на коленях и начинает крестить вокруг себя. В это время подходит другой кадет, складывает руки, наклоняет голову и говорит: «Благослови, отче!» Первый кадет, не обращая внимания, продолжает свое вечернее правило. Закончивши молитву, он поворачивается и громко говорит: «Иди к черту!» Догадайтесь, кто из них Николай Петин, а кто Святослав Савицкий?

11. Уроки игры на рояле. Преподает жена подполковника Левицкого, по прозвищу «Кукушка». Небольшого роста пожилая дама сидит в кресле возле старого пианино, в малюсенькой комнатушке за сценой. «Кукушка» очень любит тепло и топить начинает с ранней осени. Прихожу на урок прямо с волейбольной площадки – растрепанный и потный. Начинаю с гамм, а потом с трудом разбираю этюды. «Кукушка» посасывает конфеты и дремлет в своем кресле. С моих пальцев на белые клавиши стекает грязный пот. Я страдаю и слежу за часами. Подготовка к урокам рояля происходит в учительской после 6-го урока. Только сядешь, с благими намерениями, за разбитый рояль, как появляется первая фигура – собирает «бычки», оставленные в пепельницах; за ней другая – просто посмотреть; наконец кто-то, кого послали собирать волейболистов: «Брось, идем играть!» Бросаю и иду. Моя бедная мать в течение пяти лет платила за уроки рояля. И вот сейчас, как говорится, «на склоне лет» (на крутом склоне), я могу предложить моему пятилетнему внуку прослушать пару бравурных аккордов, «Чижика» и «Собачий вальс». Очень, очень жаль!

12. Химия, сугубая химия! Неорганическую химию преподавал нам Николай Константинович Седлецкий. Прозвище у него было «Гномон» (стержень, тень которого показывает время на солнечных часах). Я не знаю историю этого прозвища. Химию мы не любили, понимать не старались, и поэтому побаивались. Закинув голову назад, слегка гнусавым голосом «Гномон» вызывал к двум, разделенным вертикальной чертой, доскам четырех кадет, иногда по алфавиту – Боголюбов, Гргурович, Жемчужников, Жеребков – и сразу же всем четверым задавал элементы: йод, бром, хлор и фтор (есть ведь такой элемент – фтор?). Тут начинались страдания: атомный вес, валентность, окиси, соли и так далее. Голосом подсказывать химические

формулы очень трудно. Поэтому на задней парте на куске картона писали большими буквами то, что надо, и старались поднять над головой написанное, пока «Гномон» отворачивался или подходил к окну. Далеко не всегда это удавалось. Отметки «Гномон» ставил скупо. Недаром впоследствии о нем написали прощальное четверостишье:

«Профессор наш Седлецкий
Спокойно слушал лепет детский,
Спокойно слушал лепет детский,
Еще спокойней ставил кол!»

В корпусах был обычай по окончании занятий «хоронить науки». Не помню описания похорон химии, вспоминаю алгебру:

«Что за шум, что за гам, что за приключенье?
Вот какого рода там было развлеченье:
Чинно алгебру несли в гробу из журналов,
Позади ее плелись вереницы баллов.
Шла за гробом физика, плача и рыдая:
Прощай, алгебра моя, прощай, дорогая.
Сзади все кадеты шли, злобно ухмыляясь,
И, в свидетельство тоски, книжками кидались.»

13. «Латынь из моды вышла ныне!». Латынь в корпус ввели с нашего 17-го выпуска. Поэтому мы ее не любили! Два первые года (5-ый и 6-ой классы) латынь нам преподавал Михаил Александрович Аносов, бывший студент Московского университета, интеллигент, либерал, любитель русского театра, поэзии, музыки, философии и так далее. Мы этим широко пользовались. В начале урока задавали ему «наводящие» вопросы и потом большую часть урока с интересом слушали его рассказы о выдающихся людях начала этого века: Шаляпине, Неждановой, Блоке, Бальмонте, Вл. Соловьеве, Кизеветтере, Морозове, Мамонтове и так далее. До латыни нам было мало дела. В седьмой класс к нам назначили Фанечку (или Фаньку) Орлову, требовательную, добросовестную стареющую даму. На первом уроке она нас спросила (возможно, для порядка), что мы проходили по латинскому языку. Мы громко и единодушно ответили:

«Ничего!» Фанечка не смутилась, рассказывала нам о происхождении языка и к следующему уроку записала в классный журнал: «Выучить латинскую азбуку». Это был сознательный щелчок по нашему самолюбию. После этого Фанечка нас так прикрутила, что мы за два года прошли все, что было в четырехлетней программе, но от этого латынь не полюбили… Казалось нам, что наш Генпоп, в то время уже директор корпуса, слегка ухаживает за Фанечкой. 15-го мая 1937 года мы, по традиции, развешивали в коридоре 1-ой роты карикатуры на преподавателей и воспитателей. Среди них был Генпоп, под ручку с Фанечкой и с надписью: «Гаудеамус игитур ювенес дум сумус» (конечно, латинскими буквами).

14. К третьему-четвертому классам мальчики начинают превращаться в юношей. Сербский язык нам преподавала Елена Ивановна Козырева, по прозвищу «Козыриха». Молодая, интересная вдова с девочкой нашего возраста, она многим из нас нравилась не только как хорошая преподавательница, но и как женщина.

15. Переписка с институтками. Могу без излишней скромности сказать, что в нашем классе чемпионами были Шишка Жемчужников (60 страниц) и я (40 страниц). Это происходило на скучных уроках в 8-ом классе. Он писал Дине Фредро (она потом уехала в Калифорнию), а я Ире Градовой. Объясняться в любви на 40 страниц – невозможно. Писал обо всем, что приходило в голову, начиная с прочитанных книг. Складывали узко, клали под пресс в переплетке, где мы оба работали, и передавали приходящим кадетам (Тахтамышеву, Гроссул-Толстому и другим). Они передавали приходящим институткам (Кире Розановой и другим). Мне рассказывали, что было время, когда посылали короткие записки в… калошах священника, который преподавал в корпусе и в институте. Записки закладывали глубоко в батины калоши, и он их нес по назначению.

16. Светский и церковный хор. Я пел с первого по седьмой класс, когда меня из хора выгнали за чтение газеты в церкви во время Литургии. На левом клиросе, где стоял хор, было углубление в стенке. Там, возле ящика для нот, образовался удобный уголок, где можно было сидеть под «прикрытием» стоящих впереди басов: Гргуровича, Ламзаки, Голицына и других. Кстати, сколько мне известно, Кирилл ни до, ни после в хорах не пел.

Будучи гимназистом в Белграде, он хорошо бегал и, помню, взял первый приз на весь Белград. По этой причине его иногда называли «Лягавый».

В младших классах я пел дискантом. Со мною, помню, пел Борис Баратинский («Пигалица»), а альтом – Витька Колюбаев. Регентом был полковник Пограничный, по прозвищу «Мешок». Он больно бил по лбу камертоном «козлящих».

Когда регентом (и дирижером оркестра) стал М. Собченко, мы с охотой пели украинские песни «Солнце ныезенько...», «У Киеви на рыночку, там пив чумак горилочку...» и так далее (за украинскую транскрипцию не ручаюсь).

На Крещенье хор с батюшкой обходили все здание с освященной водой. Больше всего любили ходить на кухню. Пока большинство пело «Во Иордане», ловкачи разбирали «матрасы», которые тетка Харитина предусмотрительно оставляла на столе. «Матрасами» мы называли постные большие плоские пироги, начиненные капустой, жареные в масле.

Кадетский и институтский хор иногда выступали вместе в городском театре «Бург». Там же происходили спевки. Это было большое событие. Кадеты и институтки стояли вместе на сцене, можно было обменяться парой слов, передать письмо.

Помню случай одной институтки, которую назову Ниной, Ниночкой, а иногда Нинкой. Так вот, Нина была интересная девушка, но, как в корпусе говорилось, «воображалка». Кто-то из наших певцов-стихоплетов составил куплет на известную мелодию:

«Нинка хрюшку задрала,
Чум чара чарочка,
Думает, что всем мила,
Ай, нет!»

После одной из спевок кто-то пустил слух, будто бы у Ниночки была недомытая шея. Сразу же куплетик был продолжен:

«Нинка, шейку ты помой,
Чум чума чарочка,
Да горячею водой,
Ку-ку!»

Не помню, чьи это куплеты. Подозреваю, что это был один из обиженных «ухажеров».

17. Дорогие мои одноклассники, о корпусе можно писать и писать! Как видите, не могу остановиться. А нужно! Ведь Ванька Соболевский уже не знает, что с этим материалом делать. Но это все мелкие события, которые делают нашу молодость незабываемой. Открылся ларчик воспоминаний, и, как из рога изобилия, они хлынули и стремятся попасть на бумагу. Дал себе слово, что поставлю точку, но до этого, в «кратчайшей» форме, напомню несколько сценок нашей молодости.

После ужина и вечерних занятий, перед укладкой, сидит с гитарой Лашкарев и красивым голосом поет на весь коридор романсы. Звали мы его Лашкарь, Ушкарь и Машка. Почему Машка? Если не ошибаюсь, Лашкарю нравилась очаровательная институтка Маша Фененко. Ну, мы сразу и окрестили его Машкой.

Из дежурки выходит полковник Чудинов. Про него в «журавле» пели:

«Слово тянет и кричит,
Чудо-юдо, рыба кит».

Так вот, Чудо-юдо слегка гнусавым голосом кричит на весь коридор: «Лашкарев, не воображай, что ты Шаляпин!» Машка шипит что-то сквозь зубы и идет спать.

Корпусной доктор, генерал-майор Далматов, по прозвищу «Коновал», и один из завсегдатаев-ловчил из старших классов, кажется, Синицкий. На одном из утренних приемов в лазарете доктор был в хорошем настроении. Он все добивался у Синицкого, как его (доктора) прозвище. Синицкий все «не могу знать» да «не могу знать», а потом, видимо, ему надоело, и он громко выпалил: «Коновал». Доктор весело посмотрел на всю болящую и ловчащую братию и сказал: «А коновал-то скотинку лечит!»

На ужин снова подали бачки с макаронами в томатном соусе – мучнистую, безвкусную еду. Решили бастовать! Съели хлеб, выпили чай. Воспитатель не знает, что делать. Появляется Адам. Вызывает капитана Шеншина. Прозвище его назвать не решаюсь. При случае напомню! Он нервничает, что-то объясняет Адаму, который морщится, попробовав макароны. По-видимому,

забастовка дает результаты. После молитвы группа бастовавших забрала бачок макарон в переплетку, дверь которой выходила прямо в столовую, и съела все без остатка. Забастовка – хорошо, но ложиться спать голодным – неприятно.

Помните, как кто-то из блюда кислой капусты вытащил за хвост дохлую мышь? Вызвали заведующего кухней, капитана Герцога. Веселья и острот было много. Насколько помню, капусту съели.

Помните ежей, которые днем жили в партах, а всю ночь бегали по спальне под кроватями – тук-тук, тукутук?

А как в церкви «падали в обморок», и все бросались выносить, а дежурный офицер гнал по местам – «двоих довольно». В одном из классов была у нас в стене ниша с полками, завешенная громадной географической картой России. На полку ложился перед началом урока кадет, и его завешивали картой.

Помните шуточный рапорт дежурного по классу: «Господин преподаватель, в четвертом классе кадет по списку 25. В отпуску – все отпускные, в лазарете – все больные, налицо все остальные!» (В первые годы, когда существовали карцера, добавлялось еще: в карцерах – все карцерные. Редакция).

Встречаем на «треугольнике» перед корпусом нашего милого Тычку в его неизменном военного образца кителе (преподаватель русского языка М. А. Тычинин). Он весело с нами здоровается: «Здорово, жеребята!» Илья Жеребков обиженным тоном спрашивает, почему он нас так называет. На что Тычка отвечает: « Надо внимательней слушать. Я вам сказал: здорово же, ребята!»

Катаем после Пасхи на расстеленном в коридоре одеяле крашеные яйца. Десятки, сотни яиц. Когда яйца начинают портиться, открываем окна спальни и проводим обстрел телеграфных столбов крашеными яйцами.

Конкурс на лучшее стихотворение для всех классов и возрастов. Совсем еще маленький Валька Мантулин написал:

«Вот поднялся туман и летит аэроплан.
Летчику не видно, где горы, очевидно.
Летчик забылся, и аэроплан разбился».

Все ясно и просто! После этого некоторое время Вальку называли Аэропланом.

Из старших запомнил стихотворение Николая Кадьяна «Паук»:

«Над кроватью моей, средь широких сетей
Паутины, для мух столь опасной,
Впился в муху паук и проводит досуг
В истязании жертвы несчастной.
Как не стыдно тебе? «Так угодно судьбе,
Мне смиренно паук отвечает, -
Что же мне голодать, а потом умирать?
Нет уж, муха пускай умирает!»

Стихотворение мне понравилось, поэтому я и запомнил. Сейчас спрашиваю отца Николая, а он говорит: «Что-то не помню».

Вы, конечно, помните «дам из буфета». Они убирали столы, приносили еду, убирали со столов. Буфетная была сразу налево, после швейцарской. Самой разговорчивой была Дойла, затем брюнетка Марица, а одно время появилась слегка загадочная венгерка (блондинка) Маришка с глазами «с поволокой». Иногда на груди у нее была приколота увядающая желтая роза. Мы слышали, что старшие кадеты (10, 11, 12 выпусков) за ними «приударяли» и даже ходили в город. Прошу старших кадет подтвердить или опровергнуть! (Наши два представителя 10-го выпуска говорят, что они просто не помнят существования этих особ. Редакция).

Для нас, во всяком случае, для меня, они были источником «добавочного питания». На второй перемене уже хотелось есть. Поддерживая хорошие отношения с «девами», можно было получить кусок хлеба.

В младших классах Левка Богачов очень ловко выворачивал верхние веки, выявляя розовые обводы над глазами. Получалась, в зависимости от зрителя, страшно, противно или смешно. Он делал это на уроках, но так, чтобы не видел преподаватель. Во втором классе Богачов и Коровников сидели в правом ряду на первой парте. У меня еще есть фотография класса, снятая во время вечерних занятий, чтобы показать, как прилежно кадеты приготовляют уроки. На первом плане книга, которую читает Левка. Ясно видно заглавие «Ковбои Техаса».

Семен Николаевич Боголюбов, преподаватель природоведения, молодой и годами, и духом, живой и увлекательный. В кадетском журнале мы пели:

«В лужах ловит водолюбов
Восхищенный Боголюбов».

Вспоминаются тычинки, пестики, яйцеклетки, амебы, инфузории и так далее. Входит утром в класс и сразу весело и громко: «Какая сегодня прекрасная погода!» От него же: «Жизнь – это горение!», «Пока живем, мы горим!». А какой-то молодой циник с последней парты добавляет: «Подливай керосину!»

Помню экскурсию на Дунай на целый день, с продуктами и с ослом Ходей. На Дунае купались и встретились… с институтками, в белых шапочках и светло-голубых платьях. Прогулки в Рудольф парк весной, когда цвели фиалки. В его кабинете на стене, большими буквами:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.»

От него мы узнали о Приамурском крае, об уссурийских тиграх и о многом другом.

Помните уроки рукоделия? Да, рукоделия! Кто-то решил, что это полезно. Опять наш выпуск оказался «жертвой обстоятельств». После нашего опыта это дело, насколько знаю, прекратили. Приходила дама средних лет, приносила куски материи, которые мы сразу окрестили «портянками», иголки, нитки, пуговицы. Мы кололи себе пальцы, пришивая пуговицы и прошивая цветными нитками разные швы. Помню шов «за иголку», шов «вперед иголку». Что это значит, уже не помню. Отметок не ставили и переэкзаменовок не давали.

Вспоминаю в первой роте «рыг-союз». В седьмом классе был 16-й выпуск, а мы в шестом. Чтобы состоять в союзе, надо было уметь заглатывать воздух и в нужный момент его оглушительно изрыгать. У меня ничего не получалось. Чемпионом был один из правофланговых седьмого класса Симонов.

Помню эпическую драку кадет 16-го выпуска Севки Гончарова и Ваньки Озерова. Драка, конечно, с перерывами, продолжалась недели две. Севка – высокий интеллигент, с воображением. Ванька – невысокий, коренастый, воплощение

«народной» силы. Обычно драки допускались до «первой кровянки». После этого разнимали. В этом случае разнимать приходилось несколько раз. Как встретятся – снова дерутся. Не помню, как драку прекратили.

Вспомним преподавателей математики. 17-ый выпуск не познакомился с самыми известными Г. П. Кошицем и Данилом Даниловичем Даниловым, как его называли, «Дэ в кубе». В младших классах преподавал Чернокнижников, еще не старый, педантичный, серьезный брюнет в очках с темной оправой и в черном костюме. Фамилия необыкновенно подходила к его облику и поведению.

В старших классах – небольшого роста, худой, в очках, с седым «бобриком» и усами Носачевский. На его маковке я заметил очертания равностороннего треугольника! У него была манера перед тем, как начать вызывать к доске, молча, покручивая седые усы и опустивши голову вниз, прогуливаться по классу (затишье перед бурей). Затем громко и, казалось, неожиданно вызывать: «Господин Соболевский! Пожалуйте к доске!» От такого вежливого вызова становилось страшно. В журнале эта привычка была запечатлена так:

«Крутит ус, как польский пан,
Носачевский таракан».

Не могу не отклониться от наших общих знакомых и не вспомнить преподавателя математики в кикиндском институте, Велихова. В первом и втором классе корпуса я ездил на каникулы к бабушке в Велику Кикинду. Высокий, худой, с длинными ногами, седыми волосами и бородкой клином, Велихов сильно напоминал Дон Кихота и американского «дядюшку Сэма». Он писал стихи, охотно танцевал со своими ученицами на балах и даже умудрился передать в стихах и каламбурах математические формулы. Например:

«Объем шаров твердит, кто туп – четыре трети пи-эр-куб», или

«Пред вами конуса модель, его поверхность пи-эр-эль». И наконец:

«Кто и шутя и просто пожелает «пи» число узнать – уж знает: считайте слева направо буквы и пишите цифры: 3,14168 и так далее».

Написавши уже 41 рукописную страницу, я обратил внимание на обилие строф нашего «журавля» и других шуточных произведений кадетской «лирики». Кто эти талантливые творцы коротких, часто очень метких эпиграмм? Что мы о них знаем? Ничего! По-видимому, это продукт коллективного творчества. Миляшкевич определял пословицы и поговорки как «краткие изречения народной житейской мудрости». Назовем же эти куплеты и песенки «краткими изречениями кадетской наблюдательности и опыта кадетской жизни». Слава неведомым авторам! Они украсили нашу жизнь в корпусе и помогли нам сохранить до старости осколки воспоминаний о нашей совместной юности.

На этом ставлю точку и передаю эти страницы в умелые руки нашего Володи Соболевского. Как в Югославии до войны говорили: «Жалостна му майка!» Что он будет делать со всем этим материалом?

Ванька, не дрейфь! Обнимаю.
Твой Бобка Боголюбов.

Ванька, я снова нарушил обещание прекратить «эту писанину». Вспомнил еще одну песню, которую мы пели:

«Что за песни, ай да песни распевает наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни, так не спеть тебе, француз.

Припев:

Золотые, удалые, не немецкие, не немецкие
Песни русские лихие, молодецкие.

Как затянет, как зальется православный наш народ,
И откуда что берется, прямо к сердцу так и льнет. (Припев)

Запоет про сине море и про матушку-реку,
Про кручинушку, про горе, про сердечную тоску. (Припев)

Как затянет «Эй, малина», «Не шуми, зеленый бор» -
Это сказка исполина, Волги-матушки простор». (Припев)

Ну вот, дальше идти некуда! Кончился блокнот.
Твой Бобка Боголюбов.»

Димитрий Иванов

XIX-й ВЫПУСК

В середине сентября 1931 года мамы привезли своих малышей в Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский корпус, в город Белая Церковь (Югославия), в 120 километрах на восток от Белграда, на границе с Румынией.

Все вновь поступающие в 1-й класс предварительно должны были сдавать вступительные экзамены и также пройти медицинский осмотр.

1-й класс в корпусе приравнивался к 1-му классу гимназии, согласно образовательной системе югославянских учебных заведений. Нам всем было по 10 или 11 лет.

Отдавали этих «маменькиных сынков» в корпус не для того, чтобы избавиться от «проказников», а для того, чтобы они получили чисто русское, без всякой примеси, национальное образование и с военной дисциплиной воспитание.

Таким образом, мы с юных лет воспринимали дух и традиции дореволюционной России, которой мы не знали, так как почти все уже родились за пределами нашей родины, главным образом в Королевстве СХС (Сербов, Хорватов и Словенцев), переименованное в Королевство Югославия в 1929 году. Поступило нас в очередной по счету XIX-й выпуск – 24, из которых только шестеро окончили все 8 классов без задержек.

К этому необходимо добавить, что в сентябре 1933 года произошло соединение с Донским Императора Александра Третьим Кадетским корпусом, который находился в городе Горадже (Босния), с переводом его в Белую Церковь. С тех пор Донской корпус прекратил свое существование на чужбине, вплоть до его возрождения в 90-х годах, но уже у себя на родине, в Новочеркасске.

Соединение произошло довольно гладко, без особых потрясений, особенно в младших классах. И наш XIX-й выпуск увеличился почти вдвое, обогатившись новыми талантами.

В основном мы разделяли общие идеи, и потому нам легко было сплотиться в одну единую семью. Среди этой группы донцов (50-го выпуска) 10 прошли все 8 лет без остановок. С годами в наш выпуск поступали «перебежчики» из старших выпусков, некото-

рые «отставали», другие не выдерживали темп корпусной жизни и уходили в гимназию, а иные, не удовлетворенные гимназией, переходили в корпус.

В конечном итоге, наш дружный кружок дошел до победного конца, то есть до окончания Кадетского корпуса, получив аттестат зрелости с правом поступления в высшие учебные заведения. Каждый выпуск, в той или иной мере, оставлял свой отпечаток в жизни Кадетского корпуса. Главное отличие XIX выпуска заключалось в том, что он снова ввел в жизнь корпуса «традиции», которые временно были изъяты из жизни кадет из-за внутрикадетских перемен, вызванных соединением корпусов, а частично из-за того, что наши педагоги считали, что мы – кадеты – посягали на их авторитет и уменьшали их воспитательное влияние. Несомненно, было некоторое непослушание и своеволие, но не выходящее из рамок. Но в то же самое время увеличивалась внутренняя дисциплина, дружба, уважение к старшим и покровительство младшим.

Во всем же остальном наш славный XIX выпуск был таким же славным, как и все другие выпуски. Дружба, товарищество стояли на высоте, проказы были безвредными.

Среди нас были и выдающиеся шахматисты, музыканты, гимнасты, артисты, футболисты, художники, зубрилы, ухажеры, столяры, переплетчики, фотографы, танцоры, ловчилы, забияки, шпаргалисты, подсказчики, природоведы, остряки, обжоры, строевики, философы, чемпионы пинг-понга, церковные прислужники, запевалы и так далее.

Необходимо добавить, что XIX выпуск, кажется, единственный выпуск в истории корпуса, который умудрился за все 8 лет не получить ни одного приза (переходящего) на годовых состязаниях в пении между классами, так как постоянно теряли лучших певцов, оставляя их последующим выпускам. Но зато он отличался проникновенным пением панихиды на вечерних занятиях, конечно, при отсутствии воспитателя.

После 2-ой Мировой войны выпускники разбрелись по разным странам: Австрия, Германия, Франция, Канада, США, Венесуэла, Россия и несколько осталось в Югославии. К сожалению, большинство уже покинуло нашу грешную землю – царство им небесное:

Бендорович Георгий – умер в Югославии (1995)

Зимовнов Виктор – умер в Австрии (1951)

Лобов Олег – умер в Венесуэле (1996)

Нещерет Алексей – погиб во время войны в Югославии

Образ Роман – умер в Загребе, Хорватия (1998)

Полиевктов Владимир – умер в России (1986)

Сцепуржинский Феодор – умер во Франции (1999)

Попов Алексей – погиб во время войны в Югославии (1944)

Самофалов Константин – умер в Югославии (1995)

Фомин Борис – умер в России (1990)

Фостиков Юрий – погиб во время войны в Югославии

Цынамзгваров Игорь – умер после войны в Югославии

Чипиженко Мирослав – умер в России (1991)

Ященко Борис – погиб во время войны в России (1941)

Высоцкий Всеволод – пропал без вести в Югославии после войны

Просяниченко Владимир – пропал без вести во Франции в 1950

Ратнов Александр – пропал без вести в Германии в 1952.

Ныне здравствующие:

Жедилягин Георгий – Франция

Иванов Димитрий – Канада

Иодчин Феодор – Франция

Китайсков Владимир – Россия

Лашкарев Александр – США

Липовский Севир – Канада

Мантулин Валентин – США

Муравьев Сергей – США

Помимо общей характеристики кадет X1X выпуска, можно упомянуть краткие сведения о каждом в отдельности в алфавитном порядке.

1. Бенедиктов Георгий после немецкого плена вернулся в Югославию, стал учителем и достиг положения директора гимназии. Был женат, имел двух дочерей. Умер в Земуне в 1995 году.

2. Высоцкий Всеволод после войны некоторое время работал шофером на грузовиках, а затем пропал без вести. Были слухи, что он был отправлен в СССР.

3. Жедилягин Георгий во время войны, в кадрах НТС, был в Советской России. После войны жил в Марокко, Швейцарии и

окончательно обосновался в Париже, в качестве предпринимателя. Женат, имеет детей. В данное время находится в старческом доме.

4. Зимовнов Виктор, выдающийся шахматист, скончался в Австрии в 1951 году.

5. Иванов Димитрий, после немецкого плена очутившись в Париже, окончил чертежные курсы по железобетону. В 1950 году уехал в Канаду в город Виннипег, где проработал в одной фирме 38 лет, став пайщиком. В течение 21 года является старостой прихода. Женат, имеет двух дочерей.

6. Иодчин Феодор после немецкого плена попал в Париж, устроился в провинции по керамике, где достиг положения директора продукции. Женат, имеет двух сыновей и двух дочерей.

7. Китайсков Владимир во время войны, в кадрах НТС, был в СССР. После войны отсидел десять лет в лагерях. Недавно был реабилитирован. Стал механиком. Женат, имеет одного сына. Проживает в Курске. Активно принимает участие в возрождении кадетских корпусов.

8. Лашкарев Александр после войны обосновался в Калифорнии (США), сделал музыкальную карьеру, женат.

9. Липковский Севир уехал из Югославии в 1951 году в Канаду и окончательно обосновался в городе Виннипеге. Работал как инженер-строитель. Последние годы, до выхода на пенсию, занимал должность главного инспектора при городском управлении. Женат, имеет одного сына.

10. Лебов Олег после войны уехал в Венесуэлу, где все годы работал бухгалтером, до своей кончины в 1996 году в Каракасе. Был женат, имел сына и дочь.

11. Мантулин Валентин после войны обосновался в США (штат Нью-Йорк). На одной из работ имел аварию, после которой поступил в Колумбийский университет (экономика). Работал в коммерческом предприятии до выхода на пенсию. Женат, имеет сына.

12. Муравьев Сергей после немецкого плена попал в Париж, откуда в 1951 году перебрался в Канаду, а затем в США, где очень удачно и умело открыл свое дело по производству частей, им изобретенных, в электронной индустрии. Проживает в штате Нью-Джерси. Женат, имеет четырех сыновей. В данное время является председателем Нью-Йоркского кадетского объединения.

13. Нещерет Алексей погиб в Югославии во время войны.

14. Образ Роман после немецкого плена вернулся в Югославию, где окончил коммерческий факультет. С годами стал профессором Загребского университета. Был женат, имел дочь. Скончался в Загребе в 1998 году.

15. Полиевктов Владимир в 1950-х годах был выслан из Югославии в Венгрию, а затем в СССР. В Москве работал переводчиком и спортивным комментатором. Был женат, имел дочь. Умер в Москве в 1986 году.

16. Попов Алексей погиб в Югославии во время войны в 1944 году. Был «генералом» XIX-го выпуска.

17. Просяниченко Владимир во время войны работал в организации ТОД, перебежал к французским партизанам. По окончании войны жил в Париже (в одном здании с Д. Ивановым). Занимался коммерцией и в 1950 году пропал без вести.

18. Ратнов Александр после немецкого плена вернулся в Югославию. Работал у «Путника» (туристическое бюро). В 1950 году бежал в Германию, где пропал без вести в 1952 году.

19. Самофалов Константин после войны окончил ветеринарный факультет в Югославии, работал в провинции, а затем в Белграде, где и умер в 1995 году. Был женат, имел сына и дочь.

20. Сцепуржинский Феодор после немецкого плена и концентрационного лагеря в Бухенвальде попал в Париж. Работал чертежником по стальным конструкциям, а затем инспектором Эйфелевой башни. Был женат, имел сына и двух дочерей. Умер в 1999 году.

21. Фомин Борис во время войны, с НТС, попал в СССР. Умер в Свердловске в 1990 году.

22. Фостиков Георгий погиб в Югославии во время войны.

23. Цынамзгваров Игорь умер в Югославии после войны.

24. Чипиженко Мирослав во время войны, с НТС, попал в СССР. Отсидел 10 лет в лагерях, где встретился с В. Китайсковым. Умер в России в 1991 году.

25. Ященко Борис, вице-фельдфебель выпуска. Погиб в 1941 году на восточном фронте.

Примечание: во время 16-го очередного и 1-го съезда в России кадет Российских Кадетских корпусов за рубежом, который продолжался от 29 августа по 12 сентября 1998 года в Санкт-Петербурге и Москве, больше всего было представителей XIX-го выпуска – 5 человек.

А. Д. Солохин

РУССКИМ ПАТРИОТАМ

Мы победим. Мы уже победили:
Мы удержали из прошлого нить.
Значит, и с будущим связь сохранили,
Значит, нас будет Всевышний хранить!

Бесы сильны, но всегда одиноки,
Даже тогда, когда их легионы.
Им неподвластны ни цели, ни сроки,
А Русь бесконечна в потоке времен.

Нас не обманет мираж пентаграммы
Вихрем нечистых и лживых свобод;
Мы разнозвучны, как нотные гаммы,
В цельной симфонии: «Бог, Царь и Народ»!

Е. П. Исаков

О НАШЕМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОПЫТЕ

(Предисловие из книги «Уже пройденный путь. Педагогические этюды.»)

Краткая историческая справка о кадетских корпусах Российской Империи

Французское слово cadet принято переводить как «младший». Однако оно само, по утверждению И. Н. Андрушкевича, воспитанника 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Югославии и бесспорного авторитета в истории кадетских корпусов, образовано французами от латинского capitellum («маленький капитан», «маленький глава») через уменьшительное на гасконском наречии capdet того же значения. То есть точный смысл, вложенный французами в слово cadet, – «маленький, будущий возглавитель».

В музее «Дорогой Корпус», созданном в Париже воспитанником 2-го Императора Николая I кадетского корпуса, полковником артиллерии Борисом Дмитриевичем Приходкиным, хранилась гравюра, которая воспроизводит документ 1682 года, свидетельствующий об учреждении Людовиком XIV первых кадетских рот: *«Во время стольких славных кампаний король, учитывая необходимость располагать многими офицерами, основал во многих местах своего королевства роты молодых людей – сыновей дворян или людей дворянского сословия, – которым дал имя* ***кадет****. Их обучали всем военным упражнениям. Когда их считали пригодными для командования, их назначали офицерами в армию. Эти роты, так же, как и другие школы, в которых обучали военному искусству, постоянно поставляли очень хороших подданных».*

Французский опыт объединения таких «будущих возглавителей» в роты или специальные школы для военной подготовки в XVIII веке был востребован другими европейскими странами, в

числе которых была и Россия, к тому времени забывшая, однако, что за триста лет до этого на Руси существовали *полки дворянских детей*, которые, в качестве вспомогательных частей, даже принимали участие в военных действиях. Не справедливее ли именно их считать прямыми отечественными предшественниками *русских кадетских корпусов?*

Следует особо подчеркнуть, что слово «кадет» из русского *воинского лексикона* нельзя путать с омонимом, образованным в нашем *историко-политическом словаре* из сокращенных до одной первой буквы слов «конституционный» и «демократ» – КД. Звучит «кадэ» почти точно так же, как по-французски cadet. По своей привычке приводить все заимствованное к нашему удобству, мы чисто военное французское слово стали произносить по-русски – «кадет». Но и милюковцы сделали то же – только прибавив в окончании родительного падежа множественного числа лишнюю фонему. Ожеговский Словарь русского языка для этих омонимов утверждает как норму различные формы в родительном и винительном падежах множественного числа: кадеты [Псковского корпуса] – [нет, не обижу] кадет; кадеты [– противники Самодержавия] – [нет, не люблю] кадетов. Короче: нарушение этой нормы в отношении молодой военной поросли [на балу было много кадетов] режет слух как, во-первых, элементарная безграмотность и, во-вторых, социально-политическая несправедливость.

Кадетские корпуса России, в отличие от подобных же учебных заведений в европейских странах, были теми школами, в которых подготовка (образование) *слуг Отечества* строилась на основе всесторонне-целостного (духовно-нравственного, физического, воинского) воспитания юношества. Более чем 200-летняя история Российских «кадетских монастырей» свидетельствует, что их воспитанников, в каком бы качестве они ни служили Государству, всегда отличала истинная доблесть, которая, как известно, есть высшая добродетель. Поэтому они были «ко двору» в любом виде общественной деятельности. По памяти называю выдающихся: в военном искусстве – фельдмаршал граф Петр Румянцев Задунайский (Сухопутного шляхетского кадетского корпуса), фельдмаршал светлейший князь Михаил Кутузов Смоленский (Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса), генерал от инфантерии Михаил Драгомиров (Дворянского Полка); в

искусстве флотоводческом – все великие подряд: адмиралы Федор Ушаков, Дмитрий Сенявин, Михаил Лазарев, Павел Нахимов, Владимир Корнилов (Морского корпуса); в государственном управлении – генерал от инфантерии граф Николай Муравьев Амурский, в 1879 – 80 гг. военный министр Болгарии Петр Паренсов (оба – Пажеского корпуса); в служении Отечеству через служение Богу – наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Леонид (кадет 1-го Московского корпуса Лев Кавелин), Святой Чудотворец Святитель Иоанн (в юности кадет Петровского Полтавского кадетского корпуса Максимович); в мореплавании – адмиралы Иван Крузенштерн, Фаддей Беллинсгаузен, капитан 1-го ранга Юрий Лисянский (все Морского корпуса), капитан 1-го ранга Отто Коцебу (1-го кадетского корпуса); в землепроходстве – исследователь Китая, Тибета, Монголии Григорий Потанин, казахский этнограф, фольклорист и художник Чокан Валиханов (оба – Сибирского корпуса), исследователь Аральского моря контр-адмирал Алексей Бутаков (Морского корпуса); в воздухоплавании и авиации – аэронавт генерал-лейтенант Александр Кованько (2-го корпуса), штабс-капитан Петр Нестеров (Нижегородского Аракчеевского); в науке и изобретательстве – автор гидравлической теории расчета пламенных печей академик-металлург Владимир Грум-Гржимайло (Александровского корпуса), академик-археолог и врач Владимир Иконников (Владимирского Киевского), академик-метеоролог Михаил Рыкачев (Морского), изобретатель и востоковед, член-корреспондент Академии Наук Павел Шиллинг (1-го кадетского корпуса), конструктор первого самолета контр-адмирал Александр Можайский (Морского корпуса), конструктор 3-линейной русской винтовки полковник Сергей Мосин (Михайловского Воронежского); в словесности – Кондратий Рылеев (1-го кадетского корпуса), Владимир Даль и Константин Станюкович (Морского), Семен Надсон (2-го корпуса), библиограф и литературный критик Сергей Минцлов (Нижегородского графа Аракчеева); в журналистике – редактор журнала «Голос минувшего» Василий Семевский и его брат, редактор журнала «Русская старина», Михаил Семевский (оба – Полоцкого корпуса), издатель газеты «Новое время» и журнала «Исторический вестник», журналист и драматург Алексей Суворин (Михайловского Воронежского); в изобразительном

искусстве – художники Павел Федотов (1-го кадетского корпуса), Александр Киселев (2-го), Василий Верещагин (Александровского); в музыке – композиторы Николай Римский-Корсаков (Морского корпуса), Александр Скрябин (2-го Московского)…

Ко времени восшествия на престол Петра I Россия в своем развитии отставала от Запада на многие десятилетия. Более чем двухвековая борьба с монголо-татарским владычеством над русскими землями, ликвидация удельного местничества и собирание этих земель под единую кровлю самодержавия, непрерывные войны за независимость от северных, западных и южных соседей и за выход к морю – все это потребовало такого напряжения сил, какого никогда не испытывала ни одна из европейских стран. Шансов на развитие науки, техники, светских искусств, в том числе и военного, у нашего небесталанного народа в допетровский период почти не было.

Молодой Царь, чей гений имел своеобразный, то есть истинно русский характер, решительно вздыбив Россию, повернул ее на дорогу ученичества у Европы. *«В основной задаче своей, – писал русский социолог Л. А. Тихомиров, – Петр Великий был, безусловно, прав… Он понял, что как монарх, как носитель царского долга имел обязанность бестрепетно взять на свои плечи тяжкую ношу: привести Россию возможно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры. Это составляло для России вопрос «быть или не быть». Страшно даже подумать, что было бы, если бы мы не сравнялись с Европою до конца XVIII века. Мы и при Петровской реформе попали в доселе длящуюся кабалу к иностранцам, но без этой реформы, конечно, утратили бы национальное существование, если бы дожили в варварском бессилии своем до Фридрихов Великих, Французской революции и эпохи экономического завоевания Европою всего мира.*

Петр был прав и в своих насильственных мерах. Россия настолько отставала от всех, что ***добровольно*** *она была не в состоянии догнать народы, которые она заслонила собой от татарского нашествия. И Петр заслужил вечную благодарность отечества за то, что употребил весь свой царский авторитет и власть, чтобы создать жесточайшую диктатуру, закабалить всю нацию на службе целям*

государства и ***силой*** *двинуть страну вперед. Другого пути для спасения России не было».*

Закрепостив не только крестьян, но и все другие сословия, в том числе дворянство, наш великий Реформатор создал жесткую систему обязательных и пожизненных повинностей. На основе этой системы он и проводил все реформы. Естественно, военная оказалась в ряду первых: Государь наверное знал, что его и всех россиян Отечеству не существовать без Армии и Флота, отвечающих требованиям времени.

Для начала он разогнал всех своих «янычар» – стрельцов и наемных рейтар. У Царя осталось всего лишь четыре полка: бывшие «потешные» Преображенский и Семеновский и оба солдатских «выборных», созданных по европейскому образцу еще при Алексее Михайловича, в 1642 году, – Перво-Московский и Бутырский. Тут же, в 1699 году, Петр провел первый рекрутский набор 32000 «даточных» – молодых и здоровых людей, избранных крестьянскими общинами для пожизненной службы в войске.

По достижении 16 лет от роду каждый дворянский недоросль, так называемый новик, в присутствии специальной комиссии подвергался экзамену на грамотность и познания в цифири. Две трети выдержавших такое испытание шли на военную службу, одна треть – на гражданскую. (Неудачники «писались солдатами без выслуги» – ведь от службы не освобождался никто.) Вот из этих-то грамотных новиков и готовились русские офицеры: для пешего строя – в Преображенском и Семеновском полках, для кавалерии – в лейб-регименте, которым сначала был Санкт-Петербургский драгунский полк, а потом драгунский же Кроншлотский. Кандидаты на офицерский чин служили солдатами, участвуя и в сражениях. Сама служба выбирала достойных командирской стези.

Одновременно на русскую военную службу, с большими против русских преимуществами в смысле денежного жалования, было принято много иноземцев. Так что первое время большая часть высших и значительная часть средних командных должностей замещались ими. Наемники плохо приживались на нашей почве. Не знающие ни условий, ни обычаев, ни традиций, ни языка, они, в своем большинстве, презирали русских сослуживцев и высокомерно третировали подчиненных. Русаки платили им дружной ненавистью. Если в мирное время такие взаимо-

отношения были еще терпимы, то в боевой обстановке они грозили бедой. Яркий пример – Нарва.

Осада крепости затянулась, и осаждающие стали испытывать большие лишения, нежели осажденные. Петр отбыл из армии в Москву наладить продовольственную часть. Тем временем, 19 ноября, к крепости подошел Карл XII. Шведов было в пять раз меньше, чем русских – всего 8000 при 37 орудиях. Сильная метель скрыла их приближение к русской позиции, и первая атака стала неожиданной. Однако она была отражена. Но тут беспричинно вспыхнула паника в коннице Шереметева – она обратилась в бегство. По всему лагерю пронесся крик «Немцы изменили!». Солдаты принялись избивать иноземных офицеров.

Гарнизон Нарвы под командованием энергичного генерала Горна, в свою очередь, предпринял вылазку. Но после нее, при втором натиске шведов, все побежало. Дивизии Трубецкого и Вейде положили оружие сразу, дивизия Головина, в которую входили петровские Преображенский и Семеновский полки, – после упорного сопротивления (за что сохранила знамена и ружья). Герцог де Сен-Круа, французский гугенот-наемник, командовавший армией, поспешил вручить свою шпагу победителю. Его примеру последовали почти все начальники из иноземцев.

Русское войско сдало шведам всю свою артиллерию, знамена и оставило пленными всех генералов. Остальных Карл, не считая «этих мужиков» опасными для себя, отпустил их, чтобы... встретиться с ними потом, под Полтавой.

Теперь относительно подготовки офицеров для артиллерии, инженерных частей и флота. Еще в 1696 году Государь отправил за границу около 70 отпрысков знатных и богатых фамилий для изучения военных и морских наук. Казна была пуста, и пришлось посылать тех, кто мог сам содержать себя и нести значительную часть расходов по обучению. Опыт оказался неудачным. Молодые люди с тугими кошельками изучали больше светские манеры и танцы. Вернувшись в 1699 году домой, они, за исключением четверых, на царском экзамене провалились. Лентяи были биты и отданы в солдаты.

Стало ясно, что нужны свои специальные военные школы. Первой, в том же 1699 году, учреждается артиллерийская – при бомбардирской роте Преображенского полка. Начальниками и

учителями в ней стали те офицеры и сержанты, которые учились артиллерийскому делу под наблюдением самого Петра опять-таки за границей, будучи взятыми Царем в путешествие по Европе в 1698 году.

В 1701 году настает очередь школы военно-морской. 14 января 1701 года Царь Московский и Всея Руси Петр Алексеевич издал Высочайший указ, главным положением которого были вот эти слова: *«На славу всеславного имени всемудрейшаго Бога и своего Богосодержимаго храбро-премудрейшаго царствования, во избаву же и пользу православнаго христианства быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению»*. Так было положено начало первому в России светскому учебному заведению, которое в истории сохраняется с именем московской Навигацкой школы. Этим же указом были назначены и первые наставники школяров: *«Во учителях же тех наук быть Англинския земли урожденным: математической – Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой – Степану Гвыну да Рыцарю Грызу»*.

Сначала Школа располагалась в Кадашевской слободе Замоскворечья, занимая большую полотняную мастерскую. Через пять месяцев, 23 июня 1701 года, Государь отводит навигаторам Сухареву башню со всеми принадлежавшими ей постройками и землею – *«пристойное и высокое место, где можно горизонт видеть, сделать обсерваторию и чертежи в светлых покоях»*. Комплект учеников увеличили до 500 человек.

В Школу принимали дворянских недорослей в возрасте от 12 до 17 лет – как «добровольно хотящих» учиться, так и «воспринуждением». Неимущие учились за счет казны. Одним из поощрительных к учению средств было «прокормление поденным кормом»: отличавшимся в науках казеннокоштным школярам выдавали по пяти алтын* в день, остальным по гривне**, а то и меньше. Бедным ученикам опять-таки за счет казны шили кафтан, камзол и брюки, приобретали чулки, башмаки и шляпу. платье было западного образца – французского или голландского.

Часть воспитанников жили в Школе, другие, побогаче или семейные (были и такие школяры), в наемных квартирах. Дисциплина соответствовала нравам того времени. За провинности наказывали строго. За неявки на занятия, «нети», накладывался денежный штраф. Если же учащийся оказывался в

* 15 копеек
** 10 копеек

отношении наук безнадежным, его отдавали в матросы или солдаты.

В Школе учили арифметике, геометрии, тригонометрии, навигации плоской, навигации меркаторской (т. е. пользованию картами цилиндрической равноугольной проекции. – Авт.), сферике, астрономии, математической географии и ведению шканечного вахтенного журнала. Геодезию изучали не все.

Дьяк Оружейной палаты Курбатов, который нес ответственность перед Государем за состояние дел в Навигацкой школе, свидетельствовал, что учат в ней «чиновно» – неплохо, значит. Но заслуга в такой оценке принадлежала не столько иностранным «специалистам», сколько молодому русскому математику Леонтию Филипповичу Магницкому, назначенному в Школу преподавателем по рекомендации самого же Курбатова. Магницкий составил первые русские учебники по арифметике, навигации и морской астрономии, по которым и учились будущие моряки. Но самое главное – Магницкий, этот «сущий христианин и добросовестный человек», всегда находился при учащихся и не давал срываться занятиям, когда англичане основательно загуливали или, по привычке долго спать, опаздывали на службу. Да и то сказать: знающим свое дело Курбатов считал только Фарварсона, а про Грыза и Гвына он отзывался так: «Хотя и навигаторами написаны, но до Леонтия наукой не дошли».

Определенного срока обучения в Навигацкой школе не было. Выпускали «по готовности к делу». Фарварсон подавал в Оружейную палату некий список, Курбатов докладывал об этом генерал-адмиралу флота графу Ф. М. Апраксину, и тот приезжал производить представленным в списке школярам испытательный смотр. Действительно подготовленные к морской практике посылались «за море» – в Голландию или Англию. Других отправляли в наземную артиллерию – по способности. Третьих оставляли в Школе поучиться еще. Наконец, были среди экзаменовавшихся и такие, кого приходилось гнать в солдаты. Особенно пристрастными оказывались выпускные смотры, которые проводил, иногда, сам Царь.

Посылаемые «за море» получали наказ-предостережение: неучам на родину возвращения не будет. И вот русские моряки-стажеры ходили на голландских или английских кораблях по

шесть и даже по девять лет. Зато и практику получали знатную. Когда, по возвращении домой, они держали экзамен у самого Царя, провалов было мало. В крайнем случае, те, кто немного «заплывал» и не получал производства в поручики или подпоручики, зачислялись на флот шкиперами, боцманматами, подштурманами и офицерский чин приобретали позже.

С 1712 года стажеров стали посылать и на Балтийский флот, строительство главных сил которого (около 20 парусных кораблей и более 100 галер) уже подходило к концу. Так что в знаменитом морском сражении при Гангуте 27 июля 1714 года, когда русский флот разбил превосходящие силы шведов, участвовали и питомцы Навигацкой школы…

В 1716 году Петр повелел перевести старший класс Школы в Петербург, поближе к морю. В новой столице этот класс был расширен до 300 человек и стал называться Морской Академией (Академией Морской Гвардии). В этом военно-морском учебном заведении к наукам, изучавшимся в Москве, прибавились артиллерия, фортификация, устройство корабельного корпуса и такелажа, ружейные приемы и рисование. (Учили танцам – того, кто захочет, и только «для простуры».) Выпускников, успешно окончивших курс обучения в Академии, ждало производство в чин корабельного гардемарина.

Фархварсон от директорства был отставлен, и первым возглавителем Морской Академии стал французский барон Сент-Илер. Однако этот иноземец больше занимался личными негоциантскими делами, и Петр указал ему на порог – «чтобы отдал взятое жалование и убирался из сей земли». Вместо француза Государь назначил графа А. А. Матвеева.

Младшие классы Навигацкой школы, оставшиеся под началом Л. Ф. Магницкого в Москве, стали приготовительным для Морской Академии учебным заведением. В то же время они готовили техников-геодезистов, которые много потом потрудились над описью России. Исключительной была и заслуга Школы в организации начального образования в стране. В 1715 году Государь приказал отобрать из школяров наиболее «добрых и охочих» людей и послать их в качестве учителей в крупные города. Через год в России было открыто 12 «цыферных», «навигацких» и «адмиралтейских» школ, а к 1722 году к ним прибавилось еще 20.

Главное: рабочим итогом существования военно-морских

учебных заведений России в течение первого двадцатилетия было то, что большинство командных должностей на флоте занимали уже не иностранцы, а русские люди. В связи с этим в январе 1721 года последовал указ Правительствующему Сенату, запрещающий принимать на флотскую службу иноземцев.

Становление военно-учебных заведений для подготовки офицеров-артиллеристов и инженеров тоже не шло гладко. Началось оно с создания в 1712 году московской Инженерной школы. В указе Сенату Петр предписал набрать 100 – 150 учеников и для обучения их «цыфири подыскать мастера из русских или же посылать на башню. По окончании арифметики, учить их геометрии, насколько нужно для инженерства, а потом отдавать инженеру учиться фортификации». В 1719 году под началом полковника Кулона основывается Инженерная школа и в Петербурге. Инженеров-москвичей переводят в новую столицу, и они вливаются во вновь созданное учебное заведение.

Режим у будущих военных инженеров был установлен очень строгий. Ученики находились на солдатском положении, несли караулы. Средств отпускалось мало, одежду выдавали на один-два года. Все науки преподавал один учитель. Ему помогали лучшие из старших учеников. Регулярных выпусков тоже не производилось – выход из Школы зависел от успехов в учении. К тому же, каждый инженер, посылавшийся на работу в разные места Империи, требовал себе в помощь воспитанников де Кулона, и тем приходилось проводить в таких экспедициях многие и многие месяцы, а то и годы. Окончившие в Школе курс обучения выходили кондукторами в инженерные команды или сержантами и капралами в Минерную роту.

Что касается артиллерийских наук, то регулярное обучение им претендентов на офицерский патент следует относить тоже к 1712 году, когда двумя указами Сенату было повелено набрать 20 дворянских недорослей и отдать их в Москве генерал-майору от артиллерии Гинтеру в бомбардирскую науку. Через 10 лет (13 марта 1722 года) Артиллерийская школа учреждается и в Петербурге – при Лабораторном Доме. Часть ее учеников прикомандировывается к Инженерной – для обучения «инженерству и артиллерийским чертежам».

Рассматривая подготовку командных кадров для Армии и Флота в царствование Петра Великого, мы должны иметь в виду,

что на долю России за всю первую четверть XVIII столетия выпало лишь два мирных года. Так что практическими навыками по своей специальности будущие офицеры овладевали чаще всего в боевой обстановке. В огне 20-летней Северной войны из воспитанников Гвардии и первых в России военно-учебных заведений сформировался тот национальный офицерский корпус, который и выковал бесподобные полки и корабельные экипажи, своей доблестью и стойкостью вызывавшие удивление и зависть всей Европы. Петр, как никто другой из современных с ним монархов, понял непреходящую роль, какую призван играть в войске офицер-профессионал.

К сожалению, при ближайших преемниках Петра I военное дело пришло в упадок. До него ли было, если вся энергия молодой Империи впустую тратилась в ходе борьбы за власть между различными временщиками и их партиями, если само самодержавие сводилось на нет? Внешней политики, можно сказать, не существовало вообще. Внутренняя определялась усобицами. На страну надвигалась гроза новой смуты.

Армия, хотя и в ней порядка был мало (войска наряжались на вольные работы, солдаты массами рассылались для прислуживания), еще как-то держалась. Флот же пришел в полное запустение. Еле-еле теплилась жизнь и в основанных Петром военных школах. Они влачили жалкое существование. Ученики голодали, ходили в рваной одежде, часто – вовсе без башмаков.

В 1730 году на Российский Престол вступила Анна Иоанновна, племянница Петра. Вынужденно она приняла так называемые «кондиции» временщиков – требование соблюдения условий, по которым самодержавная власть ограничивалась до крайнего предела. В России устанавливалась, по сути, олигархия. И вот тут Государь Петр Алексеевич оказал России свою посмертную услугу. Вполне определенно проявил себя государственнический инстинкт воспитанного им офицерского корпуса. Тогда еще не была придумана ложь об «аполитичности армии», и Анна Иоанновна, опираясь на политически сознательное офицерство, разорвала «кондиции» вельможных босяков.

Правление Анны в нашем сознании связывается с засилием немцев во главе с Бироном. Да, этот курляндец был всемогущ. Но он укрепил самодержавие, почти упавшее стараниями А. Д. Меншикова и его соумышленниками по Тайному Совету. Да,

делами обороны заправлял другой немец – Иоганн Бургард Миних. Это он ввел в Армии германские порядки, расплодил канцелярщину, напялил на всех служивых парики с косами, внедрил наказание шомполами. Это он жестко требовал от воинских частей «самоокупаемости», заставлял учить нижних чинов различным ремеслам – чтобы солдаты с толком занимались отхожими промыслами. Это он донял войска караульной службой и исполнением полицейских обязанностей. Дело дошло даже до того, что русский солдат охранял в кунсткамере слона. Однако, с другой стороны, тот же Миних, этот ветеран Северной войны, поседевший на русской службе, сроднился с Россией и понимал ее интересы. Генерал-фельдмаршал поставил заслон от проникновения в Армию чужеземных проходимцев (на службу принимались лишь те из иностранцев, кто мог подтвердить свою офицерскую карьеру «в знатных европейских армиях»). Граф упразднил привилегии наемников, уравняв их жалование с жалованием русских офицеров.

Как бы там ни было, с именем Миниха да еще генерал-прокурора Сената графа П. И. Ягужинского связано учреждение в Петербурге военно-учебного заведения нового типа. По их совету и проекту 29 июля 1731 года Императрица подписала указ о создании «Корпуса Кадетов Шляхетных Детей» по образцу **кадетских корпусов**, существовавших в Пруссии и Дании. Одновременно с указом Государыня рассылает по городам приглашение дворянству привозить своих недорослей в Петербург для определения их в открывающееся учебное заведение.

К 17 февраля 1732 года в столицу, в бывший дворец светлейшего, но уже опального князя Меншикова на Васильевском острове съехалось 56 подростков. Их одели в зеленый камзол с супервестом поверх, лосины и ботфорты (в конной роте со шпорами), вооружили палашами на портупеях и карабинами на перевязи, и занятия начались. С этого события (впоследствии оно ежегодно отмечалось как Корпусной Праздник), можно считать, и начинается история новой формы воспитания русской военной молодежи для служения Богу, Царю и Отечеству в офицерских чинах. И хотя сама-то форма заимствована у Запада, ее содержание, по нашей привычке все переделывать на свой лад, менее чем через сто лет оказалось настолько национальным, что о каком-либо заимствовании уже просто и не вспоминалось. А

сначала дух был явно прусацкий. По складу ума все-таки немец, Миних, поставленный и во главе Корпуса, до мелочей скопировал устав берлинского образца – с той же зубрежкой, с той же муштрой, с теми же фухтелями. От немецкой казармы не отличишь. И если отсюда в 1740 году вышел в службу великий русский полководец (генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский), то это никак не следствие прусских казарменных порядков. Военный гений Румянцева сквозь муштру пробился. Но кто посчитает, сколько талантов было задушено ею?

С воцарением Елизаветы Петровны обстановка в Корпусе изменилась. Но, как часто у нас бывает, «палку перегнули». Не стало муштры, зато всячески, даже в ущерб военным занятиям, поощрялось увлечение кадет изящной словесностью и искусствами. В елизаветинское время Сухопутный Шляхетский кадетский корпус (так он был переименован Императрицей) славился как поставщик поэтов и актеров ко Двору Ее Императорского Величества. Именно здесь, в Корпусе, возникло первое в России Общество любителей российской словесности. Когда в 1755 году Российская Академия Наук начала издание журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», в состав его сотрудников сразу же вошли кадеты Александр Сумароков (впоследствии знаменитый драматург и директор придворного театра), Иван Елагин (в будущем масон и писатель, член Академии Наук), Михаил Херасков (поэт, видный представитель русского классицизма), Семен Порошин (будущий воспитатель Великого Князя Павла Петровича) и еще несколько человек. Они в изобилии поставляли журналу стихи, которыми значительно оживлялись страницы с сухими историческими, часто переведенными с других языков трактатами.

В Кадетском корпусе воспитаны и многие театральные деятели. Среди них, например, – великий актер, режиссер и действительный член Академии Иван Дмитриевский. Императрица Елизавета Петровна, большая любительница поразвлечься, благоволила юным артистам и часто бывала у них на репетициях. Она даже лично одевала к спектаклям кадет, игравших женские роли.

И все было бы ничего, если бы в это же время другие военно-

учебные заведения, созданные Петром Великим, – Навигацкая, Артиллерийская, Инженерная школы и Морская Академия – не влачили бы жалкого существования. Елизаветинский президент Военной коллегии, генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов, несгибаемый приверженец огневой тактики, настаивал перед Императрицей о создании еще одного кадетского корпуса – для подготовки «наученных» офицеров-артиллеристов и офицеров инженерных частей. Но ничто не помогало – ни ссылка на преобразование в 1752 году Морской Академии в Морской корпус, ни даже попытки «пустить слезу». Единственное, что удалось добиться графу, – в 1758 году получить соизволение на объединение Артиллерийской и Инженерной школ под своим началом..

Идею Шувалова об учреждении Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса, уже после его кончины, реализовал в самом начале нового царствования (1762 год) генерал-фельдцейхмейстер Вильбуа. Новый Корпус разместился на Ждановской набережной Петербургской стороны. Императрица Екатерина II Алексеевна расщедрилась – она ничем не ограничила директора нового военно-учебного заведения в расходовании денежных сумм на жалование преподавателям. Ясно, что в молодом Корпусе поэтому собрался цвет тогдашнего учительства. Обучение длилось 5 лет – 3 года в общих классах и 2 года в офицерском.

А Сухопутный корпус, между тем, подвергся очередному эксперименту. Увлечение Императрицы философией французских просветителей вылилось у нее и в идею селекции «новой породы людей» - здоровых, целеустремленных, практичных, рвущихся к чинам и почестям карьеристов, которые могли бы многое свершить, но которыми легко было бы управлять. У государыни нашелся и талантливый помощник – тайный советник и генерал-поручик Иван Иванович Бецкой, директор девичьего Смольного института. Это последнее обстоятельство насмешливые кадетские перья не преминули обыграть:

Иван Иваныч Бецкий –
Человек немецкий,
Мундир носил шведский,
Воспитатель детский.
В двенадцать лет

Выпустил в свет
Шестьдесят кур –
Набитых дур.

Следует сказать, что назначенный в 1765 году и директором Сухопутного кадетского корпуса «штатский генерал» Бецкой презирал офицеров, способных лишь командовать и сражаться на поле брани, и благоволил просвещенным молодым людям, которых отличала напористость и ловкость в достижении личных целей. Зная, что Екатерина мечтает создать империю, которая должна превзойти образцы древности, и что ей нужны «великие администраторы», «человек немецкий» составил новый устав сего военно-учебного заведения так, чтобы он отвечал этим мечтам. Естественно, в 1766 году сочинение Бецкого было Высочайше утверждено. Сухопутный корпус призывался стать питомником «русских римлян».

В качестве главных условий воспитания «новых людей» было установлено: во-первых, зачисление в Корпус детей не старше шести лет (в этом де возрасте еще возможно освободить ребенка от пороков, привитых ему в семье) и, во-вторых, безотлучное пребывание воспитанников в Корпусе на протяжении 15 лет при редких, устанавливаемых начальством их свиданиях с родственниками под присмотром воспитателей (опять же изоляция от вредного влияния «старой породы»). Отрывая мальчиков от семей, Корпус отрывал их и от родной почвы. Будущий писатель кадет Сергей Глинка, воспитывавшийся по методе Бецкого, писал: *Не знал я, под каким правлением живу, но знал, что вольность была душою римлян. Не ведал я ничего о состоянии русских крестьян, но читал, что в Риме и диктаторов выбирали от сохи и плуга. Не понимал я различия русских сословий, но знал, что имя римского гражданина стояло почти в чреде полубогов. Исполинский призрак Древнего Рима заслонял от нас родную страну – и в России мы как будто видели и знали одну Екатерину. В честь ее мы пели хоры – не русские, а французские.*

Приблизительно каждые три года Корпус принимал в свои стены 120 мальчиков в возрасте 5 – 6 лет. В числе требований к поступающим дворянское происхождение отца или его штаб-офицерский чин, отменное здоровье мальчика. Предпочтение

отдавалось детям небогатых родителей и сиротам, отцы которых погибли на войне.

Кадет, в их же собственных глазах, поднимали как могли. Регулярные приглашения ко Двору (то балы, то спектакли), постоянное общение со знаменитостями и знатью, показные, перед блестящим петербургским обществом маршировки, скачки, стрельбы из… луков. В такой обстановке было просто невозможно не мечтать о том, чтобы поскорее выйти в герои наподобие римских.

Устремлению юных душ в заоблачные выси несуществующей жизни сильно способствовало укоренение в Корпусе настоящего культа античной и французской изящной словесности. Гомер, Расин, Вольтер – вот тот уровень литературных образцов, к которому следовало подниматься кадетам в их размышлениях и сочинениях. Педагоги всемерно развивали у воспитанников нестеснительное желание вести диалоги с великими иноземцами, по большей части – с французами. В то же время среди будущих «консулов и сенаторов» редко кто свободно и правильно изъяснялся на родном языке.

Кстати, форма в Корпусе не менялась. Как и в царствование Елизаветы Петровны, она оставалась пехотной: парики, треуголки, камзолы, узкие брюки и высокие гетры, башмаки с пряжками. Цвет мундира зеленый, брюки песочные, лацканы и обшлага камзола красные, позумент и пуговицы золотые. На вооружении – кремневые ружья с трехгранным штыком, патронная сумка и полусабля на перевесях, надевавшихся крест накрест.

Еще основательнее воспитанников Сухопутного кадетского корпуса офранцузивали при генерал-поручике графе Ангальте, назначенном директором в 1786 году. Тем паче, что если над Бецким кадеты любили посмеиваться, то Ангальта они очень любили. Но этот достойный любви человек, храбрый офицер, отличавшийся самой высокой доблестью, к сожалению, был невообразимый франкофил. Не случайно французы считали, что французский граф вывел Корпус на такую высоту, на какой могли быть только лучшие образовательные заведения всей Европы. Никто тогда не обращал внимания на то, что воспитанники Бецкого и Ангальта хотя и росли в офицерских чинах, но карьера их чаще всего делалась на статской службе.

Как пример – современник Суворова и Кутузова, но никогда не

участвовавший в боевых действиях генерал-майор Владислав Александрович Озеров. Он никогда не участвовал в боевых действиях и был известен в обществе на переломе XVIII и XIX веков как драматург, автор трагедий «Эдип в Афинах», «Фингал», «Дмитрий Донской», «Поликсена». В постановке этих трагедий на сцене блистали и Екатерина Семенова, и Иван Дмитриевский, и Алексей Яковлев, и Василий Каратыгин. То есть заслуги Озерова перед театром безусловны. Но ведь генеральский чин – отнюдь не обязательное приложение к литературному таланту…

Екатерининский эксперимент в Сухопутном корпусе не перенесся на другие: Морской, Артиллерийский и Инженерный, Шкловский. Основание и все содержание последнего было делом одного частного лица – отставного фаворита Императрицы генерал-поручика графа Зорича. (Один из современников этого вельможи писал: «Был взят им образец французский – военный строй, режим, язык, но дух царил там чисто русский…») Из этих трех корпусов выходили толковые офицеры, храбро сражавшиеся и с поляками, и с турками. Из их рядов выдвинулось немало доблестных военачальников Отечественной войны 1812 года. Научный сотрудник Государственного исторического музея В. М. Безотосный подсчитал, что из 549 генералов, участвовавших в войне с Наполеоном, подавляющее большинство подготовлено к офицерской службе Гвардией (лейб-полки оставались главной кузницей офицерских кадров). Но все-таки 119 человек – воспитанники кадетских корпусов. Причем, выходцев из Артиллерийского и Инженерного было в два раза больше, чем выпускников Сухопутного, хотя соотношение воспитанников, вообще вышедших в войска до конца XVIII века, было обратным.

«Выведение породы новых людей» резко оборвалось после кончины генерала Ангальта. Разочаровавшаяся в идеях французских просветителей Императрица Екатерина Алексеевна в 1794 году назначила директором Сухопутного корпуса кадета-артиллериста, героя Измаила генерала М. И. Кутузова. Младший соратник великого Суворова в первый же день своего управления вошел в конфликт со своими юными подчиненными. Он сказал им: «Граф Ангальт обращался с вами как с детьми, я намерен обращаться как с солдатами». Избалованные всеобщим вниманием воспитанники старшего возраста устроили Кутузову обструкцию. Но старый кадет знал, что делать – нужно убрать из

Корпуса заводил. И генерал добился у Государыни соизволения выпустить старший класс раньше срока. В декабре состоялось производство. И вот, прощаясь с молодыми офицерами, Михаил Илларионович напутствовал их так: «Вы обиделись на меня за то, что я пожелал обращаться с вами как с солдатами. Знайте же: я получал и чины, и ленты, и раны, но лучшею наградою почитаю то, когда обо мне говорят – он настоящий русский солдат. Господа! Где бы вы ни были, вы всегда найдете во мне человека, который совершенно награжден за любовь к вам вашею славою, вашею честью, вашею любовью к Отечеству». Корпус был покорен.

Кутузов вводит разделение Корпуса на роты (одна гренадерская и четыре мушкетерских) и твердой рукой наводит в них порядок. Главное требование – исполнительность. Вскоре современники отмечали, что у сухопутных кадет «учреждена строгая дисциплина, сообразная с воинскими правилами». В то же время, по воспоминаниям И. Жиркевича, «обходился с кадетами ласково и такого же обхождения требовал и от офицеров».

Особое внимание генерал уделял изучению кадетами математики как прикладной к военному делу науки. Для ее преподавания приглашается академик Н. И. Фусс. В число предметов специального курса вводится тактика. Кутузов преподает ее сам по своей же методике. Создается тактический класс.

Михаил Илларионович умел отличать способных людей и никогда не оставлял их без внимания. Кадету Карлу Толю, который больше остальных помогал директору в изготовлении различных тактических схем, он уже перед самым выпуском предложил остаться поучиться еще год. Толь остался и – в Отечественную войну 1812 года был правой рукой фельдмаршала в планировании сражений. Под началом своего учителя в 1812 году воевали с французом и другие кадеты: например, командир Нарвского пехотного полка генерал-майор Андрей Васильевич Богдановский, полковник Киевского гренадерского полка Александр Александрович Писарев, шеф 40-го егерского полка полковник Федор Васильевич Сазонов, генерал-майор Яков Алексеевич Потемкин, 28-летний командир гвардейской бригады генерал-майор Матвей Евграфович Храповицкий, генерал-майор Александр Карлович Ридигер.

Главный результат двухлетнего директорства М. И. Кутузова

в Сухопутном корпусе – он вдохнул в жизнь учебного заведения суворовский дух. Римские герои, разумеется, еще не ушли из сознания кадет, но все же отодвинулись на второй план. Их заместил образ отца-командира русских чудо-богатырей. Отчетливо проявились, даже в старшей роте, признаки того, что понятие личной чести воспитанники все больше связывают не со стремительной карьерой, но со служением Отечеству. Недолго начальствовал генерал у кадет, но традиции заложил прочные. С его директорства Сухопутный (после 1799 года – 1-й) кадетский корпус стал настоящим питомником настоящих русских офицеров – братьев по духу. Русский офицер и поэт Федор Николаевич Глинка (выпуска 1803 года) это братство особенно остро ощутил во время Отечественной войны 1812 года. Он писал тогда: «Объехав несколько полков, я везде находил офицеров, которые понимали меня как истинные друзья, как ближайшие родные. Кто же такие эти прекрасные люди? Кадеты! О, как полезно общественное воспитание! Никакие уставы, никакие условия общества не могут произвести таких твердых связей между людьми, как свычка ранних лет…»

Кроме упомянутых, существовал в Петербурге еще и Корпус Чужестранных Единоверцев, созданный Императрицей Екатериной II в 1775 году. Не любившая своего сына Павла Петровича Государыня помышляла посадить его на престол Короля Эллинов и потому в этом учебном заведении готовила для Цесаревича военных и гражданских чиновников, ориентированных пророссийски. Большинство из 200 воспитанников Греческого корпуса (так его называли в обыденности) были русскими, но по рекомендациям русских консулов принимались в него подростки (от 12 до 16 лет возрастом) из греков, албанцев и других балканских народов. Программа обучения в Корпусе не была столь военизирована, как в других, однако воспитателями состояли офицеры и кадеты носили военную форму. По окончании курса учения юноши получали выбор: или вступить в русскую службу офицерами, или вернуться на родину. Корпус прекратил свое существование с восшествием на престол Павла I.

Никто так не оклеветан русской историей, как Император Павел Петрович. Современники, а вслед за ними и историки не хотели видеть его рыцарственной души, его доброго и отзыв-

чивого сердца, а во вспыльчивости усматривали само-дурство. И никто не хотел брать в счет трагических последствий того отторжения от государственной жизни, которое по вине Императрицы испытывал Наследник Цесаревич в течение многих лет. «Великая Екатерина, – писал известный военный бело-эмигрантский историк А. А. Керсновский, – бывшая матерью для своей страны, была мачехой для своего сына.» Несмотря на неоднократные просьбы Цесаревича разрешить ему лично участвовать в боевых действиях суворовских войск, Екатерина всякий раз отвечала отказом. Не зная русских чудо-богатырей, ни разу не видя их в деле, Павел вынужден был заниматься в изолированной от всего мира Гатчине любимым военным делом, как знал и умел – по немецким образцам. Существование его маленького «гатчинского войска» (6 батальонов пехоты общей численностью 1500 штыков, 6 эскадронов кавалерии общим счетом в 600 сабель, 12 «запряженных» и 46 «незапряженных» орудий) уже само по себе было выражением протеста против блестящего Двора матери и, конечно, против Гвардии, которая в последние годы екатерининского царствования становилась все более и более распущенной.

Другими словами, все военные мероприятия Императора Павла были, по Керсновскому, *«безотчетной реакцией на екатерининские преобразования, ненавистные “потемкинские” порядки»*. Но отвергнув то и другое, Государь прервал развитие национальной военной доктрины, утверждавшейся победами Петра Великого, Румянцева и Суворова. Образовавшуюся пустоту он, к сожалению, заполнил чужим достоянием, признанным в качестве лучшего. А таковым, по мнению многих европейских военных авторитетов, была доктрина Пруссии, наемно-вербовочная армия которой воспитывалась шпицрутенами. Гатчинские порядки были введены во всех вооруженных силах.

Первой эти порядки ощутила на себе разболтанная Гвардия. Ее политическое и воспитательное предназначение, установленное Петром I, было упразднено. Осталось только строевое. Щеголи и сибариты, пренебрегавшие службой, получили отставку. Лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки, как и Кроншлотский драгунский лейб-регимент, перестали быть школой для будущих армейских офицеров.

Что касается развития кадетских корпусов, то и для них это

царствование не было счастливым. Павел лишь утвердил начинание Кутузова подразделять кадет не по возрастам, а по ротам; уравнял в статутах оба петербургских корпуса, переименовав Сухопутный Шляхетский – в 1-й, Артиллерийский и Инженерный Шляхетский – во 2-й; принял на казенное содержание Шкловский корпус; для призрения детей погибших офицеров создал и на собственные деньги стал содержать Военно-Сиротский Дом. Форма кадет, в сравнении с формой екатерининского времени, почти не изменилась.

Войны, которые Россия при Императоре Александре Павловиче вела с 1804 по 1815 год непрерывно, создали большой некомплект офицерского состава во всех родах оружия. Явно требовалось принятие продуманных мер, чтобы выправить положение. Но деятельность Государя и правительства в деле подготовки офицерских кадров отмечена поспешностью и отсутствием единого замысла. В 1802 году на базе Придворного Благородного Пансиона, созданного еще при Елизавете Петровне, формируется аристократический Пажеский корпус, призванный из отпрысков высших военных и гражданских чинов Империи готовить офицерские кадры для Гвардии. В 1805 году при 2-м кадетском корпусе создается так называемый Волонтерный, в который должны были приниматься молодые дворяне 15-16-летнего возраста для форсированной подготовки их к офицерской службе в армейских частях. (В 1810 году Корпус, состоявший из двух батальонов, переименовывается в Дворянский Полк.) Этой же цели служит формирование двух провинциальных военно-учебных заведений – Тульского дворянского училища и Тамбовского военного училища. Наконец, перед самой Отечественной войной (1812 год) в Финляндии учреждается Гаапаньемский топографический корпус (в 1819 году преобразовывается в Финляндский корпус общего направления). С началом приграничных стычек с наполеоновской Великой Армией начал отступление в глубь страны корпус Шкловский – через Смоленск, Ярославль, Кострому. В 1814 году он добрался до Москвы и навсегда, под именем Московского, разместился в Головинском дворце, что в Лефортове.

В ходе Отечественной войны с Наполеоном и после нее особое благорасположение получила подготовка офицеров для казачьих войск и гвардейской пехоты. 1813 год отмечен учреждением в

Сибири Омского войскового казачьего училища, 1823-й – Школы Гвардейских Подпрапорщиков в Петербурге, 1824-й – Оренбургского Неплюевского военного училища (по составу тоже казачьего). С присоединением к России в 1815 году Великого Герцогства Варшавского под русские знамена перешел и Калишский кадетский корпус, созданный в 1793 году прусским королем Фридрихом Вильгельмом.

При Александре изменилась и кадетская форма одежды. Парик исчез, вместо треуголки был введен кивер черной лаковой кожи, короткий, по пояс черный мундир, узкие белые брюки и черные гетры.

Создателем единой системы подготовки офицеров в России следует считать Императора Николая I Павловича, восшедшего на престол под грохот пушек, картечью разогнавших с Марсова поля взбунтовавшиеся полки Петербургского гарнизона. К сожалению, среди осужденных зачинщиков бунта 14 декабря 1825 года было около 50 воспитанников кадетских корпусов. Скажем, из Пажеского вышел полковник Пестель, до смерти забивавший солдат полка, которым, не имея чести, командовал, а из 1-го – романтик Кондратий Рылеев, в честном сердце которого отзывалась всякая боль другого сердца.

Царь знал и то, что кадеты 1-го корпуса рьяно помогали раненным на Сенатской площади солдатам Московского полка, которым после картечи удалось все-таки перебраться на правый берег Невы. Уложили на свои кровати, перевязали, накормили своим ужином.

Не задуматься было нельзя. И слава Богу, Николай Павлович не отверг кадетские корпуса как форму воспитания командных кадров. Больше того, он всем военно-учебным заведениям, выпускавшим офицеров (кроме Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров), придал корпусной статус. Но старое направление в воспитании кадет, определявшееся заемными философскими и социальными идеями, было отвергнуто. Новое же, ориентированное на всемерное утверждение русского воинского духа, предполагало активное применение… прусских методов обуздания юношеской энергии для направления ее в русло дисциплины, порядка, благочестия и всех воинских добродетелей. Как и Император Александр I, Николай Павлович

был сыном своего отца, и ему тоже была не судьба освободиться от пут немецкого воинского артикула и немецких же взглядов на военное строительство. И это не вина, а беда его, что обучение войск ведению боевых действий и воспитание их по методикам, созданным в Берлине, не приблизило Верховного вождя Армии и Флота к тому, чтобы возродить нашу национальную военную доктрину. Вновь остались невостребованными воинские заветы Петра, стратегические взгляды Румянцева, суворовская «Наука побеждать».

Изменил Государь и форму одежды. Кивер сменила заимствованная у немцев каска с белым или черным плюмажем, введен черный однобортный мундир с красным воротником и такими же обшлагами (в столичных корпусах на воротниках – галун), широкие белые суконные панталоны навыпуск, обувь с тупыми носками. На груди, накрест, белые перевязи для патронной сумки и полусабли. Вооружение – пистонное ружье со штыком. Появились погоны различных (по корпусам) цветов.

На создание системы кадетских корпусов Императору Николаю I потребовалось время всего его царствования. Постепенно он преобразует уже существующие военно-учебные учебные заведения: 1826 год – Омское войсковое казачье училище в Сибирский кадетский корпус, 1829 год – Императорский Военно-Сиротский Дом в Павловский кадетский корпус, 1830 – Тамбовское военное училище в Тамбовский кадетский корпус, 1837 – Александровское Тульское военное училище в Александровский Тульский кадетский корпус, 1844 – Оренбургское Неплюевское военное училище в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, 1851 – Александровский Сиротский институт в Александровский Сиротский кадетский корпус, 1855 – Дворянский Полк в Константиновский кадетский корпус. По мере появления в казне необходимых средств создаются новые корпуса: 1829 год – Александровский малолетний (из приготовительных классов Морского и 1-го, воспитанники от 7 до 10 лет возрастом), 1835 – Полоцкий, 1841 – Александровский Брестский, 1849 – 2-й Московский, 1851 - Неранжированный Владимирский Киевский. После польского восстания 1830 года был расформирован Калишский кадетский корпус, подготовивший многих командиров повстанцев.

Николай Павлович привлекает к работе наиболее богатое

помещичье дворянство – где поощрением его благотворительных начинаний, где намеками на надобность таковых, а где и просто своим «ясным взором». На деньги (300000 рублей ассигнациями) воспитанника Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса генерала от артиллерии А. А. Аракчеева формируется Новгородский корпус, на средства полковника Бахтина (1800000 рублей) и рязанских дворян (350000 рублей) – Орловский Бахтина, на пожертвования воронежских помещиков, прежде всего генерал-майора Н. Д. Черткова – Михайловский Воронежский, на «общем котле» крупных полтавских земле-владельцев – Петровский Полтавский. Каждый вновь открытый корпус размещался в специально для него спроектированном и построенном здании. Дворянства принимали на себя обязательства ежегодно вносить на содержание этих учебных заведений определенные суммы денег.

По велению Царя для кадетских корпусов разрабатывается и вводится единая образовательная программа, чего еще не было в гражданских учебных заведениях. К созданию ее были привлечены лучшие ученые силы. Например, программу по математике составлял академик М. В. Остроградский, а по физике – академик Э. Х. Ленц.

Все военно-учебные заведения объединяются общим управлением во главе с Главным начальником. На эту должность был назначен генерал-фельдцейхмейстер Великий Князь Михаил Павлович, младший брат Государя. И счастливее выбора – не бывает. Великий Князь дневал и ночевал в кадетских корпусах. Начальником он был строгим, но безмерно любил кадет, и они отвечали ему тем же. Взгляды Михаила Павловича можно в какой-то мере уяснить из его обращении к выпускным кадетам, которое называлось «Прощание с моими детьми»:

Дети, отпуская вас на службу, я обращаюсь к вам не так, как ваш Начальник, но как ОТЕЦ, вас душевно любящий, который следил за вами с юных ваших лет, который радовался вашим успехам, вашему постепенному развитию.

Теперь вы выходите на поприще жизни военной. Прощаюсь с вами. Внемлите моему совету: не забывайте никогда БОГА, родителей ваших, которым вы одолжены вашим существованием, и помните всегда, что вы одолжены нравственным вашим существованием Государю Императору, Его

постоянным к вам милостям. Он с младенчества вас призрел. Он вас возлелеял и, наконец, снабдил всем нужным для нового, высшего поприща.

Как можете вы инако заслужить столь великие к вам Его благодеяния, как не щадя себя ни в коем случае для Его службы; не забывайте, что в России, в нашей славной РОССИИ, священные имена Государя и Отечества нераздельны; эта нераздельность – наша сила, перед которой неприятели наши всегда сокрушатся, и крамоле не будет места.

Военная служба, сия благороднейшая служба, сколь представляет она вам в будущности славы! Слава на поле битвы для благородной души сколь имеет отрады! И если участь удручила пасть на этом поприще, то остается память, окружающая поверженного. Но это ли одна слава военного?

Ежечасное самопожертвование, постоянство и терпение в трудах без ропота, без устали – сколь они почтенны!

Достойный офицер обязан прежде всего повиноваться начальникам и наблюдать неукоснительно за исполнением его приказаний. Повиновение сие должно быть искренне и безусловно. Помните всегда, что настоящая честь военного человека состоит в благородном поведении, а потому избегайте всякого соблазна и не забывайте слов Самого Спасителя: «…и не введи нас во искушение».

Примите, дети, сие наставление друга, будьте уверены, что вблизи и издалека он всегда будет следить за вами. Во всех ваших нуждах обращайтесь всегда к нему как к верному пристанищу.

Прощайте, да благословит вас Господь Бог и да подкрепит на дела великие. За Богом молитва, а за Царем служба никогда не пропадают.

Трудами Великого Князя Михаила Павловича и его помощников в 1836 году был разработан новый Устав военно-учебных заведений. Из 10 классов (двух приготовительных, шести общих и двух специальных) в каждом из кадетских корпусов оставлено или по 8, или по 6. Первый вариант (два приготовительных класса, четыре общих и два специальных) – для корпусов в обеих столицах, а также для Финляндского. Второй вариант (без специальных классов) – для провинции. В первом случае производство в офицеры получали непосредствен-

но в корпусе. Во втором – кадеты, окончившие курс обучения в Новгородском, Орловском Бахтина, Полоцком, Петровском Полтавском, Михайловском Воронежском, Тульском Александровском или Тамбовском кадетских корпусах, переводились в Дворянский Полк и уже из него выходили офицерами. Туда же переводились после трехгодичного курса кадеты Неранжированного Владимирского Киевского корпуса, оставаясь в Дворянском Полку тоже до производства.

В 1848 году было составлено Наставление кадетским корпусам. Первые же его строки разъясняли цель деятельности этих военно-учебных заведений: «Доставить юному военному дворянству приличное сему званию воспитание, дабы укрепить в воспитанниках сих правила благочестия и чистой нравственности и, обучив их всему, что в предопределенном для них военном звании знать необходимо нужно, сделать их способными с пользою и честью служить Государю и благосостояние всей жизни их основать на непоколебимой приверженности Престолу. Христианин, Верноподданный, Русский добрый Сын, надежный товарищ, скромный образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер – вот качества, с которыми воспитанники военно-учебных заведений должны переходить со школьной скамьи в ряды Императорской Армии с чистым желанием оплатить Государю за ЕГО благодеяния честной службой, честной жизнью и честной смертью».

28 августа 1849 года Великий Князь Михаил Павлович, бывший Шефом 2-го кадетского корпуса, скончался. Высочайшим повелением его имя на вечные времена было присвоено гренадерской роте этого военно-учебного заведения. А с 1907 года она (1-я строевая) стала именоваться ротой Его Высочества и носить на погонах накладные вензеля – букву “М” с короной. В зале Корпуса был установлен бронзовый бюст корпусного Шефа. На постаменте – бронзовая же доска с текстом «Прощания» Великого Князя. В том же 49-ом году в память Михаила Павловича и всех кадет, за веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положивших, Государь повелел быть поминальным скорбно-торжественным гимном кадетских корпусов и военных училищ «Песне Дворянского полка»:

Братья, все в одно моленье
Души русские сольем!
Ныне День поминовенья
Павших в поле боевом.

Но не вздохами печали
Память храбрых мы почтим –
На нетленные скрижали
Имена их начертим.

Вот каким дееписаньем
Царь-Отец нам повелел
Сохранять воспоминанья
Православных ратных дел.

Вот нетленные уроки.
Братья, мы ль их не поймем!
К этим строкам новы строки
Мы не все ли принесем?

Братья, все в одно моленье
Души русские сольем –
Ныне День поминовенья
Павших в поле боевом.

Любил кадет и сам Император. «Здесь нет никакого фразерства, никакой лжи, которую видишь всюду. Оттого мне так хорошо между этими людьми и оттого у меня военное звание всегда будет в почете», – говорил он об Армии. Слова эти можно, безусловно и в полной мере, отнести к самым молодым воинам Отечества. Особенно благоволил Николай Павлович 1-му кадетскому корпусу, в котором когда-то навел такую грозу. Государь возложил на себя звание его Шефа. На площадь перед корпусным зданием был перенесен памятник славному кадету генерал-фельдмаршалу П. А. Румянцеву. В 1832 году, на 100-й Корпусной Праздник, Корпусу было пожаловано знамя гвардейского образца с соответствующими надписями на лентах. Наследник Цесаревич был зачислен в списки воспитанников и в кадетском строю проходил все строевое обучение. «Корпус

поставил Наследника на ноги», – сказал как-то Николай Павлович. Видимо, то же самое он мог бы сказать и о двух других своих сыновьях – Великих Князьях Николае и Михаиле Николаевичах.

Кадеты, сверстники Цесаревича, пользовались особым вниманием Царской Семьи. Они часто приглашались во дворец. Там в играх и развлечениях подростков не раз принимал участие и Царь. Особенно памятной осталась одна военная игра, когда он повел наследного сына и его однокашников на приступ Петергофских фонтанов вверх по «шахматному» каскаду, начиная от большого фонтана с Самсоном.

В связи с тем, что перед Россией встала задача возродить флот, пристальнейшее внимание уделялось подготовке морских офицеров. Надо, к тому же, иметь в виду, что самое большое количество воспитанников кадетских корпусов, осужденных по делу декабристов, дал Морской корпус, и нравственно-воинское воспитание будущих флотских командиров не могло быть пущено на самотек. В первые же дни своего царствования Государь собственноручно написал для воспитателей Морского корпуса особую инструкцию. Корпусным директором в 1827 году назначается первый русский «плаватель круг света» контр-адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Сразу же, по его инициативе, для подготовки флотских офицеров к службе на высших командных должностях при Морском корпусе учреждаются Офицерские классы с двухгодичным сначала, а затем с трехгодичным курсом обучения... Неизвестно, сколько раз в году Император посещал сухопутные кадетские корпуса Петербурга, но в Морском бывал 3-4 раза. Да и своего сына Великого Князя Константина Николаевича, пожалованного званием генерал-адмирала, он отдал в науку именно туда.

Кадетские корпуса использовались Императором и для решения некоторых общеимперских задач.

Например, известно, что в течение всего царствования Николая Павловича шли, не прекращаясь, войны на Кавказе. В сентябре 1837 года Государь предпринял инспекционную поездку на этот театр военных действий и остался недоволен общим состоянием дел. Больше всего – политикой местного кавказского начальства в отношении горцев. Он писал генералу А. Х. Бенкендорфу: *Я много толковал об этом с Вельяминовым,*

стараясь внушить ему, что хочу не победы, а спокойствия; и что и для личной его славы, и для интересов России надо стараться приголубить горцев и привязать их русской державе. Я сам тут же написал Вельяминову новую инструкцию и приказал учредить в разных местах школы для детей горцев как вернейшее средство к их обрусению и к смягчению их нравов.

Ту же цель преследовало зачисление 40 юных горцев княжеских фамилий в кадетские корпуса Петербурга: Александровский, Павловский, 2-й и Дворянский Полк. Для них была даже введена особая кадетская форма одежды: черная папаха с белым верхом и с серебряной на нем пуговкой, светло-голубая черкеска с 16 напатронниками из карельской березы в оправе белой кости и с карманами из черного бархата, белый бешмет с петлицами корпуса на воротнике, синего сукна шаровары, красный сафьяновый пояс со стальным прибором, на черкеске – погоны по цвету корпуса. До 1840 года в кадетских учебных заведениях получили воспитание 315 юношей-горцев, в числе которых был и один из сыновей знаменитого имама Шамиля.

Царствование Императора Николая I, целиком бывшее исправлением ошибок предыдущего, закончилось, как и началось, национальной трагедией – Россия пережила славу и позор Севастополя. Его падение после многомесячной осады англо-французскими войсками лишило нас даже самого права иметь на Черном море военно-морской флот. Андреевский флаг был спущен там, где он был поднят при Екатерине Великой.

Ходячее мнение, что основная причина нашего поражения в Крымской войне 1853 – 1856 годов заключалась в отсталости Российской Армии по вооружениям, – фантазия ученых военных и невоенных умников. Французская пехота тоже воевала с кремневым ружьем образца 1777 года. Правда, англичане были вооружены нарезными ружьями, но их-то защитники Севастополя основательно били. Да и блестящие победы Кавказской армии над турками одновременно с бездарными действиями нашего 140-тысячного войска на Дунае против турецких же сил говорят о том, что не в вооружениях дело. Как точно заметил А. А. Керсновский, на Кавказе дралась и побеждала армия Петра Великого, в Крыму агонизировала опруссаченная армия Императора Павла I. И в той, и в другой были храбрые солдаты и доблестные офицеры. Своим

умением умирать они вызывали восхищение неприятеля. Но кавказские войска, не перестававшие и после отражения нашествия французов в 1812 году упражнять свою «сноровку к победам» и свой дух, постоянно воспитывались на заветах Суворова, тогда как остальная армия мордовалась прусской муштрой, вырабатывавшей лишь плацпарадный глазомер. У Государя в Крыму и на Дунае были такие же бесподобно храбрые полки, как и на Кавказе, но не было полководцев, как там.

25-летнее правление императора Александра II было:

с точки зрения самодержавной политики вообще – временем *реформ*, главными из которых стали *освобождение крестьянства от крепостной зависимости* (Манифест «Осени себя крестом, православный народ» от 19 февраля 1861 года) и широкая либеральная *децентрализация управления;* присоединения к России по договору с Китаем *Приморской области*; продажи *Аляски,* «за ненадобностью», Америке;

с технико-экономической точки зрения – временем зарождения *фабрично-заводской промышленности*; создания внушительной железнодорожной сети; старта *«века пара и электричества»;*

с социальной точки зрения – временем развития среднего и высшего образования; появления «наверху» надсословного слоя интеллектуалов-интернационалистов – *интеллигенции*, зарождения «внизу» рабочего класса – *пролетариата*; сокращения численности *поместного дворянства*; пополнения *служилого дворянства* представителями податных сословий;

с нравственно-идеологической точки зрения – временем торжества подражательной *проевропейской ориентации* всего образованного общества, явившейся результатом победы западников в их борьбе со славянофилами; ослабления в народе, под влиянием этой ориентации, *православной веры*; обрушения *устоев* Святой Руси и исчезновения *патриархальных нравов и обычаев*; преклонения «умеренных» перед *европейским либерализмом*, а интеллигенции – перед *радикальными материалистическими учениями;*

наконец, **с точки зрения военно-политической** – временем *реформирования* вооруженных сил; завершения полувековой *войны на Кавказе*; завоеваний в *Средней Азии*; победы в *Русско-*

турецкой войне и *Берлинского конгресса*, на котором «честный маклер» молодой Германской империи и князь Отто фон Шёнхаузен Бисмарк лишил Россию всех плодов этой победы.

По теме из всего этого нам придется касаться лишь военно-политической стороны нового царствования, но в виду нужно иметь и все другие его стороны. Скажем, тогда, когда речь будет идти о преобразовании кадетских корпусов в военные гимназии, понадобится связать это и с формированием в обществе культа «европейски образованного» человека.

Военная реформа во времени была разделена, условно, на два периода – переходный и основной. Последний связан с именем военного министра генерала от инфантерии Д. А. Милютина (титулом графа и чином фельдмаршала он пожалован Императором Николаем II).

Одной из первых задач переходного периода было облегчение непосильного для страны бремени военных расходов. Для этого принимается решение сократить численный состав Гвардии и Армии, увеличив, однако, их боеспособность. После падения Севастополя Государь создает комиссию «для улучшений по воинской части». Во главу ее назначается один из лучших боевых генералов Императора Николая Павловича, главнокомандующий Гвардией и гренадерами граф Ридигер. В целях улучшения качества вооруженной силы он намеревался, прежде всего, избавиться от чрезмерной централизации в управлении войсками, которая «внизу» удушала всякую инициативу. Но старик вскоре умирает, а его преемникам на министерском посту , князю Чернышеву, князю Долгорукому 1-му и генералу Сухозанету 2-му удается лишь сократить численность войск с 2300000 бойцов до 800000. Задача же децентрализации оказалась для них непосильной.

В ноябре 1861 года военным министром стал генерал Милютин. Нельзя говорить, что у него не было никакого боевого опыта. Он воевал на Кавказе, был там ранен, перед назначением в Петербург занимал должность начальника штаба при фельдмаршале князе Барятинском. У Милютина не оказалось другого. Как писал А. А. Керсновский, «воспитанник частного гражданского пансиона и Московского университета, он [Милютин], имея военный ум, не имел военной души, военного сердца». Новый министр был настоящим кабинетным бюрократом.

Через два месяца после своего назначения, 15 января 1862 года, Милютин представляет Императору Александру Николаевичу свой доклад с изложением принципов военной реформы в России. Чтобы не касаться намеченных преобразований в подробностях, процитируем начало этого доклада – все будет понятно. Министр писал:

Прежнее устройство отличалось крайней централизацией, которая уничтожала всякую инициативу административных органов, стесняло их мелочной опекой высших властей. Такая же централизация со всеми ее вредными последствиями была развита и в строевых управлениях войск, где недостаток инициативы в частных начальниках, в особенности в военное время, проявлялся уже не раз и приводил к самым печальным результатам. Войска и в мирное время оставались соединенными в дивизии, корпуса и армии, и, таким образом, содержались все штабы от дивизионных до главного щтаба армии включительно. Хотя такой системе и приписывалась та выгода, что в случае приведения на военное положение армия уже имела готовые штабы и войска выступали в поход под начальством знавших их и знакомых им начальников, однако эти выгоды не вполне осуществились. На практике весьма редко случалось, чтобы не только армии, но даже и корпуса действовали на театре войны совокупно в нормальном своем составе мирного времени. Гораздо чаще, по разным стратегическим соображениям, на самом театре войны формировались отряды из войск разных корпусов, для которых учреждались отрядные штабы. Так, в войну 1853 – 56 гг. ни один корпус действовавшей армии не остался в полном своем составе. Вообще же опыт нескольких последних войн указал, что наши корпуса представляют слишком громоздкие тактические единицы для постоянного употребления на театре войны в целом их сосредоточении…

Конечно, удивительно, что Милютин проигнорировал такой факт, как постоянство боевого состава войск славного Кавказского корпуса, в котором он служил. Но, как бы там ни было, министр убедил Государя ввести в нормальный порядок вещей застарелую патологию российского военного организма – «отрядоманию».

Перейдем к одной из основных частей милютинской военной

реформы – к перестройке военно-учебного дела. Хотя численность войск сократилась в три раза, число офицеров в них не могло быть уменьшено и оставалось прежним – около 33000. По 25 нижних чинов на одну среднеарифметическую офицерскую душу. По нынешним меркам, взвод. Нормально. Но вот качество этой офицерской единицы…

«Европейски образованный» министр Императора Александра II считал, что оно никуда негодно: от университетских своих лет Милютин сохранил навык видеть в любом офицере невежественного солдафона, и потому ему казалось, что образованность русского офицерства – это проблема из проблем. Ясно, что кадетским корпусам с ней не справиться. Другое дело – гимназии. И вряд ли министр лукавил, когда убеждал Государя в том, что кадеты в образованности отстают от гимназистов. Он был искренен в своих заблуждениях. (Справедливости ради, скажем, что в николаевских корпусах, особенно в столичных, учили не хуже, чем в гражданской классической или так называемой реальной школе; воспитывали же гораздо лучше.) Одному Богу известно, почему Царь, который не только школил себя в строю 1-го кадетского корпуса, но и был, по смерти Великого Князя Михаила Павловича и до своего восшествия на Престол в 1855 году, Главным начальником военно-учебных заведений, поддался настояниям Милютина.

Так что же было сделано? В 1863 году из 17 кадетских корпусов оставлено существовать два – Пажеский и Финляндский. Они по-прежнему имели специальные классы и пользовались правом на офицерские выпуски. Три корпуса (Павловский, Константиновский в Петербурге и московский Александровский Сиротский) преобразованы в военные училища соответственных наименований. Вместе с Михайловским артиллерийским, Николаевским инженерным и Николаевским кавалерийским (бывшая «Славная Школа») военных училищ стало шесть. 12 корпусов (1-й, 2-й, 1-й Московский Императрицы Екатерины II, Нижегородский графа Аракчеева, Орловский Бахтина, Полоцкий, Петровский Полтавский, 2-й Московский Императора Николая I, Михайловский Воронежский, Оренбургский Неплюевский, Сибирский, Владимирский Киевский) были обращены в «военные» гимназии с гражданским укладом жизни. В них отменены строевые занятия, роты названы «возрастами», большинство

офицеров-воспитателей заменено штатскими лицами. Да еще на головы «военных» гимназистов надели эти несуразные французские кепи! Да еще подпоясали их (при летней белой рубахе без погон, но с отложным воротничком) витыми шелковыми шнурами с кисточками!

Военные училища без кадетских корпусов своими выпусками не могли покрыть всей ежегодной потребности Армии в офицерских кадрах. Самое многое – одну треть. Большинство офицеров получали теперь производство из полковых юнкеров, или, по-милютински, вольноопределяющихся. Чтобы они, как выразился сам министр, «не получив никакого воспитания, не коснели в невежестве», в 1864 году стали учреждаться окружные юнкерские училища с одногодичным курсом обучения (всего учреждено 16: пехотных – 11, кавалерийских – 2, смешанных – 2, казачье – 1; артиллерия и инженерные войска пополнялись офицерами только из училищ соответствующего рода). В эти же годичные военно-учебные заведения принимались и воспитанники вновь созданных... четырехклассных «военных» прогимназий. Прапорщики, выпускавшиеся из юнкерских училищ далеко по службе, как правило, не шли.

Воспитание военной молодежи было принесено в жертву образованию. Но ведь при таком перекосе даже массовое повышение образованности офицеров не могло принести ничего, кроме разочарования. Неизбежное обнищание воинского духа у тех, кто призван быть его носителем и хранителем – самый пагубный результат подобной смены приоритетов. Да и лучшие-то из «военных» гимназистов под влиянием воспитателей из бывших университетских студентов, шли не в военные училища, не в армейский строй, но в студенты же. Те же, кто все-таки попадал в военно-учебное заведение, по своей подготовленности к воинской службе мало отличались от сверстников, поступающих в юнкера из гимназий и реальных училищ. Контингент подходящих в юнкера кандидатов сузился. Стали создавать новые гимназии военного ведомства: в 1873 году открыты 3-я Московская и Симбирская, в 1874-м – 3-я и 4-я Московские, Псковская и Тифлисская.

Однако самое главное – гимназисты, еще раз подчеркнем это, уже не несли в войска тот дух рыцарского служения Царю и Отечеству, какой приносили воспитанники кадетских корпусов.

Хотя при Императоре Николае I бывших кадет в полках никогда не было более 30 процентов от общей численности офицеров, именно кадетский командный состав, бывший «смолоду и всей душой в строю», являл собою нравственно-боевой костяк всей части. И вот из этого костяка стала вымываться основа…

Единственным благом от милютинских нововведений в военной школе было то, что при 2-й «военной» гимназии появились курсы подготовки воспитателей. Они вполне оправдают себя, особенно – в царствование последнего нашего монарха, когда слушателями их будут приниматься строевые офицеры, избирающие хлопотную педагогическую службу в кадетских корпусах по велению души и рекомендации полковых офицерских собраний.

Из всех Российских Императоров только двое – Петр Великий и Александр III – никогда не приносили интересы страны в жертву интересам «просвещенной Европы». На что уж Николай I с его умом и твердым характером, и тот только в конце своего царствования понял, что Европа нахлебничает, питается энергетикой России. Здесь будет уместным один исторический анекдот.

Как-то Император Николай Павлович осматривал Лазенковский парк в Варшаве. Остановился около памятнику Яну Собесскому: король – верхом, под ногами лошади – татарин.

- Кому этот памятник? – спросил Самодержец Всея Руси и Король Польский.

- Королю Яну Собесскому, – ответил граф Бенкендорф.

- Созвать дипломатический корпус, отслужить панихиду по королю Яну.

Служили панихиду в Лазенковской же церкви. Царь крестился усерднее всех. Никто ничего не понимал. Граф Бенкендорф, однако, осмелился и спросил: «Ваше Императорское Величество, почему мы поминали душу католика Яна?»

Ну как же! Это мой родной брат. Было два дурака на свете – Ян да я. Он спас Вену от татар, а я от венгров…

Александр Александрович с самого начала своего правления отлично понимал всю политику западных государств в отношении управляемого им государства и подданного ему народа. В словах Государя «У России есть лишь два верных союзника – ее Армия и ее Флот» звучала трезвая оценка международного

положения нашего Отечества в ту пору. Император Александр III сам принимал все внешнеполитические решения. Министры при нем были только исполнителями его воли. Чтобы противодействовать агрессивному Тройственному союзу (Англия, Германия и Австро-Венгрия) мирными средствами и «перспективами», он сблизился с Францией. Россия принялась за воссоздание своего утраченного в предыдущие царствования морского могущества, благо ее финансовое состояние стало достаточным: золотой рубль являлся самой устойчивой в мире денежной единицей. Было положено начало созданию броненосных эскадр, в 1886 – 1889 годах возрожден Черноморский флот.

Армия тоже перевооружалась. Пехота и кавалерия получила скорострельные малокалиберные винтовки, артиллерия – клиновые орудия образца 1877 года. К сожалению, поршневые скорострельные пушки и гаубицы поступили в Гвардию и Армию только при Императоре Николае II, хотя сухопутные войска в царствование Александра Александровича перевооружались и еще один раз – в начале 90-х годов в пехоту стали поступать 3-линейная с магазином на 5 патронов винтовка воспитанника Михайловского Воронежского кадетского корпуса полковника С. И. Мосина, а в кавалерию – она же, но укороченная, «драгунского образца».

Международная политическая обстановка потребовала изменения дислокации войск. По приказу Государя в 1882 – 84 гг. в западных приграничных округах была сосредоточена вся кавалерия, треть кавказских войск, все полевые войска Казанского военного округа. Запад, конечно, был недоволен. Это недовольство выразил на одном из царских приемов австрийский посол: намеками он стал угрожать тем, что Австрия тоже сосредоточит на российских границах свои армейские корпуса. Царь, обладавший недюжинной физической силой, скрутил свою вилку в узел и спокойно сказал послу, показывая ему серебро: «Вот что я сделаю с вашими корпусами».

В Русско-турецкой войне 1877 – 78 гг. Наследник Цесаревич Александр Александрович был командующим левофланговым Рущукским отрядом (4 дивизии XII и XIII корпусов). 30 ноября 1877 года турки численностью в 40000 штыков и сабель при 114 орудиях атаковали войска Цесаревича у городка Мечка. Решительно и спокойно командуя здесь 28000 наших воинов при

138 орудиях, Александр Александрович довел дело до беспорядочного отступления неприятеля. Было перебито до 3000 турок. Наш урон - 2– офицера и 813 нижних чинов убитыми и ранеными. За Мечку командующий отрядом был пожалован орденом Св. Георгия 2-го класса со звездой.

На опыте этой войны, которая велась, скажем прямо, не против самого умелого противника, будущий Император изучил не только сильные стороны личности русского офицера – он отчетливо увидел и недостатки в его подготовке, прежде всего – в воспитании. Пришлось воочию убедиться, какой сырой материал представляли собой воспитанники «военных» гимназий, приходившие из училищ в Действующую армию. Стало понятно, как сильна в воспитании юношества, посвящающего себя службе в офицерских чинах, роль воинского уклада жизни. И вот, почти тотчас по своем восшествии на Престол (в 1882 году), Государь, возрождая главный элемент российской вооруженной силы – ее национальную душу, перечеркнул военно-учебную реформу Милютина и восстановил существование кадетских корпусов. Гражданские воспитатели кадет были заменены офицерами, введены строевые занятия. Правда, специальные классы корпусов не восстанавливались – все сошлись на том, что для обеспечения однородности в воспитании и профессиональной подготовке офицеров военные училища следует сохранить. В связи с увеличением числа артиллерийских подразделений и частей увеличилась и потребность войск в офицерах-артиллеристах. Одного Михайловского училища для их подготовки оказалось мало. В 1894 году в артиллерийское было преобразовано Константиновское военное.

Итак, было восстановлено существование 12 «старых» кадетских корпусов (1-й, 2-й, 1-й Московский Императрицы Екатерины II, 2-й Московский Императора Николая I, Сибирский, Оренбургский Неплюевский, Нижегородский графа Аракчеева, Полоцкий, Петровский Полтавский, Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Владимирский Киевский); преобразовано в корпуса 6 вновь созданных при Милютине гимназий военного ведомства (3-я – в Александровский, Симбирская, Псковская, Тифлисская, 3-я и 4-я Московские – соответствующих наименований). В Николаевский кадетский корпус обращены приготовительные классы Николаевского кавалерийского учили-

ща. Открыты и новые «кадетские монастыри» – два казачьих (1883 год – Донской, 1887 год – 2-й Оренбургский).

Нельзя умалчивать, что почти 20-летнее существование «военных» гимназий потребовало «подтягивать» восстановленные корпуса. Университетские воспитатели основательно подпортили не только строй, но и дух. И если в 1893 году в 3-м Московском корпусе возникли беспорядки, то какая-то часть вины за них должна быть отнесена и на счет гимназических времен. Корпус был расформирован – его номер принял 4-й Московский.

Для кадетских корпусов была установлена одинаково элегантная форма: парадная – черный однобортный, с золотистым галуном на красных петлицах воротника и солдатскими, на золотистых металлических пуговицах погонами мундир о восьми пуговицах большего размера (и малые, и большие имели рельефное изображение двуглавого орла в «сиянии»), черные брюки навыпуск, низкие сапоги, черная с красным околышем, цветной выпушкой по краю тульи и солдатской кокардой фуражка, шерстяной кушак; повседневная форма отличалась от парадной только тем, что на воротнике бушлата не было петлиц и галуна и носился он без кушака; в холодное время на мундир и бушлат надевалась черная шинель солдатского покроя с погонами и с шестью мундирными пуговицами впереди и двумя – сзади, для хлястика, а также верблюжий башлык, продеваемый под погонами и заправляемый за пояс. Цвет погон и выпушки на них, как и цвет кушака, устанавливались для каждого корпуса особые, в различных вариантах сочетания белой, синей, красной, а также черной и желтой окраски; цвет выпушки на фуражке – по цвету погон; если корпусные погоны были черного цвета, то выпушка на фуражке – синего. Предпочтение «национальному покрою» нашло отражение только в форме Донского кадетского корпуса, да и то в деталях. Его синий (как скажут донские казаки – «лазоревый») мундир застегивался на крючки, а такого же цвета брюки навыпуск имели широкие однопрогонные казачьи лампасы. Пуговицы на погонах и галун на воротнике и обшлагах мундира были серебристыми. Для Николаевского корпуса покрой мундира устанавливался такой же, как у всех, но цвета он был тоже синего, тогда как брюки – серо-голубого. Форма морских кадет, пажей и Финляндцев не менялась.

На основании ст. 23-й Положения о кадетских корпусах,

Высочайше утвержденного 14 февраля 1886 года, через два месяца военным министром генерал-адъютантом Ванновским утверждается Инструкция кадетским корпусам по воспитательной части, подписанная Главным начальником военно-учебных заведений генерал-лейтенантом Махотиным. Устанавливалось, что воспитание в кадетских корпусах, *«живо проникнутое духом христианского вероучения и строго согласованное с общими началами русского государственного устройства, имеет главною целью подготовление воспитывающихся юношей к будущей службе Государю и Отечеству – посредством постепенной, с детского возраста, выработки в кадетах тех верных понятий и стремлений, кои служат прочною основой искренней преданности Престолу, сознательного повиновения власти и закону, и чувств чести, добра и правды.*

Соответственно таковой цели корпусное воспитание должно в каждом из кадет всесторонне развить физические и душевные силы, правильно образовать характер, глубоко укоренить благочестие и верноподданнический долг и твердо упрочить задатки тех нравственных качеств, кои имеют первенствующее значение в воспитании будущего офицера».

Воспитание должно было сообщать характеру юноши нравственную устойчивость, необходимую для того, чтобы усвоенные им взгляды и убеждения он неотступно проводил в самой жизни и энергически противостоял многообразным ее искушениям; без этого основного элемента воспитания все фактические знания и все так называемое практическое развитие не окажут пользы, но принесут положительный вред воспитаннику, хотя, быть может, сделают его не бесполезною, иногда же и весьма вредною машиной в общественном организме.

Определялось, что совокупность всех воспитательных мер, принимаемых кадетским корпусом, должна прочно устанавливать в его питомцах необходимые основы для приготовления из них впоследствии:

> *- искренно и деятельно верующих христиан, самоотверженно преданных Престолу, строго повинующихся законной власти и одушевленных сознательным чувством долга верных слуг России;*

- *добрых и почтительных сыновей;*

- *честных и трудолюбивых граждан;*

- *образованных, дельных и крепких духом и телом воинов, серьезно смотрящих на службу государству и обществу, не как на средство, а как на благороднейшую цель своей жизни, с полною готовностью жертвовать ее на защиту Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних.*

В основе формирования личностей именно такого свойства и качества находились три главных средства: незыблемое постоянство определенного ***порядка***, производительное ***наполнение внеклассного времени*** и неослабное поддержание ***дисциплины***, приведенной в соответствие с дисциплиной воинской. Все эти средства работали, как правило, под искусным управлением воспитателей и неусыпным их надзором над кадетами.

Порядок достигался соединением в целое также трех составляющих.

Во-первых – расписанием времени суток с той продуманностью, которая дает возможность строго определять действия и поведение кадета в любую из минут. Утренняя побудка – не тянись, быстро встань, прибери постель и себя, настройся на трудовой день. Классы – не отвлекайся, будь внимателен, голова работает в соображениях. И так во всем.

Во-вторых – требовательностью наставников. Ее обоснованная ясность и неизменность делают для порядка гораздо больше, нежели многословные поучения. Более того, требовательность способна наглядно показать, как много сберегается времени и труда от привычки к порядку – тогда человек делает любое дело так, как требуется, не переделывая его по много раз.

В-третьих – исключение праздного провождения времени, «*понеже праздность*, – как говорил Суворов, – *корень всему злу, особливо военному человеку...*» Постепенно, без какого-либо давления на психику воспитанников нужно приучить их отдавать каждую минуту бодрствования работе души, ума или тела и ни в коем случае не потакать природной лени.

Очевидно, что ту же цель – воспитания – преследовало и обучение наукам. Науки развивали такие свойства личности, как сообрази-

тельность, сметливость, упорство в реализации задуманного

Производительное наполнение свободного от классов времени должно развивать в кадетах трудолюбие и привычку к полезным занятиям и скромным развлечениям, смягчающим и облагораживающим нравы, устраняя тем самым праздное провождение часов досуга, особенно вредное для нравственности воспитанника;

Правильная дисциплина должна не только достигать непосредственного результата – исполнительности и хорошего поведения кадет в самом заведении, но постепенно вырабатывать в них способность подчиняться установленным требованиям и в самостоятельной жизни.

Инструкция отмечала, что *«сущность воспитательного дела требует, чтобы воспитанник, не могущий еще иметь верного мерила для разумного самоопределения, подчинял волю свою воле воспитателя. Подчинение есть только одно из средств воспитания, а не конечная цель его; эта последняя заключается в* ***повиновении воспитанника нравственному закону****, который должен, наконец, обратиться в его личную совесть. Но пока еще воля воспитанника не вполне согласуется с нравственным долгом, воспитанник обязан безусловно подчиняться приказанию или запрещению воспитателя, который должен, в свою очередь, формулировать их по возможности кратко и вполне определенно, чтобы воспитанник с точностью знал, что именно следует и чего не следует ему делать. Вместе с тем воспитатель должен быть всегда воздержан и осмотрителен в отдаче приказаний, требуя от воспитанников лишь действительно необходимого и возможного, а затем не допускать уклончивости в точном исполнении требуемого и деятельно преследовать неповиновение, в особенности же соединенное с обманом. С течение времени многие приказания и запрещения становятся излишними. Но с возрастом же появляются новые потребности и новые искушения, которыми обусловливается необходимость продолжать регулирующее влияние наставника – с соответственным лишь изменением частных целей и приемов воспитательного действия. Существенно важно, чтобы такое изменение совершалось с должною постепенностью, так как в деле воспитания резкие переходы вообще вредны. Больше всего опасностей следует ожидать именно от неподготовленного перехода к*

самостоятельной жизни после строгих ограничений в школе».

Внимание воспитателей обращалось на то, что надежное средство для приучения воспитанников к повиновению и исполнительности следует искать в той подчиненности кадет офицерам, которая вытекает из нравственной связи последних с их питомцами. *«Истинный дух дисциплины проявляется в добрых отношениях воспитанников между собой, к наставникам и к заведению, в честном исполнении всех его требований и в общей заботливости о его репутации».*

Разъяснялось, что ***наставления*** с использованием рассудочных доказательств и с подробным изложением мотивов приказания или запрещения в большинстве случаев оказываются мало действенным воспитательным средством. Все это нередко ведет питомца к отрицательной рефлексии и к ложному убеждению в том, что он не обязан повиноваться, если сам не видит в том причины. Увещания, действующие на чувства, – уже более сильный фактор воспитания, так как чувство гораздо теснее связано с деятельными силами человека, нежели холодное рассуждение. Но, вместе с тем, чрезмерное возбуждение чувства неминуемо ослабляет энергию человека. Наставление или увещание окажется более плодотворным, когда оно приурочено к какому-нибудь конкретному проявлению в жизни питомца. Если воспитатель не имеет поводов сомневаться в безусловной готовности воспитанников повиноваться ему, то для него нет и надобности мотивировать свои распоряжения. При существовании же таких поводов всегда лучше прибегнуть к увещанию до исполнения приказания или запрещения, нежели после их нарушения, когда уже выяснится необходимость в более сильных воспитательных средствах. При проявлении упрямства лучше не настаивать на безотлагательном выполнении приказания раздраженным воспитанником, а дать ему время успокоиться и затем уже вновь приступить к объяснению необходимости подчиниться заявленному требованию. Такие временные уступки, доказывая готовность воспитателя благодушно отнестись к воспитаннику, никогда не подорвут авторитета наставника. Резкая же настойчивость его, при раздражении воспитанника, часто принимается последним как личный каприз приказывающего и, в большинстве случаев, у него возникает убеждение, что применение крутых мер – просто насилие.

Интересно, что в педагогическом отношении награды и наказания рассматривались как средства искусственные, чуждые чистой нравственности. И то, и другое нередко заглушало истинные мотивы детских поступков и, вместо любви к добру, вызывало своекорыстные расчеты, вместо внутреннего страха самого зла возбуждало боязнь страдания. Для ослабления такой опасности рекомендовано награды и наказания применять, насколько возможно, в качестве естественных последствий поощряемого или порицаемого действия. Особо говорилось о том, что воспитательные награды должны применяться с большой осмотрительностью и с единственной целью – укреплять в кадетах любовь к добру ради самого добра и стремление к труду и преуспеянию без алчности, самохвальства и кичливости перед товарищами. Выражение воспитаннику похвалы за доброе его чувство вполне уместно лишь в тех случаях, когда последнее сопровождается добрыми поступками, пожертвованием собственными интересами, самовоздержанием и трудом на пользу других, так как сущность эгоизма заключается не в недостатке добрых чувств, а именно в отсутствии добрых дел. В конечном же результате каждый воспитанник должен был быть приведен к искреннему убеждению в том, что лучшею для него наградой всегда служит собственное внутреннее сознание добросовестно исполненного долга.

В Инструкции подмечалось, что весьма часто наказания, вместо побуждения воспитанников к исполнительности, оказывают вредное влияние на характер того или другого питомца. *«Взыскание должно налагаться с исключительною целью исправления, не будучи ни в каком случае актом возмездия».* Исправление после наказания возможно лишь в том случае, когда степень вины воспитанника раскрыта до конца, главные побуждения к проступку тщательно выяснены и нравственное настроение подлежащего взысканию хорошо известно наказывающему лицу. Опытный воспитатель всегда сумеет верно разграничить собственно проступки и безразличные действия воспитанников, не спеша приписывать им только кажущиеся дурные побуждения.

Обстоятельность и успех расследования проступка будут неминуемо расшатывать уверенность кадет в возможности избежать взыскания даже и тогда, когда порядок нарушается, что

называется, скопом. Однако *«отнюдь не следует вызывать явные, а тем более тайные, показания товарищей друг на друга, в особенности же когда общий проступок не представляется резко предосудительным в глазах самих воспитанников».* Наконец, в неизбежных случаях назначение взыскания целой роте, всему классу или отделению должно делаться не иначе, как самим директором.

Все взыскания, направляемые только к достижению определенных воспитательных целей, должны быть налагаемы с соблюдением надлежащей постепенности, последовательности, умеренности. При выборе той или иной меры наказания и способа его приложения необходимо сообразжаться как с характером самого проступка или дурного проявления и побуждений к ним, так и с личными свойствами, возрастом, темпераментом, развитием и душевным в данное время настроением виновного; при этом более строгое внимание должно быть обращаемо на такие проступки, которые принимают характер рецидива и в которых выражается неподчинение таким важным нравственным требованиям, как:

- уважение к правилам религии и человеколюбия;
- повиновение начальству;
- почтительность к родителям и к старшим вообще;
- правдивость, благопристойность и скромность;
- добрые отношения с товарищами;
- уважение к достоинству и обязанностям человека и к чужой собственности.

Вместе с тем предписывалось всегда иметь в виду, что некоторые, хотя бы и серьезные уклонения от нравственной нормы, как леность, упрямство, капризы, резкие выходки против наставников и товарищей, тот или другой воспитанник проявляет иногда ненамеренно, под влиянием случайных обстоятельств: временного нарушения его добрых отношений к товарищам, семейного горя или беспокойства о близких ему людях, вообще душевного удручения или раздражения, телесного нездоровья и т. п. В таких случаях участие и снисходительность воспитателя к провинившемуся несомненно окажутся для озорника всего более благотворными. Особой осторожности в применении взысканий требуют как первое время по вступлении кадета в корпус, так и переход его из детского возраста в юношеский, что совпадает

обыкновенно с переводом в IV или V класс.

Все назначаемые меры взыскания, приемы их выполнения, замечания и выговоры отнюдь не должны заключать в себе чего-либо унизительного, подавляющего в юношах, особенно – более взрослых, чувство чести и оскорбляющего их справедливое самолюбие, или же сопровождаться раздражением воспитателя, обидными, грубыми и насмешливыми его выражениями. Необходимо вести воспитанников к тому, чтобы они прониклись убеждением: *для каждого правильно развитого человека гораздо унизительнее заслужить наказание, нежели понести его, когда оно уже заслужено.*

Для того, чтобы не ослаблять значения принимаемых мер, следует избегать частого повторения однородных взысканий в применении к одному и тому же воспитаннику, как равно и одновременного наказания многих.

Наложение обыкновенных взысканий на кадет должно делаться, преимущественно, отделенными офицерами-воспитателями во всякое время, за исключением классных уроков, когда право распоряжения в классе принадлежит учителю; но в неотложных случаях, когда необходимо остановить нарушение порядка, инспектор классов, ротный командир, учитель во время урока и дежурный по роте офицер-воспитатель налагают, по своему усмотрению, более применимые к обстоятельствам взыскания из числа поименованных:

- выговор, сделанный воспитаннику наедине или в присутствии его товарищей;
- неодобрительный отзыв о воспитаннике его родителям и начальству;
- лишение права участия в общих играх и развлечениях, как и вообще лишение тех прав, коими кадет злоупотребляет или же не умеет пользоваться;
- постановка на штраф (на время не долее часа);
- высылка из класса (во время уроков – лишь в случаях крайней необходимости);
- лишение одного блюда за обедом, ограничение его одним супом (не более двух раз в неделю) или же замена пирога и пшеничной булки – ржаным хлебом;
- сокращение срока отпуска на несколько часов;
- лишение права на суточный отпуск;

- кратковременный арест (на срок, не превышающий 12 часов, только днем), с определенным выше стеснением в пище и непременно в одиночном для каждого арестованного помещении под присмотром надежного служителя.

Более строгие меры взыскания, при безотлагательной в них необходимости, допускались только с разрешения ротного командира или директора; без таковой же необходимости все проступки кадет, выходящие из ряда обычных детских шалостей, как равно и проявление порочных наклонностей – по обстоятельном расследовании дела ближайшим воспитателем – должны были обсуждаться в частных собраниях местного педагогического комитета, а в более серьезных случаях, могущих подвергнуть виновного исключения из заведения, подробно рассматриваются комитетом в полном его составе. Определенные комитетом взыскания приводятся в исполнение не иначе, как с утверждения директора и могли состоять:

- в сбавке баллов за поведение;
- в большем стеснении в праве на отпуск;
- в более продолжительном и суровом аресте;
- в лишении вице-унтер-офицерского и вице-фельдфебельского звания;
- в лишении погон на платье;
- во временном отделении от товарищей при особом надзоре;
- в предназначении кадета к исключению из корпуса (только в случае безуспешности всех исправительных мер и на основании установленных правил).

Все вопросы о предназначении кадет к исключению из корпуса должны были решаться в полном собрании комитета, с особою, самою тщательною осмотрительностью, так как прямая задача учебно-воспитательных учреждений вообще, а тем более – преследующих и благотворительные цели, состоит именно в том, чтобы из каждого доверенного им питомца, насколько возможно, приготовить для общества полезного деятеля; исключение же воспитанника из кадетского корпуса лишает, в большинстве случаев, недостаточных его родителей последней возможности дать сыну необходимую подготовку к честно-трудовой жизни.

Относительно всякого рода *телесных наказаний*, прибегать к которым иногда дозволяют себе слабые и раздражительные наставники, Инструкция требовала всегда помнить, что человек, лишенный самообладания, менее всего может быть воспитателем и что каждый удар воспитаннику унижает не только педаго-

гическое, но и человеческое достоинство ударившего, обнаруживая, несомненно, его нравственную несостоятельность. Вообще запальчивость и грубое насилие в деле воспитания не могут быть оправданы никакими соображениями и менее всего – показанием воспитателя, что пострадавший воспитанник сам первый нанес ему личную обиду: при здравом понимании педагогического дела, никакое слово, даже действие воспитанника не может признаваться оскорблением для личности воспитателя ни им самим, ни заведением, ни обществом – по самой сущности воспитательных отношений вообще. В подобных обстоятельствах молодые наставники, начинающие свою педагогическую деятельность, должны быть особенно осторожны и всегда помнить, что долг каждого из них заключается в охранении не столько своего личного самолюбия, сколько общей дисциплины и авторитета целой воспитательной корпорации и что однажды утраченное наставником уважение восстановляется в воспитанниках лишь с большими усилиями. А потому малоопытный воспитатель во всех случаях встречаемого им препятствия к поддержанию строгой дисциплины обязан, оставляя в стороне излишнюю самоуверенность и ложное тщеславие, своевременно обращаться за указанием к своему ротному командиру или за советом к более опытным товарищам.

Крайняя исправительная мера в виде наказания розгами допускалась лишь в тех исключительных случаях, когда, по зрелом обсуждении всех обстоятельств дела, признавалась действительно способною помочь исправлению малолетнего, а не только покарать его. Такая тяжелая мера взыскания назначалась не иначе, как по определению педагогического комитета, утвержденному директором, или по его непосредственному усмотрению и приводилась в исполнение непременно в присутствии самого директора или, по его поручению, ротного командира. При обсуждении вопросов о наказании виновного розгами было необходимо, с полным участием к виновному воспитаннику, принимать в соображение как его возраст, индивидуальные свойства, степень развития, нравственное настроение и вероятные последствия взыскания, так и характер самого проступка, имея в виду, что подобная суровая мера только и может быть признана более или менее уместною лишь в случаях дерзкого упрямства, наглого цинизма, грубого насилия и злости в

их различных проявлениях, когда заведение вынуждено напомнить необузданному мальчику, что над ним есть высшая власть, которая всегда имеет право и силу укротить злой нрав его и вредную запальчивость.

Все меры взыскания, говорила Инструкция, оказывают в деле нравственного воспитания только второстепенное, вспомогательное, лишь временно облегчающее надзор за детьми влияние. Сами по себе наказания не способны воздействовать на внутреннее убеждение воспитанника, не могут изменить в желательном направлении склад его чувств и мыслей. Достигается это последнее только искренним сближением воспитываемого с воспитывающим, а на пути такого именно сближения большую опасность представляют все крутые, суровые, резкие или же мелочные, случайные, часто повторяемые меры взыскания. Не ограничивая себя разумною мерою в употреблении взысканий вообще, воспитатель рискует, ради временного только облегчения некоторых частных сторон своей обязанности, затруднить себя в важнейшей стороне дела – в приобретении серьезного и прочного влияния на вверенных его попечению воспитанников.

Настоятельно выдвигалось требование, чтобы духовное, умственное, военное и физическое воспитание шли рядом, взаимно дополняя и вспомоществуя друг другу. Особое внимание должно обращаться на соразмерное возрасту и развитию воспитанников отношение напряженности их умственных, с одной стороны, и телесных, с другой, упражнений. Воспитание должно всегда помнить, что чрезмерный избыток умственных усилий, особенно в детском и юношеском возрастах, наносит неисправимый вред не только физическому, но и духовному совершенству человека.

С выходом в свет Инструкции кадетским корпусам по воспитательной части устанавливались единообразные требования к педагогическому персоналу этих средних военно-учебных заведений.

К началу правления Императора Николая II в России насчитывалось, вместе с Морским, Пажеским и Финляндским, обладавшими прежним правом делать офицерские выпуски, 23 кадетских корпуса. Государь, как и его покойный Августейший Родитель, воспитанию военной молодежи уделял много внимания

и времени. Он, расформировав корпус в Финляндии (1903 г.), создал еще 8: Ярославский (1896), Суворовский в Варшаве (1899), Сумский, Хабаровский (1900), Владикавказский (1902), Ташкентский Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича (1904), Вольский (1908), и Иркутский (1913). К 1917 году в России насчитывался 31 кадетский корпус.

В разные годы своего царствования Император Николай Александрович пожаловал шефства: Морскому корпусу – Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича, 2-му кадетскому корпусу – Императора Петра Великого, Александровскому и 3-му Московскому – Императора Александра II, 2-му Московскому – Императора Николая I, Донскому – Императора Александра III, Сибирскому, наименованному 1-м, – Императора Александра I, Тифлисскому – Великого Князя Михаила Николаевича, Одесскому – Великого Князя Константина Константиновича, Хабаровскому – генерала от инфантерии графа Муравьева Амурского. Сам Царь принял шефство над Первым и Пажеским корпусами, повелев писать имя Первого именно так – прописью и с заглавной буквы. Без Шефства оставались корпуса: Полоцкий, Псковский, Симбирский, 2-й Оренбургский, Ярославский, Суворовский, Сумский, Владикавказский, Вольский, Иркутский. Но есть документы, свидетельствующие, что готовилось пожалование Шефства Генералиссимуса Российской Армии, фельдмаршала, светлейшего князя Италийского и графа Рымникского Александра Васильевича Суворова корпусу в Варшаве. Наконец, при последнем Императоре и по его Высочайшему приказу корпусам были возвращены или пожалованы Знамена.

В четвертый раз за всю историю кадетских корпусов, после Великих Князей Михаила Павловича, Александра и Михаила Николаевичей, в 1900 году Главным начальником военно-учебных заведений был назначен член Императорской Фамилии – Великий Князь Константин Константинович. Это назначение ознаменовало начало возвышения системы кадетского воспитания до уровня явления национальной культуры.

Восьмой внук Императора Николая I, Константин Константинович с детства был предназначен военно-морской службе. Его отец Великий Князь Константин Николаевич, бывший в царствование Императора Александра II одним из главных деятелей в освобождении крестьянства от крепости, к

тому же, ведал в России и всем военно-морским делом. Генерал-адмирал Флота Российского, он видел своего второго сына только флотским офицером, и мальчик был записан кадетом Морского корпуса. В 1876 году на фрегате «Светлана», в составе эскадры под флагом Великого Князя Алексея Александровича, гардемарин Константин сходил в океанское плавание – побывал в Нью-Йорке. А в двадцать лет – он уже на морском театре боевых действий Русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. За мужество в командовании брандером при атаке на «турка» и уничтожение неприятельского корабля Августейший мичман был удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса.

Однако военно-морская служба была молодому Великому Князю явно не по силам – он всегда отличался незавидным здоровьем. Отец же его не хотел и слушать об оставлении флота. В гневе своем он не принимал никаких доводов, и Константин Константинович всерьез подумывал о том, чтобы вообще удалиться от мира. С просьбой разрешить ему уйти в монастырь он обращается к Императору Александру III, своему двоюродному брату. Государь ответил ему приблизительно так: знаешь, мол, Костя, если все мы начнем от службы по монастырям бегать, то кто же России на грешной земле-то служить будет?..

«Добра» на пострижение в иночество не последовало, но взаимоотношения Великих Князей – отца и сына – Царь уладил, и в 1882 году мичман Константин, с переименованием в гвардейские штабс-капитаны переводится с флота командиром роты Его Величества лейб-гвардии в Измайловский полк. Лямку ротного командира бывший моряк тянет семь с половиной лет. А после этого – еще девять лет без месяца командование лейб-гвардии Преображенским полком. Какому-нибудь интеллигенту это может представиться как «всего семь», «всего девять», но люди военные знают, чего стоит такой многолетний опыт.

Чтобы отчетливее представить Великого Князя воспитателем солдат, обратимся к его дневникам, которые Константин Константинович вел до последнего дня своей жизни. В них он предельно откровенен перед самим собой. Итак лейб-гвардии Измайловский полк, 1-я, Его Величества рота.

Суббота, 19 июля.

...Меня мучает сознание того, что я командую ротой далеко не так, как бы мне того хотелось. Я вполне отдаю себе

отчет в том, что не вникаю достаточно во все подробности хозяйничанья…

Вторник, 12 августа.

В 8-м часу полк выступил по вчерашнему направлению. Миновав Янисьмяки, мы спустились в равнину, составили ружья в кустах и улеглись… Спускалась ночь. Надели шинели в рукава, а офицеры облеклись в пальто. Я закутался в бурку и лег на землю посредине роты. Лежать с солдатами я так люблю; оно приходится сравнительно редко, и в этих случаях я обыкновенно отстаю от кучки офицеров. Как хорошо, когда можешь быть запросто с солдатами, жить их жизнью, дышать их воздухом, вслушиваться в их говор, шутить с ними, отвечать на их вопросы. Тогда те невидимые и почти непроницаемые перегородки, отделяющие наше сословие от солдат, как бы падают, и становишься их товарищем…

Вторник, 26 августа.

…Меня несказанно радует и трогает, что Мите (младшему *брату. – Е. И.) – этому знатоку службы и солдат, нравится наша Государева рота. Он как-то отозвался о ней: «Чудная у вас рота». Он, я думаю, и не знал, сколько доставил наслаждения своими словами. – Я невольно в глубине души еще неясно и как-то боязливо сознаю, что моя привязанность к солдатам, любовь и благодушные отношения начинают отражаться на роте. Неужели я доживу когда-нибудь до полного убеждения, что она – мое создание, что она держится мною и что я действительно имею на нее влияние и держу ее в руках, несмотря на недостаток строгости и редкость карательных мер…*

Среда, 30 ноября 1888 года.

…Занятия [в роте] шли своим чередом. Получил денежные письма в канцелярии и после завтрака выдавал их. Одному – Верхоглядову, неграмотному, я сам прочитал письмо. Боялся, что будут в нем дурные вести, но кроме хорошего, ничего не оказалось: прикупили новых лошадей и земли под подсолнечники. Зато у другого солдата, Подольского, в руках было грустное письмо. Я увидел его с распечатанным письмом в ротной школе, за грифельной доской. Он рассказал мне на мои вопросы, что ему пишут про смерть сына и про болезнь брата. Говорил он об этом спокойно: по-видимому, больной брат заботил его поболее, чем покойник-мальчик. Я думал освободить

Подольского от занятий и хотел с другим, Ваньковским, заняться арифметикой, но за ним подошел к черной доске и Подольский. В нем было заметно желание учиться, несмотря на только что полученные печальные вести. Я учил их сложению и вычитанию.

Суббота, 24 февраля 1890 года.

... За последнее время я как-то стал еще благодушнее к своим ротным солдатам. Мне теперь кажется, что и они относятся ко мне доверчиво. Даже и молодые меня, кажется, не боятся.

Среда, 28 февраля.

...Навестил в Семеновском госпитале больного своего солдатика, бывшего ротного артельщика Архипа Тихонова. У него какая-то опухоль на шее и в верхней части груди; его уже который месяц держат в госпитале, лечение не помогает, а на выписку не пускают. Он очень скучает, как и все солдаты, когда попадут в больницу, и мне стало его жаль.

Понедельник, 3 декабря.

Вчера я уже в 8 утра был в роте, меня встретил новый субалтерн Воронов. Я поручил ему заведовать новобранцами. Первый урок так называемой «словесности» давал им сам. Спросил их, зачем они сюда прибыли, чтобы заставить самих выразить понятие о службе. Этот прием удался...

Среда, 17 апреля 1891 года.

... Вчера утром со всею ротой снимался группой на дворе нашей казармы. Не хватало только двух человек против полного списочного состояния, молодых солдат последнего призыва, больных Белоусова и Дешги, а то все были налицо. Принесли заказанную мною в столовую 1-го батальона большую стенную икону Пресв. Троицы. Она прекрасно написана на целиковой доске...

Пасха, 21 апреля.

На душе у меня грустно. Пришло это (прощание с ротой в связи с назначением командиром лейб-гвардии Преображенского полка. – Е. И.) в Светлый Праздник. Я упрекал себя, что недостаточно благодарен Богу за те счастливейшие 7 лет, что командовал Измайловской ротой... Надо было уходить... Люди выстроились в коридоре. Минкельде сказал, что хотя словами и нельзя выразить, что чувствуешь перед разлукой, но на прощание хочется им благословить меня. Он вызвал [из строя]

Шапошникова. Вышел перед фронт Василий Александрович и заговорил; в руках у него была складная икона Св. Царя Константина и Николая Угодника, обитая красным бархатом. Что он говорил – слово в слово не припомню, знаю только, что говорил он хорошо, задушевно, со слезами в голосе. У меня тоже слезы выступили. Я велел людям зайти справа и слева и сам стал говорить...Потом с каждым поцеловался троекратно. Мне казалось, что я словно покойник, и лежу в гробу, и что они один за другим подходят ко мне с последним целованием. Уходя, я сказал им: «Христос с вами», – да только голос оборвался, и я окончательно заплакал.

Командованию Преображенским полком было отдано почти девять лет жизни. В 1900 году Константин Константинович назначается Главным начальником военно-учебных заведений. Перед уходом от Преображенцев он пишет сонет «Полк». Вот эти стихи:

Наш Полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас – все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

О знамя ветхое, краса Полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою!
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас стерпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное – отвага, доблесть, долг,

Лихая удаль, честь, любовь к отчизне славной,
К Великому Царю и вере православной –
В едином слове том сливается: Наш Полк!

Кадеты и юнкера, жизнь которых должна быть посвящена служению Отечеству на государственном, в основном – военном, поприще, постоянно испытывали тлетворное влияние различных разрушительных теорий, пришедших к нам с Запада и, к сожалению, уже крепко закрепившихся в гражданских учебных

заведениях, особенно в университетах. Главный начальник военно-учебных заведений не мог не понять, что успеха в борьбе со злом за юные души невозможно добиться одними репрессиями. Они – крайность, хотя иногда и безусловно необходимая. Основы воспитания военной молодежи Константин Константинович видел в «Доблести, Добре и Красоте». Он был абсолютно убежден, что наиболее гармонично дети развиваются в обществе своих сверстников при совместном изучении наук, постижении культуры, в том числе заветов предков и традиций, овладении навыками в военном деле и ремеслах. Кадетские корпуса, с его точки зрения, при определенных условиях могут решать задачи гармоничного воспитания в полной мере и лучше других учебных заведений. Условия же Константин Константинович называл следующие: 1) наличие в корпусах персонала, без оговорок соответствующего названной цели; 2) устройство корпусного быта в опрятности, чистоте и красоте; 3) благочестие воспитателей – в пример воспитанникам.

Поэт и боевой офицер, Великий Князь задался целью возродить наконец тот возвышенный дух военной романтики, который после милютинской реформы восстанавливался с огромным трудом. Этот дух отчетливо выражен им в сонете «Кадету», которое знал каждый воспитанник каждого кадетского корпуса.

Кадету

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордишься ей принадлежать душой.
Ты не один – орлиная вы стая.

Настанет день и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринитесь отважно в смертный бой…
Завидна смерть за честь родного края!
Но подвиги и славные дела

Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела.
Ей нужны труд, и знанья, и усилья.
тоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя,
Пускай твои растут и крепнут крылья!

К. Р.

И вот еще что важно. Чем больше знакомишься с Великим Князем по воспоминаниям кадет, юнкеров, офицеров, его и Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны детей, тем сильнее становится впечатление, что последний Августейший Главный начальник военно-учебных заведений светское воспитание будущих офицеров накрепко связывал с религиозным, духовно-нравственным воспитанием. И его очень огорчало, если кто-нибудь позволял себе эту связь нарушать. «Ведь вы ежедневно моетесь и заботитесь о своей внешней опрятности, – говорил он кадетам в присутствии их воспитателей. – Тем более вы должны заботиться о чистоте вашей души: ежедневно читайте Евангелие и благоговейно проникайтесь его чтением.» А Евангелие было у каждого кадета – он получал Книгу при поступлении в 1-й класс корпуса с надписью стихами Великого Князя:

Пусть эта Книга Священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта Книга Спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

К. Р.

Полк. А. С. Гершельман

ОДИН ИЗ СОРОКА ТРЕХ

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш отец всю свою жизнь верил и надеялся, что Россия вернется на свой исторический путь, к исконным традициям; он считал своим долгом записать то, что видел, пережил. Это будет, полагал он, его вкладом в дело возрождения России после падения большевизма.

Все описываемые в его исторической повести «Один из сорока трех» эпизоды являются истинными событиями, хотя и под вымышленными фамилиями. Наш отец кончил Пажеский Его Величества Корпус в 1913 году, в юбилейный год 300-летия Дома Романовых.

В связи с исполнившимся в декабре 2002 года 200-летним юбилеем со дня основания Пажеского Его Императорского Величества Корпуса, ниже публикуются первая и вторая части этой повести.

Буэнос Айрес, Декабрь 2002 г.

Ирина Александровна и Марина Александровна,

(дочери Александра Сергеевича Гершельмана).

ЧАСТЬ 1

I

Вчера выставили зимние рамы...

Когда их осенью вставляли, было тоже очень интересно. Солдат Захарчук дал детям немного замазки, и было так весело делать из нее колбаски, лепить крендельки, катать шарики. Но теперь гораздо лучше, потому что настроение сегодня такое радостное, приподнятое.

Если приставить нос к щели рамы, так чудно из нее дует легким воздухом весны и пряно пахнут распускающиеся тополя. Сквозь вымытые окна ярче краски неба и зазеленевших деревьев, а звуки улицы звонче – будто вся улица стала ближе.

Но у Бобки Шарапова сегодня утром нехорошо на душе. У него произошла пренеприятная история. Недавно был день рождения

старшего брата Петрушки, которому минуло шесть лет. Петрушке на рождение подарили ослика, который качал головой, но Петрушка никогда не давал Бобке играть с этим ослом: ты его сломаешь, говорил он младшему брату. А Бобке очень хотелось поиграть с осликом, так что, когда сегодня утром Петрушка ушел в сад, он, все же, взял ослика. Он с наслаждением его созерцал, двигал по полу, будто тот пасется на лугу, говорил ему ласковые слова, на которые осел благодарно кивал головой, словом, пережил чудные мгновения обладания сокровищем. Но вдруг, по непонятной причине, и без вины Бобки, ослик выскользнул из рук, и неизбежное совершилось: при падении на пол у осла отломилась нога.

Бобка чуть не заплакал от жалости к ослу, но вдруг ему пришла мысль совершенно ужасная – а что скажет Петрушка? Что делать? Он поднял осла и попробовал поставить его на ноги, но калека не хотел стоять и упорно валился на бок. Лишь приставив сломанную конечность, удалось кое-как утвердить его на ногах. Но, как только Бобка начинал его двигать по полу, нога отваливалась, и ослик падал. Бобка был в отчаянии. Хорошо, что никого не было в комнате и он мог собраться с мыслями и обдумать положение. Да, другого выхода не было, как припереть осла к стене, подставить сломанную ногу и ждать событий с надеждой, что, вдруг, нога сама прирастет. Бобка так и сделал и, отойдя к окну, изредка оглядывался на ослика, который понуро стоял в дальнем углу, уткнувшись мордой в стенку.

За окном голубело небо, и в это время под окнами детской начали проходить в церковь роты полка, и размеренный топот их тяжелых сапог был отчетлив и весел.

- Няня, сегодня воскресенье? – спросил Бобка у вошедшей в комнату няни.

- Нет, детка, сегодня царский день.

- Царский день, - протянул Бобка и, расплюснув нос о стекло, стал следить за строем проходящих солдат. – Царский день, что это?

- Ну, день рождения или ангела кого-либо из семьи царя.

- Ааа... маленькая голова заработала: царь – это тот человек, о котором взрослые говорят как-то торжественно, портреты которого очень-очень большие, и который ездит в особенных поездах.

Когда семья Бобки прошлым летом была в деревне, царский поезд проезжал мимо. Вдоль путей стояли часовые. Дети с няней

долго сидели на бугре возле станции, ожидая прохода поезда. Уже пали сумерки на березовую аллею, и небосклон за лощиной стал голубовато-зеленым.

Наконец поезд прошел... Окна были ярко освещены, блистали синие вагоны.

Няня смотрела под колеса убегающему составу, крестилась, велела и детям так делать, - чтобы царь благополучно доехал.

- Напрасно его возят на машине, - рассуждала она.

- Тетя Стеша, - возражала ей племянница, бывшая в доме подняньтой, - охрана ведь есть.

Но няня, Степанида Понурова, не унималась:

- Охрана! Да поезд с рельс сойти может, разве охрана усмотрит. А сколько злых людей ноньче, что только и ждут часа, чтобы всю семью извести, - и няня вспомнила покушение в Борках.

Няня, Степанида Понурова, вполне оправдывала свою фамилию, была нрава меланхолического, с уклоном к слезе и томлению. Она любила кофе и гречневую кашу, и когда накушается и напьется вдоволь чая, у нее кровь бросалась в лицо, и ходили тогда у нее в голове черные мысли. Всякое событие дня становилось поводом для мрачных и трагических предзнаменований. Грянет гром - она уже сетует о тех, кого молния непременно сразит: поезд провожала с предчувствием неминуемого крушения; отъезд был для нее разлукой на всю жизнь. И так расчувствуется, что зальется искренними слезами.

Дети не любили этих няниных слез, сидели нахохлившись и присмирев, только ждали случая, как бы улизнуть. Они не видели горя ни в грозе, ни в путешествии, не могли также понять, отчего няня себя считает сиротой. Сиротами, по их мнению, были маленькие, голодные, нищие дети. Большая же, полная и краснощекая нянька никак не подходила под эту мерку. У нищих не было тоже такого большого, окованного железом, со звоном в замке, сундука, где няня хранила свои, как говорила мама, «сокровища»: шелковое платье, подарок генеральши Степановой, в доме которой раньше жила няня, полотенца, вышитые в крестик или петушками, бисерную сумку и много всякого добра.

По случаю царского дня детей повели в полковую церковь. Она была расположена тут же около казарм полка, которым командовал отец Бобки.

В церкви за литургией детей поставили впереди; служба была

торжественная, стройны были ряды полка, блистали мундиры офицеров, а с образов, как казалось Бобке, прямо в его душу смотрели строгие очи святителей.

Дети стояли смирно, чувствуя торжественность обстановки. Даже Петрушка не вертел пуговицу на своем новом костюмчике, а он всегда это делал, когда ему его надевали. Бобка покосился на брата – тот стоял смирно – нельзя же вертеть пуговицу в церкви, да еще в царский день!

Молебствие заканчивалось. Священник вынес крест, и дьякон, высокий, седой старик, стал провозглашать «многая лета». Бобка не понимал слов, но чувствовал, что происходит что-то очень важное. Дьякон был совсем близко, Бобка видел, как под его стриженными скобкой волосами, на шее, от натуги надулась жила. «Лопнет», - вдруг мелькнула мысль в голове Бобки. Ему стало жаль старого, доброго отца дьякона. И, бессознательно, всеми силами желая помочь старику, он начал подниматься на цыпочки, в унисон возгласу тянуть шею, открывать рот. Он опомнился лишь, когда мягкая рука опустилась на его плечо и поставила его на ступни. Он оглянулся и покраснел до корней волос, лицо отца было серьезно, лишь в глазах бегали искры смеха.

Одновременно дьякон оборвал свой возглас и хор весело и громко подхватил: «Многая лета! Многая лета!». Священник осенял всех крестом, нагибаясь, давал детям целовать распятие и свою, пахнувшую розовым маслом, руку.

Когда шли домой, солнце сияло ярко, по-весеннему, на карнизах казарм весело чирикали и дрались воробьи, голуби ворковали на крышах конюшен. Бобке, позабывшему о горе с осликом, казалось, что вся природа разделяла с полком радость царского дня.

II

Если верить старым планам, хранящимся в музее, сад Пажеского корпуса раньше простирался до самой реки Фонтанки. Разросшаяся столица стеснила его, теперь он граничит с дровяным складом и с заброшенной электрической станцией, вокруг высятся задворки доходных домов.

На заре перестал падать снег, и вся земля, ветви столетних лип, крыши зданий и заборы были покрыты его девственно-белым

покровом. Лишь главная аллея от заалтарной стены костела и до кегельбана была расчищена.

Красноватый шар солнца напрасно силился пронизать своими лучами белесую сырую пелену тумана. Сад был тих... в классах шли занятия. Встрепанные серобокие вороны перелетали с ветки на ветку, сбивая хлопья снега, и хрипло каркали, предвещая новый снегопад. Быстрые синицы суетливо обшаривали стволы деревьев. С улицы доносились звонки проезжавшей конки.

Скоро настанет полдень, и тогда сад оживится - на большую перемену в него спустится резвая молодежь и начнутся игры в снежки, нередко кончающиеся «ледовыми побоищами», катание на салазках с горки, беготня по сугробам.

Но сегодня, вместо шумных игр и крика, от которых воронье спешно разлеталось на соседние крыши, после команды «разойдись» сад не оживился. Забыв про игры, молодежь разбилась на группы, в которых шло обсуждение какого-то важного события корпусной жизни. В роте было не все благополучно.

В группе молодежи Бобка Шарапов с волнением рассказывал о происшествии, взволновавшем всю роту: недавно поступивший в корпус Назимов, сильный и здоровый, ударил по лицу слабого и болезненного пажа Вавича. Оскорбил, пользуясь своей силой. Конечно, Вавич – шляпа, разревелся как баба, но все в роте были одного мнения, что дело это так оставить нельзя, что Назимов должен быть осужден товарищеским судом... и суд над Назимовым должен состояться, пока начальство обо всем не узнало. А оно может легко узнать, так как свидетелем происшедшего был служитель Бигурин, а он наверняка донесет. И что же из этого выйдет? На Назимова наложат взыскание, но взыскание начальства ведь не наказание, а таковым может быть лишь наказание, наложенное судом товарищей.

Да, но какое наказание? Вот в этом и было разногласие, об этом и шел спор.

- Предложить ему уйти из корпуса, - кричали одни, - мы можем это сделать и без начальства, а если он не захочет уходить, создадим ему такую жизнь, что поневоле уйдет.

Но другие возражали: это очень жестоко, покинуть стены корпуса по суду товарищей, это пятно на всю жизнь, пятно на семью. Были такие случаи в истории корпуса, на них ссылались, но и проступки были серьезнее.

- На сугубое положение его, требовали третьи, пока не научится быть достойным наших погон, нашего мундира.

- Мало ему мерзавцу, если не исключат из корпуса, то избить его до полусмерти. Что ему сугубое положение, с него как с гуся вода.

- Да, да, затащить его в умывалку или цейхгауз и там избить его, - требовал горячий Шабашидзе.

- Молчи, осел, - срезал его Герасимов, которому он мешал слушать.

- Отчего молчи? Сам молчи, - кипятился Шабашидзе. - Если никто не пойдет бить, я сам пойду, один пойду. Если боишься, не ходи, трусишь видно!

- Ты пойдешь! «Бежали робкие грузины»... , - парировал Герасимов.

- Господа, господа, - остановили их, - не до ваших споров. Скоро кончится перемена, а вопрос...

В этот момент раздалась команда к построению. Перемена преждевременно прервалась. В чем дело? Неужели начальство уже все знает?

Строй шел через залитый асфальтом внутренний двор, мимо костела, осененного белым Мальтийским Крестом, наверх в ротный зал.

Вошел командир роты, но ждали еще директора корпуса. Вот он вошел. Его породистое лицо было серьезно, смелые открытые глаза смотрели строго.

Герасимов всегда стоял во второй шеренге, он уверял, что там он себя чувствовал больше как дома. Он легонько толкнул локтем своего соседа по строю, Шарапова, и одними губами прошептал: «В мундире корпуса». Все знали, что это значит. Когда директор бывал в хорошем настроении, он ходил в форме стрелкового полка, которым командовал до корпуса.

Поздоровавшись, директор остановился перед строем и, обратившись к офицерам роты, неожиданно сказал: «Попрошу г.г. офицеров не пажей покинуть зал!». Они вышли.

- Пажи, - сказал он, - я знаю о том прискорбном и возмутительном случае, который произошел в вашей среде, вернее, в нашей среде, подчеркнул он. Мы остались сейчас между собой, чтобы обсудить поступок Назимова. Я не нахожу слов, чтобы по достоинству осудить его, я знаю, что и вы не менее меня взволно-

ваны этим случаем. Я понимаю ваше волнение и знаю, как трудно сохранить хладнокровие и чувство меры, когда гнев пылает в сердце, и мы видим, что кто-то из нас, член нашей пажеской семьи, своим поведением попирает наши традиции и оскорбляет заветы нашего Благословенного Основателя и его отца – Царя – Рыцаря.

Такие поступки нельзя карать одним «уставом дисциплинарным». В данном случае устав будет лишь слепой и бездушной стеной, мы же не можем пройти бездушно мимо проступка мерзкого и подлого, оскорбившего нас до глубины души.

- Назимов! Два шага вперед, - скомандовал он, обратившись к виновному.

Назимов вышел и вытянулся в струнку впереди строя. Он боялся посмотреть в гневное лицо директора.

- Господа, - продолжал директор, - я, как старший из здесь присутствующих пажей, сделаю вам предложение о наказании Назимова, но сначала буду говорить как директор корпуса. Я не исключаю его – не хочу огорчить его отца - храброго, верного офицера Российской Армии и нашего однокашника, но снимаю с него погоны, как с недостойного их носить, и арестовываю его на месяц строгим арестом – пусть в одиночестве подумает он о своем поступке. А теперь я, как старший ваш товарищ, предлагаю наложить на него наше товарищеское наказание: на шесть месяцев посадить его на сугубое положение. Пусть никто с ним не разговаривает, пусть никто не взглянет на него, пусть без погон, следуя на левом фланге вашего строя, он все эти месяцы чувствует себя пригвожденным к позорному столбу, как совершивший поступок, идущий в разрез с нашими военными традициями. Наши традиции – это не пустяки, как их хотят представить наши враги. Это не кантики, выпушки и пуговки на наших мундирах. Нет, наши традиции – это часть нашей идеологии, воплощенной в жизнь. Это те неписаные правила, по которым мы живем. Это готовые ответы на каждый вопрос нашей жизни и не только нашей военной, но и нашей общественной и семейной. Вот отчего, прислушавшись к голосу наших традиций, мы все - и вы - юноши, и я – оказались одного мнения в оценке поступка Назимова, вот отчего мы все, без подсказки, знаем, что нам надо делать в данном случае. Согласны со мной, друзья мои?

Сдержанный ропот одобрения прошел по строю.

- А теперь, поговорив о наших делах семейных и осудив по достоинству поступок Назимова, вернемся к нашим занятиям, с сознанием,

что мы совершили свой долг по отношению к памяти наших славных предков, завещавших нам «быть везде и повсюду поборниками справедливости и добра, против несправедливости и зла».

- Попросите господ офицеров войти в роту и позовите Гусева, - закончил свою речь директор корпуса.

Перед глубоко взволнованным строем служитель Гусев ножницами ротного цейхгауза отрезал погоны с мундира Назимова. Ножницы скрипели, преодолевая сопротивление крас-ного суконного канта. Назимов стоял бледный с трясущимися губами...

Ночь... Ночник мягко освещал потолок спальни. У дверей на табурете дремлет дежурный служитель, свет зеленой лампы еще не потушен в комнате дежурного офицера. Утомившаяся за день молодежь спит. Изредка раздается сквозь сон чей-то вздох, невнятный лепет.

Шарапов не может заснуть, он ворочается на железной кровати, смотрит на белый потолок спальни, на полотенце, повешенное над изголовьем, на зеленую овальную дощечку над головой, на которой золотыми буквами выведено: «Шарапов 5-ый». Подушка горит под ухом, от одеяла жарко. Он перебирает мысленно события дня. Наконец, он не выдерживает, спускает ноги и садится на кровать.

Из-за конторки, разделяющей кровати, поднимается голова соседа Мартынова.

- Не спишь, Бобка?

- Нет, не могу заснуть.

- Молодец наш директор.

- О да, - восторженно шепчет Шарапов, - как он хорошо говорил о традициях.

III

Теплые, весенние дни апреля сменились холодной, дождливой непогодой. Непрекращающийся дождь то моросил нудно и скучно, то бился холодными крупными каплями о стекла лагерных бараков. «Ладожский лед идет», - говорили знатоки метеорологических явлений. Но это объяснение было весьма малым утешением, когда во время съемки костенеющими руками не можешь удержать карандаш, а чертеж на планшете мокнет и набухает.

Шарапов стоял с Герасимовым на перекрестке двух дорог и наносил на планшет предметы, его окружающие: окраину деревни,

кусты в овражке, бесконечные болота. Ветер рвал мокрые шинели, туман расстилался по кочкарнику в сторону деревни Паюла, вершина Кирхгофа была еле видна сквозь сетку мелкого дождя.

- Довольно, Боб, спасибо, так хорошо, - говорил Герасимов, которому Шарапов исправлял съемку.

- Постой... вот здесь надо правильно нанести горизонтали, они на самом деле должны проходить восточнее... таак...

- Да кто пойдет их смотреть! – нетерпеливо возражал Герасимов и косился на дома деревни, из труб которых вырывались клубы дыма и, подхваченные ветром, смешивались с туманом.

- Антоха знает эту местность как свой карман, и эта лощина ему хорошо известна. Если ты ее пропустишь, он сразу догадается, что ты скатал чертеж с двухверстки, на которой есть эта ошибка.

Герасимов покорно ежился под порывами ветра и снова косился на деревню. Там, в первом доме, уже собрались соседи по участкам съемки. В доме было натоплено, сухо, тепло...

- Бобка, - вкрадчиво заговорил он снова, - ты, может быть, кончишь без меня, а я пойду в дом. Смерз чертовски. А кроме того, я видел, на дачу уже пришел Яков – шакал, и Назимов, наверное, опять у него скупит весь шоколад. Я пошел бы вперед и взял бы шоколаду на тебя и на себя.

- Ну, нет, - возмутился Шарапов, - я для тебя здесь черти, а ты будешь греться в доме. Нет, стой здесь, иначе брошу и делай сам. Да я уже скоро кончаю.

Герасимов тяжело вздохнул, поднял воротник, засунул руки в рукава шинели и, повернувшись спиной к водяным потокам, устремил жалобный взор на вершину Дудергофа.

- Шарапов, Герасимов, идите сюда, чай готов! На крыльце крайней избы появилась высокая фигура Мешенцева, звавшего товарищей в дом.

- Идем, идем, - оживился Герасимов. – Да, Бобка, кончай же, наконец, черт с ней, с этой проклятой горизонталью и со всей съемкой. Терпения больше нет. Идем!

Изба, где собрались друзья, была типичной «дачей», которых было понастроено так много во всех пристоличных деревнях. Две комнаты по переднему фронту были оклеены обоями и предназначались для дачников. В палисаднике перед домом росли березки и видны были очертания прошлогодних цветочных грядок, из которых теперь торчали лишь кочерыжки засохших

астр. Вход был под навесом крытого двора. В нем стояла, вздымая оглобли к небу, пролетка, под крышей были подвешены сани с номером на задке. Хозяин, как видно, занимался зимой извозом и лишь на лето, когда пустела столица, перебирался к себе на свою болотистую полосу.

У входа в комнату, в которой пахло сохнувшими шинелями, Шарапова и Герасимова встретил рыжебородый «шакал» - разносчик всякого снадобья, папирос, закусок, вина, рома. Надо было удивляться, сколько всякого добра он ухитрялся уместить на своем лотке. Торговля шла бойко - вечно голодная молодежь поглощала все товары в невероятном количестве.

Вошедших встретили веселыми криками, свидетельствовавшими, что чай был для согревания обильно подправлен ромом.

- Садитесь, я вам рад, откиньте всякий страх и можете держать себя свободно!.., - продекламировал Мешенцев, бывший слегка навеселе и разыгрывавший роль хозяина. – Яков, еще рому!

В углу комнаты пылала большая круглая печь, весело потрескивали березовые поленья, распространяя вокруг свою душистую теплоту.

Окна запотели, грязные потоки скатывались в углы стекол, где еще с прошлого года оставалась пыльная паутина с засохшими в ней мухами. Молодежь весело болтала, сидя вокруг стола, на котором стояли стаканы чая, лежал хлеб, колбаса. Было тесно на сдвинутых к столу скамьях, но зато сухо и тепло.

Мешенцев вынул из кармана пачку фотографий.

- Смотрите!

- Покажи, покажи, - жадно набросился Герасимов.

- Да ты раньше сними шинель: с рукавов у тебя течет, как из водосточной трубы, - весело отстранил его Мешенцев.

Взрыв веселого смеха встретил демонстрацию снимков Мешенцева.

- Что это такое, на кого ты похож, где это ты снялся?

- Здесь, в Дудергофе. Постойте, расскажу по порядку. Это прямо анекдот.

- У тебя, Мешенцев, всегда все анекдот.

- Слушайте! Иду я с планшетом по Дудергофу. Сыро, холодно, пошел дождь. Я укрылся в подъезде и читаю вывеску: «Столичное фотографическое ателье. Работает быстро и аккуратно для гг. военных и цивильных». Вышел хозяин, пригла-шает войти,

переждать дождь. Я вошел. Разговорились: как дела? – Спасибо, говорит, жаловаться не могу. В Питере у меня тоже ателье, а летом, вот, работаю здесь. Я - военный фотограф, как войска в лагерь, так и я за ними. Работы много, вся, можно сказать, Гвардия – у меня клиентами. – Да ну, говорю? – Да, да, - говорит, - ателье у меня первоклассное и построен его успех на психологии. – Как так, - удивился я, - на психологии?.. – Вот извольте пройти в ателье-съ, я вам все сейчас изложу. Вошли мы в большую комнату со стеклянным потолком и застекленной сте-ной, я так и ахнул. Повсюду панно, на которых изображены всадники и пешие. А кони - вздыбленные звери, а не кони, шеи дугой, из ноздрей клубы пара, а сами всадники в кирасах времен Александра Македонского, в поднятых руках мечи неимоверных размеров; рядом гусары размахивают кривыми окровавленными саблями, драгуны скачут через трупы пораженных ими турок... А дальше пехота: преображенцы, стрелки, павловцы со штыками на перевес... Словом, вся Гвардия Царя. И все эти бравые герои без голов!

- Как без голов?!

- Ну так – без голов. Над воротником дыра, а над дырой шлем, каска с плюмажем, кивер-шапка. – Объясните, - говорю хозяину, - что сие означает, что это за притча? – Очень просто-съ, - говорит. - Гвардейский солдат, как вам известно, страсть как любит свой полк. Вы в какой полк выходить изволите? Я ему назвал полк, в который принят. – Хороший полк, - похвалил он... - Так вот, когда чины полка уходят в запас, всякий из них любит дома похвастаться перед односельчанами своей службой в Питере. Вот и снимаются. И фотограф показал мне целый ряд снимков солдат группами и в одиночку: вид грозный, шашки обнажены, ну, точно только что вернулись с поля сражения. – Но есть, - продолжал он, - целый ряд людей, своей судьбой неудовлетворенных: одного мечта была служить на коне, а на разбивке молодых командир корпуса, за его весьма вздернутый нос, определил его Л. Гв. в Павловский полк. А есть такие, что в письмах сообщили домой, что несут службу в гусарах, а на самом деле тянут лямку в саперах и т.д. Вот тут-то им на помощь и приходит мое «психологическое ателье». Еще при входе надо угадать желание клиента, дать товар по вкусу, поставить в позу по нраву, облечь в мундир по мечте. В этом помещении, при помощи этих панно, я превращаю преображенца в драгуна, стрелка в гусара или

наоборот. Меня, - продолжал Мешенцев, - это ателье с «психологией» так увлекло, что я провел в нем с час, а то и более. А потом, в благодарность за гостеприимство, решил и сам сняться тоже с «психологией».

И Мешенцев показал свою фотографию: конь взвился на дыбы, в руке меч под стать самому Илье Муромцу, а в прорезе над кирасой грозное лицо самого Мешенцева.

- Причем тут «психология»? Отчего тебе для «психологии» надо было сниматься в этих средневековых латах?

- Ну как ты не понимаешь! Разве ты не чувствуешь в этих изображениях неотразимость и мощь. Психология здесь, конечно, учтена не моя.

- А чья же?

- Милых дачниц из деревни Горская, - хохотал Мешенцев.

- Потому-то он их и заказал две дюжины, - хохотал Герасимов.

Дверь снова отворилась, и в рамке ее появилась новая мокрая фигура в шинели, с планшетом через плечо. С фуражки капала вода на красный, обветренный и лупившийся нос.

- Здорово, Власов, - кричал Герасимов, - дайте Власе чаю и побольше рому. Где был, зубрила – мученик?

- Нет, не надо, - защищался Власов, - чаю да, но без рому, я еще не кончил чертеж.

- Лейте ему рому, - приказал по должности хозяина Мешенцев, - пей!

- Подожди, сейчас, дай рассказать новости.

- Что? Что такое? Какие новости?

- Встретил я на участке Антоху. Через две недели заканчиваются съемки и мы уезжаем в Москву на торжества 300-летия Дома Романовых, а оттуда прямо в полки раскомандируемся до производства.

- Ура! Ура!, - раздалось со всех сторон.

IV

Первопрестольная встречала гостей вся принаряженная, расцвеченная флагами, через край хлебосольная.

Шарапов с товарищами стояли в «Княжьем Дворе», что неподалеку от храма Христа Спасителя. После служб во Дворце они были свободны и пользовались этими отпусками широко. У

Бориса были в Москве друзья, жившие в районе Пречистенки.

Покинув шумный московский центр с его суетливыми торговыми рядами, обжорными лабазами, оживленным Кузнецким Мостом, было приятно окунуться в своеобразную сеть тихих московских переулков. Там, наряду с чудными особняками, украшенными Александровскими колоннами, мирно уживались старые деревянные домики с мезонинами и досчатыми заборами, через которые перевешивались грозди цветшей в ту пору сирени.

После величественных петербургских проспектов, монументальных невских гранитов, всего блеска северной Имперской столицы, Москва со старинными башнями Кремля, древними церквами, торговыми лавками, с ее «Патриаршими Прудами» и «Собачьими Площадками», с уютом «Кривоколенных переулков», открывала Шарапову новые картины России, ее вторую душу.

В Москве отображались одновременно и мощь Империи Российской, и широта ее безграничных просторов, и сытость ее богатств, и святость ее монастырей - словом, все то, что в представлении Бориса было Россией. И часто, стоя во время молений в кремлевских соборах, он ощущал намоленность этих стен, благословенность этих святых мест.

Торжества, в которых он участвовал в эти дни общей радости, в историческом обрамлении московской старины были еще лишним подтверждением величия той идеи, которой он собирался служить. Но особенно глубокое впечатление оставила у него по себе одна из церемоний при дворе.

Небольшой дворцовый аван-зал; сердце усиленно бьется в ожидании торжественного придворного выхода. Последний осмотр: подтянута золотая портупея, расправлен белый из конского волоса султан на каске, малейшая пылинка снята с черного, расшитого золотым галуном мундира. Тут же чины двора, свита. Сдержанные речи, последние спешные распоряжения...

- Как обидно, что в такой торжественный день погода выдалась неважная, - обращая взор к окну, говорил высокий старик в свитском мундире. – Вся Кремлевская площадь заполнена ожидающим выхода Государя народом, а как бы дождя не было.

- Дождя не будет, - спокойно отвечал ему собеседник, - разве бывает дождь в дни появления Царя перед войском или народом. Не припомню ни одного парада Майского или Красносельского, ни другого торжества, когда бы шел дождь. И сегодня дождя не будет, - солнце засияет.

Камер-пажей пропустили во внутреннюю гостиную, где собралась в ожидании Императора Августейшая Семья. После поклона, Шарапов вытянулся в нескольких шагах за великой княгиней, к которой он был причислен. В молодости она была воспета Глинкой как «Звезда Северная», теперь она, хоть и пожилая, все же соединяла в себе царственность внучки Императора Николая I с очаровательной человечностью, присущей ее отцу Царю – Освободителю.

Вошел Государь: «Здорово пажи!». Строен и звучен был их ответ Императору.

Шествие двинулось. По роскошным залам Большого Кремлевского дворца шпалерами стояли депутации. Шарапов, следуя за великой княгиней, старался ступать, как ему казалось, легко и красиво, по предательски скользкому блестящему полу зал.

За окнами разворачивалась пестрая панорама Замоскворечья. Хотя дождя не было, но погода продолжала быть пасмурной, и серо-белые облака закрывали своими клубами все небо.

- Где же солнце? – думал Борис, вспоминая слышанный разговор. - Неужели не будет солнца?..

В Георгиевском зале шествие остановилось. Московское дворянство подносило хлеб-соль, предводитель говорил речь, выражая чувства преданности Императору. Государь отвечал.

Шарапов стоял тут же, ловя каждое слово, не сводя глаз с лица Царя. Оно ему было давно знакомо по портретам в казармах полка, по залам корпуса, оно повсюду, на каждом шагу, стояло перед ним. Теперь Шарапов видел Государя совсем близко, его русую, начинающую седеть бороду, его чистые, слегка грустные глаза. И чувство преданности Императору, воспитанное в нем с детства, получило за эти дни какую-то реальность, в особенности после того, что в случайном разговоре с ним Государь улыбнулся ему своей незабываемой улыбкой. С тех пор Император Всероссийский стал для Шарапова «его Царем».

- Неужели не выйдет солнце? - все думал Борис, поглядывая в окно. Эта мысль становилась у него навязчивой. Радость торжества, объединившего, казалось, всю Россию должна была быть завершена и знамением небесным. Если не будет солнца в эти часы, не будет благословения Божьего на Россию. Но он тут же отгонял эту мысль, как глупую и неуместную. Но она возвращалась.

- Пусть солнце выйдет, - напрягая свою волю, думал он, - пусть оно явит благословение Божье, пусть совершится чудо!..

Речи закончились. Государь, минуя парных часовых, застывших в приеме «на караул по-ефрейторски», вышел на Красное Крыльцо, и одновременно порыв ветра разорвал облака и лучи солнца залили чудную незабываемую картину.

Вся площадь древнего Кремля от Грановитой Палаты и до Спасских Ворот была занята толпой празднично одетого народа. Отдельных лиц разобрать было нельзя, пятнами казались темные, русые головы мужчин, с ними перемешивались блики светлых женских шляп и платков.

Звон колоколов, крики народа, звуки гимна – все слилось в то нарастающий, то ослабевающий ликующий аккорд.

По крытым красным сукном ступеням Царь сходил к народу, ближе становились люди, отчетливее их лица. Вот средних лет крестьянин, красный от натуги, неистово кричит «Ура!», какая-то молодая женщина улыбается и тоже кричит что-то, рядом старуха вытирает углом головного платка слезы и что-то говорит в сторону Государя – не то молится, не то благословляет Его – Помазанника Божьего.

Шествие медленно двигается дальше, направляясь к Успенскому Собору. Солнце заливает своими лучами всю площадь Кремля, златоглавые соборы, Царя, народ.

V

В одном из больших ресторанов на Каменноостровском проспекте выпуск Шарапова собрался, чтобы отпраздновать свое производство в первый офицерский чин Российской Императорской Армии.

Сорок три молодых, радостно улыбающихся лица сидело за накрытым покоем столом. Сорок три полных надежд юных сердец билось под сукном новых, украшенных белым крестом, кителей. Общее оживление и радость лишь изредка прерывались тенью сожаления перед расставанием с товарищами, после стольких проведенных вместе лет.

Разлили по бокалам искрящееся шипучее вино и одновременно всем разнесли коробочки, на дне которых лежали выпускные кольца: в золото вложенный стальной обруч, на котором было

выгравировано: «Один из сорока трех», а внутри кольца имя и фамилия владельца, день и год производства; символическое значение этих колец: Будь тверд как сталь и благороден как золото.

Господа, господа, - вдруг заговорил Мартынов, - пусть вам снова нальют стаканы; я прошу минутку внимания, я хочу сказать несколько слов сегодня в день нашего расставания... Господа, сегодня, как принято выражаться в таких случаях, переворачивается страница нашей жизни: кончилось наше отрочество, началась служба. Прощаясь с родным корпусом, мы прощаемся друг с другом. Многие остаются здесь в столице, но многие из нас разъезжаются по разметанным по лицу Земли Русской гарнизонам, и тысячи верст разделят нас. Обещаем друг дружке, хоть раз в год, как это делают выпуски старше нас, собираться на общий ужин и таким образом поддерживать нашу спайку. Кто не сможет приехать, телеграммой отзовется на нашу перекличку. Сегодня каждый из нас надел наше выпускное кольцо. Пусть они, эти кольца, будут символом нашего единения, пусть они станут звеньями той цепи дружбы, которая нас связала неразрывно на всю жизнь. Ура нашему корпусу! Ура нам! – и Мартынов залпом осушил свой бокал.

VI

Лагерный сбор в Красном Селе протекал давно установленным порядком: стрельбы, учения, состязания, смотры, Окружная Скачка, «Заря с Церемонией».

Несмотря на тревожные сообщения газет о сербском инциденте и остроту политического положения, объявление войны все же явилось неожиданностью. Три дня спешной мобилизации - и кавалерия, погруженная в эшелоны, отправляется на фронт. Растаял в утреннем тумане золотой купол Исаакия, далеко позади остались вершины Дудергофа и Кирхгофа, промелькнули сады Гатчины и песчаные холмы Луги. Повсюду на станциях толпы народа, бодрые пожелания, цветы, речи – будто на праздник провожали полки, а не на смерть.

После нескольких дней разведочной деятельности на границе, российская конница широким потоком хлынула в Восточную Прусию.

Ранним, ясным августовским утром Шарапов вел в авангарде дивизии взвод конной артиллерии, в котором он был вторым офицером. С ним рядом, командуя прикрытием артиллерии, ехал Герасимов. Лица солдат похудели и еще больше загорели, ремни тяжелой походной амуниции резали с непривычки плечи; кони, стоя сутками под седлом, сильно опали, но настроение войск было бодрое, полное воинственного задора и уверенности в себе.

- Как ты выдерживаешь всю эту тяжесть на плечах? – говорил Герасимов, указывая на амуницию Бориса. - Шашка, бинокль, револьвер, походная сумка... Мы уже начали разгружаться – шашку и сумку приторочили к седлу.

- Шашка в цепи не нужна, конечно, нам же, артеллиристам, перебежек не делать.

- Здорово, друзья, - раздался громкий голос Мешенцева, и, поравнявшись, он перевел свою кобылу на шаг. – Сегодня наш эскадрон в резерве, а потому меня ординарцем к начальнику дивизии отправили. Сейчас он нас нагонит.

- Ну и трепка, - продолжал он, - третьего дня вернулись из разъезда, вчера весь день наступали цепью, сегодня ординарцем. Наш вахмистр, Степан Иванович, только головой качает, куда девались тела коней! И это за несколько дней похода, а что будет дальше! Что мы, люди, это выдерживаем – не чудо: сознание необходимости, чувство долга, но у коней наших ни сознательности, ни чувства этого ведь нет. Хотя, моя Машка все отлично понимает. Умница ты моя, - и он любовно потрепал сухую шею своей лошади.

- Сегодня отдохнешь, начальник штаба говорил, что не ждет встречи с противником.

- Ах! Что эти «моменты» знают. Все их предсказания – лишь гадание на кофейной гуще. Из разъезда мы привезли другие сведения: противник скапливает войска на нашем фронте. Да и не может же допустить «герман», чтобы мы вторглись в его пределы, а он не постарается хоть как-нибудь нас задержать, - так мы скоро и до Берлина дойдем!

- Повод вправо! – раздалось по колонне.

- Начальник дивизии едет! Прощайте, друзья, храни вас Христос! Ну, Машка, пошли, - и, разобрав поводья, Мешенцев двинул свою кобылу рысью.

- Мешенцев какой-то скучный сегодня, - прервал молчание Шарапов.

- Устал.

- Ни шуток, ни острот, этого с ним не бывало.

Они замолчали. Кони вяло переставляли ноги. Впереди, по обочине обсаженного яблонями шоссе, растянулись эскадроны авангарда. Вдоль дороги-пастбища, огороженные проволокой, на лугах пасется черно-пегий скот. Кое-где приветливые фольварки, деревни. Всюду довольство, сытость и мир...

- Та-ку, вдруг послышался выстрел.

- Начинается, - проговорил Герасимов, - «момент» снова напророчил мимо.

- Таку, таку, таку...

Эскадроны остановились. Не спешиваясь, усталые люди, опираясь на луки седел, смотрели в сторону выстрелов. Группа всадников, отделившись от колонны, поднялась на бугор.

Та-та-та-та-та, протарахтела пулеметная очередь, снова раскатилась ружейная стрельба.

- Это уже наши отвечают, - проговорил взводный Новиков.

Шарапов молча мотнул головой.

Перестрелка быстро разгоралась, захватывая новые отрезки фронта. От группы начальника дивизии отделился ординарец и поскакал к колонне главных сил.

- «Ломайло» будет, - сказал Герасимов.

К Шарапову подскакал разведчик Горохов: Ваше благородие, командир приказал выводить взвод на позицию.

- Шагом марш! – скомандовал Борис и, только взвод тронулся, перевел его на рысь. – Где позиция?

- Вон там, вправо, на сжатом поле.

- Открытая?

- Никак нет, маскированная. Его благородие, поручик Мобур, с командиром на фольварке, вам приказали оставаться у орудий.

Перед тем, как перевести взвод на галоп, Шарапов крикнул Герасимову: - Я буду у орудий, держи со мною связь цепочкой, - и, обращаясь к взводному, - Ну, держись, Новиков, сегодня поработаем.

- Не подгадим, ваше благородие, - весело отвечал тот, - или грудь в крестах, или голова в кустах!

Шарапов улыбнулся и, повернувшись в седле лицом ко взводу, дал знак к галопу.

Мощные кони рванулись вперед и легко вынесли орудия на

сжатое поле... Одновременно, высоко над головами, пронеслись и разорвались сзади первые шрапнели врага.

Вмиг были сброшены орудия с передков, и взвод начал отвечать на огонь противника. Привычным движением открывались затворы, подносились снаряды, наводчики дергали шнур, орудия вздрагивали, тела их откатывались и снова накатывались.

Шарапов, хотя не мог видеть цепей, но имел возможность следить за развитием боя. Вскоре артиллерия противника нащупала взвод. Сначала очередь легла перед взводом, потом, со свистом, пролетела над головами. Снаряды разорвались во дворе фольварка, где стояли передки, но вскоре вилка сузилась, и они стали рваться перед самыми дулами пушек, осыпая шрапнельным горохом щиты орудий.

Прошло уже больше двух часов. Запас снарядов начал приходить к концу, поднос же их по открытому, сильно обстреливаемому полю, был затруднен. Взвод отвечал на огонь немцев реже, появились раненые, настроение людей понизилось. А бой все разгорался. Слева и сзади, в лощине, стали остальные взводы батареи. Ружейный огонь, поддержанный длинными очередями пулеметов, уже не прекращался вовсе.

Скрываясь за снопами, припадая под очередями шрапнели, люди от передников подносили снаряды, и взвод возобновлял огонь.

Но были и роздыхи.

- Что у вас? – спросил Шарапов добежавшего с лотком снарядов канонира Самосюка.

- Так что, в передках лошадей несколько побило. Как «он» саданет по вашему взводу, а перелеты по фольварку. Теперь отвели в сторону.

- А это вам, ваше благородие, Евменчик шлет, - и, засунув руку в карман синих рейтуз, Самосюк достал яблоки. Сегодня, ведь, Спас. Хотя они и не освященные, ну, а все же, как же, Спас – и без яблок!

- Что они не освященные – полбеды, лишь бы не были бы они ворованные, - смеясь сказал Борис, - откуда взял их Евменчик, не с фольварка ли, где мы сегодня ночевали?

- Никак нет, зачем краденные, хозяйка сама дала, возьми, говорит, на дорогу.

- И как это она ему сказала «возьми на дорогу», немка-то! Вокруг засмеялись. – Ну, смотрите, население не обижайте, не с

бабами воюем, а с войском «германа».

- Так точно, они ведь тоже люди, зачем их обижать.

- У нас на Спас в селе стольный праздник, - говорил наводчик Силантьев. Ух, хорошо, яблок – хоть завались в садах, девки хороводы водят, веселье до ночи...

- Еще что вспомнил, богомаз, - улыбается взводный, - дай «германа» наперво одолеть, столицу его занять, а там и по домам.

Но перерыв в огне по взводу длился недолго, снова запели свою смертоносную песню пули, предательски завизжали осколки рвущихся снарядов.

По сжатому полю несется ординарец. Шарапов узнает Мешенцева.

- Держись, Борис, - кричит он Шарапову, - держись, брат, наша берет! И он проносится дальше на своей взмыленной кобыле.

С наблюдательного пункта сообщают об успехе батареи, взявшей под сосредоточенный огонь артиллерийскую позицию немцев. Но и по ставшему нервным и неточным обстрелу своего взвода, Шарапов замечает затруднения противника.

Самосюк снова появляется с лотком, вытирает потный лоб и докладывает, что эскадрон резерва собирается атаковать германскую батарею. И действительно, из-за фольварка показываются вороные кони разворачивающегося эскадрона.

От взоров врага его еще прикрывали бугры. Поравнявшись со взводом Шарапова, эскадрон перешел на галоп и поскакал к мельнице, откуда била немецкая батарея. Командир эскадрона дал знак к атаке, офицеры его повторили, среди них Шарапов узнал Мешенцева.

- Куда же он? Ведь он ординарец, - мелькнула мысль, но думать было некогда - взвод присоединил свой огонь к огню батареи, добивая артиллерию противника.

Фланговые всадники эскадрона проскакали почти рядом с действующим взводом, пригнувшись к луке, с пиками наперевес. Шарапов скомандовал: «Огонь!», - лошади шарахнулись, и фланговый унтер-офицер эскадрона злобно передернул своего коня, ставя его на место.

Эскадрон прошел гребень холма, и на мгновенье на ближайшем фронте установилась тишина, разом прервавшаяся грозным раскатом «Ура!» и беспорядочной стрельбой.

Немецкая батарея дала залп, из которого один снаряд

разорвался высоким «журавлем», другие разбросались в поле. «Ура!» разрасталось, видно, цепи также поднялись в атаку. Огонь стал совершенно беспорядочным. Наши пулеметчики с холма направо бегом перекатывали пулеметы вперед. Все двинулось вслед дрогнувшему противнику.

Взяв орудия в передки, Шарапов пошел в деревню, только что оставленную противником.

Вокруг следы боя, окопчики, около пулеметных гнезд кучки расстрелянных гильз, мертвые тела, люди в белых повязках выносят раненых. Здесь проходила атака эскадрона, кое-где лежали трупы убитых вороных лошадей.

Вахмистр Степан Иванович ехал по полю.

- Пристрели ее, - приказал он, указывая на лошадь под офицерским седлом, лежащую на земле и тяжело дышащую, - чего ей зря мучиться. Да не так, дурья голова, - вдруг раздраженно крикнул он солдату, приготовившемуся выстрелом прекратить страдания животного, - в лоб стреляй, между глаз, а седло и оголовье сними. И он отвернулся.

- Нашего корнета Мешенцева убило, - подъезжая к Борису, проговорил вахмистр, и его бородатое лицо передернулось гримасой страдания. И кобылу их ранило, сейчас пришлось пристрелить.

- Мешенцев убит! – воскликнул Борис. – Как же так? – нелепо спросил он и умолк. Не хотелось верить, что смерть стала такой близкой возможностью.

- Во время атаки, - продолжал Степан Иванович, - а ведь могли не ехать, ведь ординарцем... Нет, уговорили командира эскадрона: разреши, да разреши, пусти в атаку, как же так, эскадрон атакует, а он не участвует, - и какой-то отеческий укор слышался в голосе старого вахмистра.

- Где он? – спросил Шарапов.

- Вон там, в крайнем дворе.

Поставив взвод в указанное место, Борис отпросился проститься с Мешенцевым.

Он нашел его тело лежащим на сене под навесом крайнего двора. Побледневшее лицо, прикрытое от мух платком, еще сохраняло теплоту молодого загара, оно было спокойно и ясно, только приоткрытые глаза застекленели. Руки были сложены на груди, и между пальцами и под посиневшими ногтями запеклась

уже чернеющая кровь. Казалось, покойный хотел рукой остановить кровь, брызнувшую из раны, задержать ускользающую жизнь...

Шарапов встал на колено перед телом друга и, перекрестившись, поцеловал его гладкий холодеющий лоб.

- Жаль беднягу, - раздался голос за ним.

Борис встал и оказался лицом к лицу с командиром эскадрона.

- Вот что, Шарапов, - продолжал последний, - здесь вещи Мешенцева, ты был с ним дружен, возьми к себе и перешли его родным с первой оказией. Вот его часы, бумажник, хотя на нем кровь, но бумаги целы, крест с ладонкой и его выпускное кольцо.

Шарапов принял вещи. Его взгляд задержался на кольце: стальной, вложенный в золото, обруч... Первое звено из цепи выпало: один из сорока трех пал смертью храбрых.

ЧАСТЬ 2

VII

Закинув руки за голову, Шарапов лежал одетым на кровати. Его единственная пара ботинок сушилась у хозяйки на кухне.

Комната, которую он нанимал в Выборге, после своего бегства из Петрограда, была небольшим и узким помещением. Но и в этой комнате ему разрешалось пользоваться лишь кроватью, столом и одним ящиком в комоде, т.к., вследствие малой и неаккуратно вносимой платы, хозяйка отказалась полностью передать ему владение этой комнатой.

На стенах висели портреты родственников хозяйки. На них чужие ему мужчины сидели, расставив ноги, а жены их, отставив мизинчики, доверчиво облокачивались на их плечи. Над кроватью, вышитая бисером туфля содержала давно остановившиеся серебряные часы с цепочкой.

Вся это чуждая ему обстановка и постоянная зависимость от капризов сварливой хозяйки «зажимали Бобку в щель», как выражался Герасимов. Привыкший к свободе российских просторов, он не мог освоиться в тесноте вновь возникших государств с непреодолимостью их границ, словом, с новым для него положением политического беженца.

Вот и сейчас. За заливом, в Прибалтике, разгоралась борьба.

Эсты боролись за свою самостоятельность. К ним присоединились отряды русских белых, расширивших свою борьбу за освобождение родины до открытых выступлений с оружием в руках. Туда стремился Борис. Редкие, правда, сведения приносили имена друзей, знакомых, находящихся в рядах добровольческих отрядов. Но все попытки Шарапова добиться проезда в Ревель кончались неудачей. Он был в отчаянии.

Он лежал на узкой кровати, рассматривая трещины и пятна сырости на потолке своей опостылой комнаты, ждал, пока высохнут ботинки, чтобы снова бежать в русский комитет, где ему обещали помочь в деле переезда.

Раздался звонок, и хозяйка, ворча, прошлепала открывать дверь. В комнату, не дожидаясь ответа на стук, вошел Герасимов.

- Я к тебе по делу, Боб, - заговорил вошедший.

- Какому? – отозвался Шарапов, - если хочешь денег, Алеша, то пришел напрасно. Мои вещи в комиссионном магазине до сих пор не проданы. У меня нечем даже комнату оплатить.

- Так что Боб сидит на бобах, - попытался сострить Герасимов, но Шарапов даже не улыбнулся. – Нет, я пришел не за деньгами, у меня деньги есть. Тетку свою «подковал», специально ездил для этого к Рауху на Иматру. Я с другим к тебе.

- Ну расскажи, - вяло проговорил Шарапов, приподымаясь на локте, чтобы достать папиросу со стула, заменяющего ему ночной стол. – Курить хочешь?

- Спасибо. Так вот, у меня к тебе предложение, - закурив, начал Герасимов.

- Что за предложение?

- Как ты знаешь, я состою в одной организации.

- Так, как и каждый из нас.

- Знаю. Но моя организация не чисто военная, как все. Мы себе ставим также известные политические задачи. Так вот... Но, Бобка, раньше, чем продолжать, я должен взять с тебя слово, что ты ни с кем не будешь говорить о том, что я тебе скажу.

- Что за таинственность! Хорошо, обещаю.

- Моя организация, вернее, организация, в которой я состою, чисто монархическая...

Борис рассмеялся: - Да кто же из нас не за Царя!

- Ясно, ясно, ты прав, но согласись, что ввиду того, что об этом нельзя говорить громко, мы принуждены... Ну вот,

например, наши общественные деятели из комитета...

- Чорт бы их всех побрал, этих общественных деятелей. Надо бороться делом, а они пустословят. Керенщина продолжается и здесь.

- Совершенно ты прав, если бы все дело принял на себя Юденич, было бы лучше, но сам знаешь, союзники хотят знать голос общественности и т.д. Вот я хочу тебе...

- Да, но я-то хочу воевать, а не заниматься политикой здесь...

- Я и не предлагаю тебе этого, прослушай до конца. И, выпустив клуб дыма, Герасимов продолжал: - Здесь в Финляндии скрывается, живя под чужой фамилией..., - и Алеша, наклонившись к Шарапову, прошептал имя.

Бобка привскочил: - Не может быть, - недоверчиво воскликнул он.

- Я сам был у него только что. Он скрывался на даче в Райволо, но, по-видимому, его предал этот мерзавец Марский, и он был арестован, выскочил из поезда, в котором его везли на север, и теперь он здесь. Он хочет перебраться отсюда в отряды Родзянки. Здесь ему оставаться нельзя. Добравшись на тот берег залива, он предполагает образовать там нашу сеть верных людей, которая охватит все отряды, и через нее вести нашу работу.

Шарапов не сводил загоревшихся глаз со своего собеседника.

- Ну, дальше, дальше.

- Он ищет людей для этого. Я ему говорил о тебе, он хочет с тобой поговорить. Может быть, ты войдешь в нашу организацию. Подумай, как хорошо было бы нам создать что-то вроде ордена, с оружием в руках бороться с нашим общим врагом и одновременно среди населения, у бивачных костров, вести пропаганду, разъяснять всем и повсюду, что мы потеряли в монархии и отчего ее надо воссоздать. Но, чтобы вести такую работу, надо иметь верных людей, не только разумом понимающих монархию, но и любящих ее всей душой.

- Да, да, я понимаю. Я готов поступить к вам, - восторженно воскликнул Шарапов, - чему, как не этому делу, можно отдаться всей душой, всем сердцем своим. Монархия – это так красиво!

- Но, чтобы начать эту работу, надо быть на том берегу, - тут же спохватился он, - а нас туда не пустят, в особенности с твоим...

- Силуаном Ивановичем, - вставил Герасимов, - его теперь так зовут. Ясно, что единственный путь для нас – путь тайный, через залив.

- Ну, и..?

- Слушай. Сегодня утром я был на базаре, - салаки купить хотел. Вдруг вижу у одной торговки лежит «она».

- Кто?

- «Она» - селедка. Конечно, я набросился, купил, сколько мог, думал, и тебе принесу, размечтался о водочке к ней. Герасимов вынул из портфеля продолговатый пакет и развернул жирную бумагу: «Смотри, любуйся!»

- Я уже вышел с базара, - продолжал он, - как вдруг меня осенило. Селедка!.. А откуда она взялась? Ведь здесь ее не ловят. Я обратно к торговке, а она - русская. - Откуда, спрашиваю, селедка? - Рыбак с острова Лавансаари привез. - С Лавансаари, говорю. И еще раз приедет? - Да он еще здесь, никак сегодня или завтра уезжает, а потом и снова привезет. Как продаст груз здесь – уедет, а потом снова сюда обещал быть. Селедки хорошие, давно их здесь не было, хорошо продаются. Но я не слушал ее и помчался в порт, нашел чухну, и завтра утром рано можно ехать. Хочешь с нами, Боб?

Борис вскочил и бросился обнимать Герасимова.

- Алеша, дорогой, что за вопрос, конечно, хочу, хоть сейчас!

- Отлично, тогда идем к «дядьке» - это кличка Силуана Ивановича.

Ботинки были одеты немедленно: - Я готов, идем, Алеша. Селедки забери.

- Оставь, вернемся, поужинаем у тебя, водки достанем, вспрыснем отъезд.

VIII

Когда Шарапов вошел в комнату, Силуан Иванович встал из-за стола и закрыл книгу. «Бесы», - прочел Борис на переплете.

- Здравствуйте, Борис Николаевич, - сказал своим низким и слегка глухим голосом Силуан Иванович. – Садитесь, рад вас видеть и поговорить с вами. Курите? Как приходится вам Петр Федорович Шарапов, помещик из наших краев?

- Это мой родной дядя. Он расстрелян в прошлом году.

- Расстрелян! Царствие ему небесное. Стойкий был человек, мы с ним вместе в пятом году у себя в земстве крамолу искореняли. Да скверно искоренили, захлестнула она теперь, эта

крамола, всю землю русскую. И, отодвигая от себя томик «Бесов», будто силясь отделаться от образов, навеянных гением Достоевского, он проговорил: «Страшное время, страшная болезнь эта революция, болезнь целого народа, жутко становится, когда целый народ болен, когда бесы одолевают его...»

- Жаль вашего дядю, таких людей, как он, нам теперь надо. Я часто бывал у него.

- Да, - вставил Шарапов, - я вас у него встречал, но только я вас, сейчас, не узнал бы, Силуан Иванович.

Тот усмехнулся, пощипывая свою бороду: - Никто не узнает, это меня спасало не раз, когда еще в Петербурге жил, даже хорошие знакомые - и те не признавали. И не мудрено - раньше я держался прямо, носил только усы, волосы назад зачесывал: говорили, я на Петра I позирую. А теперь все наоборот: борода, волосы на лоб, сутулюсь... – И вдруг, меняя тон и смотря в упор в глаза Шарапову: - Хотите с нами работать, Борис Николаевич?

- Да, - коротко ответил Борис.

- Хорошо, завтра ночью будьте у меня, на заре поплывем: вы, Алексей Петрович и я. Я верю вам и знаю, что не ошибусь. Ваш дядя и отец были стойкие люди, а яблоко от яблони недалеко падает. Завтра к вечеру я за вами пришлю, будьте к тому времени готовы. Семья у вас есть? Нет. Оно и легче по теперешнему времени. Родина зовет на дело, а семья свое хочет. Не всегда легко сочетать долг родине с любовью к семье. Ну, да не мне вас учить, - сами знаете все это. А теперь – помолимся, - неожиданно сказал он, встал и, взявши Бориса за руку, подвел его к образам.

Несколько минут они стояли молча перед иконой. Он – большой, грузный, сутулый, рядом Шарапов – высокий, стройный, гибкий. Борис видел, как шевелились в молитве губы у Силуана Ивановича и пытался сам молиться, но он не знал, какую молитву читать, ему было трудно сосредоточиться, и он повторял только, устремив глаза на темный лик Спасителя: «Господи, помоги, наставь, вразуми, укрепи».

Силуан Иванович перекрестился широким крестом и, взяв из деревянной коробочки рядом с образом небольшую иконку, благословил ею Шарапова. «Господи, спаси Россию!», - прошептал он.

IX

Лайба была до краев нагружена пустыми бочками из-под селедок. На носу, спрятавшись под брезентом, сидели Силуан Иванович, Алеша и Борис. Чухонец на руле щурил вдаль свои косые, узкие глаза, поплевывая в воду.

Пока не прошли Штральзунда и не миновали катерные лодки таможенных, пассажиры неподвижно сидели под тентом, вдыхая едкий запах бочонков. Но вот вышли в море. Ветер сильнее надул паруса, береговые шхеры начали бледнеть, синеть и скоро окончательно слились с полосой горизонта.

- Должен сказать, что есть селедку в сто раз приятнее, нежели в изобилии вдыхать ее запах, - философски заявил Герасимов, вылезая из-под брезента.

Время текло медленно, солнце поднималось все выше и начинало припекать, вонь соляного раствора со дна бочек сильней била в нос.

- Ты не проголодался, Алеша?

- Еще как!

Вытащили припасы.

- Силуан Иванович, а вы?

- Не Силуан Иванович, а, с сегодняшнего утра, Николай Иванович и по фамилии Черняков, - улыбаясь, заявил последний. – Пришлось «взять» новый паспорт.

Закусили. Начала разбирать скука. Казавшееся полным таинственного романтизма плавание через залив выливалось в нудное покачивание по волнам.

- Скорее бы доехать.

Пытались говорить с рыбаком:

- Что, советский флот досюда доходит?

- Раньше ходил часто, а теперь редко. Возможная опасность подогрела настроение.

- А долго ли идти? Оказалось, что часов восемнадцать при таком ветре. Значит, весь день и всю ночь, и лишь на заре дойти можно.

Укутавшись в пальто, под вечер расположились спать на бочках.

Шарапов проснулся на заре: отлежал бок и продрог до костей. На море был полный штиль, рыбак греб веслами, короткими ударами рассекая гладкую, почти без ряби, поверхность залива. Вспуганные шумом уключин, небольшие стайки уток тяжело взлетали и, бороздя задком воду, садились дальше.

- Проснулись, Борис Николаевич, смерзли?

- Смерз... Тишина какая. При таком безветрии мы и в двадцать часов не дойдем. До берега далеко.

- Да-а...

Светало. К серым полутонам белой ночи начали примешиваться зеленые, голубые, фиолетовые краски. Каждую минуту оттенки менялись, смешивались, переливались. Северная заря лениво разворачивала свое очарование перед пассажирами лайбы.

- Как прекрасен мир, когда человек не пытается его исправлять, - устремив задумчиво глаза в даль, говорил Николай Иванович. – Какая красота. Но вдруг выражение его лица переменилось: - Здесь так безмятежно мирно, а там, за перегибом горизонта, уже владеют морем форты Кронштадта, а за ними притаился красный зверь... Здесь такой покой, а там на заре делает свое окаянное дело ЧК, подвалы Гороховой оглашаются стонами мучеников и предсмертным хрипом расстреливаемых. Злоба, кровь.., - губы его сжались и в глазах мелькнула искра ненависти. И выкатившееся с востока солнце залило красным светом море и обращенные к нему лица собеседников.

Кровь, красная кровь.

Прошли мимо острова Лавансари, показались лесистые холмы южного берега. С первыми лучами солнца подул ровный сильный ветер, лайба быстро скользила по воде. Волны набегали друг на дружку, белые гребешки их перекатывались и опрокидывались, и волны набегали снова и снова, опрокидываясь в море.

Пристали в Лужской Губе. Ветхая пристань, несколько обветренных рыбацких изб, лодки были вытащены на берег и лежали перевернутые, подставляя свои черные, просмоленные днища лучам утреннего солнца.

Только успели путники выскочить на берег и размять ноги, как к ним подошел парень в серой шинели с карабином за плечом.

- Кто вы будете?

- Русские офицеры, едем в отряды генерала Родзянки.

- Откуда едете?

- Из Выборга.

- Покажите документы. У парня на левом рукаве был пришит белый щиток, поперек него синяя полоса, по ее краю красные геральдические знаки. – Из Выборга? Это не видно из ваших документов.

- Ну как не видно. Удостоверение выдано комитетом в Выборге...

- Это вы могли сами написать, а где отметка финских властей?

Ему пытались объяснить, в чем дело: срочность отъезда, невозможность в такой короткий срок проделать все формальности.

- Может быть вы не из Выборга? Где отметка властей?

- Как не из Выборга! Спросите рыбака. Обернулись к морю, но лайба была уже далеко.

Парень морщил лоб, не понимал, откуда эти люди, и, не понимая, сердился, не доверял.

- Подождите здесь или, нет, со мной пойдемте к начальнику.

Путники переглянулись. До избы, где находился охранный пост, было близко. В ней сидело несколько людей в шинелях с тем же знаком на рукаве и один штатский.

Парень передал документы старшему, что-то шепча ему на ухо. Возобновились вопросы: кто такие, откуда, зачем приехали... Лицо старшего напряженное, недоверчивое, штатский пытается ставить каверзные вопросы.

- А может, вы советские агенты.

- Как так, - воскликнул Борис, - мы же русские офицеры, едем в армию.

- Докажите!

- Других документов у нас нет, при бегстве из Петрограда все бросили. Сами ведь знаете, как это делалось.

- Докажите!

Они пожимали плечами: как доказать.

- Вы арестованы, - заявил, наконец, старший.

- Веселенькая история, - пробурчал Герасимов, садясь на скамью в глубине комнаты, - докажи, что ты не верблюд.

Рядом с ними лежали их чемоданы, против сел парень, задержавший их на берегу. Он не сводил с них глаз, похлопывая ладонью по прикладу винтовки, лежащей у него на коленях: «Попробуйте-ка, мол, улизнуть».

Время шло. Пленники мрачно молчали. Чины поста переговаривались между собой по-фински.

- Надо кончать эту комедию, - шепнул Герасимов Шарапову, - или надо драпать, или уговорить.

- Не горячись, - остановил его Борис и, обращаясь к часовому,

попросил вывести его во двор.

- Идите, - сказал, после некоторого колебания парень.

- Через двор улизнуть трудно, разве ночью, - шепнул, вернувшись в избу, Шарапов. – Надо начинать переговоры.

- Скажите, - обратился он к штатскому, - далеко здесь до русских отрядов? Я это спрашиваю, так как вижу, что вы не в русских отрядах.

- Мы ингерманландцы, - гордо ответил тот.

- Простите, - вмешался Герасимов, - а что это такое «ингерманландцы»?

- Мы – жители Ингерманландии. Вот, видите, наш значок: синяя полоса – это Нева, а вот по берегам – это наша страна.

- А красные кубики по реке – это, что же, Петербург? – воскликнул Герасимов, но Борис наступил ему на ногу: попридержи, мол, язык.

У штатского забегали глаза. - Ну, ну, вообще город, а здесь все наши живут до самого Белого Камня. Но где была южная граница Ингерманландии, штатский не объяснил, или сам не знал толком.

Помолчали.

- А кто вы такие, - смотря исподлобья, спросил Николай Иванович.

- Мы солдаты, добровольцы ингерманландского отряда.

- Вы меня простите, - улыбнувшись, заговорил Борис, - но вы не солдаты.

- Как так, - привскочил даже старший. – Чем мы не солдаты, мы вооружены, имеем знак на рукаве.

Парень напротив только пожал плечами и снова похлопал по прикладу.

- Что же, что вооружены, но не всякий, кто вооружен, – солдат.

- Да почему? У нас роты, полки, командиры...

- Верю, но все же вы не солдаты.

- Позвольте...

- Я вам это сейчас докажу, - перебил его Шарапов, - вы устава воинского не знаете.

- Как так?

- Да очень просто. Вы ведь пост охраны, если не ошибаюсь. Ну вот, а вы, как я вижу, не знаете, что должен делать пост охраны.

А я, как офицер, сейчас это вам скажу... Если на посту задержаны подозрительные лица, то немедленно их надо обыскать. А вы нас обыскали!?

- Да, верно, это надо было сделать, - согласился старший.

- И вещи наши надо обыскать, и не выпускать арестованных во двор одних. Если я захотел бы уничтожить что-либо, я легко смог бы это сделать.

- Он прав, - обращаясь к товарищам, сказал старший. – Койти, - сказал он парню, сторожившему арестованных, - отчего ты не проводил господина во двор?

Койти встал со скамейки и мялся, молча переступая с ноги на ногу.

- Так обыщите, - сказал Герасимов, подходя к столу и распахивая пиджак.

- Да уж, разрешите...

- И чемоданы просмотрите, - распоряжался Шарапов.

Обыскали вещи.

- Но этого мало, - уже уверенным тоном продолжал Шарапов. – Устав говорит, что, если посту не удается выяснить личность задержанных, их надо немедля переправить в ближайший штаб. И в самом деле, если мы действительно шпионы или, наоборот, везем, для примера сказать, важные сведения в армию, а вы нас здесь держите, мы теряем время. Как вы думаете, похвалит ли вас за это начальник? Как долго вы собираетесь нас здесь держать? А если мы сбежим?

- При вас часовой!

- Пуля дура, ну убьете одного, а два сбегут, а ответственность на вас. Конечно, делайте как хотите, но по воинскому уставу...

- Вы правы, - заговорил старший, уже мягким доверчивым тоном, - где мне устав знать, я в войну был санитаром, в строю не служил, а это – молодежь. Ушли после восстания в Капорье в лес. Офицеров у нас мало.

- Ничего, - утешил его Герасимов, - вот мы приехали, за нами едут другие, создадим армию, уничтожим красную сволочь.

- Да вы покушать не хотите ли, - подвигаясь на скамейке, говорил старший, - садитесь, пока запрягать будут.

Сели, разговорились. Добровольцы рассказывали о восстании в Капорье, о зверском подавлении его, о том, как пришли белые, как ловили комиссаров, как их всех перебили.

Подали двуколки крестьянские, ехать было верст пятнадцать. Лошади медленно тащились по корявой лесной дороге. Спереди Николай Иванович и штатский, взявшийся конвоировать пленных в штаб. Борису была видна сутулая, покрытая дорожной пылью спина Чернякова, видно было, как он оживленно о чем-то говорил со штатским, возница принимал тоже участие в разговоре.

- О чем это вы спорили всю дорогу, - спросил Герасимов, когда они, наконец, доехали до штаба. Николай Иванович привычным жестом защипал бородку и усмехнулся лукаво.

- Рыбку надо сперва подсечь, потом ее на бережок вытащить, пусть она на нем потрепыхается, а потом ее, жалкую и беспомощную, в сетку класть. Так и здесь, в пропаганде. Начал он с того, - кивнул он в сторону штатского, - что трафареты Керенского изложил. Но скоро я его загнал в угол: Керенский, говорю, расчистил путь большевизму, если сказать «а», то приходится говорить и «б» и т.д., а тут нашел союзника – возница меня поддержал. Ну, наш конвоир и растерялся: «А что же, спрашивает, будет?» А я им, так только, мысли бросаю полусерьезно, полушутя: да что народ захочет. Тут возница вскипел: «Да разве народ хотел этого, что теперь делается». Закончили разговор выводом: разве может дом без хозяина быть, или разве ложкам, да плошкам хозяйкой командовать. Забыли про свою Ингерманландию, начали вспоминать, как жилось при царе.

В штабе ингерманландцев все быстро выяснилось, и путники на другой день ранним утром выехали дальше в Ямбург, где находилась ближайшая комендатура добровольческих русских формирований.

X

Почти две недели не прекращался дождь. Земля набухла, дороги в низинах стали непроезжими. Повсюду стояли широкие лужи, в которые, образуя большие пузыри, падали все новые капли дождя. Длинные красные дождевые черви, затопленные в своих подземных ходах, вылезали на дороги. На фронте все было тихо, при такой погоде боевые действия затихли сами собой.

- Смотри, кого я тебе привел, - сказал Герасимов, входя в избу, где сидел Шарапов.

- Назимов! – воскликнул Борис. – Какими судьбами?

Они обнялись, и вошедшие, сняв перекинутые за спину карабины, подошли к столу под образами.

- Я давно слышал, Шарапов, что ты здесь, хотел повидать, но я был на юге, у Пскова, но вот теперь сюда перевели, а то уехать от отряда невозможно было.

- Я знаю, офицеров мало, не на кого оставить часть. Хорошо, что мы с Герасимовым недалеко друг от друга, а потому видаемся.

Сели. И как люди, давно друг друга не видавшие, не знали, как начать разговор. Говорить о пустяках – неловко, о важном – страшно, столько страшного в ближайшем прошлом каждого из них.

- Командуешь батареей? – спросил Назимов Шарапова.

- Да. Сам сформировал, мое детище.

- Ну и как?

- Сначала трудновато было: без лошадей, телефонов и людей. Дали две пушки и сказали: «Воюй». Знаешь, как щенят плавать учат: бултых в воду - плыви как знаешь.

- Но слышал, что ты плаваешь недурно, - улыбнулся Назимов. Только теперь Борис заметил, как он изменился, как посерело его лицо, ввалились глаза, как подергивалась его щека.

- Слава Богу, батарея сработалась хорошо, теперь у меня и кони есть, и люди, четыре орудия. А ты как? Вот тебя можно поздравить с успехом, о твоих «назимовцах» иначе не говорят как «орлы».

- Люди хорошие.

- А ты сам как?

- Жив, хоть и устал, - нехотя отвечал Назимов и, обращаясь к Герасимову: «Ведь ты ротой командуешь?»

- Уже батальоном. Ничего, доволен, работы много, забот столько же. Но как хорошо, что мы встретились, что идет дождь, а потому тихо на фронте, что можем поболтать, вспомнить старое. Назимов, есть что покурить?

- Пожалуйста, - и, обращаясь к сопровождавшему его добровольцу: «Ваня, дай табачок. А сам иди отдохни, сегодня надо в набег, так ты поспи, а что случится, я буду здесь, позовешь. Понял?»

- Так точно, - ответил Ваня, поправил винтовку за спиной и, нагибаясь в дверях избы, вышел.

- В моей работе хорошо то, что, ходя по тылам красных, всегда достанешь и табак и все потребное.

- Без табака, ух, как трудно, - подхватил Герасимов, жадно запуская пальцы в полный кисет Назимова. – Куришь мох, все

яблони обобрали, дрянь всякую палишь. За щепотку табаку – все отдашь.

- Кури, у меня этого добра много. Во время последнего набега повезло: обозную повозку захватили, а в ней: и табак, и портянки, и обмундирование. Приоделись мои молодцы. Кури, Борис, махорка хорошая.

- Спасибо. Кого-либо из наших встречал?

- Нас здесь немного, большинство на Юге, у Деникина. Там целые роты, говорят, офицерские, а у нас по одному офицеру на роту и того нет. Нашего выпуска здесь: Аренберг и Чернобельский под Псковом, Гофен в Балтийском полку. Вообще, сильно поредели наши ряды. Сколько убито в Большую Войну, убито большевиками, в добровольцах... Из наших «сорока трех» немного осталось. Мешенцев тогда, в Восточной Пруссии, Башилов – под Опатовым, Григорин, Будергоф – на Стоходе... Выпадают одно за другим звенья, рвется цепь. Осталось человек тридцать, не больше...

- Да, - подтвердили его собеседники, - одно за другим выпадают звенья. Замолчали, куря свои козьи ножки.

- А помните, - медленно заговорил Герасимов, - съемки в Красном Селе, тогда тоже дождь так лил; наши сборища в избе у подножья Кирхгофа...

- Ну как не помнить!

- Шакала Якова помните? И как ты, Назимов, у него весь шоколад скупил, и как мы из-за этого ругались...

- Да, да.

- А психологическую фотографию Мешенцева помните?

- А как мы чай пили с ромом...

И друзья улыбались друг другу помолодевшей блаженной улыбкой. Воспоминания о старом захватили их, сблизили, стерли годы.

- Где твои, Борис? - спросил Назимов.

- Отец с матерью в Крыму, а брат Петр у Деникина.

- А мой отец убит на Кубани, - сказал Герасимов. - Мы сначала бежали вместе, а потом пришлось разделиться, он пробрался в Киев, а меня арестовали и... расстреляли. Да, да, самым настоящим образом. Я был арестован в Орше. Кто такой? Офицер? Враг народа! Сам знаешь: мы все - «враги народа». Попытка бежать заграницу была налицо - повели расстреливать.

Идти было недалеко ... за город на свалки, там были песочные ямы - легче было трупы закапывать. Поставили у края ямы, рядом со мной юноша лет восемнадцати, все плакал, пока нас вели. Удрать – никак нельзя. Я стоял, читая молитву, стараясь не выдать своего волнения, сдерживая биение сердца. Жаль было с жизнью расставаться, а в то же время злость и ненависть мешали молиться...

- Злоба, ненависть, - повторил за ним Назимов.

- Долго рассказывать. Это я теперь анализирую, - бросая окурок, говорил Герасимов. – Дай табаку, Назимов. Тогда было не до анализа, сам понимаешь. Мысли неслись быстро, отрывки воспоминаний: дом, корпус, близкие, я прощался с ними, а одновременно – желание жить, упрямое, упорное. Ну, а потом залп, рядом со мной ахнул тот юноша, меня ударило в грудь, и я покатился в яму. Чувствую – жив, но решил представиться мертвым, слышу над собой голоса: «Готов!.. Нет, вон тот будто еще шевелится». Обмер: обо мне? Нет, о юноше, но он оказался мертвым - то были последние судороги. – «А этот сдох, - последнее касалось меня, - как свинья окровянился!» - и пхнул меня носком, а я, как мешок, перевалился: «Мертв», - решили и ушли. В сумерки я уполз, перевязал рану рубашкой. Пуля скользнула по ребру и вышла. Скрывался у друзей, потом – обратно в Петроград, а оттуда через границу с Шараповым.

- А у тебя как, Назимов? – спросил Борис.

В комнате хозяев не было, день клонился к вечеру. Назимов помолчал.

- У меня... хуже, - проговорил он, - вся семья погибла, я остался один.

- Царство им Небесное, - перекрестились его собеседники. Неужели все: у тебя был брат, две сестры...

- Все расстреляны. Отец, мать, брат Николай, сестра Оля с мужем, младшая сестра.

- Таня тоже убита?!

- И она тоже. Мы всей семьей были арестованы в нашей усадьбе у Чудского озера: помещики, кровопийцы. Вдобавок нам пришили сношение с заграницей. Сидели мы в тюрьме нашего уездного города, мужчины вместе, мать и сестры в женском отделении. Когда же зашевелились наши отряды, начались суды, расстрелы. Судили и нас, приговорили к «высшей мере наказания»

- расстрелу. Но расстрел расстрелу рознь. Можно просто убить, а можно с мучениями. С комиссаром у отца были старые счеты, а потому он решил нас мучить. Кроме того, у этих извергов есть прием натаскивания своих палачей на кровь, связывать друг друга совместным грехом зверства. И они решили уничтожить нас не сразу, а по очереди – «по старшинству и первородству», как с отвратительной усмешкой заявил нам комиссар: расстреливать по одному с перерывом в два, три дня и в присутствии всей семьи. Начались ужасные дни: нас, связанных, выволакивали из камер во двор и заставляли смотреть на уничтожение близких. После казни отца прошло два дня, потом убили мать.., потом Колю, а после – Турчина – мужа сестры. Я в камере из мужчин остался один. Я не спал ночи, не мог есть, каждый день ждал, что меня снова поведут во двор... Я сходил с ума... Я не буду говорить, что я переживал, когда меня волокли на казнь Ольги и Тани, я кусал веревки, отбивался, я отворачивался, мне вертели шею, меня били прикладом, видишь, шрам на голове... Я тогда последний раз слышал голос Тани, когда она мне крикнула: «Прощай, Лека!» - она меня так в детстве звала. Настал мой черед, я только и думал, - скорей бы, но прошел день, другой, третий. В нашей камере смертников была полная тишина, мои товарищи по заключению чувствовали мое горе, даже ругаться перестали. Объясняли задержку в моем расстреле отъездом комиссара – за новыми жертвами, пес, поехал, но сегодня возвращается. Значит, сегодня конец... К вечеру где-то раздались выстрелы, сначала думали новые расстрелы, но скоро поняли, что не то. В тюрьме была полная тишина, сторожей не было видно. И вдруг по камерам начали передавать, что в городе восстание, и вмиг все здание наполнилось криками, звоном стекла, треском выламываемых рам и дверей. Мы вырвались на улицу, когда, стреляя на ходу, мимо пробегали добровольцы, я их узнал по белым повязкам на рукавах. Это были люди отряда полковника Рудакова, который устроил набег на наш город. Я присоединился к ним, сделал себе повязку, мне дали винтовку - вон эту самую, - указал Назимов на стоящий около него карабин. - Красные забаррикадировались в здании вокзала, мы их окружили тесным кольцом и, когда ворвались, началось их уничтожение. «Его» я увидел в амбразуре окна зала I класса у пулемета... он не видел меня... В два прыжка я был на нем и, поваливши, начал душить. Подоспели другие,

хотели приколоть, но я не дал: «Живьем его надо взять». Тогда ему скрутили руки и повели, он побледнел, когда узнал меня. Полковник Рудаков не удивился, когда я попросил его отдать мне комиссара. Мы с Ваней, вот с тем, что сейчас вышел, и еще с несколькими из камеры смертников повели его на то самое место, где он перебил моих и многих других, и там его прибили...

Он смолк. В комнате было тихо. Страшно было смотреть друг на друга, чтобы не выдать своего волнения. За окошком солнце садилось.

- Выпьем, - сказал Назимов, прерывая тяжкое молчание, - хлеб, сало есть?

Он вынул флягу, достали булку, сало – паек, выдаваемый в армии. Выпили. Назимов немного успокоился, подергивание щеки стало реже, только глаза сохраняли жесткое выражение свое.

- Выпьем, - повторил он, наливая чайные зеленоватого стекла стаканы водкой. – Водка дрянь, но все же помогает. Кури, Алеша, - подвинул он Герасимову свой кисет. – Простите, что испортил нашу беседу своим повествованием. Так давно не было с кем словом обменяться, душу отвести. Все сам с собой. Разве с Ваней, - он парень хороший, но... выпьем.

Переменили разговор. Долго говорили о действиях армии, обсуждали предстоящее наступление на столицу. Герасимов перевел беседу на их работу по пропаганде, намекнул Назимову о возможности его привлечения к этой работе.

Но тот покачал головой.

- Нет, Алексей, во взглядах моих можешь не сомневаться, но сейчас не могу. Как буду говорить о монархии, о мире, справедливости, братстве, любви, обо всем, во что мы верили, после того, что произошло? И кому говорить? Этим, что убили Государя, дядю Шарапова, всех моих. Нет, не могу. Я могу лишь ненавидеть, мстить...

- Что ты, Назимов, не все же изверги, взять, хотя бы, твоего Ваню, он тебе верит, послушает.

- Ваня! Ванька, конечно, мой человек, предан мне по гроб, но он такой же, как и я – «оскаленный» он. Ты знаешь, кто такой Ваня? Их была семья: отец, три брата, жили по соседству с нами. Один брат вернулся с фронта большевиком, предал отца и братьев: они сидели со мною в камере. После расстрела отца и брата, Ваня остался: не то не успели, как меня, или по молодости лет. Он

поклялся мстить за отца и брата, поклялся найти брата-предателя и его убить, а пока уничтожает комиссаров. Он мне предан, исполнит любое мое приказание, но есть за ним грех, - Назимов криво усмехнулся, - нельзя ему пленных поручать: все они у него по дороге в штаб «пытаются бежать». Один доброволец мне говорил, что видел, как Ваня, накинув аркан на шею пленного комиссара, волок его вскачь по пахоте, а мне потом, подлец, докладывает: пытался бежать. Я его уличил. Молчит. Бросил с ним говорить на эту тему. Я вам говорю: он - «оскаленный». Как и я, отмечает зарубками на карабине - скольких отправил в «штаб Урицкого». И, дотянувшись до своего карабина, Назимов продолжал: «Вот, здесь большая зарубка – это тот, в тюрьме, вот, здесь – три в один день, во время набега на Жогово, вот, свежий – в Осмине...

Щека у Назимова снова задергалась.

- Оставьте меня, - сказал он, - я никогда не забуду нашей уездной тюрьмы.

Назимов встал: «Скоро надо выступать, прилягу на час. Еще свидимся. Борис, возьми мое кольцо. Завтра иду в набег, в тылу поработаю, облекаюсь в ромбы комиссарские а потому нельзя мне с нашим кольцом на пальце. А если не вернусь, отошли детям сестры Ольги, я их устроил у соседей Турчина в Ревеле.»

- Я выйду с тобой, - сказал Герасимов, - пойду в батальон.

200-ЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ ПАЖЕСКОГО КОРПУСА

В прошлом 2002 году исполнилось 200 лет со дня основания Пажеского Его Императорского Величества корпуса.

Звание пажей было учреждено в России Императором Петром I-ым, который в 1711 году образовал придворные чины. Организация пажей была произведена в царствование Императрицы Елизаветы Петровны в 1742 году. Близость ко двору требовала большей образованности и воспитанности пажей, что Государыня и пыталась добиться учреждением придворной школы. В 1759 году она повелела составить инструкцию, по которой их должны были обучать разным наукам. В ней было сказано:

«Всему тому, что необходимо для честного дворянина, дабы пажи в пристойном разуме и благородных поступках наивяще преуспевали и от того учтивыми, приятными и во всем совершенными себя показать могли, как христианский закон и честная их природа повелевает».

В 1795 году в этой школе вводится общий для всех училищ порядок.

В 1802 году было высочайше утверждено превращение этой школы в военно-учебное заведение под названием Пажеского корпуса.

В 1810 году Корпусу было дано здание бывшего дворца графа Воронцова на Садовой улице в Санкт-Петербурге, которое существует по сей день. Ранее дворец был куплен Императрицей Екатериной II в казну, а когда Император Павел I стал Гроссмейстером Мальтийского Ордена, он пожаловал его Капитулу Ордена и приказал построить мальтийскую католическую церковь. Таким образом, на территории Корпуса оказалось два храма: православный и католический.

Сразу после Катастрофы 1917 года Пажеский корпус был закрыт, в рамках широко проводимой ликвидации имперских учреждений Государства Российского.

С 1955 года в здании Воронцовского дворца располагается Суворовское военное училище. После кадетской встречи, состояв-

шейся в 1992 году в Москве и Санкт-Петербурге (во время которой зарубежные российские кадеты посетили также и петербургское Суворовское военное училище), в Воронцовском дворце начались большие раставрационные работы в церкви Святого Иоанна Предтечи и в Мальтийской капелле Пажеского корпуса, оскверненных и загаженных при коммунизме. Большую помощь в финансировании этих реставрационных работ оказало Русское Рассеяние, в том числе внук последнего директора Пажеского корпуса генерала Епанчина – барон Эдуард Фальц-Фейн, а также и семья А. Б. Иордана.

200-летие основания Пажеского корпуса было торжественно отмечено в Санкт-Петербурге. В реставрированной бывшей домовой церкви Пажеского корпуса в Воронцовском дворце было отслужено богослужение. После богослужения в Суворовском училище состоялось торжественное собрание, на которое прибыли многие гости из Русского Зарубежья, в том числе потомки пажей. Затем приглашенные были угощены «пажеским обедом». Вечером состоялся спектакль в Александринском театре.

Член Кадетского Объединения в Сан-Франциско, А. М. Ермаков, пожертвовал Кадетскому музею в петербургском Суворовском училище, по поводу 200-летия, большой портрет – в натуральную величину – В. К. Константина Константиновича.

В Кадетском Объединении в Аргентине 200-летие основания Пажеского Его Императорского Величества корпуса было отмечено на торжественном акте Объединения 8-го декабря 2002 года. (В Аргентине скончалось в Изгнании около десяти пажей.) На акте был прочитан доклад о 200-летии основания Пажеского корпуса М. А. Гершельман, дочерью пажа полковника А. С. Гершельмана. Текст этого доклада публикуется в этом номере «Кадетской Переклички», как и выдержка из повести о Пажеском корпусе полковника А. С. Гершельмана.

В КАДЕТСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ В БЕЛГРАДЕ

На заседании кадет Белградского Объединения, состоявшегося 23 января 2003 года, было выбрано новое Правление, в следующем составе: Георгий Викторович Никитин (председатель), Виктор Никитич Сальников (вице-председатель), Адриян Николаевич Семененко (секретарь), Ирина Славковна Бородкина, Евгений Петрович Мотренко и Сергей Иванович Марченко.

СПРАВОЧНИК ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ

В ноябре 2002 года в Москве вышел из печати справочник для офицеров -воспитателей и преподавателей возрожденных в России Кадетских корпусов и Суворовских военных и Нахимовского военно-морского училищ. Справочник написан полковником Евгением Павловичем Исаковым, под названием **«К завещанной доблести. Педагогические этюды».**

Это вторая книга полковника Исакова. Как известно, первая его книга-альманах («для чтения по истории Российских кадетских корпусов в 1-ом и 2-ом классах») вышла в 2000-ом году, под названием «Военная быль о доблести, добре и красоте». Издание её тогда финансировало Сан-Францисское Кадетское Объединение. Новая книга издана на средства членов этого Объединения В. И. Турского и А. М. Ермакова.

«К завещанной доблести» прекрасно издана, в твердом переплете. Она содержит 496 страниц и состоит из 7-и отделов, с иллюстрациями.

В первом отделе, под названием «О нашем национальном опыте», на 90-а страницах дана «Краткая историческая справка о кадетских корпусах Российской Империи». Необходимо подчеркнуть, что в этой справке не только резюмировано практически всё, что на эту тему было опубликовано в Эмиграции, но также добавлены многие данные, в Эмиграции мало известные. Посему, этот Отдел является весьма ценным полным исследованием на указанную тему.

Во втором отделе воспроизведен очерк известного русского писателя Николая Семеновича Лескова (1831 - 1895) «Кадетский монастырь».

В третьем отделе воспроизведены замечательные педагогические воспоминания многолетнего воспитателя Донского Кадетского корпуса Василия Брылкина, в свое время доставленные в Россию секретарем Аргентинского Объединения А. В. Алферовым.

В четвертом отделе помещены воспоминания князя М. Химшиева о директоре Первого Кадетского корпуса генерал-лейтенанте Ф. А. Григорьеве.

В пятом отделе воспроизведены воспоминания полковника Б. Д. Приходкина.

В шестом отделе, под названием «К теме относящееся», помещены русские «мировоззренческие ориентиры». После поучений архиепископа Каракасского и Венесуэльского Серафима (в миру - кадета Одесского Кадетского корпуса и поручика Русской Императорской армии) помещены поучение Владимира Мономаха своим сыновьям, Завещание Суворова Русским Воинам и Заповеди товарищества Великого князя Константина Константиновича. Затем помещены статьи И. Андрушкевича «Национальная идея России» и «Воспитание русской военной молодежи». Этот отдел заканчивается статьей профессора И. А. Ильина «О христолюбивом воинстве» и выдержками из «Монархической государственности» Л. А. Тихомирова.

В последнем, седьмом отделе помещена заметка о Мариинском Донском институте за рубежом.

Единственный недостаток этой замечательной книги, несомненно уже вошедшей в славную историю русской педагогики, это её недоступность для зарубежных читателей. Это большой организационный промах и недостаток нашей зарубежной кадетской организации, что мы до сих пор не смогли организовать продажу в Русском Зарубежье этих двух книг полковника Исакова. Больше того, на средства, вырученные от продажи, нужно было бы создать кадетский издательский фонд в России, под руководством полковника Исакова,

Все зарубежные кадеты, направляющиеся в Россию для посещения Кадетских корпусов и военных училищ, должны иметь при себе эти книги, для раздачи первой книги кадетам и второй книги воспитателям и преподавателям. Это и есть основной «наказ» таким кадетским «миссионерам».

И. А.

В КАДЕТСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ В НЬЮ-ИОРКЕ

В субботу 15-го марта состоялось Общее Годовое собрание Объединения. Было выбрано Правление Объединения в следующем составе: Председатель – С. Муравьев, вице-председатель – Д. Горбенко, секретарь – П. Жарков, казначей – В. Голицын, администратор «Переклички» – Ю. Шидловский, члены Правления – М. Миро и Г. Темидис, старшина - И. Агатов. Редактором «Переклички» подтвержден И. Андрушкевич.

Собрание обсудило вопросы, связанные с предстоящим 18-ым

Кадетским Съездом. Из имеющихся нескольких альтернативных мест для организации Съезда (Россия, Сан-Франциско, Канада), большинство кадет предпочитает Россию. Однако, ввиду ряда обстоятельств, возможность устройства Съезда в России оказалась, к сожалению, неосуществимой. Посему, все участники Собрания, за одним исключением, высказались за устройство Съезда в Канаде. Члены зарубежных Кадетских объединений, во время своих поездок в Россию, не могут выступать официально от имени Объединений.

Собрание разбирало вопросы, связанные с Владимирскими конкурсами. Было постановлено выдать премии по сто долларов за лучшую работу в каждой категории. Владимирские премии получили следующие ученики из России: **Вигурский Димитрий**, Уссурийского СВУ; **Иванов Александр**, Уссурийского СВУ; **Михайленко Артур**, Тольяттинского Военно-технического кадетского корпуса; **Стэх Ян**, 2-го Донского Императора Николая 2 -го кадетского корпуса; **Литвиненко Михаил**, Кронштадтского Морского кадетского корпуса; **Дверницкий Василий**, Уссурийского СВУ; **Горелов Станислав**, Кубанского кадетского корпуса; **Останенко Артем**, Московского СВУ; **Ханинов Марат**, Нахимовского ВМУ; **Глухов Евгений**, Тольяттинского ВТКК; **Михайлова Ольга**, средняя школа № 2 г. Старая Русса; **Лехаткова Татьяна**, гимназия г. Старая Русса; **Сереф Александр**, школа № 8 г. Шуя.

(Из протокола Собрания).

В КАДЕТСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ В САН-ФРАНЦИСКО

Заявление Председателя
Сан-Францисского Объединения

«Шаг назад.

Правительство России приняло еще одно весьма отрицательное постановление, заставившее нас высказать наше полное негодование и разочарование в действиях власть имущих. Несмотря на то, что мы считаем нежелательным вмешиваться во внутренние дела страны, подданными которой мы не являемся, но принимая во внимание, что правительство России старается нала-

дить связь с русской диаспорой так называемого дальнего зарубежья, мы считаем себя вправе быть услышанными.

На недавнем совещании руководящего состава министр Обороны Сергей Иванов обратился к присутствующему президенту страны Владимиру Путину с просьбой утвердить закон о возвращении изображения пятиконечной звезды на красный флаг армии Российской Федерации. Президент доброжелательно отнесся к этой просьбе и высказал надежду, что обе палаты парламента утвердят этот проект. Министр Обороны сказал, что «со звездой воевали и одерживали победы наши отцы и деды…»

К большому сожалению, он воздержался отметить или удобно забыл, что: а) его прадед воевал не со звездой, а с изображением СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО и с девизом С НАМИ БОГ, и что б) изображение звезды на красном полотнище придумано большевиками во главе со злейшим врагом русского народа Троцким. Неужели возврат в советское прошлое так необходим нынешним правителям России? Если их отцы воевали под этим знаком всего лишь 75 лет, это совершенно не значит, что возрожденная ныне Россия начнет свою историю с 1917 года. Ведь на протяжении более 300 лет до этого целые поколения русских ходили в бой под знаменем с двуглавым орлом – гербом Российской Империи.

Не умаляя достоинства людей, воевавших за Россию в последней войне против Германии, мы надеемся, что правда восторжествует и Россия встанет на нормальные исторические государственные рельсы. Военные, воспитанные в Суворовских училищах, должны не забывать, что их школы в сороковых годах, указом тогдашнего правительства, были созданы «по типу старых кадетских корпусов». Это обязывает всех воспитанников хранить традиции старых кадетских корпусов и охранять нынешнюю армию от болезненных явлений советского времени.

Игорь Козлов
Председатель Кадетского Объединения
Сан-Франциско, США».

Из жизни Объединения

Стараниями тружеников Кадетского Объединения, Дамского Комитета и Общества Друзей, с большим успехом продолжается устройство дружеских встреч по средам. Необходимо отметить,

что когда по какой-либо уважительной причине изредка приходится отменить встречу, раздаются дружные протесты и просьбы делать это лишь в крайних случаях.

15 ноября в Доме Ветеранов было отмечено столетие со дня рождения кадета Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса Бориса Коновалова. Торжество, привлекшее сорок человек, организовала семья Ксаны и Света Данич. Было высказано много теплых слов и произнесены задушевные речи. Председатель Игорь Козлов преподнес от имени кадет серебряный бокал, а присутствующие спели юбилейную «Чарочку». Галина Александровна Амочаева презентовала юбиляру чудный торт собственного изделия.

Дай Бог тебе, дорогой Борис, еще много лет здравствовать!

Кстати, в столовом зале были замечены новые столы – подарок четы Даничей. Спасибо!

В другое время в Доме можно узнать о жизни в кадетских объединениях, получить «Кадетскую Перекличку» из Нью-Йорка, «Кадетское Письмо» из Аргентины и «Бюллетень» из Венесуэлы. Здесь же читаются письма, получаемые из России, о жизни в кадетских корпусах и училищах.

Очень трудно передать подробно всю деятельность, но необходимо определенно сказать, что из этих встреч можно извлечь очень много полезного и получить особое удовлетворение от общих бесед, как в лекционном зале, так и в столовом помещении во время «чашки чая», что радует всех присутствующих. Следует упомянуть, что не всегда так уж легко составлять еженедельную программу, но с удовлетворением можно отметить, что руководители отлично справляются со взятыми на себя обязанностями.

Первая среда после встречи в Санта-Розе (11 сентября) была посвящена предварительному празднованию 90-летия редактора «Бюллетеня» Константина Синькевича, 2 октября. Ему также поднесли великолепный торт и чарочку и дружно пожелали здоровья и благополучия.

Кроме встреч и «чашек чая» по средам, устраиваются и особые начинания. Так, например, 6-го декабря, в день Святого Благоверного и Великого князя Александра Невского, кадеты княже-константиновцы отмечали корпусной праздник своего родного гнезда. По установившейся в Сан-Франциско традиции, на празднике присутствуют исключительно кадеты 1 Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпу-

са. В этом году двенадцать бодрых кадет прибыли на торжество. В строю отлично исполнили «Песнь Дворянского полка» - «Братья, все в одно моленье», «Наш полк» и молитву. Прозвучало громкое «Ура!» за Россию и за родной корпус. Командующий строем вице-фельдфебель 23 выпуска Игорь Козлов пригласил кадет к богато сервированному столу, приго- товленному стараниями кадета 21 выпуска Алексея Истомина.

За столом вспоминали кадетские годы, не обошли вниманием и всех болящих и отсутствующих однокашников, подняв бокалы за их скорейшее выздоровление и возвращение в кадетские ряды. Говорили о предстоящем 18 Кадетском Съезде.

Беседам о годах, проведенных в корпусе, воспоминаниям из жизни после закрытия корпуса и будущей кадетской работе было посвящено много времени. Расходиться не хотелось, но, к большому сожалению, и этому празднику пришел конец.

19 декабря, в день святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских Чудотворца, Сан-Францисское Объединение отмечало свой годовой праздник. Присутствовало 58 человек. Строй кадет отдал почести флагам России и США, исполнил «Песнь Дворянского полка» и «Наш полк» и крикнул громкое «Ура!» за Россию и за российские кадетские корпуса. Молебен служил о. Павел (Ивашевич). Пел кадетский хор под управлением П. Барчука. После прикладывания ко кресту, председатель Объединения Игорь Козлов приветствовал лично каждого с праздником.

(«Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско», № 72, декабрь 2002 г.)

В КАДЕТСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ В ВЕНЕСУЭЛЕ

Венесуэльское Объединение, много лет издававшее свой Бюллетень, с марта 2003 года начало рассылать электронной почтой по всему миру свой «Электронный бюллетень», в котором воспроизводится главным образом кадетская корреспонденция на злободневные темы. Редактором этого электронного бюллетеня является Борис Плотников.

Электронный адрес бюллетеня:

plotniboris@telcel.net.ve

В КАДЕТСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ В АРГЕНТИНЕ

Русский военно-морской праздник

19 ноября, в день Св. Павла Исповедника, Архиепископа Константинопольского, Кадетское Объединение в Аргентине отметило Традиционный праздник Русского Военно-Морского Флота, совместно с членами Объединения потомков офицеров Русского Императорского Флота в Аргентине.

Праздник Георгиевских Кавалеров

8 декабря, накануне дня Святого Георгия Победоносца, Кадетское Объединение в Аргентине торжественно отметило этот праздник Георгиевских Кавалеров и традиционный русский общевоинский праздник. В 17 часов митрофорный протоиерей о. Владимир Шленев отслужил в Свято-Сергиевском храме молебен Святому Георгию Победоносцу, с поминовением «Благоверных Великих Князей Киевских, Владимирских и Московских, Благоверных Царей Московских и Всея Руси, Благоверных Государей Императоров Всероссийских, Великого Князя Константина Константиновича, Российской Армии Победоносца болярина Александра, основателей и шефов русских Кадетских Корпусов, всех учивших и учившихся в русских Кадетских Корпусах, Георгиевских Кавалеров и всех русских православных воинов, на поле брани живот свой положивших, в смуте убиенных и в мире скончавшихся».

Затем состоялся торжественный Акт в театральном зале Епархиальной школы. После открытия Акта о. Владимиром Шленевым, отметившим значение праздника Георгиевских Кавалеров, Т. А. Плищенко прочла доклад, написанный М. А. Гершельман на основании воспоминаний пажей И. М. Дарагана и полковника А. С. Гершельмана, по поводу 200-летия со дня основания Пажеского Е. И. В. Корпуса. Председатель Объединения, И. Н. Андрушкевич, прочел доклад: «Восьмидесятилетие эвакуации из Владивостока и конца Гражданской войны». Оба доклада будут опубликованы в кадетской печати.

После докладов были открыты новые музейные витрины в Кадетском Зале, а затем всем присутствующим был сервирован коктейль в столовом зале.

Издательская деятельность Объединения

В 2002 году Кадетское Объединение в Аргентине издало четыре регулярных номера вестника «Кадетское письмо» и один специальный номер, посвященный Русской Белой эмиграции в мире и в Аргентине. В феврале 2003 года был выпущен первый номер «Электронного кадетского письма».

Кроме того, в 2002 году был издан один специальный номер «Кадетского письма» на испанском языке, в котором были помещены статьи об истории русских кадетских корпусов, о Русской эмиграции и об Андреевском Флаге Русского Флота. В последней статье были отмечены исследования члена Кают-Кампании офицеров Русского Императорского Флота в Аргентине лейтенанта А. Штрома об Андреевском Флаге в Аргентинском Военно-Морском Флоте. Этот номер «Кадетского письма» на испанском языке был доставлен в разные учреждения Вооруженных Сил Аргентины.

ИНФОРМАЦИЯ «ФОНДА СОДЕЙСТВИЯ КАДЕТСКИМ КОРПУСАМ ИМЕНИ АЛЕКСЕЯ ИОРДАНА»

1. Фонд получил новое название и теперь именуется «Фонд содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана»

2. В связи с безвременной кончиной А. Б. Иордана и А. И. Лебедя, в состав Попечительского Совета Фонда введены дочь Алексея Иордана- Екатерина Алексеевна Шидловская и директор 8-го Московского кадетского корпуса полковник Лукьянчиков Геннадий Николаевич.

3. В соответствии с ранее подписанным губернатором Санкт-Петербурга В. А. Яковлевым и президентом Фонда Борисом Иорданом протоколом о сотрудничестве, Фонд стал спонсором и попечителем Парада Кадетских корпусов, Суворовского и Нахимовского училищ на Дворцовой площади в рамках празднования 300-летия Санкт-Петербурга, на что выделено 100 тысяч долларов. Эта сумма выделена Борисом Иорданом сверх годового бюджета Фонда.

4. В январе с.г. во вновь открытом Гостином Дворе в Москве работала выставка, посвященная 300-летию Санкт-Петербурга, на которой была выставлена подготовленная Фондом экспозиция,

широко освещающая развитие и повседневную деятельность кадетских корпусов в России.

5. Фонд совершенствовал методику и схему оказания материальной помощи корпусам. Мы усовершенствовали критерии количественных и качественных показателей оказываемой помощи, определения количества офицеров-воспитателей корпуса, представляемых к Премии Президента Фонда им. А. Иордана. Их возможное количество выросло в 3 раза.

6. В настоящее время Фонд обеспечивает завершение работы к изданию книги-пособия для кадетских корпусов, к сожалению, не законченной Алешей Иорданом в связи с его преждевременной кончиной. Весь собранный Алексеем материал отобрал и привез нам Юра Ольховский, специально совершивший трудный вояж Каракас – Нью-Йорк – Москва, за что мы ему выражаем глубокую благодарность. Сейчас над материалом работает Е. Исаков, а над иллюстрациями - М.А. Лермонтов.

Финансовая деятельность Фонда заключалась в обеспечении кадетских корпусов, подведомственных Министерству Образования, в удовлетворении их просьб об обеспечении воспитательного и учебного процесса тем имуществом, которым они не снабжаются и которое нельзя приобрести на бюджетные средства.

За 2002 год Фонд закупил различного имущества на 4 млн. 683 тысячи 317 рублей. (Это несколько больше 150 тысяч долларов США).

Генерал-майор в/о А. Друкарев,
Управляющий директор Фонда содействия кадетским корпусам им. Алексея Иордана.

В 2003 году исполняется 60 лет со дня создания суворовских и нахимовских училищ.
Совет Московского суворовско-нахимовского содружества доводит до сведения читателей «Кадетской переклички», что торжественные мероприятия, посвященные этому событию состоятся в Москве в период с 21 по 30 августа.

Председатель МСНС
Генерал- майор А. Друкарев

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АБРАМОВ Александр скончался 22 октября 2002 года в г. Вест Бенд, штат Висконти, США. Кадет 26 выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

ГРЕЙЦ Екатерина Павловна скончалась 20 ноября 2002 года в г. Сакраменто, США. Вдова члена Объединения, кадета Донского кадетского корпуса Всеволода Грейца. Похоронена на Сербском кладбище г. Сан-Франциско.

ДУРИЛИН Сергей скончался 21 апреля 2002 года в Наяке под Нью-Йорком. Член Нью-Йоркского Объединения, кадет 27 выпуска 1 Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

ЕВРЕИНОВА Людмила Николаевна, урожденная Критская, скончалась 15 декабря 2002 года в Great Neck, L. I., NY, США.
Вдова старшего кадета 10-го выпуска (1930 год, 1-ый Р.В.К.К.К.К.К.) Кирилла Александровича Евреинова. Похоронена рядом с мужем на кладбище Ново-Дивеево, близ Нью-Йорка.

ЗАХАРИНА Мария Васильевна, урожденная Торновская, скончалась на 94-ом году жизни, после долгой болезни, 4-го января 2003 года. Вдова Федора Федоровича Захарина, кадета 8-го выпуска (1928 года) 1-го Р.В.К.К.К.К.К.

ЗИГЕРН-КОРН Георгий Анатольевич скончался 9 сентября 2002 года в Нью-Йорке. Был участником Освободительного Корпуса. Похоронен в Ново-Дивееве.

ИЗРАИЛОВА Галина Александровна скончалась 24 сентября 2002 года в г. Менло Парк, Калифорния. Вдова члена Объединения, кадета Тифлисского, Морского и Донского кадетских корпусов Анастасия Израилова. Похоронена на Сербском кладбище.

ИОРДАН Алексей Борисович скончался 20 августа 2002 года в Нью-Йорке. Редактор-издатель «Кадетской Переклички», вице-председатель Нью-Йоркского Объединения, вице-фельдфебель 21 выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновичаа кадетского корпуса. Похоронен на монастырском кладбище «Ново-Дивеево».

КАЛИНОВСКИЙ Игорь Георгиевич, доктор, скончался 19 августа 2002 года в Сан-Франциско после продолжительной болезни. Член Общества Ветеранов и член Общества Друзей Кадетского Объединения, всеми любимый и уважаемый врач. Похоронен на Сербском кладбище.

КИРЕЙ Владимир скончался 20 октября 2002 года Меллвиле, штат Нью-Джерси, США. Кадет 26 выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

КОВАНЬКО Георгий Александрович скончался 19 марта 2002 года в Сан-Франциско после тяжелой и продолжительной болезни. Член Объединения, в.у.о. 21 выпуска 1 Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса. Похоронен на Сербском кладбище.

КРАМАРЕВ Иван скончался в 2002 году в Германии, в возрасте 89 лет. Кадет Крымского и Первого Русского Великого князя Константиа Контантиновича корпуса, 11 выпуска.

МЕНЬШИКОВ Николай Николаевич скончался 10 июля 2001 года, в Буэнос Айресе. Кадет Версальского Кадетского корпуса, член Аргентинского Кадетского Объединения.

ПИСАРЕВ Георгий Вячеславович, есаул, скончался 16 ноября 2002 года в Новочеркасске от рака крови. Основатель и первый директор возрожденного в России Донского Императора Александра Третьего Кадетского Корпуса,

ПЛАХОВ Константин Феодорович скончался 21 октября 2002 года в Париже, в возрасте 95 лет. Кадет 7-го выпуска Крымского кадетского корпуса, старейшина Русского Сокола во Франции. Похоронен на кладбище «Trivaux» в Медоне.

РАЕВСКАЯ Нина скончалась 3 февраля 2002 года в Лос-Анжелесе. Вдова кадета Глеба Раевского. Похоронена на Голливудском кладбище.

РУМЯНЦЕВА Наталия Владимировна, урож. Янишевская. Скончалась 1го февраля 2003 года, на 98 году жизни в посёлке Роудон (недалеко от Монреаля, Канада). Зубной врач. Родилась в Санкт-Петербурге 30 июля 1904 года, своё начальное воспитание получила в Смольном Институте а потом перешла в Харьковский с которым и эвакуировалась в Югославию. В Белграде окончила медицинский факультет со специализацией по стоматологии. В 1938 г. переехала в Белую Церковь, где работала зубным врачом и лечила кадет в корпусе. Похоронена на русском кладбище в Роудон.

ФИЛАТЬЕВ Александр Александрович скончался 12 июля в Монтрее, Калифорния, после продолжительной болезни. Член Объединения, кадет 1 Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского выпуска, вице-унтер-офицер 15 выпуска. Похоронен на Монтерейском кладбище.

ЭЛЬСНЕР Алексей Евгеньевич скончался 1 июля 2002 году в Буэнос Айресе. Старший кадет Аргентинского Кадетского Объединения. Кадет Донского Кадетского Корпуса в России и Крымского Кадетского Корпуса в Изгнании. Окончил инженерный факультет в Праге. Сын генерал-лейтенанта Е. Ф. Эльснера, одного из основателей Русской Белой Армии. Вице-председатель «Комиссии для определения основных предпосылок для наименования Русский Кадетсий Корпус», учрежденной в 1995 году в Буэнос Айресе.

Царство Небесное! Вечная память!

А. Б. Иордан и председатель РОВС-а В. В. Гранитов, в Кадетском доме в Сан Франциско.

А. Б. Иордан и контр-адмирал Н. Н. Малов, у входа в Нахимовское военно-морское училище.

А. Б. Иордан приветствует генерала А. И. Лебедя в Синоде Русской Православной Церкви Заграницей, в Нью-Йорке, 19 ноября 1996 г.

А. Б. Иордан на уроках, в 2-ом Донском Императора Николая Второго кадетском корпусе, в Ростове на Дону, 9 мая 2001 г.

Панихида на могиле Генералиссимуса А. В. Суворова.

А. Б. Иордан в кадетских корпусах в России.

ПОХОРОНЫ А. Б. ИОРДАНА

Погребение на кладбище в Ново-Дивееве, под Нью-Йорком, 23 августа 2002 г.

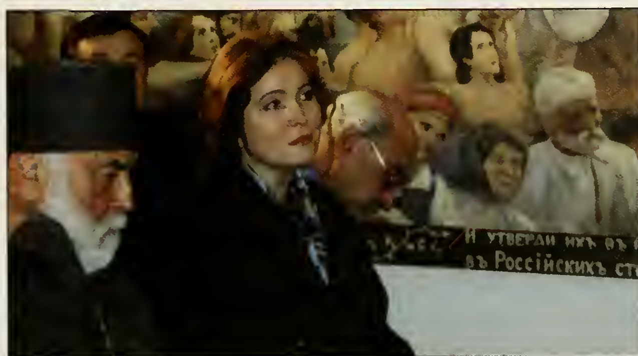
Знамя Сумского кадетского корпуса. Знамёнщик М. Лермонтов.

Вдова и семья А. Б. Иордана.

ГЕНЕРАЛ А. И. ЛЕБЕДЬ

Генерал Александр Иванович Лебедь в Синоде, в Нью Йорке, 19 ноября 1996 г.

Генерал Александр Иванович Лебедь в Синоде, в Нью Йорке, 19 ноября 1996 г.

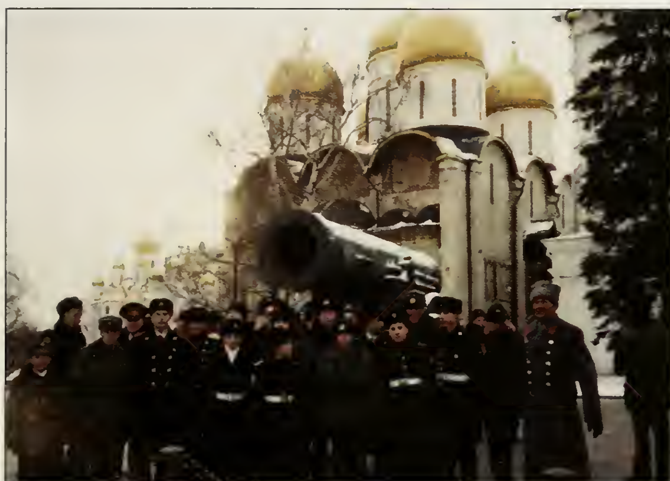


Супруга генерала Лебедя и о. Георгий Ларин, в Синоде.

Основоположник Возрождения Руских кадетских корпусов в России, основатель и первый директор возрожденного Донского Императора Александра Третьего кадетского корпуса, есаул Георгий Вячеславович Писарев (скончавшийся16 ноября 2002 года, в Новочеркасске), в разговоре с русским кадетом из Изгнания.

Слёт лучших кадет России, Москва 1 - 7 декабря 2001 г.

Слёт лучших кадет России, Москва 1 - 7 декабря 2001 г.



Кадеты Московского морского кадетского корпуса имени героев Севастополя, вместе с моряками крейсера «Адмирал Ушаков», у памятника адмиралу Ф. Ф. Ушакову, на месте усадьбы.

Донской Императора Александра Третьего кадетский корпус. Кадетский бал.

Парадный расчет 2-го Донского Императора Николая Второго кадетского корпуса.

Кадеты Воронежского В. К. Михаила Павловича кадетского корпуса.

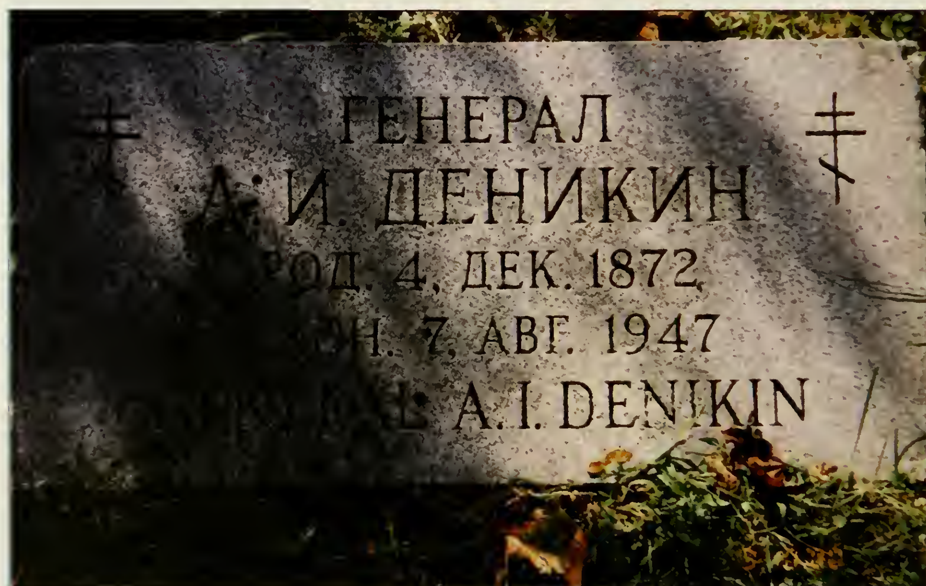
Красноярские кадеты, в гостях на Толстовской ферме, под Нью-Йорком.

Красноярские кадеты, в гостях на Толстовской ферме, под Нью-Йорком.

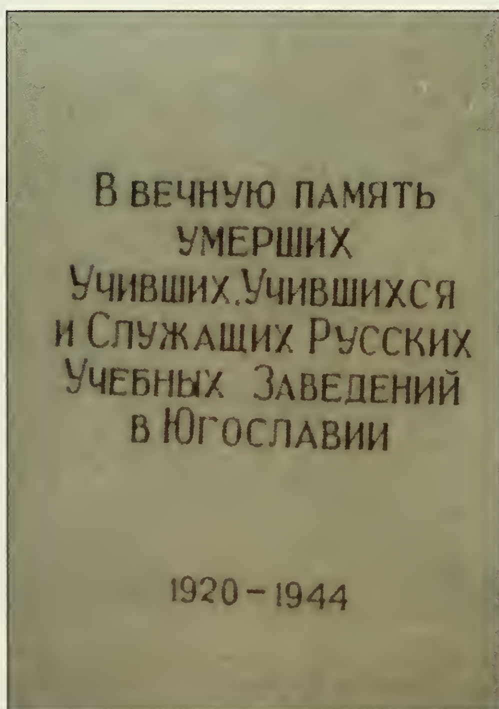
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Русская церковь в Белграде и памятник генералу П. Н. Врангелю.

Могила генерала А. И. Деникина, на Св. Владимирском кладбише, в Джэксоне (США).



Памятник на кладбище в Белграде.



Морской Акт в Кадетском зале, в Буэнос Айресе.
Доклад И. Н. Андрушкевича.

В Кадетском зале Аргентинского Объединения в Буэнос Айресе, 25 сентября 1995 года.
Слева на право: А. Е. Эльснер, А. П. Плищенко, И. Н. Андрушкевич, о. Владимир Шленев, А. Бехтеев (Бразилия), граф А. А. Коновницын, О. Н. Ауэ.